

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал рецензий № 2(15)/2018

Редакционная коллегия Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)
Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)
Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Члены редакционной коллегии АКСЕНОВ Владислав Бэнович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)
ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)
ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)
ТИХОНОВ Виталий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)
УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)
ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)
КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филол.н., доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакция журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105

Издатель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru
Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 73 00
Заказ № 1426
Дата подписания в печать 29.06.2018

В НОМЕРЕ:

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Национальная память. Нарративные шаблоны национальной памяти

- 9
15 ДЖ. ВЕРЧ
- «Учет особенностей национальных нарративов должен помочь политикам лучше понять своих собеседников по переговорам». Интервью с Дж. Верчем*
- Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины*
- 33
- Можно ли выйти за пределы нарративного шаблона? Русский взгляд на концепцию американского профессора. Обсуждение статьи Джеймса Верча «Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины»*

Актуальные проблемы национальной памяти зарубежных стран

- 72
- «В этой памяти нет агрессии, но есть боль и печаль из-за незнания, где находятся могилы твоих предков». Интервью с Р. Михневой*
- 82
- «При узконациональном взгляде на историю у нас не будет шансов достичь консенсуса». Интервью с Г. Дьяни*
- 90
- «Историки Румынии и России взаимодействуют гораздо лучше, чем политики». Интервью с И. Скурту*

Хроника исторической политики

- 100
- Страсти по юбилею. 140-летие освобождения Болгарии от османского владычества в российской и болгарской политической риторике*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

- 128 В.А. СОЛОНАРЬ
- Рец.: Kotkin S. Stalin. Vol. 1: Paradoxes of Power, 1878–1928 (New York: Penguin, 2014) xxi, 949 p. Vol. 2: Waiting for Hitler, 1929–1941 (New York: Penguin, 2017) xxix, 1154 p.*

Мир

- 145 **А.А. ИСЭРОВ** *Андские уроки. Рец.: История Боливии с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. Е. А. Ларин, А. А. Щелчков. М.: Наука, 2015. 699 с.*
- 155 **А.А. СОЛДАТОВ** *Историческая наука между Сциллой и Харибдой: советско-польские научные отношения в 1945–1964 гг. Рец.: Szumski J. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Instytut Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birkenmajerów Polskiej Akademii Nauk, 2016. 429 s.*
- 163 **Т.М. СИМОНОВА** *Рец.: Dymitri Filozofow. Pisma wybrane / Wybór i opracowanie: P. Mitzner. T. 1: Trudna Rosja (1902–1916). 299 s.; T. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936). 510 s. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015.*

Российская империя

- 183 **А.А. ТЕСЛЯ** *Лица и нормы: российские генерал-губернаторы в имперской политике и системе управления Центральной Азией. Рец.: Почekaев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.*
- 188 **С. Ф. УДАРЦЕВ** *Анархизм в российской революции. Рец.: Талеров П. И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860–1920-е гг. СПб.: Институт иностранных языков, 2016. 460 с.*

СССР

- 198 **В. ВЕНГЛЕВИЧ** *Рец.: Бенуа С. Александр Александров. Ансамбль и жизнь. М.: Алгоритм, 2017. 110 с. Rev.: Venia S. Aleksandr Aleksandrou. Ansambl' i zhizn'. Moscow: Algoritm, 2017. 110 p.*
- 204 **О. ЗУБКО** *Эмигранты и репатрианты XX в. Рец.: Слепухинские чтения – 2014: Труды международной научной конференции / [сост.: П. Н. Базанов, д. и. н.; ред.: Слепухина Н. А. (отв. ред.) и др.; вступ. ст. к. и. н. Владимира Юрьевича Черняева]. СПб.: Фонд Слепухина. ИД «Петрополис», 2015. 718 с.: ил.*

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА!

- 214 **М. В. БАТШЕВ, А. А. КУНИЦЫН** *Рец.: Понасенков Е. Н. Первая научная история войны 1812 года. М.: АСТ, 2017. 800 с. (Скандаль и истории)*

ИСТОРИЯ В УЧЕБНИКАХ

- 229 *Об освещении в учебниках для десятого класса событий 2014 г. на Украине и реакции в Совете Федерации РФ. Комментарии для ИЭ*
- 232 **Н. А. МОГИЛЕВСКИЙ** *Русская революция 1917 г. в российских школьных учебниках 1990–2000-х гг.*
- 240 **Я. И. МАЛЬЦЕВ** *«Странная политизация»: Ноябрьская революция в учебной литературе Германии*

САМООРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

- 258 *«Ассоциация исследований памяти надеется стать по-настоящему всемирным объединением, способствующим выдающимся исследованиям и научному обмену». Интервью с А. Зирп*
- 268 **С. В. ЖУРАВЛЕВ** *Миссия «Историков без границ»: о задачах, первых шагах и перспективах международной организации*

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

- 276 **И. А. ГРИНЬКО, А. А. ШЕВЦОВА** *«Дятел докладодобляющий» и другие животные: наука в зеркале советской карикатуры*

ИНСТИТУТ НАУЧНЫХ РЕПУТАЦИЙ

- 292 *«Диссернет» – это своего рода социология потери репутации в России». Интервью с А. А. Ростовцевым*
- 303 **С. Н. ЗЕНКИН** *Санация науки. Расширенная версия выступления на круглом столе «Казус Мединского», Санкт-Петербург, 24 ноября 2017 г.*
- 311 *«Путь может быть только такой: давление снизу, давление на руководство». Интервью с Д. А. Баяком*

МУЗЕИ И ВЫСТАВКИ

- 324 *Разные войны. Интервью с Н. А. Ломакиным, куратором выставки «Разные войны»*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 331 *«Моя обязанность члена диссертационного совета состоит в том, чтобы высказываться, если я вижу, что диссертация слабая». Интервью с С. А. Ивановым*
- 341 *«В 1612 народ объединился потому, что правящая элита была не в состоянии что-то сделать». Интервью с Б. Н. Флорей*

**ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ**

352

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

National memory. Narrative templates of national memory

9 “Taking into account the peculiarities of national narratives should help politicians to better understand their interlocutors in the negotiations”. Interview with James V. Wertsch

15 JAMES V. WERTSCH *Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine*

33 *Is it possible to go beyond the narrative template? Russian view of the concept of an american professor. Discussion about James V. Wertsch’s article “Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine”*

Actual problems of national memory of foreign countries

72 “There is no aggression in this memory, but there is pain and sorrow because of not knowing where the graves of your ancestors are”. Interview with R. Mikhneva

82 “With a narrow national view of history, we will not have a chance to reach a consensus”. Interview with G. Gyáni

90 “Historians of Romania and Russia interact much better than politicians”. Interview with I. Skurtu

Chronicle of historical policy

100 *Passion for anniversary. 140th anniversary of the liberation of Bulgaria from Ottoman rule in Russian and Bulgarian political rhetoric*

REVIEWS

Generalizing studies

128 V.A. SOLONARI *Rev.: Stephen Kotkin, Stalin Vol. 1: Paradoxes of Power, 1878-1928 (New York: Penguin, 2014) xxi, 949 pp. Vol. 2: Waiting for Hitler, 1929-1941 (New York: Penguin, 2017) xxix, 1154 pp.*

- The world**
- 145 **A.A. ISSEROV** *Andean lessons. Rev.: Istoriya Bolivii s drevneishih vremen do nachala XXI veka / Otv. red. E. A. Larin, A. A. Shelchkov. M.: Nauka, 2015. 699 s.*
- 155 **A.A. SOLDATOV** *Historical science between Scylla and Charybdis: the Polish-Soviet scientific relations in 1945-1964. Rev.: Szumski J. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Instytut Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birkenmajer w Polskiej Akademii Nauk, 2016. 429 s.*
- 163 **T.M. SIMONOVA** *Rev.: Dymitri Filozofow. Pisma wybrane / Wyb r i opracowanie: P. Mitzner. T. 1: TrudnaRosja (1902-1916). 299 s.; T. 2: Rosjaninw Polsce (1920-1936). 510 s. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardyna a Stefana Wyszy skiego, 2015*

The Russian Empire

- 183 **A.A. TESLYA** *Persons and norms: the Russian general-governors in the Imperial policy and the management system of Central Asia. Rev.: Pochekaev R. Yu. Gubernatory i hany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Central'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. – M.: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2017. – 384 s.*
- 188 **S.F. UDARTSEV** *Anarchism in the Russian revolution. Rev.: Talerov P. I. Klassicheskii anarchizm v teorii i praktike rossiiskogo revolyucionnogo dvizheniya. 1860-e – 1920-e gg. Monografiya. – SPb.: Institut inostrannyh yazykov, 2016. – 460 s.*

USSR

- 198 **V. VENGLEWICZ** *Rev.: Benua S. Aleksandr Aleksandrov. Ansambl' i zhizn'. M.: Izdatel'stvo "Algoritm", 2017. 110 s.*
- 204 **O.E. ZUBKO** *Emigrants and repatriates of the 20th century. Rev.: Slepuhinskie chteniya – 2014. – SPb.: Fond Slepuhina. ID "Petropolis", 2015. – 718 s., il.*

ATTENTION: TRASH!

- 214 **M.V. BATSHEV, A.A. KUNITSYN** *Rev.: Понасенков Е. Н. Первая научная история войны 1812 года. М.: АСТ, 2017. 800 с. (Скандалы истории)*

HISTORY IN TEXTBOOKS

- 229 *The coverage in textbooks for the 10th grade of the events of 2014 in Ukraine and the reaction of the Federation Council. Comments for IE*

- 232 **N.A. MOGILEVSKY** *The Russian revolution of 1917 in Russian school textbooks of the 1990–2000.*
- 240 **Ya. I. MALTSEV** *“Strange politicization”: the November revolution in the educational literature of Germany*
-

SELF-ORGANIZATION OF SCIENCE

- 258 *A. Sierp: “The Association of memory studies hopes to become a truly global Association promoting outstanding research and scientific exchange”*
- 268 **S. V. ZHURAVLEV** *Mission of “Historians without borders”: aims, first steps and prospects of the international organization*
-

SOCIAL PROBLEMS OF HUMANITIES

- 276 **I. A. GRINKO, A. A. SHEVTSOVA** *“Woodpecker lecturer” and other animals: science in the mirror of the Soviet caricature*
-

INSTITUTE OF SCIENTIFIC REPUTATIONS

- 292 *“The “Dissernet” – a kind of sociology of loss of reputation in Russia”. Interview with A.A. Rostoutsev*
- 303 **S. N. ZENKIN** *Sanation of science. (Extended version of the speech at the round table “Case of Medinsky”, St. Petersburg, November 24, 2017.)*
- 311 *“The only way must be: pressure from below, pressure on the leadership”. Interview with D.A. Bayuk*
-

MUSEUMS AND EXHIBITIONS

- 324 *Different wars. Interview with N. A. Lomakin - curator of the exhibition “Different wars”*
-

HISTORIAN'S TIME

- 331 *“My duty as a member of the dissertation Council is to speak out if I see that the thesis is weak”. Interview with S. A. Ivanov*
- 341 *“In 1612 the people united because the ruling elite was not able to do something”. Interview with B. N. Floria*

- 352 **REQUIREMENTS FOR PUBLICATION OF ARTICLES AND DOCUMENTS**

«УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАРРАТИВОВ ДОЛЖЕН ПОМОЧЬ ПОЛИТИКАМ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ СВОИХ СОБЕСЕДНИКОВ ПО ПЕРЕГОВОРАМ». Интервью с Дж. Верчем

Беседовал С. Е. Эрлих

Ключевые слова: семейная память, коллективная память, Л.С. Выготский, концепция нарративных шаблонов, российско-американские отношения.

Аннотация. В своем интервью Джеймс Верч рассказывает о своих семейных корнях, о возникновении интереса к русской культуре, о стажировке в СССР, о своих исследованиях творчества Л.С. Выготского и о своих переводах трудов выдающегося российского психолога. Особое внимание уделяется различию российского и американского нарративных шаблонов. Верч считает, что понимание этих различий имеет не только научный интерес. Анализ российско-американских отношений в свете концепции нарративных шаблонов может иметь и прикладное значение.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-9-14

Джеймс Верч является автором книг:

• *Vygotsky and the Social Formation of Mind.* Harvard University Press, 1985

• *Voices of the Mind: Sociocultural Approach to Mediated Action.* Harvard University Press, 1993

• *Mind as Action.* Oxford University Press, 1997

• *Voices of Collective Remembering.* Cambridge University Press, 2002

© Историческая Экспертиза, 2018

Верч Джеймс – профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе (США);
jwertsch@wustl.edu

С. Э. Расскажите немного о вашей семейной памяти. Кто были ваши предки и когда они переехали в Америку?

Дж. В. У меня немецкая фамилия, но я не знаю немецкого языка и не знаю, когда точно мои предки приехали из Германии. Моя мать происходит из шведской семьи, и известно, что ее предки переселились в XIX в. Я, например, знаю, что мой прапрадед по материнской линии убил религиозного проповедника в Иллинойсе. История моей семьи — типичная американская история, когда люди, жившие неблагополучно в других странах, переезжали в США в поисках лучшей доли.

Я родился в Нью-Йорке на Лонг-Айленде, где мой отец работал в крупной авиакомпании Trans World Airlines (TWA), которой уже не существует. Но я мало что помню о моем детстве в Нью-Йорке. Так как, когда мне было четыре года, наша семья (отец, мать и сестра) вернулась в Иллинойс, где отец держал ферму. Я вырос на этой ферме в крошечном поселке недалеко от Чикаго. В то время у меня не было никаких связей ни с Германией, ни с Швецией, ни тем более с Советским Союзом.

С. Э. Почему вы заинтересовались русской культурой?

Дж. В. Я окончил школу в родном поселке и поступил в Иллинойский университет в Урбана-Шампейн, где начал изучать русский язык. Это был мой выбор, не связанный с требованиями обязательной учебной программы. Многие удивляются тому, что я заинтересовался русской куль-

турой, не имея никаких семейных связей с Россией. Когда я сегодня задумываюсь, почему тогда выбрал русский язык, то мне на ум приходит следующее объяснение. В 1957 г., когда мне было 10 лет, СССР запустил спутник. Я был чрезвычайно впечатлен этим, как и большинство людей в то время. Я не был просоветски или промарксистски настроенным. Просто, как и многие американские студенты тогда, я был восхищен Россией, и мне хотелось посетить СССР. Летом 1967 г., когда я, будучи студентом, работал на каникулах в Швеции, мне посчастливилось совершить десятидневную туристическую поездку в Ленинград и Москву. До середины 1970-х, когда я окончил университет и защитил диссертацию по психологии в Чикагском университете, у меня не было профессионального интереса к России. Все изменилось, когда я стал участником программы IREX фонда Фулбрайта. Они искали людей, которые не являются специалистами в советских исследованиях, но имеют подготовку в социальных науках и могут поехать на стажировку в СССР. Так я сперва оказался на курсах русского языка в Мидлборо, а потом в 1975–1976 провел год по программе научного обмена в Москве.

В Москве я стажировался на психологическом факультете МГУ и в Институте языкознания АН СССР. Мне посчастливилось общаться с такими выдающимися учеными, как А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев, В. П. Зинченко. До приезда в СССР я был знаком с идеями Л. С. Выготского и лишь слышал о М. М. Бахтине и В. Н. Волошинове. В ходе стажировки мои научные представления изменились корен-

ным образом. Надо отметить, что советская психология и русская школа исследований культуры кардинально отличаются от подходов, принятых в американской науке.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о ваших переводах работ Выготского и ваших исследованиях, посвященных его творческому наследию.

Дж.В. В 1976 г. я вернулся из Москвы и получил место профессора в Северо-Западном университете во все том же Иллинойсе, где я провел 9 лет. Там я перевел большую подборку статей различных советских авторов, которая вышла в 1981 г. в нью-йоркском издательстве «M. E. Sharpe Inc» в виде книги под названием «The concept of activity in Soviet Psychology» (Теория деятельности в советской психологии). В книгу вошли статьи Выготского, Леонтьева, Зинченко и других советских ученых. Я также перевел и в качестве редактора английского издания написал предисловие к книге Лурии «Язык и сознание» (Luria A.R. Language and cognition. New York: Wiley Intersciences, 1982).

После этого я стал писать свою первую книгу, вдохновленную идеями Выготского и отчасти Лурии: «Vygotsky and the Social Formation of Mind» (Выготский и социальные предпосылки формирования психики). Она вышла в 1985 г. в издательстве Гарвардского университета. Надо сказать, что к тому времени американские психологи несколько подустали от подходов Хомского и индивидуалистической психологии. Книга вышла в нужное время и была востребована. Идеи

Выготского были восприняты многими американскими учеными. Моя вторая книга «Voices of the Mind Sociocultural Approach to Mediated Action» также вышла в издательстве Гарвардского университета. Она была переведена на русский: *Верч Дж.* Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию / Институт «Открытое общество». М.: Трикола, 1996. После работы с наследием Выготского я также увлекся творчеством Бахтина, который стал моим героем и повел меня в другом направлении.

С.Э. Почему вы перешли к исследованиям коллективной памяти?

Дж.В. Для этого я должен реконструировать собственный нарратив. Пребывание в Советском Союзе было для меня восхитительным временем. Несмотря на шпиономанию холодной войны, из-за которой я мог посещать далеко не все места, советские люди были очень щедры и внимательны ко мне. Я прекрасно помню замечательные банкеты с водкой и «закуской». У меня было много друзей. В общении с ними я обратил внимание, что многие вещи они осмысливают по-другому, нежели американцы. Основываясь на идеях Выготского, Лурии, Зинченко, позже Г.Г. Шпета и других, я старался понять, почему русские и американцы мыслят по-разному.

В 1987 г., когда я работал в Калифорнии в университете Сан-Диего, я впервые посетил Израиль. Там я, в числе других достопримечательностей, увидел Музей истории диаспоры со множеством интересных экспонатов, в частности из знаменитой

Пражской синагоги. Я зашел в зал, где расположен библиотечный каталог, и был поражен зрелищем множества сотрудников, которые работают с тысячами записей на карточках. Благодаря им можно восстановить откуда и куда передвигались твои предки. Многие американские евреи, даже не будучи религиозными, приезжают в Израиль с целью узнать свою семейную историю. Израиль таким образом выстраивает мастер-нарратив истории и памяти, создает связи между членами еврейской общины через общее прошлое. Это чувство цепи предков сильно отличается от моего американского самоощущения изолированного индивида. Таким образом Музей диаспоры эффективно формирует идентичность. Это не стихийная память, это целенаправленный проект коллективной памяти.

После этого я стал думать, какие параллели израильского проекта могут быть применены к России и Америке. Таким образом я пришел к исследованию вопросов национальной памяти, национальных нарративов и национальной идентичности.

С.Э. Почему многие ваши исследования коллективной памяти посвящены России?

Дж.В. Даже в свои семьдесят лет я продолжаю восхищаться русскими, первыми запустившими искусственный спутник Земли. И это поддерживает мой интерес к русской культуре. Я не специалист в русской истории. Но я много занимался научными идеями русских психологов и ментальной жизнью русских. Во-вторых, я, уже говорил, что

в 1975–1976 провел год в Москве и имел возможность общаться с русскими и увидеть, чем их базовые представления отличаются от взглядов американцев. В последующие годы я бывал в России и продолжал свои наблюдения. Разумеется, сказало знание русского языка. Есть много интереснейших проектов национальной памяти. Одна Испания с ее памятью о гражданской войне чего стоит. Но было бы сложно без знания языка заниматься проектами памяти, на которых основана, скажем, китайская, японская или бразильская идентичность.

С.Э. Ваша идея, что главным нарративным шаблоном для русских является «Изгнание-чужеземного-врага», представляется чрезвычайно продуктивной. В видеозаписи одной из ваших лекций и в одной из ваших рецензий вы упоминаете американский нарративный шаблон «Град-на-холме». Собираетесь ли вы исследовать эту тему?

Дж.В. Я вместе с рядом моих коллег участвую в большом проекте, посвященном памяти о Второй мировой войне в различных странах. И в нем американский нарративный шаблон рассматривается в сравнении с русским и китайским шаблонами. Исследование основывается на опросах общественного мнения и позволяет получить ряд интересных результатов. Например, русские респонденты в наибольшей мере, в сравнении с остальными, осведомлены о деталях войны. Говоря об американском нарративе, надо упомянуть о готовящейся к изданию в издательстве Йельского университета замечательной книге моего молодого кол-

леги из Департамента английского языка Абрама ван Энгена (Abraham van Engen), посвященной пуританскому проповеднику XVII в. Джону Уинтропу, автору нарратива «Град-на-холме». Я думаю, что было бы очень интересно сравнить русские и американские нарративные шаблоны. Я считаю, что следование нарративу «Град-на-холме» — маяку свободы и демократии для всего человечества, приводило не только к положительным, но и к отрицательным последствиям. Одно дело, когда народы добровольно подражают Америке, и совсем другое, когда американцы силой навязывают им свои порядки. По моему мнению, этот нарратив играет важную роль в американском обществе, поскольку на протяжении трех веков политики самых разных взглядов успешно мобилизуют общественное мнение для решения тех или иных политических задач. То же самое делают политики в других странах, например Путин или Макрон, но они используют для этого нарративные шаблоны своих наций. Было бы чрезвычайно полезно, если бы русские исследователи рассмотрели американский нарративный шаблон со своей точки зрения. В той же мере американцам полезно изучать русский национальный нарратив, чтобы через его зеркало лучше понять себя. Понимание того, как чужой нарративный шаблон влияет на картину мира, позволяет задуматься о том, а как национальный нарратив твоей страны влияет на восприятие и поведение твоих сограждан?

С. Э. Ваш подход к нарративному шаблону очень близок к пониманию мифа как священного образца деятельности, которое принад-

лежит Мирче Элиаде. Он преподавал в Чикаго, когда вы учились неподалеку в Урбана-Шампейн. Встречались ли вы с ним?

Дж. В. Я никогда с ним не встречался и читал его работы уже после окончания университета. Я согласен, что нарративный шаблон включает в себя сильные мифологические тенденции. Но я не использую слово «миф», поскольку в английском языке оно часто выступает синонимом слова «ложь». Кроме того, я подхожу к нарративному шаблону с точки зрения т.н. «быстрого мышления». В психологии этот процесс рассматривается в терминах «схем» жизненного опыта, определяющих те или иные решения. Поскольку я — психолог, то мой «нарративный шаблон» в большей мере связан с психологическим концептом «схемы». При этом я согласен, что понятия «миф», «национальная традиция», «схема» — взаимосвязаны. Тем не менее есть важное отличие. Глубинные структуры, условно говоря, «коллективного бессознательного» психологии Карла Юнга, простирающиеся в структуре «волшебной сказки» Владимира Проппа и «метаистории» Хейдена Уайта, носят универсальный характер, являются принадлежностью всего человечества. Нарративный шаблон относится к политическому мышлению и позволяет отличить, скажем, русских от американцев или китайцев. Т.е. он залегает не столь глубоко, как «глубинные структуры».

С. Э. Можем ли мы считать, что нарративный шаблон является опосредованием между глубинными структурами и конкретными нарративами?

Дж. В. В какой-то мере это так. На основе нарративных шаблонов создаются конкретные нарративы. Но, с другой стороны, нарративный шаблон – это не совсем абстракция, он содержит большой объем информации, включающей опыт прошлого, важный с точки зрения конкретной нации.

С. Э. В своей статье, перевод которой публикуется в этом номере нашего журнала (Верч Дж. Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины), вы упоминаете, что концепция нарративного шаблона имеет не только сугубо академический интерес, но может повлиять на улучшение международных отношений.

Дж. В. Я помню, что во время знаменитых банкетов в Москве я общался со множеством замечательных людей, которые делились со мной интереснейшими идеями. Многие из них очень доброжелательно относились к Америке. Но время от времени я ловил себя на том, что не могу поверить в то, что они говорят. Мне тогда казалось, что это результат «промывки мозгов» усилиями государственной пропаганды. Уверен, что они думали то же самое по поводу некоторых из моих высказываний. Теперь я понимаю, что это результат воздействия нарративных шаблонов на их и мои интерпретации тех или иных событий. Учет особенностей национальных нарративов должен помочь политикам лучше понять своих собеседников по переговорам и содействовать улучшению международных отношений.

“TAKING INTO ACCOUNT THE PECULIARITIES OF NATIONAL NARRATIVES SHOULD HELP POLITICIANS TO BETTER UNDERSTAND THEIR INTERLOCUTORS IN THE NEGOTIATIONS”.
INTERVIEW WITH JAMES V. WERTSCH

Wertsch James V. – professor, Department of Anthropology Washington University in St. Louis (USA)

Key words: family memory, collective memory, Lev Vygotsky, the concept of narrative templates, Russian-American relations.

Abstract. In his interview James Wertsch talks about his family roots, about the origin his interest in Russian culture, about his postgraduate studies in the USSR, about his researches of the Lev Vygotsky ideas and the translations of his works. Special attention is paid to the differences between Russian and American narrative templates. Wertsch believes that understanding these differences has not only an academic interest. The analysis of Russian-American relations in the light of the concept of narrative templates can have a practical use as well.

Дж. Верч

НАРРАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ИСТИНА И БЫСТРОЕ МЫШЛЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: МНЕМОНИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ ПО ПОВОДУ УКРАИНЫ*

Пер. с англ. С. Е. Эрлих

Ключевые слова: коллективная память, национальная память, символическое опосредование, быстрое мышление, Россия, Украина, мнемоническое противостояние.

Аннотация. Анализ нынешнего конфликта между Россией и Украиной часто сосредоточен на взглядах лидеров. При этом упускается из виду, что эти взгляды “опосредуются” символами национальных сообществ. В данном случае вопрос рассматривается с точки зрения нарративных инструментов, которые выступают “соавторами” заявлений национальных лидеров. Для исследования этих инструментов и их роли в российском мнемоническом сообществе привлекаются идеи Льва Выготского и Эрнста Кассирера. Это требует не ограничиваться рассмотрением нарратива, лежащего на поверхности, и обратиться к глубинным ментальным стереотипам национального сообщества. В случае России речь идет о нарративном шаблоне “Изгнание-чужеземного-врага”. Этот глубинный код основан на историческом опыте и применяется для придания смысла многим событиям российского прошлого. Его влияние основано скорее на “быстром мышлении”, чем на рефлексии, и он скрытно воздействует на “мнемоническое противостояние” между Украиной и Россией.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-15-32

© Верч Дж., 2018

* Первая публикация: *Wertsch J. V. Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine.* In Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds., *Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives.* Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2017. P. 233–248.

ВВЕДЕНИЕ

В 2014 г. США и Европа с удивлением обнаружили, что находятся в состоянии жесткого столкновения с Россией по поводу Украины. Развитие событий показало, что причины чрезвычайного обострения отношений между Россией и Западом не сводятся к борьбе за ресурсы или идеологическому противостоянию. За этим кроется нечто глубоко инстинктивное, нечто, заставляющее многих наблюдателей признаться, что они не в состоянии объяснить агрессивное поведение России.

Германский канцлер Ангела Меркель поведала Бараку Обаме, что российский президент Владимир Путин «утратил связь с реальностью». Это заявление особенно удручает, поскольку считается, что она лучше всех западных лидеров понимает российскую точку зрения.

Едва ли не нарочитое пренебрежение, которое Путин демонстрирует в ответ на предостережения США и европейских лидеров по поводу опасных последствий предпринимаемых им шагов, ведет к многочисленным спекуляциям по поводу причин такого поведения. После многих лет прагматичной геополитической игры, которая была понятна, хотя не всегда приемлема для Запада, Путин начал действовать так, словно перенесся в иную реальность. Он потратил годы, добиваясь полноценного участия в организациях, подобных G8, чью встречу он планировал приурочить к Зимней олимпиаде в Сочи. Но в 2014 г. он отверг это все ради особой миссии, смысл которой мало кто на Западе сумел понять.

Вашингтонский «Политико Магазин» посвятил свой выпуск от 13 марта 2014 г. подборке материалов под общим названием «Путин на кушетке (психоаналитика)»¹. Порядка двух дюжин журналистов, отставных дипломатов и других экспертов в российской политике строили предположения, почему Путин столь беспечно игнорирует возражения Запада и проводит политику, которая чревата для него серьезными проблемами. Один из журналистов писал, что поведение Путина просто озадачивает, и назвал его «сумасшедшим, расчетливым и своенравным в одно и то же время». Другие объясняли его поведение приверженностью теориям заговора, расчетливостью, пессимизмом, паранойей, неприязнью Запада, неуверенностью, повышенной чувствительностью, суровым воспитанием, полученным на улицах Ленинграда.

Разумеется, личные свойства Владимира Путина сказались на его геополитической повестке, но в конечном счете не они определяли характер его действий. Я стараюсь показать, что многое из сказанного им в ходе конфликта с Западом по поводу Украины возникло под воздействием глубинного национального нарратива, который на протяжении веков является неотъемлемой частью русской культуры.

Екатерина Великая, которая присоединила Крым к России в 1783 г., считала, что единственный путь за-

¹ Putin on the Couch. Politico Magazine. 2014. March 13. URL: www.politico.com/magazine/story/2014/03/putin-on-the-couch-104647.

щитить свою страну состоит в расширении ее пределов.

Это положение продолжает находить отклик среди «верхов» и «низов» современной России. Для объяснения позиции Путина и ее широкой общественной поддержки необходимо понять тот «социальный язык» (Wertsch 2002), который российские граждане разделяют как члены «мнемонического сообщества» (Zerubavel 2003). Этот социальный язык, построенный из набора нарративных инструментов, формирует речь и мышление по поводу прошлого и настоящего и отличает одно мнемоническое сообщество от других.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ²

Концентрация внимания на «безумных» заявлениях Путина и его «хладнокровной, расчетливой личности» упускает из виду решающее обстоятельство, способное объяснить его действия. Вместо сосредоточения на личности Путина, сколь бы «атомизированной» (Taylor 1985) и «ненагруженной» (Sandel 2010) она ни была, необходимо выявить нарративные инструменты, которые формируют его образ мысли; вместо того, чтобы укладывать его «на кушетку», необходимо рассмотреть, каким образом принадлежность к российскому мнемоническому сообществу отражается в его мышлении.

С этой точки зрения нарративные инструменты выступают своего рода «соавторами» высказываний Путина³. Для понимания смысла этих высказываний мы должны осознать, какие инструменты кроются за ними. Глубинное отличие Путина от других западных лидеров во многом основано на различиях между мнемоническими сообществами, к которым они принадлежат, и нарративными инструментами, используемыми этими сообществами. Исследование этого вопроса выходит за академические рамки, поскольку оно позволяет обуздать то опасное противостояние, которое возникло между Россией и Западом по поводу Украины.

Предлагаемый мной подход к символическому опосредованию опирается на исследования Л. С. Выготского (1934, 1978, 1982), которые необходимо рассматривать в контексте широкой дискуссии, протекавшей в России, Германии и Европе в XIX и XX вв. Эта дискуссия в значительной мере определяется такими фигурами, как немецкий философ Эрнст Кассирер (Cassirer 1944, 1946, 1955) и Г. Г. Шпет (Шпет 1927), который был русским учеником Эдмунда Гуссерля и учителем Выготского. Хотя официальные советские психологи часто критиковали «недостаточно материалистические» взгляды Кассирера, его идеи оказали большое воздействие на Выготского, М. М. Бахтина (1986) и многих других, кто жил и писал в советском контексте.

² Подробнее о формах опосредования, вовлеченных в национальные нарративы, см.: (Garagozov 2017).

³ Такое «соавторство» является частью более широкого бахтинского вопроса: «Кто производит высказывание?» (Wertsch 1991: 53), с ответом, что это всегда больше чем один голос.

Их всех объединяет подход к человеку как животному, пользующемуся орудиями, поэтому для понимания сущности речи и мышления необходимо принимать в расчет «опосредование» или «культурный инструмент» (Wertsch 2002).

Выготский и другие, в том числе А.Р. Лурия (1976, 1980), отводили роль культурного орудия прежде всего естественному языку. Следуя по стопам Александра фон Гумбольдта, Кассирера и других филологов и семиотиков, Выготский и Лурия расширили сферу применения психологических методов исследования таким образом, что сегодня мы можем прилагать выводы психологии и когнитивной науки к масштабной картине национальной памяти.

В своих работах Выготский неоднократно говорил о центральной роли, которую опосредование играет в процессе мышления. На мой взгляд — это ключ к пониманию уникальной мощи его идей (Wertsch 1985, 1991). В одном из своих последних текстов он утверждал: «Центральный факт нашей психологии — факт опосредования» (Выготский 1982: 166). Эта тема находится в центре его многолетних размышлений. Сосредоточенность на опосредовании, особенно в том, что касается «знаков» или «психологических орудий», можно обнаружить во всех его текстах. В докладе «Инструментальный метод в психологии» (1930) он дает общий перечень «знаков»: «Язык, различные формы нумерации и счисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическая символика, произведения искусства, письмо,

схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т.д.» (Там же: 103).

Эти культурные инструменты «по своей природе <...> социальные, а не органические или индивидуальные приспособления» (Там же), поэтому в процессе овладения ими наши речь и мышление социализируются применительно к конкретному культурному и историческому строю жизни. Выготский подчеркивал, что это овладение приводит именно к трансформации, а не к простому совершенствованию уже усвоенных навыков социального и ментального взаимодействия: «Будучи включено в процесс поведения, психологическое орудие так же видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, определяя своими свойствами строение нового инструментального акта, как техническое орудие видоизменяет процесс естественного приспособления, определяя форму трудовых операций» (Там же).

Идеи Выготского в нескольких важных отношениях перекликаются с положениями Кассирера, производя при этом полезный синергетический эффект. Исходной точкой для Кассирера является отрицание «наивной теории копирования в познавательной деятельности» (Cassirer 1955: 75). Говоря о способах, которыми наука взаимодействует с окружающим миром, он, например, отмечает, что «инструменты, с помощью которых она предлагает обсуждать вопросы и формулировать свои выводы, необходимо рассматривать не как образы пассивного отражения ре-

альности, но как символы, сотворенные самим интеллектом» (Ibid). С этой точки зрения человеческие познание и действие формируются под воздействием «символических форм», которые включают язык, но им не ограничиваются.

Основной пункт, где Кассирер идет дальше Выготского, основан на утверждении, что символические формы порождают «проклятие опосредования». Подразумевается, что пользование ими приводит к часто неосознаваемым издержкам. При таком подходе пользование нарративными инструментами подобно обоюдоострому мечу, поскольку «все символизмы несут в себе проклятие, по причине которого они вынужденно затемняют то, что пытаются прояснить» (Cassirer 1946: 7). С учетом анализа Выготского, согласно которому язык является опосредованием социальной и ментальной жизни, это предполагает, что быть человеком — значит использовать культурные инструменты, не только улучшающие, но и ограничивающие наше понимание, в том числе и понимание прошлого. Здесь на ум приходит афоризм У. Дж. Т. Митчелла: «не бывает представительства без уплаты налогов» (Mitchell 1990)⁴, который особенно уместен в отношении национальных нарративов и памяти.

Кассирер развивал свои положения, подчеркивая, что ключевую роль в познании прошлой и современной социальной и ментальной жизни

людей играют такие символические формы, как миф, искусство и наука. Один из главных интерпретаторов Кассирера Сюзан Лангер суммирует основные положения его работ, отмечая, что для него:

«История мышления состоит прежде всего из постепенного овладения фактической, буквальной и логической составляющими восприятия и выражения. Очевидно, что единственным средством для достижения этих целей является язык. Нельзя забывать, что этот инструмент имеет двойственную природу. Синтаксические тенденции языка снабжают нас законами логики, но приоритет имен в его структуре гипостазировывает мышление по правилам мифа, который является феноменом-близнецом языка. Эта двойственность, с одной стороны, позволяет выйти за пределы мифологического и эмотивного мышления, с другой — все время возвращает нас обратно. Это в одно и то же время — рассеивающийся и мягкий свет, показывающий нам внешний мир фактов, и вместе с тем интенсивный свет душевных светильников, бросающих блики и тени на фантастический мир переживаний нашего раннего опыта» (Langer 1958: 391–392).

В некоторой степени эти рассуждения переключаются с идеями, которыми руководствовались Выготский и его ученик Лурия в ходе эмпирических исследований в Средней Азии в 1920-е гг. Обращаясь к противоположности того, что можно назвать синтаксическими и гипостазированными тенденциями языка, они описывали, как различаются «теоретические» и «практические»

⁴ Здесь обыгрывается популярный лозунг времен Американской революции: «Нет налогов без представительства» (прим. переводчика).

формы мышления и как высшие психические формы развиваются из «элементарных» процессов. Однако, в отличие от Выготского, который подчеркивал, что достижения высших форм мышления позволяют обособить их от элементарных форм, Кассирер доказывал, что даже самые продвинутые формы абстрактного мышления удерживают в себе те элементы, которые Лангер назвала «сферой мифологической и эмотивной мысли».

Взятые вместе идеи Выготского и Кассирера предполагают мир, в котором речь и мышление формируются символическим опосредованием или культурными инструментами, предоставленными историческим, институциональным и культурным контекстами. Это мир, в котором ментальная и социальная жизнь определяются социокультурной ситуацией, поскольку она опирается на эти инструменты, включая нарративы, и эти инструменты множеством способов формируют наше мышление и речь. В этом контексте «двойственная природа» языка играет сложную роль в формировании нарративов и памяти. С одной стороны, то, что Лангер назвала «синтактической тенденцией», придает логику нашему пониманию прошлого, но с другой — эти же самые нарративные инструменты «толкают нас назад» к «гипостазирующему пути мышления», который связан с мифом.

Важно отметить, что в данном подходе культурные инструменты не определяют автоматически речь и мышление. Само понятие инструмента подразумевает активного поль-

зователя, а также элементы вариативности и свободы, происходящие из уникальных контекстов действия.

Бахтин утверждал это в своих рассуждениях по поводу речевого высказывания или «текста» (Bakhtin 1986). По его мнению, любой текст порождает напряжение между двумя полюсами: между уже существующей «языковой системой», которая обеспечивает «повторяющиеся» моменты высказывания, и индивидуальной речью, обусловленной уникальной ситуацией, которая порождает «неповторимые» моменты. Все высказывания подвержены влиянию двух этих полюсов, но их относительный вес может широко варьироваться. Например, военные команды в значительной мере опираются на языковую систему и оставляют мало пространства для спонтанности. В то же время неформальные повседневные разговоры в большей мере опираются на неповторяющийся, спонтанный полюс.

НАРРАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО МНЕМОНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Возвращаясь к заявлениям Путина по поводу событий 2014 г. на Украине, следует признать, что его высказывания были сформированы нарративными инструментами его мнемонического сообщества. Поэтому есть смысл рассмотреть эти инструменты. Тот факт, что речь Путина по поводу аннексии Крыма приобрела огромную популярность, свидетельствует о существовании общих нарративных инструментов, которые связывают его с россий-

скими гражданами и отделяют их от других сообществ. Каковы эти нарративные инструменты и почему их власть так велика?

Один из важнейших нарративов, объединяющий российское мнемоническое сообщество, обусловлен повторяющимися иноземными вторжениями. Согласно ему, враги причиняют величайший ущерб, но в итоге терпят поражение благодаря героическим усилиям русского народа, вдохновляемого уникальным духовным наследием. Весь мир наблюдал, какую роль этот нарратив сыграл в ходе героической борьбы советских людей против Гитлера, но для русских этот эпизод — всего лишь одно из бесчисленных воспроизведений нарративного шаблона.

Для них эта же самая история неоднократно разыгрывалась на протяжении веков, при участии монголов и «немцев» (тевтонских рыцарей) в XIII в., поляков в XVII в., шведов в XVIII в., французов в XIX в. и снова немцев в XX в.

Национальная память вдохновляет русских на совершенствование традиционного сюжета, или «нарративного шаблона» (Wertsch 2002), благодаря которому различные события интерпретируются ими сходным образом, а именно как внешние угрозы. Это происходит даже в тех случаях, когда другими эти события воспринимаются как очевидное проявление российской агрессии. Длинный список травматических событий, пережитых русскими в ходе вторжений монголов, французов и немцев, предоставляет убедительный аргумент в пользу развития по-

добной традиции памяти. По моему мнению, такой обобщающий взгляд на прошлое нельзя считать бесосновательным продуктом воображения. Россия действительно не раз переживала иноземные вторжения. В ходе бесконечного, на протяжении веков, пересказа этих событий возник обобщающий схематический нарративный шаблон, который широко и автоматически используется членами этого мнемонического сообщества для осмысления не только прошлого, но и настоящего. Опираясь на массив свидетельств (Ibid), я сформулировал основные положения нарративного шаблона «Изгнание-иноземного-врага»:

1. «Начальная ситуация», миролюбивая Россия не вмешивается в чужие дела.
2. «Беда», чужеземные враги коварно атакуют Россию, которая их никак не провоцировала.
3. Враги пытаются уничтожить уникальную российскую цивилизацию, и она оказывается на грани гибели.
4. Проявляя исключительный героизм, Россия без чьей-либо поддержки, вопреки всем обстоятельствам, одерживает победу, изгоняя врагов со своей территории.

Этот глубинный код постоянно используется российским мнемоническим сообществом для осмысления не только событий прошлого, но и событий настоящего, подобных происходившим в Крыму в 2014 г. Вместо того, чтобы усматривать в них акт агрессии и аннексии чужой территории, Путин и, вероятно,

большинство русских восприняли действия России в Крыму как вынужденный ответ на внешнюю угрозу. С их точки зрения европейские и американские деятели откровенно подбивали украинских националистов порвать с Россией, для того чтобы НАТО или по меньшей мере силы, дружественные НАТО, могли получить прямой доступ к еще одному участку российской границы. Подобные интерпретации преобладали в России и при объяснении причин войны с Грузией 2008 г. С российской точки зрения Грузия не имела самостоятельного значения, но рассматривалась как наконечник копья, которым НАТО стремилось поразить Россию с ее южного фланга.

Опытные дипломаты и политические лидеры понимают необходимость учитывать данный подход, когда они имеют дело с Россией. Ангеле Меркель пришлось иметь в виду это обстоятельство в ходе действий России в Крыму. Она привыкла, что русские видят врагов там, где другие их не замечают, но она также привыкла к тому, что российский лидер может признавать другие точки зрения и рационально взвешивать последствия действий, которые могут быть популярны внутри страны, но вести к ущербу в международных отношениях. В данном случае Путин, казалось, замкнулся на точке зрения, которая исключала иные подходы, что привело к напряженному противостоянию.

Что можно сказать по поводу национальных нарративов, которые в качестве символического опосредования повлияли на эту ситуацию?

Каким образом они не просто позволили, а даже вынудили опытных лидеров и широкую общественность замкнуться на своей точке зрения до такой степени, чтобы утратить способность понимать других, вопреки собственным интересам?⁵ Двумя важными факторами этого выступают претензии на истину и «быстрое мышление».

ИСТИННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ИСТИННОСТЬ НАРРАТИВА

Конфликты интерпретаций, подобные возникшему в 2014 г. по поводу Украины и Крыма, обычно коренятся в различных представлениях о том, «как это было на самом деле». «Мнемонические противостояния» (Wertsch 2009) по поводу событий недавнего и далекого прошлого отличаются от других видов дискуссий.

В отличие от конфронтации по поводу идеологии или общественных взглядов, участники мнемонических противостояний чаще всего упорствуют в противоположном понимании истинного смысла событий, который чрезвычайно сложно изменить. Вместо ответов вроде: «Я полагаю, что наши оценки не совпадают» или «Я не могу разделить ваше мнение по этому вопросу», мы в подобных спорах слышим: «Я не могу поверить, что вы действительно так думаете» или «Вам, должно быть, промьли мозги!» После заявления: «Вы просто лжете!» — дискуссию можно считать оконченной.

⁵ По поводу других случаев символического опосредования национальных нарративов и идентичностей см.: (Garagozov 2017; Onyeneho 2017).

Подобные споры легко приобретают жаркий и даже опасный характер, особенно когда в них вовлекаются представители государства. Участники этих дискуссий должны нести ответственность за свои слова, но по меньшей мере в качестве одной из причин того, что они оказываются в тупиковой ситуации, могут быть указаны нарративные инструменты, которыми они пользуются.

Можно выделить два вида истины, которые часто не различаются. Изречения, составляющие нарратив, могут оцениваться с точки зрения того, что я именую «истинностью высказывания». Например, высказывание «Крым стал частью России в 2014 г.» — истинно, тогда как высказывание «Крым стал частью России в 2013 г.» — ложно. Мы располагаем достаточно простыми средствами, чтобы оценить истинность подобных высказываний (архивы, свидетельства очевидцев и т. д.).

Но нарративы представляют собой не просто собрания высказываний, они «постигают совокупность» (*Mink 1970: 547*) событий на другом уровне организации, помещая их в состав фабулы или того, что русский формалист Виктор Шкловский (*Shklovsky 1965*) именовал «сюжетом». Роль сюжета в нарративе демонстрируется тем, что «смысл концовки» (*Kermode 1967*) является важнейшей функцией текста, которая позволяет придать значение событиям и героям повествования в целом. Логика нарратива подразумевает, что окончание повествования придает смысл всем предшествующим событиям. Как сформулировал Питер Брукс: «Спе-

цифическая природа нарратива как смыслопорождающей системы заключается в том, что предшествующие события становятся предшествующими и причины приобретают статус причин только ретроспективно при чтении от конца к началу» (*Brooks 2012: 47*).

Рассуждая по поводу Крыма, Путин не просто перечислял факты или наблюдения, он разместил их в соответствии с нарративными инструментами своего мнемонического сообщества, связав события в знакомый сюжет. С его точки зрения, россиянам вновь пришлось пережить череду событий, которые укладывались в хорошо известное повествование, а именно — возникла угроза, чреватая, если бы чужеземный враг не был отброшен, огромным ущербом для России. Для Путина и его российской аудитории смысл этих событий возникал из «чтения задом наперед», они заранее знали, к чему должны привести эти события.

В ходе дискуссии по поводу Крыма Путин смог выстроить события вдоль линий того, что Фредерик Бартлет (*Bartlett 1932*) мог бы назвать специфически российской «активностью, наступающей за пониманием» (*effort after meaning*), основанной на вышеупомянутом нарративном шаблоне. Эта активность была столь энергичной, поскольку для Путина было очевидно, что разворачивающиеся события являются составной частью очередной угрозы чужеземного вторжения. В речи 18 марта 2014 г. он утверждал, что новое правительство Украины пришло к власти в результате «переворота», главными исполнителями

которого были «националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты», и, по его мнению, за спинами этих отвратительных личностей стояли НАТО и другие силы Запада.

В этих высказываниях Путин вряд ли осознанно, но дословно воспроизвел российский нарративный шаблон, который я описал выше. Необходимо отметить, что на этот раз под угрозой оказались не столько российские границы, сколько «соотечественники», т.е. этнические русские, проживавшие на украинской в то время территории. По мнению Путина, они были подвергнуты психологическому, культурному и едва ли не физическому насилию: «Раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать объектом принудительной ассимиляции»⁶. Как отметили некоторые наблюдатели, при таком подходе под угрозой оказываются не признанные международными соглашениями государственные границы России, но воображаемые этнические границы русского народа. Российские лидеры и граждане настолько были вовлечены в свой «непроницаемый нарратив» (*de Waal* 2003), что проигнорировали эти различия.

Объясняя, почему русским соотечественникам угрожают «националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты», Путин ссылался на публикации российских СМИ, где сообщалось о заявлениях представителей крайне правых украин-

ских националистов, вроде членов политической партии «Свобода». В терминах истинности высказывания следует признать, ряд членов партии «Свобода» были действительно вовлечены в украинские события, приведшие к свержению правительства в начале 2014 г., также справедливо и то, что члены партии «Свобода» делали столь радикальные националистические заявления, так что имеются основания подозревать их в склонности к фашизму. Но столь же истинно, что большинство участников тех событий не состояли в «Свободе», к тому же и сама «Свобода» публично отрицала свою причастность к фашизму и антисемитизму.

Вокруг этих событий возник целый рой несовместимых истинных высказываний, и проблема состоит в том, какая фабула будет положена в основу повествования о том, «как это было на самом деле». С точки зрения истинности нарратива вопрос состоит в том, была ли избранная Путиным линия повествования лучшим способом в точности выстроить все события украинской политической жизни? Был ли «переворот», приведший к власти в Киеве незаконное русофобское правительство, реальной угрозой для русских соотечественников в Крыму и в других местах? Или «правильным» является повествование о народном восстании украинских граждан, которые лишь хотели быть независимыми от российского вмешательства и иметь право на общее будущее с Европой?

Когда мы пытаемся решить, какой из этих нарративов соответствует

⁶ Обращение президента Российской Федерации // Президент России. 2014. 18 марта. URL: kremlin.ru/events/president/news/20603.

реальности, мы высказываем суждения по поводу истинности нарратива и поэтому имеем дело не с проблемой истинности составляющих его высказываний. Философы веками спорят по поводу процедур для оценки истинности высказываний. Но существует общее согласие по поводу установления истинности повседневных свидетельств о прошлом и настоящем. Те, кто утверждают, что члены партии «Свобода» участвовали в киевских демонстрациях февраля и марта 2014 г., могут предъявить в качестве свидетельств фотографии, интервью в СМИ, показания и отзывы очевидцев.

Проблема истинности нарратива состоит в том, что даже если мы соглашаемся, что все его составные части являются истинными высказываниями, это не означает, что мы можем быть уверены, что повествование в целом можно считать истинным. Как показали Луис Минк (*Mink* 1978) и другие, это не вопрос суммирования истин составляющих его высказываний, несмотря на то, что мы часто прибегаем к подобному суммированию в ходе логических доказательств и научных исследований. Здесь требуется другой уровень суждений. Как показал Уильям Кронон, даже профессиональные историки на основе одних и тех же фактов (истинных высказываний) зачастую приходят к различному пониманию того, что произошло в действительности (*Cronon* 1992). Если подобное свойственно даже рационально мыслящим профессионалам, использующим объективные факты далекого прошлого, то можно только представить, какие жаркие столкновения происходят между членами

различных мнемонических сообществ по поводу недавних событий на Украине и в Крыму.

Каким же образом мы должны подходить к оценке истинности нарратива, т.е. определять, предоставил ли кто-нибудь верное повествование о том, что случилось? Первое побуждение в этой ситуации – привлечь на помощь нашим утверждениям истинные высказывания. Путин и другие члены российского мнемонического сообщества могли бы в данном случае заявить: «Как вы можете утверждать, что речь не идет о государственном перевороте, совершенном радикальными украинскими националистами? Вы разве не видели там членов партии “Свобода”?» Проблема подобной аргументации состоит в том, что истинность нарратива не может быть сведена к истинности составляющих его высказываний. Даже если я согласен с утверждением, что члены партии «Свобода» участвовали в демонстрациях, это не означает моего согласия с тем, что в Киеве действительно произошел государственный переворот, осуществленный националистами, не говоря уже о «неонацистах, русофобах и антисемитах».

Тогда каким образом мы можем определить, соответствует нарратив истине или не соответствует, пришел ли я к верному пониманию того, что «случилось на самом деле»? Естественно, что лица, обсуждающие подобные проблемы, обязаны предоставить хорошо документированные истинные высказывания, но, независимо от их прилежности в этом деле, истинность нарратива не может полностью определяться

подобными доказательствами. Все равно остается нередуцируемый элемент суждения, и это суждение в огромной степени определяется тем нарративным шаблоном, которому привержен автор суждения. Разумеется, приписывание ценности истины даже отдельному высказыванию содержит в себе элемент суждения, но этот момент гораздо сложнее использовать в качестве публичного свидетельства, чем в случае приписывания истинности нарративу. Особенно проблематичным приписывание нарративу ценности истины становится по той причине, что в данном случае суждение лишь в малой степени основано на осознании и рефлексии. «Быстрое мышление», обычно используемое в подобных ситуациях, представляет второй фактор того, что противоположные мнения, возникающие в ходе противостояния интерпретаций, создают столь труднопреодолимые проблемы.

РОЛЬ «БЫСТРОГО МЫШЛЕНИЯ» В ОПРЕДЕЛЕНИИ ТОГО, «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ»

При анализе национальной памяти необходимо учитывать, что нарративные шаблоны создают привычные приемы речи и мышления, которые часто ускользают от контроля нашего сознания. Когнитивные исследования «быстрого мышления» (Kahneman 2011) и интуиции (Haidt 2013) приводят к пониманию особенностей осознанного и бессознательного мышления, которые хорошо сочетаются с идеями об использовании нарративных инструментов членами национальных со-

обществ и могут быть полезны для исследования этих процессов.

Согласно исследованию Даниэля Канемана, «быстрое мышление», или «Система 1», действует «автоматически и быстро, почти или совсем бесконтрольно» (Kahneman 2011: 20). В противоположность ему «медленное мышление», или «Система 2», «уделяет усиленное внимание необходимой для этого ментальной деятельности, в которую включаются сложные расчеты, связанные с субъективным опытом, выбором и концентрацией (Ibid: 20–21). Описывая взаимодействие двух этих типов, Канеман доказывает, что Система 2 иногда может вмешиваться и проверять то, что Система 1 делает неосознанно и автоматически. Это требует усилий и концентрации, но «одна из главных особенностей [Системы 2] состоит в лености и нежелании расходовать дополнительные усилия» (Ibid: 31). Леность Системы 2 может создавать серьезные проблемы, поскольку решения Системы 1 могут быть глубоко ошибочными. Мы склонны не замечать этого, «слишком самоуверенно доверяемся своей интуиции» (Ibid: 45), усугубляя, таким образом, проблемы.

Идеи Канемана позволяют объяснить, почему мнемонические сообщества могут испытывать столь серьезные затруднения, пытаясь достичь взаимопонимания. Системе 1 характеризует самоуверенность, побуждающая к поспешным выводам. Эта форма ментальности «уделяет мало внимания количеству и качеству свидетельств»: «Мы часто не в состоянии признать, что

решающие для нашего суждения свидетельства отсутствуют, удовлетворяясь теми свидетельствами, которые есть в нашем распоряжении» (Ibid: 87). «Ассоциативная машина», которая направляет наше мнемоническое сообщество, может оказаться в подчинении Системы 1, «машины поспешных выводов», которые отличаются от выводов ассоциативной машины другой группы. Согласно используемой здесь терминологии, каждое мнемоническое сообщество опирается на свой набор нарративных шаблонов и определяемое ими быстрое мышление. Когда шаблоны различаются, возникают несовместимые представления о том, «что произошло на самом деле».

С этой точки зрения, нарративные шаблоны – это привычные средства для производства быстрых, почти автоматических суждений, которые обычно не подвергаются сознательной рефлексии Системы 2. Вместо того, чтобы осмотрительно и осознанно отбирать подходящий сюжет, способный придать смысл тому или иному событию, мы автоматически попадаем под влияние нарративного шаблона, который уверяет нас, что события развиваются согласно его предписаниям. В предельных случаях это вынуждает считать, что нарративные шаблоны подчиняют нас в большей мере, чем мы используем их в своих целях.

В этой удручающей ситуации несколько обнадеживают наблюдения Канемана за работой Системы 2. Они позволяют надеяться, что, опираясь на рефлексивную и тщательный анализ свидетельств, возможно избежать поспешных заключений,

внушаемых нарративным шаблоном. Ленивость Системы 2 является серьезным препятствием для оспаривания интерпретаций, навязываемых нам нарративным шаблоном. Тем не менее в этой ситуации критическая рефлексия – единственный инструмент устранения расхождений и достижения взаимопонимания между мнемоническими сообществами.

ИСТИНА, БЫСТРОЕ МЫШЛЕНИЕ И МНЕМОНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Центральная роль быстрого мышления и связанная с ним тенденция поспешных выводов об истинности той или иной картины прошлого означает, что мнемонические конфликты, подобные возникшему между Россией и Западом по поводу Украины, должны быть скорее правилом, чем исключением.

Вовлеченные в них могущественные психологические процессы приводят нас в состояние самоуверенности потому, что они действуют под или над уровнем осознанной рефлексии. Комбинация нарративных инструментов и связанных с ними бессознательных шаблонов мышления настолько всесильна, что нас изумляет чья-либо попытка представить принципиально отличную интерпретацию того, «как это было на самом деле». Это разобщение способно порождать комментарии вроде того, что другие «обитают в иной реальности» либо что им «промыли мозги». Но подобные комментарии могут также означать, что мы не понимаем логику иной точки зрения.

В конце концов полезно признать, что другие действуют согласно логике иного нарратива, суть которого мы просто не понимаем. Дополнительное затруднение возникает в силу того, что «логика» в данном случае — слишком сильное слово. Когда мы говорим о логике, мы обычно подразумеваем своего рода рациональный анализ, нечто, что мы относим к типу мышления Системы 2 Канемана. Но «логика», будучи вовлеченной в нарративный шаблон, действует на таком глубинном уровне, что мы не осознаем власти символического опосредования и, полагая, что просто рассказываем истину о том, что случилось, попадаем под «проклятье опосредования».

Причины того, что мы так искренне вовлечены в нарративный шаблон национального сообщества и столь глубоко ему преданы, в значительной мере неясны. В качестве заключения я бы хотел предложить некоторые размышления по этому поводу. Возможно, наша ранняя восприимчивость к национальному нарративу в школьном или даже более юном возрасте объясняется стремлением понять смысл прошлого, используя единственную простую сюжетную линию. Часто утверждают, что перед тем как показать детям все сложности, исключения, «если», «а» и «но» истории, необходимо предоставить им упрощенную и связную картину прошлого. В этой связи мы часто говорим, что ученики нуждаются в базовом представлении о чем-то, прежде чем они смогут относиться к нему критически.

Несмотря на то, что многие преподаватели прилагают все усилия,

чтобы побудить учеников к рациональному восприятию истории, необходимо помнить, что их практики формируются более широким спектром сил, чем они сами. Характер преподавания в школе, прежде всего, отражает стремление нации-государства воспитать добропорядочных и лояльных граждан путем контроля учебников и учебных планов. В последнее время идут дебаты, порой довольно оживленные, о том, что надо и что не надо преподавать в школе. Например, Линн Чейни свою книгу «Америка, патриотический учебник для начинающих» начинает с заявления: «Америка — это, прежде всего, страна, которую мы любим» (Cheney 2002). Это издание формально не входит в учебный план, но идеи бывшего председателя Национального фонда гуманитарных наук и жены бывшего вице-президента Дика Чейни имеют заметное влияние.

Одновременно с дискуссиями, ведущимися в США, президент Путин критикует то, что он именует «путаницей в головах» российских учителей, и побуждает авторов учебников сосредоточиться на героических страницах истории и меньше говорить о ее трагических аспектах. Он признает, что «касается каких-то проблемных страниц в нашей истории — да, они были», но подчеркивает, что и в истории других стран были подобные проблемы, и продолжает: «У нас их было меньше, чем у некоторых других. И у нас они не были такими ужасными, как у некоторых других». Его главный вывод состоит в том, что «нельзя позволить, чтобы нам навязывали

чувство вины»⁷. Чейни и Путин являют собой особенно вопиющие примеры усилий представить историю в патриотическом виде, но дух, движущий ими, может быть обнаружен в преподавании истории по всему миру. И это обстоятельство позволяет задаться вопросом: каким образом подобная «духовная пища», предоставляемая учебниками истории, формирует ментальные стереотипы, обусловленные национальными нарративными шаблонами.

Второй момент, который необходимо иметь в виду при попытке рассмотреть генезис нарративных шаблонов, состоит в том, что исследования психологии памяти свидетельствуют: первое знакомство с информацией, первое обсуждение или пересказ события, после того как оно произошло, могут оказать глубочайшее влияние на то, как это событие будет вспоминаться впоследствии. Это воздействие может быть столь значительным, что порой люди продолжают хранить прежнюю память о событии, даже если они располагают информацией о том, что эта память не соответствует действительности. Существует ли что-то подобное, стоящее за фактом и заставляющее нас так замыкаться на рассказе о прошедших событиях, что нам чрезвычайно сложно увидеть точку зрения, отличную от нашей? В самом деле, если даже возможно, что кто-то в процессе школьного образования

будет обучаться «неофициальной» картине прошлого, пересилит ли это попытки государства внушить «официальную историю»? Пеетер Тульвисте и Джеймс Верч (*Tulviste, Wertsch 1994*) полагают, что именно это происходило в советскую эпоху в таких местах, как Эстония.

Мои комментарии по этому вопросу в высшей мере умозрительны, но они могут наметить продуктивное поле совместных исследований, которые могли бы объединить представителей различных дисциплин для того, чтобы обратиться к изучению одного из наиболее загадочных и опасных феноменов, действие которого мы наблюдаем в современных международных отношениях. Разумеется, что конфликты между национальными сообществами не могут и не должны быть сведены к вопросу ментальных стереотипов, но слишком много дискуссий между противостоящими сторонами завершается «коротким замыканием» потому, что мы не осознаем силу этих стереотипов и нарративных шаблонов, которые их порождают.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Выготский 1982 — *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982.

Шпет 1927 — *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на тему Гумбольдта. М.: Государственная академия художественных наук, 1927.

Bakhtin 1986 — *Bakhtin M. M.* The problem of the text in linguistics, philology, and the human sciences: An experiment in philosophical analysis // Bakhtin M. M. Speech genres & other late essays (translated by

⁷ Russia's past: The rewriting of history. Economist, 2007. URL: www.economist.com/node/10102921. Русский перевод см.: Переписьвание истории // Иносми. URL: inosmi.ru/inrussia/20071109/237726.html.

Vern W. McGee; edited by Caryl Emerson and Michael Holquist). Austin: University Texas Press, 1986. P. 103–131.

Bartlett 1932 – *Bartlett F. C.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.

Brooks 2012 – *Brooks P.* Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative Revised ed. Edition. NY, Alfred A. Knopf, 2012.

Cassirer 1944 – *Cassirer E.* An essay on man: An introduction to a philosophy of human culture. New Haven: Yale University Press, 1944.

Cassirer 1946 – *Cassirer E.* The myth of the state. New Haven: Yale University Press, 1946.

Cassirer 1955 – *Cassirer E.* Philosophy of symbolic forms Vol. 2, Mythical Thought. New Haven, Yale University Press, 1955.

Cheney 2002 – *Cheney L.* America: A patriotic primer. New York: Simon & Schuster Books For Young Readers, 2002 (illustrated by Robin Preiss Glasser).

Cronon 1992 – *Cronon W.* A place for stories: Nature, history, and narrative // The Journal of American History. 1992. Vol. 78. № 4. P. 1347–1376.

Garagozov 2017 – *Garagozov R. R.* Collective memory in dynamics of ethnopolitical mobilization: The Karabakh conflict // Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds. Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2017. P. 249–276.

Haidt 2013 – *Haidt J.* The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion. New York, Vintage, 2013.

Kahneman 2011 – *Kahneman D.* Thinking, fast and slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

Kermode 1967 – *Kermode F.* The sense of an ending: Studies in the theory of fiction. New York: Oxford University Press, 1967.

Langer 1958 – *Langer S. K.* On Cassirer's theory of language and myth // The philosophy of Ernst Cassirer. 1958. P. 381–400.

Mink 1970 – *Mink L. O.* History and fiction as modes of comprehension // New Iterary History. 1970. Vol. 1. № 3. P. 541–558.

Mink 1978 – *Mink L. O.* Narrative form as a cognitive instrument // R. H. Canary and H. Kozicki (eds.). The writing of history: Literary form and historical understanding. Madison: University of Wisconsin Press, 1978. P. 129–149.

Mitchell 1990 – *Mitchell W. J. T.* Representation // F. Lentricchia & T. McLaughlin (eds.). Critical terms for literary study. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 11–22.

Onyeneho 2017 – *Onyeneho G. K.* Memory and national identity in a modern state: The Nigerian case // Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds. Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2017. P. 277–292.

Sandel 2010 – *Sandel D.* Justice: What's the right thing to do? New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.

Shklovsky 1965 – *Shklovsky V.* Art as Technique // L. T. Lemon and M. Reis, eds. Russian Formalist Criticism. University of Nebraska Press, 1965.

Taylor 1985 – *Taylor C.* Human agency and language: Philosophical papers I. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Tulviste, Wertsch 1994 – *Tulviste P., Wertsch J. V.* Official and unofficial histories: The case of Estonia // Journal of narrative and life history. 1994. № 4(4). P. 311–329.

de Waal 2003 – *de Waal T.* Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war. New York: New York University Press, 2003.

Wertsch 1985 – *Wertsch J. V.* Vygotsky and the social formation of mind. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.

Wertsch 1991 — Wertsch J. V. *Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.

Wertsch 2002 — Wertsch J. V. *Voices of collective remembering*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Wertsch 2009 — Wertsch J. V. *Collective memory* // P. Boyer & J. V. Wertsch, eds., *Memory in mind and culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 117–137.

Zerubavel 2003 — Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2003.

NARRATIVE TOOLS, TRUTH, AND FAST THINKING IN NATIONAL MEMORY: A MNEMONIC STANDOFF BETWEEN RUSSIA AND THE WEST OVER UKRAINE

Wertsch James V. — professor, Department of Anthropology Washington University in St. Louis (USA)

Key words: collective memory, national memory, symbolic mediation, fast thinking, narrative templates, Russia, Ukraine, mnemonic standoff.

Abstract. Analyses of the ongoing conflict between Russia and Ukraine often focus on the views of leaders, but this misses the larger point that these views are “mediated” by symbols provided by national communities. This issue is examined in terms of narrative tools that “co-author” the statements of national leaders. Ideas drawn from Lev Vygotsky and Ernst Cassirer are used to examine these tools and how they support the Russian mnemonic community. In addition to examining the surface narratives usually included in such analyses, this involves understanding the underlying mental habits of a national community. In the Russian case, these habits are viewed as reflecting a “narrative template” called the “Expulsion-of-Alien-Enemies.” This underlying code, which has deep historical roots and applies to multiple events in Russia’s past, makes much of its impact through “fast thinking” rather than through conscious reflective thinking, and its veiled nature contributes to “mnemonic standoffs” between Ukraine and Russia.

REFERENCES

Bakhtin M.M. The problem of the text in linguistics, philology, and the human sciences: An experiment in philosophical analysis. Bakhtin M.M. *Speech genres & other late essays* (translated by Vern W. McGee; edited by Caryl Emerson and Michael Holquist). Austin: University Texas Press, 1986, p. 103–131.

Bartlett F.C. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.

Brooks P. *Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative Revised ed. Edition*. NY, Alfred A. Knopf, 2012.

Cassirer E. *An essay on man: An introduction to a philosophy of human culture*. New Haven: Yale University Press, 1944.

Cassirer E. *The myth of the state*. New Haven: Yale University Press, 1946.

Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms Vol. 2, Mythical Thought*. New Haven, Yale University Press, 1955.

- Cheney L. *America: A patriotic primer*. New York: Simon & Schuster Books For Young Readers, 2002 (illustrated by Robin Preiss Glasser).
- Cronon W. A place for stories: Nature, history, and narrative. *The Journal of American History*, 1992, vol. 78, no. 4, p. 1347–1376.
- Garagozov R.R. Collective memory in dynamics of ethnopolitical mobilization: The Karabakh conflict. In Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds. *Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2017. P. 249–276.
- Haidt J. *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. New York, Vintage, 2013.
- Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
- Kermode F. *The sense of an ending: Studies in the theory of fiction*. New York: Oxford University Press, 1967.
- Langer S.K. On Cassirer's theory of language and myth. *The philosophy of Ernst Cassirer*, 1958, p. 381–400.
- Mink L. O. History and fiction as modes of comprehension. *New literary History*, 1970, vol. 1, no. 3, p. 541–558.
- Mink L. O. Narrative form as a cognitive instrument. R.H. Canary and H. Kozicki (eds.). *The writing of history: Literary form and historical understanding*. Madison: University of Wisconsin Press, 1978, p. 129–149.
- Mitchell W.J.T. Representation. F. Lentricchia & T. McLaughlin (eds.). *Critical terms for literary study*. Chicago: University of Chicago Press, 1990, p. 11–22.
- Onyeneho G.K. Memory and national identity in a modern state: The Nigerian case. Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds. *Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2017, p. 277–292.
- Sandel D. *Justice: What's the right thing to do?* New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
- Shklovsky V. Art as Technique. L. T. Lemon and M. Reis, eds. *Russian Formalist Criticism*. University of Nebraska Press, 1965.
- Shpet G.G. *Vnutrennaia forma slova. Etiudy i variatsii na temu Gumbol'dta*. Moscow: Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk, 1927.
- Taylor C. *Human agency and language: Philosophical papers I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Tulviste P., Wertsch J. V. Official and unofficial histories: The case of Estonia. *Journal of narrative and life history*, 1994, no. 4(4), p. 311–329.
- Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psikhologii*. Moscow: Pedagogika, 1982.
- de Waal T. *Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war*. New York: New York University Press, 2003.
- Wertsch J. V. *Vygotsky and the social formation of mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Wertsch J. V. *Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
- Wertsch J. V. *Voices of collective remembering*. New York: Cambridge University Press, 2002.
- Wertsch J. V. Collective memory. P. Boyer & J. V. Wertsch, eds. *Memory in mind and culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, p. 117–137.
- Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2003.

МОЖНО ЛИ ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ НАРРАТИВНОГО ШАБЛОНА? Русский взгляд на концепцию американского профессора

Обсуждение статьи Джеймса Верча «Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины».

Ключевые слова: коллективная память, политическая культура, концепция нарративных шаблонов

Аннотация. Одиннадцать российских исследователей приняли участие в обсуждении статьи Джеймса Верча «Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины». Большинство из участников подвергли концепцию российского нарративного шаблона «Изгнание чужеземного врага» жесткой критике. Примечательно, что ряд коллег отказались от участия в обсуждении. Часть из них посчитала, что Верч оправдывает внешнюю политику Путина, другие сочли Верча русофобом. И критические выступления участников дискуссии и полярные мотивировки отказавшихся свидетельствуют, что Верч затронул важный нерв русской политической культуры. В заключительном разделе дискуссии Верч отвечает на замечания своих критиков.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-33-71

С. Е. Эрлих

Память как нарратив

Джеймс Верч является сторонником нарративного подхода к анализу памяти, который позволяет изучать ее не опосредованно через перечисление «мест памяти» и описание ритуалов, вокруг этих мест возникающих, но через обраще-

ние к смысловому ядру, на основе которого функционируют мнемонические сообщества. Разумеется, не Верч первым обратился к рассмотрению нарративов памяти, но он создал оригинальную концепцию нарративных шаблонов национальной памяти. По его мнению, шаблоны путем «быстрого мышления» порождают частные нарративы, где новым вызовам придается «вечный» смысл. Он не только

© Эрлих С. Е., 2018

Эрлих Сергей Ефремович — доктор исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва — Санкт-Петербург); ehrlich@mail.ru

предложил общий подход, но и показал на примерах реакций российского мнемонического сообщества на перемещение «Бронзового солдата» в Таллине (Wertsch 2008: 46–53), на «принуждение Грузии к миру» (Wertsch, Karumidze 2009: 377–392), на конфликт с Украиной, как работает национальный нарративный шаблон. Эта оригинальная концепция имеет не только академический интерес. Верч справедливо считает, что учет нарративных шаблонов в ходе межгосударственных переговоров поможет наладить международные отношения.

Поэтому я был удивлен, когда один из коллег отказался участвовать в нашем круглом столе, мотивируя тем, что Верч – наивный эпигон Х. Уайта, скорее всего, не знакомый с «Метаисторией». На мой взгляд, это обвинение необоснованно и отдает снобизмом. Во-первых, в публикациях Верча ссылки на Уайта присутствуют (например: (Wertsch 2004: 40–41, 123–124)). Во-вторых, концепцию нарративных шаблонов и «четырёхмодальный» подход Уайта (риторические фигуры, литературные жанры, способы аргументации, идеологические импликации) объединяет по большей части слово «нарратив». Если на таких зыбких основаниях мы будем отказывать коллегам в оригинальности их исследований, то и наша научная деятельность лишается смысла. Зачем что-то писать, если Платон и Аристотель «все уже сказали до нас»? Я был бы признателен профессору Верчу, если бы он рассказал, какие из идей Уайта были им учтены при разработке концепции нарративных шаблонов и в чем состоит отличие предлагаемого им подхода.

Другой коллега, отказавшийся участвовать, обвинил Верча в том, что он по наивности льет воду на мельницу Путина, пытаясь его «понять».

Еще двое коллег отказались участвовать в круглом столе по причине якобы недоброжелательного отношения к России, обнаруженного ими в тексте Верча. На мой взгляд, такие обвинения в адрес исследователя, который опирается в своих теоретических подходах на идеи Шпета, Выготского, Бахтина, Лурьи, Шкловского, Лотмана, Успенского и других русских героев мировой культуры, лишены каких-либо оснований. Пафос обсуждаемой статьи состоит в том, что вместо того, чтобы обвинять русских, лидеры и граждане западных демократий должны стремиться достичь с ними взаимопонимания.

Болезненная реакция коллег на то, что зарубежный ученый «вторгается» в отечественное нарративное пространство, еще раз подтверждает, что шаблон «Изгнание-чужеземного-врага» основан на реалиях российской ментальности.

Ряд участников круглого стола обвинили профессора Верча в «ориентализме», «колониальном подходе», при котором «туземцам», находящимся в плену нарративного шаблона, противостоит рациональный Запад. Такое представление, на мой взгляд, возникло из-за того, что в одну статью нельзя вместить весь материал по проблеме национальных шаблонов. В одной из своих публикаций Верч формулирует главный американский шаблон «Град-на-холме», согласно которому оплот де-

мократии несет ее свет всему человечеству: «Этот нарратив является обоюдоострым. С одной стороны, это рассказ о маяке, излучающем свет надежды, указывающем путь, которому добровольно следуют другие народы. С другой — этот нарратив становится оправданием попыток США насильственно навязывать другим свои идеи и политическое устройство» (Wertsch: 19). Этот подход объясняет, почему большая часть американского мнемонического сообщества считает, что «раздача печенья» на Майдане помощником государственного секретаря по делам Европы и Евразии была уместным шагом в деле установления демократии на Украине. Вот если бы кто-то из русских дипломатов стал угощать тульскими пряниками участников «Occupy Wall street», это было бы вмешательством «сил зла» во внутренние дела «сил добра». Было бы очень интересно, если бы профессор Верч прокомментировал, каким образом американский нарративный шаблон сказался на политике США в ходе конфликта с Россией по поводу Украины.

Еще один сюжет, напрямую связанный с воздействием нарративного шаблона на международные отношения, также нуждается в комментарии профессора Верча. Одним из «триггеров» радикальной реакции Путина на Майдан было его самолюбие, уязвленное демонстративным отсутствием западных лидеров на Олимпийских играх в Сочи в феврале 2014 г. Для Путина эта Олимпиада была способом показать, что он свой среди «владык мира». Накануне игр он в неприсущей ему манере «среагировал на критику» Запада

и выпустил из тюрьмы Михаила Ходорковского и участниц женского вокального коллектива «Pussy Riot». То есть устранил, как он думал, все препятствия для неформальной «встречи в верхах». Тем не менее западные лидеры решили омрачить триумф своего российского коллеги. Неудивительно, что президент РФ воспринял этот демарш как личное оскорбление и искал способ «отомстить». Он имел все основания обвинить, используя его терминологию, «наших западных партнеров» в двойных стандартах. Ведь в 2008 г. они в полном составе присутствовали на открытии Олимпиады в Пекине, закрыв глаза на многочисленные нарушения прав человека, совершаемые коммунистическим режимом Китая. Получается, что дозволено могучей панде, то не разрешается съезжившемуся медведю? Если мы вспомним, что до этого спортивные команды западных стран участвовали в съемках нацистской «Олимпиады» (Берлин, 1936), но бойкотировали Олимпийские игры 1980 г. в Москве, то возникает обоснованный вопрос, какой нарративный шаблон владели западными лидерами, когда они отказались присутствовать на Олимпиаде в Сочи и тем самым, вопреки своим интересам, провоцировали Путина на решительные действия?

Коллеги также упрекают профессора Верча в «примордиализме». Необходимо учитывать, что он психолог, а не историк. Он продемонстрировал, как нарративные шаблоны работают «здесь и сейчас». Выяснить, когда и как они были сконструированы — это задача историков. Уверен, что при ее решении нас ждет множество интереснейших находок.

Моя критика концепции нарративных шаблонов состоит в том, что профессор Верч показал различия их сюжетов в разных мнемонических сообществах, но оставил без внимания их сущностное сходство. «Изгнание-чужеземного-врага» — это нарративный шаблон страны, которая постоянно подвергалась иноземным вторжениям. «Град-на-холме» — шаблон нации, которая преимущественно занималась внешней экспансией. Это две крайности, между которыми располагаются нарративные шаблоны других народов. Но это еще и два воплощения общего для наций-государств героического мифа, который является становым хребтом национальной памяти и идентичности эпохи модерна. В обоих случаях наши хорошие парни силой оружия либо изгоняют, либо принуждают к демократии чужих плохих парней. На мой взгляд, рассмотрение нарративных шаблонов различных мнемонических сообществ с точки зрения героического мифа открывает дополнительные возможности исследования памяти.

Ядром концепции профессора Верча является идея опосредования. У Выготского главным инструментом опосредования были знаки языка, у Кассирера — символы культуры, у Верча эту роль выполняют нарративы памяти. Идея, что нарративы памяти опосредуют нашу связь с реальностью не только прошлого, но, как убедительно показал

наш американский коллега, настоящего и даже будущего, — чрезвычайно важна. Я бы хотел отметить, что этим опосредующая роль нарратива не исчерпывается. Он еще является посредником между индивидуальным и коллективным опытом. Индивид нанизывает «мясо» личного опыта на «шампур» нарратива коллективной памяти. В то же время трансляция структурированного нарративом индивидуального опыта в публичном пространстве меняет сам коллективный нарратив. Это взаимодействие и является процессом истории памяти. Я считаю огромной заслугой профессора Верча, что он акцентировал нарративную природу памяти и наметил конкретные подходы к ее исследованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Wertsch — *Wertsch J. W.* The West, the Rest, and Ideas of Order. Review of: Charles A. Kupchan. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn (Oxford University Press, 2012), 272 pages, including notes, bibliography, and index. (A Council on Foreign Relations book) // Belle lettres. A literary review. 13 (1).

Wertsch 2004 — *Wertsch J. W.* Voices of Collective Remembering. Cambridge University Press, 2004.

Wertsch 2008 — *Wertsch J. V.* A clash of deep memories. Profession. New York: Modern Language Association, 2008.

Wertsch, Karumidze 2009 — *Wertsch J. V., Karumidze Z.* Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // Memory Studies. 2009. № 2 (3).

Ehrlich Sergey E. — doctor of sciences (history), director of the Publishing House “Nestor-Historia” (Moscow — St.-Petersburg)

REFERENCES

Wertsch J. V. *A clash of deep memories. Profession*. New York: Modern Language Association, 2008.

Wertsch J. W. The West, the Rest, and Ideas of Order. Review of: Charles A. Kupchan. *No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn* (Oxford University Press, 2012), 272 pages, in-

cluding notes, bibliography, and index. (A Council on Foreign Relations book). *Belle lettres*. A literary review, no. 13 (1).

Wertsch J. W. *Voices of Collective Remembering*. Cambridge University Press, 2004.

Wertsch J. V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008. *Memory Studies*, 2009, no. 2 (3).

Д. А. Аникин

«Нарратив создает мнемоническое сообщество,
а не мнемоническое сообщество придумывает свой
нарратив»

Статья Д. Верча обладает в первую очередь не политической, а научной актуальностью. Наиболее провокационные высказывания, как ни парадоксально, представляют собой наиболее слабую часть его теории, в то время как интересным оказывается само сочетание понятий «мнемоническое сообщество» и «нарратив». Истоки понимания нарратива как символической призмы, естественным образом искажающей картину человеческих действий, можно действительно возвести к Кассиреру, у которого подобной повествовательной структурой, совмещенной с эмоциональным содержанием, обладает миф, причем миф политический, отличающийся от своих архаических аналогов. Верч, в чем-то отсылая

к Х. Уайту (но не заимствуя его тропологическое понимание исторического текста), формулирует тот набор нарративных высказываний, которые, с его точки зрения, задают рамки обсуждения прошлого в рамках современной российской политики. И в этом смысле он абсолютно справедливо указывает на нерелексируемые рамки, определяющие возможность выдвижения и озвучивания политических интерпретаций, их увязки со сформированными в дискурсивном пространстве шаблонами говорения. Но в этом и заключается тонкая грань, на которую стоит обратить внимание, отвлекшись от примеров, которые, в данном конкретном случае, скорее затемняют, а не проясняют суть поставленной проблемы.

Нарратив создает мнемоническое сообщество, а не мнемоническое сообщество придумывает свой нарратив. Кажется бы, эта последовательность сродни пресловутому вопросу

© Аникин Д. А., 2018

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (Саратов); dandec@list.ru

о курице и яйце, но субординация в данном случае оказывается принципиальной. Национальная память, государственная политика памяти и мнемоническое сообщество не тождественны друг другу, хотя между ними можно проследить очевидное сходство. Если придерживаться конструктивистской точки зрения, то понятно, что государство создает нацию как совокупность обладающих политической идентичностью граждан, но при этом границы нации практически никогда не совпадают с границами государства. Также понятно, что национальная память, складывающаяся и поддерживаемая посредством совокупности коммеморативных практик (Д. Олик, Э. Зерубавель), стремится создать общность воспоминаний, хотя бы относительно ключевых для национальной идентичности моментов прошлого. Но определять мнемоническое сообщество в соответствии с указанным в паспорте гражданством или зафиксированной в переписи национальной принадлежностью было бы преждевременным. Эвристическая ценность этого понятия и заключается в том, что оно фиксирует не исходную точку, а продукт указанных практик. Не то, что задумывалось, а то, что получилось по факту. В этом смысле анализ точек расхождения указанных границ представляется отдельным полем для прикладных и теоретических исследований в рамках *memory studies*.

Anikin Daniil A. – candidate of philosophical sciences, associate professor, Department of theoretical and social philosophy, Saratov Chernyshevsky State University (Saratov)

Дьявол прячется в деталях. В данном конкретном случае – в отдельных упрощениях и недосказанности по поводу механизмов складывания анализируемого нарратива («В ходе бесконечного, на протяжении веков, пересказа этих событий возник обобщающий схематический нарративный шаблон...»), в стремлении максимально гомогенно выстроить последовательность отдельных высказываний в относительно логичный и стройный нарратив, хотя любопытнее было бы поставить вопрос о нарративной гетерогенности, конкуренции различных сюжетных интерпретаций, формулируемых различными сообществами, и постепенном преодолении их разобщенности посредством результирующего воздействия государственной политики памяти.

Статья Д. Верча полезна тем, что ставит вопросы, которым можно посвятить не одну монографию, и дает на них ответы, которые нуждаются во вдумчивом обсуждении и анализе. Процесс складывания нарративов и возникновения на их основании мнемонических сообществ становится особенно актуальным в той ситуации, когда размываются привычные институциональные и пространственные рамки, а само историческое высказывание становится точкой пересечения потенциально бесчисленного, но на практике ограниченного количества идеологических стратегий и коммеморативных практик.

А. В. Голубев

Каким аршином мерить? Ответ на статью Джеймса Верча¹

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ:
ГЕНЕАЛОГИЯ

Первая революция в европейском языкознании связана с немецким романтизмом рубежа XVIII–XIX вв., в первую очередь с работами Иоганна Гердера и Вильгельма фон Гумбольдта. В 1770-х гг. Гердер вступил в полемику со своим современником Иммануилом Кантом, которая касалась среди прочего ключевой роли языка как феномена, организующего и формирующего индивидуальное и социальное восприятие реального мира (*Гулыга* 1975: 25–39, 99–117). Тем самым Гердер заложил традицию, отрицающую «прозрачность» языка как пассивного посредника между миром идей и миром вещей; вместо этого в его теории язык приобрел активную функцию, стал коллекцией исторического опыта того или иного сообщества². Идеи Гердера развил его младший современник Вильгельм фон Гумбольдт. В своей предсмертной работе

«О различии строения человеческих языков» он рассуждал о языке как живущей по собственным законам органической сущности, которая одновременно отражает и детерминирует историю, настоящее и прошлое тех или иных сообществ (народов)³, предвосхитив ряд положений лингвистической философии XX в.

В то же время исторический, культурный и политический контекст немецкого романтизма, в котором возникли и развились идеи Гердера, фон Гумбольдта и их последователей, неизбежно привел их к национальному эссенциализму — к попытке увязать язык и некие национальные особенности, присущие говорящим на нем людям. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное», — утверждал фон Гумбольдт (*Гумбольдт* 2000: 68). В схожем ключе рассуждал и Иоганн Фихте, ключевая фигура немецкого идеализма и национализма. В «Речах к немецкой нации» он пишет: «Язык [некоего] народа необходимым образом таков, каков он есть, и не этот народ высказывает свое

© Голубев А. В., 2018

Голубев Алексей Валерьевич — PhD, кандидат исторических наук, преподаватель российской истории (Assistant Professor of Russian History), Хьюстонский университет (США); avgolubev@uh.edu

¹ Я благодарен Луису Оливейре (Luis Oliveira) за обсуждение идей, изложенных в данном тексте.

² «[Ч]ем же, следовательно, является весь строй языка, как не формой развития его собственного духа, историей его собственных открытий?» (*Гердер* 2007: 146).

³ Главной задачей своих лингвистических исследований фон Гумбольдт считал то, чтобы «язык раскрылся перед нами как внутренне цельный организм» (*Гумбольдт* 2000: 47).

познание, но само его познание высказывает себя в нем» (Фихте 2009: 113). Величие нации для Фихте определялось величию ее языка, и именно в языке, с его точки зрения, нужно было искать «сущность» нации.

Идеи немецких философов-идеалистов о языке как о «непрозрачной» знаковой системе, которая не столько отражает мышление, сколько задает формы познания мира, стали важной частью современной философии и языкознания. Однако их тезис о тесной связи между языком и национальными формами мышления (или ментальности) не выдержал проверку временем и был вытеснен другими подходами к изучению языка, рассматривающими его во взаимосвязи с классом, идеологией и политикой. К ним относятся марксизм (например, «Марксизм и философия языка» В. Н. Волошинова или работы Луи Альтюссера), лингвистическая философия второй половины XX в. (Джон Остин, Людвиг Витгенштейн, Гилберт Райл и Джудит Батлер) или история понятий, акцентирующая транснациональную циркуляцию политических концепций и дискурсов (работы Джона Покока, Квентина Скиннера и Райнхарта Козеллека).

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ: ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

В своей статье, перевод которой выходит в «Исторической экспертизе», Джеймс Верч говорит не о естественном языке, а о «глубинном национальном нарративе, который

на протяжении многих веков является неотъемлемой частью русской культуры», однако фундаментальные теоретические предпосылки его подхода на удивление созвучны немецким идеалистам начала XIX в. Верч рассматривает язык в качестве того самого «непрозрачного» посредника между миром идей и миром вещей, который «соучаствует» в производстве знания, политической повестки или социальных отношений. Среди прочего он утверждает, что нарративные инструменты, характерные для русской культуры, производят «российское мнемоническое сообщество», которое действует на политическом поле в качестве единого актора. В этой концепции Владимир Путин оказывается всего лишь «рупором», озвучивающим определенные идеи, которые являются «прописными истинами» для национального сообщества, но с трудом поддаются расшифровке внешними политическими акторами (в статье используется пример Ангелы Меркель). Таким образом, базовая концептуальная модель, увязывающая язык и «национальные особенности», а также описывающая эту связь в терминах *longue durée* («на протяжении многих веков»), оказывается практически идентичной модели языка немецких романтиков за исключением ряда терминологических различий.

Проблема с этой схемой как в начале XIX в., так и двести лет спустя заключается в ее умозрительности и отсутствующей фактологической базе. Для доказательства тезиса о существовании нарративных конструкций, формирующих Россию

как «мнемоническое сообщество», Верчу приходится использовать риторические модели убеждения, которые основываются на примордиалистском понимании российской нации как некоей целостной сущности с многовековой историей. Уже в самом начале статьи он пишет: «Россия действительно не раз переживала иноземные вторжения. В ходе бесконечного, на протяжении веков, пересказа этих событий возник обобщающий схематический нарративный шаблон, который широко и автоматически используется членами этого мнемонического сообщества для осмысления не только прошлого, но и настоящего». Подтверждение этого тезиса потребовало бы от автора как минимум показать, что российская «национальная память» на протяжении многих столетий действительно оперировала историями о вторжениях монголов, Тевтонского ордена, поляков, шведов и французов за пределами узкой прослойки книжной культуры. Для этого потребовалось бы задать ряд вопросов, например, «помнили» ли крестьяне Олонецкой губернии в начале XX в. о войне 1812 г., а уральские горнозаводские рабочие — о Смутном времени? Какими были коммеморативные практики, связанные с памятью о шведских набегах на Новгород, — хотя бы среди жителей тех же самых Новгородской и Псковской губерний в XVIII–XX вв.? Можно сформулировать вопрос чуть по-другому: историческая память среди русских поселенцев в Сибири или кубанских казаков тоже была связана с чужеземными вторжениями или все-таки сохранила в первую очередь свой собственный опыт колонизации? Подыто-

живая: на чем строится утверждение «бесконечного, на протяжении веков, пересказа» историй о вторжениях в «национальной памяти», из которого Верч выводит существование «глубинного национального нарратива»?⁴

Но даже в книжной культуре тот нарративный шаблон «Изгнание иноземного врага», о котором рассуждает Верч, оказывается не продуктом памяти, а типичным примером «изобретения традиции». Например, Игорь Данилевский показал, что мифологизация Ледового побоища как судьбоносного события российской истории окончательно произошла только в конце 1930-х — начале 1940-х гг., хотя предпосылки были заложены в историографии XIX в. (Данилевский 2004: 28–40). Деятнадцатый век в целом является периодом, когда в России произошло становление национального исторического нарратива, в том числе его консервативно-патриотического варианта с тенденцией описывать историю России как борьбу с внешней агрессией. В речах российских политиков весной и летом 2014 г. полно нарративных шаблонов, но эти шаблоны восходят к консервативному политическому языку XIX в. (Михаил Погодин, Сергей Глинка, Константин Аксаков, Иван Киреевский и др.); в качестве примера можно привести устойчивую тенденцию описывать

⁴ Несомненно, исторический опыт вторжений отразился в русском фольклоре, но тогда непонятно, в чем уникальность русской ситуации в мировом контексте — например, в сравнении с исторической памятью ирландцев, или корейцев, или даже карелов, где матери еще поколение назад пугали непослушных детей шведами (см.: Карельские пословицы 1959: 26, 88)).

Европу в категориях упадка, которая одинаково характерна как для славянофилов середины XIX в., так и для многих российских проправительственных СМИ и политиков начала XXI в. (Долгин 2010: 26–76). Таким образом, нарративный шаблон, о котором говорит Верч, действительно прослеживается. Но, как в одном из анекдотов про армянское радио («Правда ли, что академик Амбарцумян выиграл “Волгу” в лотерею?»), необходимо сделать несколько уточнений: он прослеживается не в национальной памяти, а в письменной культуре, и не на протяжении «многих столетий», а со времени зарождения русского консервативного дискурса в начале XIX в., и является не специфически российским явлением, а транснациональным феноменом, который сложился в России под влиянием европейской политической традиции.

АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ?

Основной посыл статьи Верча о том, что Россия является специфическим «мнемоническим сообществом», выглядит продолжением историографической традиции, представляющей Россию как экзотическую страну, которая имеет больше отличий, чем общего, со странами «глобального севера». Для этой традиции характерно объяснять историю России и ее современную ситуацию как производное от ее отличительных особенностей – в данном случае конфронтацию России с Западом как производное от российской исторической памяти. При этом упускается из виду, что ситуация, сложившаяся в 2014 г. вокруг

Крыма, далеко не уникальна ни исторически, ни географически. История знает массу примеров, когда одно государство аннексирует часть другого государства под предлогом защиты соотечественников и восстановления исторической справедливости. Например, Польша за период 1919–1921 гг. аннексировала территории, принадлежащие Германии, Западной и советской Украине, Беларуси и Литве (чуть позже, в 1938 г., Польша участвовала в разделе Чехословакии, также под предлогом защиты соотечественников). Можно вспомнить финские территориальные притязания на советскую Карелию, которые легитимизировались отсылкой на этническое и языковое родство финнов и карелов, включая пресловутое обещание Карла Маннергейма «не вкладывать свой меч в ножны», пока Финляндия не освободит ее от большевиков. Риторика Путина, в которой Верч усматривает проявление «глубинного национального нарратива», в действительности на удивление созвучна риторике других национальных лидеров, оказавшихся во главе ирредентистских проектов. Мы имеем дело не с неким уникальным российским продуктом, а с общей – наднациональной – ситуацией эпохи модерности и с нарративами, которые с легкостью путешествуют через национальные, языковые и этнические границы.

И в конечном итоге на это же указывает сам Верч в конце своей статьи, рассуждая о параллелях между Россией и США в дискуссиях о школьном курсе истории (сюда же можно добавить нашумевшие планы британских консерваторов переписать школь-

ный курс истории в патриотическом ключе (*Higgins* 2010)). Да и в начале статьи, приводя в качестве примера «глубинного национального нарратива» высказывание Екатерины II о присоединении Крыма к России в 1783 г., Верч упускает из виду, что Екатерина была урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская и многие ее идеи были заимствованы из европейской философии и политической практики XVIII в. Как она могла стать носителем «глубинных ментальных стереотипов национального сообщества», для меня остается большим вопросом, так же как и предложенная в статье концепция в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гердер 2007 – *Гердер И. Г.* Трактат о происхождении языка: пер. с нем. / вступ. ст. В. М. Жирмунского. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Гулыга 1975 – *Гулыга А. В.* Гердер. М.: Мысль, 1975.

Golubev Aleksei V. – PhD, candidate of historical sciences, Assistant Professor of Russian History, University of Houston (USA)

REFERENCES

Danilevskii I. N. Ledovoe poboishche: smena obraza. *Otechestvennye zapiski*, 2004, no. 5.

Dolinin A. A. Gibel' Zapada: k istorii odnogo stoikogo verovaniia. *K istorii idei na Zapade: Russkaia ideia*. St. Petersburg, 2010.

Fikhte I. G. *Rechi k nemetskoj natsii*: per. s nem. A. A. Ivanenko. St. Petersburg: Nauka, 2009.

Gerder I. G. *Traktat o proiskhozhdenii iazyka*: per. s nem., vstup. st. V. M. Zhirmunskogo. Izd. 2-e. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2007.

Gulyga A. V. *Gerder*. Moscow: Mysl', 1975.

Gumbol'dt 2000 – *Gumbol'dt V. fon.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное строение человечества // *Gumbol'dt V. fon.* Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.

Danilevskii 2004 – *Danilevskii I. N.* Ledovoe poboishche: smena obraza // *Otechestvennye zapiski*. 2004. № 5.

Dolinin 2010 – *Dolinin A. A.* Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: Русская идея. СПб., 2010.

Karel'skie poslovitsy 1959 – *Karel'skie poslovitsy, pogovorki, zagadki* / sost. G. Makarov. Petrozavodsk: Gosizdat KASSR, 1959.

Fikhte 2009 – *Fikhte I. G.* Речи к немецкой нации / пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009.

Higgins 2010 – *Higgins Ch.* Rightwing historian Niall Ferguson given school curriculum role // *The Guardian*. May 30, 2010. URL: www.theguardian.com/politics/2010/may/30/niall-ferguson-school-curriculum-role.

Gumbol'dt V. fon. O razlichii stroeniia chelovecheskikh iazykov i ego vliianiia na dukhovnoe stroenie chelovechestva. Gumbol'dt V. fon. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu*: per. s nem., obshch. red. G. V. Rami-shvili; poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zveginse-va. Moscow: ОАО ИГ «Progress», 2000.

Higgins Ch. Rightwing historian Niall Ferguson given school curriculum role. *The Guardian*. May 30, 2010. URL: www.theguardian.com/politics/2010/may/30/niall-ferguson-school-curriculum-role.

Karel'skie poslovitsy, pogovorki, zagadki, sost. G. Makarov. Petrozavodsk: Gosizdat KASSR, 1959.

К. А. Кочегаров

«Стоит поставить вопрос о соотношении стереотипов с реальной политической практикой»

Авторский подход, предполагающий рассмотрение истории национальных стереотипов и проблем взаимовосприятия через призму теории мнемонического сообщества и генерируемых им глубинных национальных стереотипов российского общества, весьма интересен и заслуживает дальнейшего развития и обсуждения. Сами по себе указанные национальные стереотипы и связанные с ними нарративы, в том числе и рассмотренные автором («Изгнание-иноземного-врага»), достаточно очевидны, а их наличие в российском обществе проявляется не только и не столько в высказываниях Путина, но и в отдельно взятых обобщающих трудах по истории, школьных курсах, представлениях массового сознания россиян и культивируемых ими исторических мифах. Вместе с тем стоит поставить вопрос о соотношении стереотипов с реальной политической практикой. Насколько они востребованы в той или иной ситуации и какова степень инструментальности, сознательной или нет, их использования. Так, например, российское правительство часто использует тезис «угнетения соотечественников» в отношении Украины или республик Прибал-

тики, но никогда не поднимает его применительно к странам Средней Азии, в том числе Казахстану, где проживает значительная русская диаспора (причины этого, впрочем, очевидны). Военственная риторика в отношении НАТО, раздававшаяся и до 2014 г., не мешает российским властям сотрудничать с альянсом на отдельно взятых направлениях, сознательно уходя в этих конкретных случаях от устоявшихся в обществе представлений о нем как одном из главных противников России (характерный пример – транспортная база НАТО в Ульяновске, когда риторика с обвинениями в «предательстве национальных интересов» взяла на себя оппозиция, причем временами – прозападная). В этой связи стоит поставить два вопроса:

1. Можно ли говорить о какой-то динамике функционирования нарративных шаблонов в том или ином обществе, когда общая политическая ситуация делает их более или менее востребованными? И если да, чем это обусловлено?

2. Можно ли говорить об инструментальности использования «нарративных шаблонов», сознательного их употребления в политической или общественной дискуссии для достижения конкретной цели? Если да, то насколько это применимо к высказываниям и риторике В. В. Путина?

© Кочегаров К. А., 2018

Кочегаров Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); kirill_kochegarov@yahoo.com

Kochegarov Kirill A. — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

И. И. Курилла

«Я бы предложил автору исследовать разные мнемонические сообщества внутри одного национального»

Статья Джеймса Верча посвящена важной проблеме, которую я бы назвал конструированием социального и политического мира. Автор предпочитает использовать термины «нарративные инструменты» и «мнемоническое противостояние» для описания тех же феноменов, а также погружается в психологические основания такого противостояния.

Я не готов обсуждать «могущественные психологические процессы» и «бессознательные шаблоны мышления», но в остальном мне близок конструктивистский подход, более того, в чем-то схожие идеи именно на тему конфликта России и Украины я высказывал в апреле 2014 г. в небольшом тексте, опубликованном на сайте *gefter.ru* (Курилла 2014), а затем, в расширенном виде, на английском языке в тематическом сборнике (Kurilla 2016: 195–200). Именно поэтому я сосредоточусь здесь не на поддержке тезисов

Дж. Верча, а на том в его статье, что вызывает у меня сомнения.

Прежде всего, образ российской внешней политики, предопределенный многовековым противостоянием различным вторжениям, весьма популярен в западном внешнеполитическом дискурсе. Его использовали Джордж Кеннан в своей «Длинной телеграмме» и множество других авторов. Я бы, однако, осторожнее обходился с этой традицией. В истории России были периоды вторжений и периоды сотрудничества, периоды войн и периоды заимствования технологий и институтов, угроза приходила то с Востока, то с Запада; при конструировании исторического нарратива у русских всегда есть и был выбор — на что опираться, а что отодвигать на задний план. И этот выбор чаще всего делало за россиян государство. Именно поэтому изображать Путина «просто» членом российского «мнемонического сообщества» мне представляется сомнительным. Он (и его советники) выступил в 2014 г. как субъект политического выбора, в очередной раз используя ту последовательность исторических событий, которая

© Курилла И. И., 2018

Курилла Иван Иванович — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург); *ikurilla@eu.spb.ru*

оправдывала бы в глазах населения его решение. Однако этот выбор не был predetermined, и он не был единственно возможным.

Более того, само понятие «российского мнемонического сообщества» мне представляется сильным упрощением: российское общество большое и сложное, и в нем сосуществуют довольно разные «мнемонические сообщества», что было (по отношению к разным периодам истории) хорошо продемонстрировано целым рядом авторов (см., например: (Кормина, Штырков 2005: 222–240)).

Когда Дж. Верч заключает, будто «тот факт, что речь Путина по поводу аннексии Крыма приобрела огромную популярность, свидетельствует о существовании общих нарративных инструментов, которые связывают его с российскими гражданами и отделяют их от других сообществ», мне хочется уже критиковать сам конструктивизм в таком его варианте: мне кажется гораздо легче доказуемым, что популярность приобрела не «речь Путина по поводу аннексии», а сама аннексия Крыма и что объяснения этой популярности выходят далеко за рамки «мнемонического противостояния», предложенные автором.

Тем не менее само предложение обсуждать мнемонические основания политического конструирования нарративов в современной России

Kurilla Ivan I. – doctor of historical sciences, professor of the European University in St. Petersburg (St. Petersburg)

мне представляется плодотворным, и я бы предложил автору исследовать разные мнемонические сообщества внутри одного национального.

Я бы задал автору и такой вопрос: мнемонические сообщества, по мнению некоторых ученых, использующих этот термин, возникают, как правило, в результате общей травмы – как долго они продолжают существовать? Можно ли сегодня говорить о травме (и «мнемоническом сообществе») 1812 г.? Или же речь идет только о травмах XX в. (и тогда многовековая борьба русских с иноземными захватчиками не укладывается в эту терминологию)? Если же у автора речь не идет о травме, то является ли усвоенная «социальная память» таким уж крепким связующим раствором, чтобы говорить о сообществе?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кормина, Штырков 2005 – *Кормина Ж., Штырков С.* Никто не забыт, ничто не забыто... // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М.: НЛО, 2005.

Курилла 2014 – *Курилла И.* Семь историй про российско-украинских конфликты // Gefter.ru. 30.04.2014. URL: gefter.ru/archive/12193.

Kurilla 2016 – *Kurilla I.* Shaping new Narratives: How New Histories Are Created // *The Return of the Cold War; Ukraine, the West and Russia* / edited by J.L. Black and Michael Johns. Assisted by Alanda D. Theriault. London and New York: Routledge, 2016.

REFERENCES

Kormina Zh., Shtyrkov S. Nikto ne zabyt, nichto ne zabyto... *Pamiat' o voine 60 let spustia. Rossiia, Germaniia, Evropa*. Moscow: NLO, 2005.

Kurilla I. Sem' istorii pro rossiisko-ukrain-skikh konflikt. *Gefter.ru*, 30.04.2014. URL: gefter.ru/archive/12193.

Kurilla I. Shaping new Narratives: How New Histories Are Created. *The Return of the Cold War; Ukraine, the West and Russia*, edited by J.L. Black and Michael Johns. Assisted by Alanda D. Theriault. London and New York: Routledge, 2016.

О. Ю. Малинова

«Эта статья — хорошая иллюстрация трудностей, с которыми сталкиваются исследователи, изучающие механизмы символического опосредования социальных взаимодействий»

Статья Дж. Верча, опубликованная в «Исторической экспертизе», на мой взгляд, представляет интерес и с эмпирической, и с теоретико-методологической точки зрения. С одной стороны, ее автор предлагает достаточно правдоподобное объяснение «крымского поворота» российской политики, точнее — механизма его успешной легитимации: аргументы В. Путина в пользу присоединения Крыма вызвали широкую эмоциональную реакцию, потому что президент в своих речах удачно использовал нарративные инструменты своего мнемонического сообщества. С другой стороны, предложенный им метод анализа имеет солидные теоретические основания и может быть использован для изучения других случаев политики памяти. Данная теоретическая

рамка (*Rueschemeyer* 2009: 1) действительно позволяет объяснить некоторые коммуникативные эффекты, причем не в одном, а в ряде случаев.

Однако нужно иметь в виду, что аналитические инструменты такого типа не универсальны. Они выделяют определенный набор связей, связывая их в логическую конструкцию — гипотетическую модель. В случае эмпирического подтверждения этих связей мы можем утверждать, что предложенное в модели объяснение работает. Проблема заключается в том, что найденное объяснение не эксклюзивно — обнаруженный эффект может объясняться и иными комбинациями факторов. В нашем случае поддержка курса на присоединение Крыма может быть обусловлена еще и особенностями националистических настроений (*Alexseev* 2016: 160–191), логикой трансформации государственной идеологии (*Malinova*

© Малинова О. Ю., 2018

Малинова Ольга Юрьевна — доктор философских наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); omalinova@mail.ru

2014), динамикой антизападничества (*Laruelle* 2016: 275–297), эффективностью пропагандистской машины и множеством иных обстоятельств. Ни одно из объяснений не исключает другого; и сложно определить, какое из них является главным. Пожалуй, куда более серьезным недостатком является то, что, фиксируя лишь заданный набор связей (в данном случае – описанный нарративный шаблон), теоретические модели такого рода плохо приспособлены для различения конкурирующих смысловых конструкций. В силу этого независимо от личных методологических пристрастий исследователя они тяготеют к эссенциализму: эмпирически подтвержденное воспроизводство нарративного шаблона рассматривается как единственный фактор коммуникативного успеха независимо от того, как в действительности устроено поле символической конкуренции. Более того, нарративный шаблон рассматривается в логике *path dependency*, фатально определяющей «национальный характер».

На мой взгляд, эти проблемы не исключают возможности продуктивного использования предложенной Верчем теоретической рамки в качестве одного из инструментов для изучения поля символической политики как борьбы за смыслы. Более того, мне кажется, что эта статья – хорошая иллюстрация трудностей, с которыми сталкиваются исследователи, изучающие механизмы символического опосредования социальных взаимодействий. Их анализ предполагает погружение в интересующий мир смыслов,

который не только неразрывно связан с определенным социальным и культурным контекстом, но и является ареной постоянной борьбы. С одной стороны, универсальные аналитические инструменты здесь попросту невозможны – для каждой исследовательской задачи придется разрабатывать свою методичку. С другой стороны, полученные результаты всегда связаны не только с контекстом, но и с выбранным ракурсом анализа, поэтому попытки обобщения чреваты эссенциализацией текучей и противоречивой реальности. Но сознавая эти ограничения, мы можем наращивать не только методологический арсенал, но и корпус эмпирических выводов, тем самым приближаясь к лучшему пониманию механизмов символического взаимодействия и их социальных эффектов. Статья Джеймса Верча – основательный вклад в такую перспективу, и очень хорошо, что она оказалась доступна для русскоязычных читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Alexseev 2016 – *Alexseev M.A.* Backing the USSR 2.0: Russia's ethnic minorities and expansionist ethnic Russian nationalism // *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15* / ed. by Pål Kolstø and Helge Blakkisrud. Edinburg: Edinburg University Press, 2016.

Laruelle 2016 – *Laruelle M.* Russia as an anti-liberal European civilization // *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15* / ed. by Pål Kolstø and Helge Blakkisrud. Edinburg: Edinburg University Press, 2016

Malinova 2014 – *Malinova O.* “Spiritual Bonds” as State Ideology: Opportunities

and Limitations // *Russia in Global Affairs*. 2014. № 5. URL: eng.globalaffairs.ru/number/Spiritual-Bonds-as-State-Ideology-17223.

Rueschemeyer 2009 — Rueschemeyer D. *Usable Theory. Analytic Tools for Social and Political Research*. Princeton etc.: Princeton University Press, 2009.

Malinova Olga Yu. — doctor of philosophy, professor of the National Research University “Higher school of Economics” (Moscow)

REFERENCES

Alexseev M. A. Backing the USSR 2.0: Russia’s ethnic minorities and expansionist ethnic Russian nationalism. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15*, ed. by Pål Kolstø and Helge Blakkisrud. Edinburg: Edinburg University Press, 2016.

Kolstø and Helge Blakkisrud. Edinburg: Edinburg University Press, 2016

Malinova O. “Spiritual Bonds” as State Ideology: Opportunities and Limitations. *Russia in Global Affairs*, 2014, no. 5. URL: eng.globalaffairs.ru/number/Spiritual-Bonds-as-State-Ideology-17223.

Laruelle M. Russia as an anti-liberal European civilization. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15*, ed. by Pål

Rueschemeyer D. *Usable Theory. Analytic Tools for Social and Political Research*. Princeton etc.: Princeton University Press, 2009.

В. И. Мироненко

«Российско-украинские отношения сегодня являются едва ли не основным фактором, определяющим темпы модернизации обеих стран»

Дж. Верч в своей статье, перевод которой и знакомство с ней русскоязычного экспертного сообщества России и Украины является, на наш взгляд, важным событием для российской украинистики, совершенно обоснованно и очень аргумен-

тировано ставит вопрос о соотношении актуального политического дискурса и того, что автор определяет как «символы национальных сообществ». Его призыв заглянуть «под нарратив» представляется вполне обоснованным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

© Мироненко В. И., 2018

Мироненко Виктор Иванович — кандидат исторических наук, руководитель центра украинских исследований Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа» (Москва); victor@mironenko.org

Российско-украинские отношения, на мой взгляд, сегодня являются едва ли не основным фактором,

определяющим темпы модернизации обоих сообществ и обеих стран. В обоих случаях, несмотря на то, что властями утверждается обратное, она фактически либо остановлена, либо происходит с недопустимым отставанием от темпов, необходимых, чтобы не отстать от происходящих в мире процессов, не превратиться из субъектов в их объекты, в мировую провинцию. Более того, и в этом, похоже, мало кто сомневается, в их нынешнем состоянии они представляют прямую и непосредственную угрозу миру в Европе.

В связи с последними событиями: принятием Верховным советом Украины Закона «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины на временно оккупированных территориях в Донецкой и Луганской областях» (№ 7163) и реакцией на него в России¹ — можно сказать, что угроза полномасштабного вооруженного конфликта на Востоке Европы с вполне вероятным перерастанием в общеевропейский и глобальный является самой высокой со времени так называемого «берлинского кризиса» 1961 г.

И в этой связи разнузданные пропагандистские кампании — так называемые «войны памяти», ведущиеся российскими и украинскими СМИ с участием в них, к большому сожалению, части академического

¹ УНИАН. 19 января 2018 Лавров заявил, что закон о реинтеграции Донбасса «перечеркивает» Минские договоренности. URL: www.unian.net/politics/2356165-lavrov-zayavil-chto-zakon-o-reintegratsii-donbassa-perechervivaet-minskie-dogovorennosti.html (дата обращения: 21.01.2018).

сообщества обеих стран и научных учреждений (таких, например, как Институт стратегических исследований и Институт СНГ в России или Институт национальной памяти в Украине), — являются примером политической безответственности и научной несостоятельности.

Трудно не согласиться с автором в том, что «исследование этого вопроса выходит за академические рамки, поскольку оно позволяет обуздать то опасное противостояние, которое возникло между Россией и Западом по поводу Украины». Хотя, по-видимому, принимая во внимание объективный характер ментальных причин этого противостояния — как между Западом и Россией, так и между Россией и переживающей с большим историческим опозданием свое становление украинской республикой — значение его статьи и цель предлагаемой редакцией журнала «Историческая экспертиза» дискуссии состоит, прежде всего, именно в том, чтобы попытаться общими усилиями возратить этот чрезвычайно взрывоопасный и затянувшийся спор из политической плоскости в плоскость академическую. И автору это удалось.

«Один из важнейших нарративов, объединяющий российское мнемоническое сообщество, — отмечает Дж. Верч, — обусловлен повторяющимися вторжениями...». Это утверждение автора в высшей степени справедливо, но, на наш взгляд, недостаточно для понимания проблемы российско-украинских отношений, и показательным в том смысле, что наложение отработанных и выверенных концепций на иное в опре-

делении автора «мнемоническое общество» может дать неожиданный и несколько искаженный результат.

«В случае России речь идет о нарративном шаблоне “Изгнание-чужеземного-врага”. Этот глубинный код основан на историческом опыте и применяется для придания смысла многим событиям российского прошлого. Его влияние основано скорее на “быстром мышлении”, чем на рефлексии, и он скрытно воздействует на “мнемоническое противостояние” между Украиной и Россией», — отмечает Дж. Верч. Это так, но эти исторические аспекты упомянутого противостояния не ограничиваются.

Нужно обязательно принимать во внимание факторы географические. Размеры территорий двух стран, конечно, несопоставимы. Но есть некоторая символика в том, что по своей территории (17075400 кв. км) Россия является самым большим государством в мире, а Украина (603628 кв. км) — самым большим из государств, расположенных целиком в Европе. Протяженность их общей границы составляет 2292,6 км — почти треть всей государственной границы Украины. Своими восточными рубежами она соседствует с наиболее населенными, схожими по климатическим условиям регионами Российской Федерации. Центральные исторические части России и Украина находятся на тесно сообщающихся пространствах.

Описывая их, С.М. Соловьев отмечал: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии

от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов» (Соловьев 1988: 56). Эта равнина покрыта сетью рек, которые своими бассейнами с древнейших времен, начиная от знаменитого пути «из варяг в греки» и «волжско-каспийского» пути, связывали воедино огромную территорию. Что касается Урала, Сибири и Дальнего Востока, то они изначально и особенно в XIX и XX вв. заселялись в том числе и выходцами из территорий, вошедших сегодня в состав украинского государства.

Культурно-этнические и исторические факторы, о которых идет речь, должны приниматься в расчет не только с точки зрения отличий исторической памяти, но и их сходств, например, присутствующей в обоих случаях ощутимой виктимизации национальной истории.

Даже для Европы, с ее этнической пестротой и теснотой, взаимосвязь развития русского и украинского этносов — явление уникальное. Споры о правомерности разделения этих этнических массивов, не говоря уже обо всех обстоятельствах и эпизодах их более чем тысячелетнего сосуществования, ведутся давно. Характеризуя длительный процесс освоения восточными славянами упоминавшейся уже нами Восточно-Европейской равнины, русский историк В.О. Ключевский подмечает его замечательную особенность. «Оно распространялось по равнине, — пишет он, — не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь,

переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер. История России есть история страны, которая колонизируется (подчеркнуто мной. — В. М.)» (*Ключевский* 1987: 50).

Украинский историк, основатель украинской национальной историографии М. Грушевский усмотрел в этом «традицию старой московской историографии, которую переняла новейшая российская, — события украинской истории обычно входили эпизодами в традиционную схему восточноевропейской, или как она обычно зовется — “русской истории”» (*Грушевский* 1991: 3) (переведено нами. — В. М.). С высоты нашего сегодняшнего знания эти суждения совершенно не противоречат друг другу. Это скорее взгляды с разных точек зрения на один и тот же исторический процесс. Украина была демографической базой «большой» России, не переставая при этом быть Украиной. Огромные избыточные пространства России постоянно вбирали ее избыточное население. Сегодня миграционные потоки из Украины стремительно переориентируются в западном направлении, что может оказать очень сильное влияние на демографическую ситуацию в России.

В целом спор об историчности, оправданности, приемлемости этнического разделения русских и украинцев с обретением этими этносами своей государственности, казалось бы, утратил свою политическую актуальность. Но он не прекращается и по сей день. Эта дискуссия в научном отношении очень интересна и, наверное, полезна. Но ее перманентная незавершенность и направленность, которую она временами приобретает, создают много проблем и Украине, и Российской Федерации, и Европе...

Трудно не согласиться с автором текста, о котором идет речь, в том, что его «комментарии по этому вопросу в высшей мере умозрительны, но они могут наметить продуктивное поле совместных исследований, которые могли бы объединить представителей различных дисциплин для того, чтобы обратиться к изучению одного из наиболее загадочных и опасных феноменов, действие которого мы наблюдаем в современных международных отношениях. Разумеется, что конфликты между национальными сообществами не могут и не должны быть сведены к вопросу ментальных стереотипов, но слишком много дискуссий между противостоящими сторонами завершается “коротким замыканием” потому, что мы не осознаем силу этих стереотипов и нарративных шаблонов, которые их порождают».

К этому трудно что-либо добавить. Разве что то, что дискуссия по этой острейшей проблеме на страницах одного из авторитетнейших исторических журналов России своевременна и уместна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Грушевський 1991 — Грушевський М. Історія України-Русі. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1991.

Mironenko Viktor I. — candidate of historical sciences, Head of Center for Ukrainian studies of Institute of Europe RAS, chief editor of the journal “Contemporary Europe” (Moscow)

REFERENCES

Grushevs'kii M. *Istoriia Ukraïni-Rusi*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 1991.

Ключевский 1987 — Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Сочинения в девяти томах. Т. 1. М.: Мысль, 1987.

Соловьев 1988 — Соловьев С. М. Сочинения. Книга 1. История России с древнейших времен. Тома 1–2. М.: Мысль, 1988.

Kliuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. Ch. 1. *Sochineniia v deviatii tomakh*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1987.

Solov'ev S. M. *Sochineniia*. Kniga 1. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*. Vol. 1–2. Moscow: Mysl', 1988.

Е. Ю. Рождественская

«Вопрос об истинности нарратива контрпродуктивен»

Статья Джеймса Верча привлекает внимание к интереснейшему методологическому вопросу о происхождении и функционировании нарративных шаблонов. Безусловно, это обширнейшая область междисциплинарных исследований, обнимающая поле философии, языкознания, социологии, психологии и т. д. Роднит их обращение к продуктам речи, производимой индивидом, но отсылающей к усилиям общества. Ведь, по словам Витгенштейна, язык не индивидуальное изобретение. Лингво-символическая сфера культуры дает возможности для социализации в риторической компетенции, доступ через страти-

фицирующую систему социальных капиталов к нарративным формам, а через них — к образцам толкований и смысловым горизонтам. Производит ли эти формы или шаблоны индивид или конкретный властный актор типа президента? — Разумеется, нет. Дискурсивные практики в обществе — распространенные, часто рутинизированные решения для повторяющихся коммуникативных задач и проблем. По большому счету нарратив на тему запаздывающей весны и возможных причин этого явления как социальный small talk, для англичан имеющий существенное значение в виде индикатора социализированности, умения подхватить и разработать в коммуникации приемлемые версии погоды, или нарратив на тему «кто нам опять угрожает» как классический русско/советский нарративный ход

© Рождественская Е. Ю., 2018

Рождественская Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); erozhdestvenskaya@hse.ru

могут быть рассмотрены в одном ряду, но разнесены по национальным контекстам. Но оба нарративных примера являются формами дискурсивной практики, которая через вербальное отображение опыта времени, композиционных усилий и потенциала реинсценирования открывает особые возможности дискурсивного производства и управления как идентичностью рассказчика, так и социальными рамками памяти нации. В нарративах акторы рассказывают о пережитом разной степени общности, манипулируя кодой рассказа. Они (нарративы) не вполне адекватны воспоминаниям как вербальные продукты, поскольку подлежат прагматическим и синтаксическим правилам, ситуативно и темпорально определены. Но важнейший аспект заключается в том, что они контекстуальны, т. е. для эффективной коммуникации необходим общий фонд означенного опыта, солидаризирующий группу/поколение/классы/нацию, селективно отобранных знаний и верований и т. д., в противном случае производство и понимание дискурса будет затруднено или невозможно. Известное высказывание К. Маннгейма о конъюгальном характере пережитого группой опыта как истоках солидарности, крепящей группу, удерживающей ее в пространстве общего разделенного смысла, помогает понять, что нарративные шаблоны работают в том же направлении, проговаривая прожитое и наделяя его смыслом, важным для социальной группы.

В традиции философского анализа через нарратив тематизируется темпоральная конструкция расска-

за как эмплотмента (Х. Уайт, П. Рикер, Д. Карр, Г. А. М. Виддерсховен). Рассказывание здесь — средство для понимания человеком своей временности и способ придания смысла жизненному пути. Сходно развивается и в концепции Т. Сэрбин «нарративный принцип», согласно которому темпорально члененное и структурированное по смыслу упорядочение опыта превращается в плот через цель и функции рассказывания в ситуации коммуникации. В социологическом подходе М. Зоммерса описываются диспозиции к действиям как погружение в заданный «социальный нарратив», тот самый шаблон, о котором пишет Дж. Верч, в котором акторы обживаются, социализируются, придают формы своим пережитым опытам. При этом рассказчик рассматривается как владелец и пользователь нарративно опосредованной культуры, создающий свои опыты в предлагаемых формах, нарративных «ready-mades». Выбор в пределах резервуара одобряемых и доступных нарративов выражает тем самым его отношение к себе и подчиняет его условиям социальной регуляции. По этой логике наша социализация в конкретном обществе связана с перениманием канонических нарративов соответствующих групп, к которым индивид испытывает чувство принадлежности или к которым он институционально приписан. Таким образом, возможности индивидуального нарратива весьма ограничены, он встраивается и лишь частично узнает себя в коллективном нарративе или обрамляется коллективными рамками памяти в духе М. Хальбвакса.

Эта преамбула мне понадобилась для того, чтобы соотнести предлагаемую Дж. Верчем постановку вопроса о нарративных инструментах с текущим нарративным дискурсом широкого поля социальных исследований. Прежде всего, в статье предъявлены отсылки к идеям Выготского и Кассирера о символическом опосредовании, более того, «проклятия опосредования». Но идеи безусловных предтеч современного нарративного дискурса получили, как мы увидели выше в преамбуле, свое дальнейшее развитие и отчасти банализовали их. Разумеется, в нарратив, тем более гранд-нарратив общества вошли, закрепились и ретранслируются национальный миф, идеологические установки, даже деструктивные мемы, коль скоро коммуникация в обществе в значительной степени виртуализировалась. Поэтому, словами Маклюэна, форма послания — это тоже месседж, в чем нас постоянно убеждают дискурс-анализ политических текстов (например, Г. Почепцов, Т. Ушакова) или нарративный анализ библейских посланий Павла (В. Волох) и т. д.

Далее, автор опирается на терминологию мнемонических сообществ с их набором нарративных шаблонов, определяющих так называемое быстрое мышление. Что под этим понимается? — «Нарративные шаблоны — это привычные средства для производства быстрых, почти автоматических суждений, которые обычно не подвергаются сознательной рефлексии. Вместо того, чтобы осмотрительно и осознанно отбирать подходящий сюжет, способ-

ный придать смысл тому или иному событию, мы автоматически попадаем под влияние нарративного шаблона, который уверяет нас, что события развиваются согласно его предписаниям. <...> В этой ситуации критическая рефлексия — единственный инструмент устранения расхождений и достижения взаимопонимания между мнемоническими сообществами».

Апеллируя к мнемоническим сообществам, автор удерживает нас в поле запоминания и припоминания, а в случае сообществ — еще и социально важной для группы информации или опыта. По сути, речь о групповом/коллективном виде социальной памяти. Но косвенный предмет статьи — не групповой/коллективный уровень социальной памяти, а публичный (в духе Хартмана или Рюзена). Это важный аспект, поскольку лидер нации озвучивает уже не столько исторические события, сколько идеологически переработанные факты, зачастую искаженные, но имеющие целью не следование научно-исторической экспертизе, а целям мобилизации в ограничиваемом идейном пространстве. Это совершенно другая задача, ресурсом которой является в первую очередь национальная мифология.

Но автор далее задается целью оценить истинность транслируемого властным актором нарратива! «Каким же образом мы должны подходить к оценке истинности нарратива, т. е. определять, предоставил ли кто-нибудь верное повествование о том, что случилось? Естественно, что лица,

обсуждающие подобные проблемы, обязаны предоставить хорошо документированные истинные высказывания. Но, независимо от их прилежности в этом деле, истинность нарратива не может полностью определяться подобными доказательствами. Все равно остается нередуцируемый элемент суждения, и это суждение в огромной степени определяется тем нарративным шаблоном, которому привержен автор суждения».

В нашем понимании, это вряд ли уместная задача — поиск истинности нарратива. Скорее мы должны были переориентироваться на другую постановку исследовательской задачи: почему в этом социально-экономическом и культурном контексте 1) актер прибегает именно

к этому нарративу, 2) а какие нарративы вообще имеются в его распоряжении, т.е. какие примеры нарративных шаблонов «засветились» в этом культурном пространстве. В оптике реализации обеих задач можно оценить тогда сделанный выбор нарративного шаблона. Таким образом, вопрос об истинности нарратива контрпродуктивен, если он действенен, т.е. отыгрывает социальную потребность в смыслопорождении. А вот вопрос об «искренней вовлеченности в нарративный шаблон национального сообщества и глубокой ему преданности» действительно занимателен, но выходит за рамки поля нарративного анализа, уводя в историко-культурологический анализ идеологий.

Rozhdestvenskaya Elena Yu. — doctor of social sciences, professor of the National Research University “Higher school of Economics” (Moscow)

А. С. Стыкалин

«Собственный исторический опыт, сквозь призму которого воспринимается чужой опыт, действительно создает иногда некоторую аберрацию зрения»

Иногда от украинских, прибалтийских, да и от западных политических комментаторов приходится слышать: русский либерализм кон-

чается там, где начинается проблема Крыма. Т.е. российский либерализм никак не может и, вероятно, не сможет освободиться от имперских комплексов. Ссылаются при этом на Явлинского и прочих, которые говорят, что, встав во главе страны, проведут в Крыму честный, под международным контролем референдум, вместо того чтобы

© Стыкалин А. С., 2018

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

прямо и без обиняков заявить, что «Крым не наш». Но давайте-ка мы сравним отношение русских либералов к проблеме Крыма, скажем, с их же отношением к подавлению, например, Пражской весны. Не кажется ли профессору Верчу, что в случае с Украиной многое в позиции российских либералов объясняется просто элементарным и конкретным (пусть иногда немного снобистским) неуважением к сегодняшней украинской политэлите, чье желание побыстрее войти в Европу сильно опережает умение вести себя по-европейски? Директора украинского Института национальной памяти Вятровича не случайно объявили персоной нон грата в Польше, чье правительство старается максимально поддерживать Украину на международной арене, а проблема венгерских, да и румынских школ на Украине не требует, на мой взгляд, слишком пространных комментариев.

Я сходил на московскую историческую выставку на ВДНХ («Россия — моя история») и увидел уже при входе большой плакат с цитатой из императора Александра III: «У России только два союзника — армия и флот». С моей точки зрения, сама эта цитата весьма концептуальна, во многом определяет общую концепцию выставки, задает тон всему последующему нарративу: «Россия окружена врагами, у нее нет и не может быть исторических союзников, она всегда может стать жертвой сговора враждебных сил, а потому дипломатия имеет целью скорее разобщение врагов, нежели поиск союзников, гарантом же успешной внешней политики явля-

ется прежде всего военная, державная мощь». Соответственно, когда на Западе говорят о культивировании в России на официальном уровне определенной исторической памяти, то вспоминают прежде всего о культивировании воинских традиций. Никто не спорит, это чрезвычайно важная часть исторической памяти. Но разве можно свести к ней всю память, функционирующую в российском, выражаясь языком профессора Верча, мнемоническом сообществе? Есть ведь разные виды исторической памяти. Да, есть память военно-историческая, о победах, о захватах, о героических подвигах и т. д. и т. п., т. е. память о славе русского (или любого другого) оружия. Ее берегут не только в России — а сколько во Франции памятников, посвященных Первой мировой войне! А в Англии не берегут память о Трафальгаре или Ватерлоо? Плохо, когда эта память эксплуатируется некоторыми силами, в том числе и провластными, ради обоснования новых захватов, войн, территориальных переделов, как это иногда имеет место в сегодняшней России.

И есть память культурная со своими топонимами. Для русской культурной памяти применительно к Крыму это волошинский Коктебель — один из центров русской культуры Серебряного века, это Феодосия Айвазовского и Грина с «Альми парусами» и пр. и пр., в конце концов и Крым барона Врангеля, откуда бежала в Европу немалая часть русской не только военной, но именно культурной элиты. Помнят ли на Западе о том, что в русском сознании Крым — это средоточие не только

определенных военно-исторических, но и культурных традиций, и поэтому не совсем справедливо воспринимать любую ностальгию по Крыму как уступку державно-шовинистическому официозу и склонности играть по навязанным сверху правилам «мнемонического сообщества»?

Один из весьма уважаемых мной историков старшего поколения, заведующий кафедрой МГУ, внимательно прочитав статью профессора Верча, акцентировал внимание на том, что людям иных мнемонических сообществ трудно понять иной исторический опыт. Взять к примеру, условно говоря, сообщество ан-

гლოსаксонское, оно имеет, цитируя слова этого профессора, «совершенно иную коллективную память (всегда воевали вне пределов своих стран, только во Вторую мировую англичане почувствовали на своей шкуре, что значит война на их территории (бомбежки). Американцы, раз испытав 11 сентября, до сих пор живут со свихнувшейся психикой (иммиграционная политика Трампа)». Интересно, как бы г-н Верч прокомментировал подобного рода высказывания? Не кажется ли ему, что собственный исторический опыт, сквозь призму которого воспринимается чужой опыт, действительно создает иногда некоторую аберрацию зрения?

Stykalin Aleksandr S. – candidate of historical sciences, coordinating researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Т. Г. Таирова-Яковлева

«Мне представляется спорным, что важнейшим нарративом, объединяющим российское мнемоническое сообщество, является идея повторяющегося вторжения»

Статья профессора Джеймса Верча представляется интересной и перспективной в плане изучения национальных конфликтов и межгосударственных отношений. В частности, концепция ментальных стереотипов и нарративных шаблонов мо-

жет быть успешно использована для изучения природы конфликтов между Россией и Украиной. При этом мне представляется спорным высказанное в статье мнение, что важнейшим нарративом, объединяющим российское мнемоническое сообщество, является идея повторяющегося вторжения. Внешняя угроза и внешний враг, необходимость объединения для борьбы с ними – это лишь одним из россий-

© Таирова-Яковлева Т. Г., 2018
Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); tairovayak@mail.ru

ских нарративов. Не меньшую роль играет идея защиты славянского мира, соотечественников, единоверцев. Эти нарративы успешно работали со времен Екатерины II. Что касается ментальных стереотипов, вызывающих «короткое замыкание», это, прежде всего, покушение на русский язык. Причем развитие национального языка воспринимается как угроза русскому — это было характерно и для Российской империи, и для Советского Союза. При этом Украина была всегда особенно

чувствительной «зоной» для российского нарратива — как территория единого прошлого (Киевская Русь), «братского народа», православия, восточнославянской языковой группы и т. д. Поэтому любые попытки «изъять» Украину из зоны российской сферы влияния на ментальном уровне вызывают «короткое замыкание» в российском мнемоническом сообществе. Вопрос: какой национальный стереотип профессор Дж. Верч считает доминирующим на Украине?

Tairova-Yakovleva Tatiana G. — doctor of historical sciences, professor, St. Petersburg state University (Saint Petersburg)

А. А. Тесля

Антропология в пробковом шлеме

Текст статьи профессора Верча вызывает у меня целый ряд недоумений и несогласий. Прежде всего, соображения методологические: обращение к концепциям Выготского, Лурии и Кассирера в таком общем плане дает нам лишь более чем тривиальный вывод — мы мыслим через опосредования и орудия нашего мышления никогда не являются вполне прозрачными для нас. От этого тезиса до «национальной памяти» дистанция огромного размера, остающаяся теоретически не-

заполненной — если угодно, «национальная память» вводится как нечто само собой разумеющееся, причем одним легким движением, отсылая к Екатерине II и утверждая существование «национального нарратива», относительно единого со 2-й половины XVIII в. вплоть до наших дней. И соответственно, оценивая многое из сказанного президентом РФ В. В. Путиным «в ходе конфликта с Западом» как проявление «глубинного национального нарратива, который на протяжении веков является неотъемлемой частью русской культуры. Екатерина Великая, которая присоединила Крым к России в 1783 г., считала, что единственный путь защитить свою страну состоит в расширении ее пределов. Это положение продолжает находить

© Тесля А. А., 2018

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

отклик среди “верхов” и “низов” современной России».

Как с исторической, так и, видимо, с социологической точки зрения попытка установить (декларативно) подобное единство более чем сомнительна, поскольку и сам «национальный нарратив» отнюдь не является гомогенным, и, что более важно, выстраивается существенно позже. Отсылка к «векам» и «глубине» позволяет через конструирование «традиции [другого]» создать иллюзию объяснения, приемлемый в наши времена «облегченный» вариант субстанционализма — объяснение поведения другого из его «природы», тогда как «природа» в свою очередь проясняется через поведение, образуя замкнутый круг.

Собственно, перед нами один из печальных образчиков «колониальной антропологии», где задача исследователя — объяснить, почему этот «туземец» ведет себя «неправильно» и что с ним «не так». Характерно не только регулярное обращение автора к таким понятиям, как «реальность» и «истина», но при этом утверждение (выступающее в качестве самоочевидного, по крайней мере оно никак не аргументируется), что российские лидеры «утратили способность понимать других, вопреки собственным интересам».

На этом пассаже следует остановиться подробнее:

— во-первых, остается непонятным, что дает основание говорить, что российские лидеры «утратили способность понимать других». Если

их действия и суждения не соответствуют ожиданиям оппонентов, то постулировать «утрату способности» является лишь одним из вариантов объяснения ситуации;

— во-вторых, «собственные интересы» российских лидеров и широкой российской общественности оказываются не только никак не проясненными, но и считается, что действия и суждения лидеров и общественности им противоречат. Возможно, это и так, но тогда возникают два дополнительных вопроса, а именно — о каких именно интересах идет речь, о субъективных или объективных, а если о последних, то кто является инстанцией их оценки? И разошлись ли российские участники в своих поступках с тем, что, на их собственный взгляд, является их интересами, или же такое суждение выносится только внешним наблюдателем? Впрочем, прояснить все это, опираясь на текст статьи, остается невозможным — равно как и понять, в чем именно состоят эти «собственные интересы» и не является ли, например, конкретный выбор предпочтением защиты более фундаментальных интересов через жертвование сиюминутными?

Говоря о «национальном нарративе» и ситуации 2014 г., автор ограничивается рассмотрением лишь нескольких суждений из выступлений президента РФ В. В. Путина, но при этом делает широкие выводы о системе представлений «российских лидеров и граждан», закономерным образом при таком подходе приводя к прямо ошибочным утверждениям. Так, профессор Верч пишет,

характеризуя то ли подход российской стороны, то ли суждения Путина в его речи от 18 марта 2014 г.:

«[...] при таком подходе под угрозой оказываются не признанные международными соглашениями государственные границы России, но воображаемые этнические границы русского народа. Российские лидеры и граждане настолько были вовлечены в свой “непроницаемый нарратив”, что проигнорировали различия».

Если бы автор был хоть немного внимателен к конкретному материалу, оценивать который берется, то обратил бы внимание и на движение лексики в выступлениях официальных лиц на протяжении 2014–2015 гг. («русские», «русскоязычные» и т. п.), и на широкую дискуссию, охватившую значительную часть интеллектуалов в это время, о понятии «Русского мира» и его конкретного наполнения. Никоим образом не касаясь первой части приведенной цитаты, полагаем, что даже приведенных нами указаний достаточно, чтобы опровергнуть суждение о «непроницаемом нарративе» и игнорировании различий как следствии невидения, непонимания таковых — различия были проигнорированы, но отнюдь не в силу неосознания таковых. Иными словами, перед нами рациональный выбор — возможно, ошибочный, но ошибка не означает нерациональности.

Иными словами, перед нами — один из текстов идеологической войны, стигматизирующий оппонента и переводящий его из пространства рационального в область, где его действия осмысляются в категориях «предрассудков», «нарративных шаблонов» и «коротких замыканий». С одной стороны оказывается слабо дифференцированный «Запад», носитель рациональности, с другой стороны — «Россия», причем отмечается, что не только для последней, но и для «Запада» представляет угрозу соблазн «коротких замыканий». Однако в интерпретации конфликта позиция «Запада» в оптике автора выступает в качестве беспроблемной. Тем самым перед нами, если угодно, пример именно «ментального шаблона», к тому же действующего в элементарной бинарной логике — и если пытаться выйти за пределы элементарного противостояния, то представляло бы интерес попытаться в авторских категориях осмыслить его собственную позицию, сделать ее рефлексивной. Однако, возвращаясь к исходному, полагаем, что это вряд ли будет особенно продуктивно, поскольку избранный интеллектуальный инструментарий слишком общий, чтобы дать продуктивные результаты — теоретические элементы, позаимствованные из концепций Кассирера и Выготского, работают как инструменты легитимации политически нагруженных суждений, а не как инструменты исследования.

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

Дж. Верч

«Замечания по поводу моей статьи продемонстрировали важность бахтинианской проблемы адресности высказывания»

Мне чрезвычайно лестно, что группа выдающихся российских исследователей приняла участие в обсуждении моей статьи о национальной памяти и ее нарративах. Чтение отзывов напомнило о высоком интеллектуальном уровне и энергии дискуссий, с которыми я сталкивался в Москве начиная с 1970-х гг. Поэтому, прежде всего, я бы хотел сказать, что высоко ценю усилия коллег, которые потратили время для написания содержательных комментариев. В рамках журнальной дискуссии невозможно ответить на каждый комментарий. Может быть, я попробую сделать это в будущем, но для этого потребуются написать объемистую книгу. В данном тексте я попробую ответить на общие вопросы, которые повторяются в нескольких комментариях, и вернусь к обсуждению нескольких важных тем.

Прежде всего следует сказать, что замечания по поводу моей статьи продемонстрировали важность бахтинианской проблемы «адресности» высказывания. Мои размышления о национальной памяти и нарративах были адресованы американской и западноевропейской аудиториям, и реакция российских коллег обнаружила, что такая адресация породила некоторую тенден-

циозность и другие недочеты моего текста. Одна из причин моего обращения к российским национальным нарративам вызвана тем, что в нынешней напряженной международной ситуации американцы часто думают, что как только Путин перестанет быть президентом, то российско-американские отношения сразу наладятся. Я не согласен с такими предположениями, поскольку Путин выражает настроения значительной части населения России, и я считаю важным объяснить это американской аудитории (о том, что данный подход позволяет понять, почему большинство граждан США голосовали за Трампа, см. ниже). Это означает, что для американской аудитории мои замечания должны были стать исходной точкой пересмотра представлений, существующих в США. Для российских коллег они, разумеется, не являются исходной точкой, и поэтому я прошу простить меня за те положения моей статьи, которые в их глазах выглядят доктринерством.

Движимый стремлением заполнить лакуны в американском понимании российской политической культуры, я подчеркнул и, возможно, местами преувеличил роль глубинных культурных сил и то, как Путин публично их выражает. Не знаю, в какой мере такая мотивация мо-

его подхода отвечает на замечание А. С. Стыкалина, что призма, через которую я смотрю на чужой опыт, искажает мое видение. В свою очередь я должен спросить, возможен ли «беспризменный» взгляд в принципе, и предположить, что мы можем только выиграть, если организуем диалог конкурирующих точек зрения и посмотрим, к каким результатам он приведет. Я понимаю, что это выглядит как наивное упрощение, но это лучшая доступная нам альтернатива взаимному непониманию в международных отношениях.

Данный подход также применим к случаю Трампа. Несмотря на то, что часть американцев, в том числе и мои ученые коллеги, могут не признавать этого, Трамп был законно избран и представляет значительную часть американского электората. Об этом легко забыть благодаря шумихе, которую личность Трампа порождает в СМИ (что, несомненно, льстит его нарциссизму). Тем не менее необходимо помнить, что Трамп представляет по меньшей мере одно из направлений базового кода, образующего американскую политическую культуру, и нам необходимо понять, из чего этот базовый код состоит. (Попутно необходимо заметить, что термин «базовый код» вошел в мой научный язык благодаря общению с Вяч. Вс. Ивановым и другими московскими друзьями.) Таким образом, вторым моим побуждением было подчеркнуть, что Путин выражает чувства, имеющие широкую общественную поддержку, и тем самым побудить моих американских читателей взгля-

нуть в это зеркало и осознать, что тот же подход уместен при взгляде на наши домашние дела. Американский нарративный шаблон и порожаемое им быстрое мышление делают нашу политическую культуру столь же восприимчивой к воздействию бессознательных, нерациональных сил, как это свойственно России и любым другим нациям.

Пожалуй, наиболее часто мои комментаторы задаются вопросом, почему я сосредоточился на одном нарративном шаблоне и одном связанном с ним мнемоническом сообществе? В частности, И. И. Курилла предложил обратить внимание на множество мнемонических сообществ, существующих внутри одной нации, и для такого подхода есть основания. В своем ответе я бы хотел отметить два момента. Я не являюсь экспертом в национальных нарративах, которые конкурируют в современной России, но я знаю, что они существуют, и не раз обсуждал их с русскими друзьями и коллегами в ходе ваших замечательных банкетов. Нарратив поддержки славянского мира, предложенный Т. Г. Таировой-Яковлевой, один из перспективных кандидатов на эту роль. Другой интересный случай — возникновение неоевразийства. Я считаю, что проект «картирования» национальных нарративов, присутствующих в публичном и частном дискурсе России, будет иметь важное значение, но я неспособен в нем участвовать. Я полагаю, что любое национальное сообщество использует более одного нарративного шаблона, через которые оно смотрит на мир, и в более широком, чем мой, проекте необходимо

не только обнаружить эти шаблоны, но и понять, как они взаимодействуют друг с другом. Видимо, нечто подобное имел в виду А.А. Тесля, когда писал, что национальный нарратив не может быть однородным. Сходный проект применительно к Грузии был осуществлен Нутсой Батишвили в ее недавней книге «Vivocal Nation». Близкий подход отражен в комментарии Д.А. Аникина о «нарративной гетерогенности».

Главной причиной того, что в центре моей статьи оказался нарративный шаблон «Изгнание-чужеземного-врага», стало его центральное положение в американо-российских дискуссиях. Это часть более широкого утверждения, что мы часто не ведаем о нарративных шаблонах, которые управляют нашим мировоззрением, до тех пор, пока мы не встречаемся с представителями других мнемонических сообществ. Место, где мы можем наиболее отчетливо рассмотреть нарративный шаблон — это контакт, порой конфликт, с другим нарративом, что согласуется с комментарием В.И. Мироненко по поводу российско-украинской конфронтации. Именно на границах семиотических сообществ базовые коды проявляют себя с наибольшей отчетливостью, поэтому мой анализ сосредоточился на текстах, которые Путин и другие производили, имея в виду США. Дополнительным свидетельством существования нарративного шаблона «Изгнание-иноземных-захватчиков» является его воспроизведение в советских и российских школьных учебниках, а также во многих других текстах, но даже полная совокупность подобных сви-

детельств не означает, что это единственный национальный нарратив России и что русские фокусируются на нем в контекстах, отличных от политического дискурса, связанного с США. Как заметила Е.Ю. Рождественская, использование нарративов подчиняется «прагматическим и синтаксическим правилам», они определены «ситуативно и темпорально». К.А. Кочегаров указывает, что в «реальной политической практике» способы использования национальных нарративов могут широко варьироваться даже внутри сообщества, основанного на одном нарративе.

Это позволяет перейти к следующему вопросу, который я хотел затронуть, а именно к опосредованию. Я хочу подчеркнуть, что нарративы выступают в качестве формы символического опосредования, т.е. некоего инструмента. Эти инструменты сами по себе не принуждают нас к какому-либо действию и с большей или меньшей вероятностью обнаруживают себя в зависимости от того, что Е.Ю. Рождественская обозначает как ситуационный и темпоральный контекст. Различия национальных сообществ, которые я стремлюсь охарактеризовать, не являются непреодолимыми или предопределяющими деятельность, и, следовательно, их невозможно рассматривать, по крайней мере в упрощенном виде, как сущностные различия со всеми сопутствующими этому проблемами эссенциализма. По этим причинам мой анализ никак нельзя рассматривать как проявление «ориентализма» или «колониальной антропологии», упомянутых в комментариях кол-

лег. Я в полной мере осознаю, чем обязан Гердеру, Гумбольдту и другим представителям германской традиции, и считаю, что А.В. Голубев справедливо предостерегает от опасности эссенциалистского подхода к нации. Я не уверен, что его удовлетворит мой ответ, но я думаю, что сосредоточенность Выготского на опосредовании и знаковых системах предоставляет нам (может быть, узкий) путь, позволяющий избежать ловушки эссенциализма, которую расставили наши великие предшественники. Разумеется, мы – существа, состоящие из обычаев и привычек, которые сформированы нарративным контекстом нашей жизни, но я не думаю, что мы являемся узниками этих нарративных инструментов. По этой причине Путин, подобно лидерам других стран, выступает обыкновенным «рупором» (А.В. Голубев) национального нарративного шаблона. Собственными усилиями, а также в результате столкновений с другими нарративными сообществами мы можем осмыслить наши собственные нарративные инструменты и по меньшей мере получить шансы отыскать им альтернативу и сопротивляться их могущественному влиянию, часто замаскированному привычками и обычаями, которые управляют нами. Разумеется, я подхожу к проблемам русской культуры и нарративных шаблонов как сторонний наблюдатель. Но если слово «диалог» для нас что-нибудь значит, то следует помнить, что в итоге любого исследования возникает несколько взаимоисключающих монологичных ответов, включая ответы по поводу нас самих, и лучшее, что мы можем сде-

лать в этой тупиковой ситуации – использовать высказывания других, как выразился Лотман, «думающих устройств», способных подтолкнуть нас к поиску более вразумительных ответов. Поэтому различия, которые я наблюдаю, являются различиями набора инструментов, отличающего одно национальное сообщество от другого. И эти различия сильнее всего проявляются на границах нарративных сообществ. Понятие инструмента опосредования является здесь решающим, поскольку позволяет избежать эссенциализма. В ряде случаев одни и те же инструменты могут входить в состав двух и более инструментальных наборов, но я бы настаивал на том, что в одном сообществе одни и те же инструменты занимают более привилегированное положение и используются более охотно, чем в другом сообществе. Это позволяет отличать одно сообщество от другого. Легко заметить, как после 11 сентября 2001 г. в США работает аларамистская версия нарративного шаблона «Изгнание-чужеземного-врага». В частности, Трамп приложил все усилия для запугивания американцев, что позволило извлечь этот редко используемый инструмент из набора и привести его в действие. Однако Америка располагает гораздо меньшим историческим опытом, позволяющим обосновать этот нарратив, чем отличается от таких стран, как Россия. Он не обладает достаточной легитимностью и поэтому, вопреки опасениям многих, не стал «мотором» общественного сознания.

Следовательно, разница между национальными сообществами

России и США не может быть сформулирована в категориях «черное» или «белое». Она определяется не наличием или отсутствием той или иной сущности, а также не наличием или отсутствием того или иного нарративного шаблона. Вместо этого анализ должен быть сосредоточен на большей или меньшей склонности использовать тот или иной нарративный инструмент из имеющегося набора инструментов. Сказать, что американцы используют нечто вроде нарративного шаблона «Изгнание-иностранного-врага», не значит, что американское и российское национальные сообщества сходны между собой. С одной стороны, взвешенный подход в данном случае состоит в признании глубоких и устойчивых различий между национальными сообществами, различий, которые выходят на поверхность, когда эти сообщества вступают в споры. Но, с другой стороны, эти различия не должны быть сведены к «сущностям», к неизменному национальному характеру и прочим вариантам эссенциализма.

В этой связи уместен часто возникающий вопрос, является ли нарративный шаблон, который я обсуждаю, неизменным или он способен изменяться со временем? Постоянно приходится слышать, что мой подход ведет к эссенциализации, о чем, в частности, предостерегает О.Ю. Малинова. Я уже сказал, что этого можно избежать благодаря гибкости, которую предоставляет термин «опосредование». Мои размышления об этих вопросах возникли в ходе исследования советских и постсоветских учебников

истории и других повествований о прошлом, прежде всего относящихся к Великой Отечественной войне. Этот материал позволяет считать, что нарративные шаблоны могут достаточно успешно противостоять изменениям. Например, в советских и постсоветских повествованиях о Великой Отечественной войне главные действующие лица менялись, но базовый сюжет, или нарративный шаблон, оставался на удивление неподверженным изменениям. Рассматривая нарративные шаблоны на отрезке в несколько десятилетий, вряд ли возможно говорить об их постоянстве, но я вынужден признать, что при сравнении российского и американского случаев я был поражен тем, насколько они консервативны и устойчивы к изменениям. Этот предварительный вывод носит скорее индуктивный характер и может измениться при рассмотрении других национальных нарративов. И этот вывод должен периодически пересматриваться, согласно замечанию И.И. Куриллы о том, что рассказ о русской истории всегда связан с выбором того, что следует выделять и что необходимо отодвинуть на второй план.

В связи с этим возникает методологический вопрос, который затрагивал ряд комментаторов, а именно: на каких эмпирических свидетельствах основаны мои заключения? Этот непростой вопрос возникает в ходе любого исследования памяти. В отличие от психологических исследований индивидуальной памяти, где существует устоявшаяся традиция эмпирического исследования и достигнуто согласие

по поводу процедур и формы представления свидетельств, анализ национальной памяти и других ее коллективных форм не привел еще к созданию общепринятой парадигмы. В результате наши ответы в значительной мере зависят от нашей точки зрения. Я уже отметил, что смотрю на национальную память с точки зрения границ, которые становятся очевидными, когда одно национальное сообщество вступает в контакт с другим. Я также обращаю внимание на риторику, которую политические лидеры используют с целью мобилизации населения для противостояния другим нациям.

Но это далеко не единственные свидетельства, которые я использую. Например, мои коллеги в Вашингтонском университете (Сент-Луис) используют социологические опросы, чтобы документировать, каким образом различные социальные группы американцев (верующие/неверующие, консерваторы/либералы и т.д.) вспоминают прошлое. Совместно с другими коллегами я осуществлял исследование, основанное на опросе граждан 11 стран и посвященное памяти о Второй мировой войне, в ходе которого, кстати, выяснилось, что русских респондентов отличает знание подробностей этого конфликта. Следовательно, опросы могут быть ценным источником для свидетельств о национальной памяти.

Опросы различных социальных групп в США свидетельствуют, что внутри национального мнемонического сообщества существуют различные подгруппы, на что при-

менительно к России указывают комментаторы моей статьи. Не подлежит сомнению, что различия внутри национальных мнемонических сообществ являются важным направлением исследования. Я сосредоточился на рассмотрении общих свойств национальных сообществ отчасти потому, что они играют важную роль в ходе международных дискуссий и подобные столкновения могут представлять большую опасность. Кроме того, они проявляются чрезвычайно разнообразными способами. Например, в американском случае удивляет, что, несмотря на все вариации коллективной памяти, обнаруженные моими коллегами, американские президенты, без различия их политической принадлежности, на протяжении веков воскрешают нарратив «Град-на-холме», подразумевая, что этот нарративный шаблон может быть использован для мобилизации широкого национального сообщества.

В связи с этим снова возникает вопрос: что мы можем относить к свидетельствам существования базового кода в форме нарративного шаблона? И, разумеется, для ответа мы нуждаемся в широкой междисциплинарной дискуссии, затрагивающей вопрос о том, что О.Ю. Малинова именуется «эмпирическим подтверждением». При нынешней ситуации я считаю, что лучшим решением будет не начинать с общей теории и от нее переходить к эмпирическим случаям, а, напротив, обратиться к конкретным случаям национальной памяти и попытаться описать их в надежде построить обобщающую теорию.

Моя сосредоточенность на риторике национальных лидеров при анализе того, как одна нация воздействует на другую и пытается понять ее ответные действия, является попыткой осуществить именно такой подход, но это только один из видов свидетельств для изучения чрезвычайно сложной проблемы.

Несколько участников дискуссии, включая С.Е. Эрлиха, спрашивали, каким образом мои представления соотносятся с работами Хейдена Уайта, посвященными философии истории. Я восхищаюсь Уайтом, и его идея о фундаментальной роли «нарративности» в представлении прошлого является составной частью моего подхода. Тем не менее мой проект отличается от его, прежде всего по причине несходства истории и коллективной памяти. В современной форме эти различия были сформулированы в классической лекции Эрнеста Ренана «Что такое нация?» (1882) и проанализированы отцом исследований коллективной памяти Морисом Хальбваксом. Одной из наиболее удачных попыток описать различие, а в реальности противоположность, истории и памяти являются сочинения Пьера Нора.

Я согласен, что различие памяти и истории сопряжено с трудностями. Один из наиболее ярких философов Луис Минк доказывает, что принципиальным образом осуществить это различие практически невозможно. Однако сделать это насущно необходимо, не только из аналитических, но также из этических соображений. Я неоднократно писал об этом различии, но в данном случае я бы

использовал несколько пафосное обоснование, согласно которому коллективная память стремится сохранить нарратив за счет свидетельств источников, в то время как аналитическая история стремится сохранить свидетельства архивных и других источников за счет, если это понадобится, заветного (часто национального) нарратива. Второе отличие заключается в том, что память, по меньшей мере то, что я под этим понимаю, опирается на то, что Канеман именует «быстрым мышлением», тогда как историческая наука, очевидно, должна использовать «медленное мышление». Уайт, насколько можно судить по его спорам о фактах и по его теоретическим концептам, «объясняющим» эти факты, явным образом выбирает для рассмотрения одну сторону этой оппозиции – историю.

Как я уже сказал, можно еще много спорить о различиях между памятью и историей, но для настоящей дискуссии достаточно сказать, что проект Уайта посвящен истории, в то время как мой сосредоточен на памяти. Помимо прочего, это означает, что история стремится представить такое повествование о прошлом, корректность которого обоснована тем, что оно вполне согласно стандартам научного исследования, в то время как главная функция коллективной памяти состоит в поддержке проекта идентичности. Глубина исследований Уайта основана на том, что он признает законность устремлений исторической науки и вместе с тем настаивает на неустранимом «морализаторском импульсе» нарратива.

При этом Уайт вряд ли согласился бы с тем, что быстрое мышление с его самоуверенными поспешными суждениями могло быть положено в основу исторического исследования, в то время как это быстрое мышление является отличительным признаком памяти.

Различные функции и устремления истории и памяти уводят мой проект в другую сторону от проекта Уайта. В то же время их объединяет тот факт, что нарратив является ядром обоих проектов. Действительно, мои утверждения по поводу глубинной памяти, базового кода и т. д. во многом созвучны с тем, что Уайт именуется «глубинной структурой исторического воображения». Но существует по крайней мере одно важное различие. «Метаистория» Уайта занимается глубинными структурами, которые залегают глубже и носят более общий характер, чем нарративные шаблоны, которые я рассматриваю в качестве базового кода. Когда он пишет об архетипических сюжетах, а именно о драме, комедии, трагедии и сатире, он имеет дело с наиболее общими типами организации информации, которые приложимы ко множеству нарративных шаблонов. Его теоретические цели отличаются от моих, но мера, в какой наши проекты различаются один от другого, по моему мнению, состоит в том, насколько «глубинная структура» залегают глубже «базового кода». Возможно, что идея С. Е. Эрлиха о базовых мифах-нарративах указывает еще на один уровень базовых кодов. Необходимо отметить еще одно расхождение с Уайтом. Я рассматриваю нарративные шаблоны в терминах

психологических конструктов, таких как обычай (привычка) и быстрое мышление. Уайт постулирует глубинную структуру в категориях аналитических конструктов, которые лежат в основе научного исследования.

Заключительное замечание относится к понятию «истинности». Вряд ли оправдано, что мое упоминание этого термина заставило нескольких моих комментаторов бить тревогу. Я считаю, что полезно обратиться к термину Минка «истинность нарратива», который может отличаться от «истинности высказывания». Рассмотрим, например, утверждение: Трумэн решил использовать атомные бомбардировки, чтобы запугать Сталина и Советский союз. Это утверждение является частью нарратива, который в России многими рассматривается как истина, но отвергается американской национальной памятью. Примечательно, что тщательный исторический анализ, осуществленный в США (и я уверен, что и в России), содержит документальные свидетельства в пользу обоих повествований. Способы, которыми можно продемонстрировать истинность данного нарратива, отличаются от защиты или оспаривания истинности высказывания, например, утверждения, что Америка сбросила атомные бомбы на Японию в 1942 г. Существуют общепринятые процедуры для установления истинности высказывания на основе эмпирических свидетельств. При этом отмечается, что никакого количества свидетельств недостаточно, чтобы разрешить споры по поводу истинности нарратива. Как отмечает Е. Ю. Рождественская, причины,

по которым некоторые нарративные истины «засветились», т. е. приобрели непререкаемый авторитет в коллективной памяти, в большей мере зависят от политического или культурного контекста, чем от чего-либо, основанного на анализе нарратива. Историческая наука по меньшей мере иногда добивается успеха в обсуждении истинности нарратива, но в коллективной памяти он продолжает успешно сопротивляться изменениям.

Возможно, что совершенно неприемлемо поднимать вопрос об истинности в строгом смысле, когда мы говорим о прошлом. Тем не менее я считаю, что даже когда такие утверждения об истинности являются проблематичными или недоказуемыми, мы тем не менее делаем их — часто с огромным пылом — особенно в спорах национальных групп. Если кто-то заявит, что высадка союзников в Норман-

дии в 1944 г. стала причиной победы в войне, то это утверждение будет оспорено и отклонено русским слушателем, и у меня нет никаких сомнений, что в данном случае будет прав русский. У русских есть множество убедительных исторических свидетельств, чтобы по меньшей мере поставить под вопрос то представление об истине, которое существует в американской коллективной памяти. Но я веду речь не об этом. Я склонен считать, что несмотря на то, что в дискуссиях о коллективной памяти установить истину проблематично, тем не менее мы делаем это, прибегая к риторике в ходе политических дискуссий. Нации могут соглашаться и не соглашаться в вопросах идеологии, ценностей, культуры и обычаев. Но когда речь заходит о прошлом, мы часто находим себя в мнемоническом противостоянии, поскольку считаем, что наша память является «истинной».

Wertsch James V. — professor, Department of Anthropology Washington University in St. Louis (USA)

IS IT POSSIBLE TO GO BEYOND THE NARRATIVE TEMPLATE? RUSSIAN VIEW OF THE CONCEPT OF AN AMERICAN PROFESSOR. DISCUSSION ABOUT JAMES V. WERTSCH'S ARTICLE "NARRATIVE TOOLS, TRUTH, AND FAST THINKING IN NATIONAL MEMORY: A MNEMONIC STANDOFF BETWEEN RUSSIA AND THE WEST OVER UKRAINE"

Key words: collective memory, political culture, the concept of narrative templates

Abstract. Eleven Russian academics took part in the discussion of James Wertsch's article "Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine". Most of the participants subjected the concept of the Russian narrative template "Expulsion-of-Alien-Enemies" to harsh criticism. It is noteworthy that a number of colleagues refused to participate in the discussion. Some of them considered

«Замечания по поводу моей статьи продемонстрировали важность бахтинской проблемы...»

that Wertsch tries to justify Putin's foreign policy, while others found Wertsch a Russophobe. And the critical statements of the participants in the discussion and the polar motivations of those who refused to participate show that Verch touched upon an important nerve of Russian political culture. In the final section of the discussion, Verch responds to the remarks of his critics.

«В ЭТОЙ ПАМЯТИ НЕТ АГРЕССИИ,
НО ЕСТЬ БОЛЬ И ПЕЧАЛЬ ИЗ-ЗА
НЕЗНАНИЯ, ГДЕ НАХОДЯТСЯ МОГИЛЫ
ТВОИХ ПРЕДКОВ».

Интервью с Р. Михневой

Ключевые слова: Болгария, историческая память, русско-турецкая война 1877–1878 гг., национально-территориальные споры на Балканах, мирный договор 1878 г. в Сан-Стефано, Берлинский конгресс 1878 г., балканские войны 1912–1913 гг.

Аннотация. Болгарский историк Румяна Михнева рассуждает о наиболее болезненных точках болгарской национальной исторической памяти, касаясь острых моментов в национально-территориальных спорах на Балканах.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-72-81

Беседу вел А. С. Стыкалин. Переводил И. Думиника (Кишинев, Республика Молдова) (август 2017 г.)

А. С. Профессор Михнева, в октябре прошлого года в Институте славяноведения РАН прошла презентация вашей новой книги «“Маленькая Россия” на желтой брусчатке». Она посвящена истории русской эмиграции в Болгарии, и в частности в межвоенной Болгарии. Расскажите, пожалуйста,

ста, об этой вашей работе. Как вы пришли к этой теме? И какой след оставили выходцы из России в новейшей истории Болгарии, каков их вклад в болгарскую культуру?

© Историческая Экспертиза, 2018
Михнева Румяна – доктор истории, профессор Софийского университета (Республика Болгария); ruan@abv.bg

Р. М. Благодарю вас за внимание к этой публикации, она является частью проекта, которым я руковожу, – серии книг «Общественная история». Книга написана тремя авторами – мной, К. Грозевым и Г. Рупчевой. Хотя соавторы меня

и не уполномочивали, я все же постараюсь от своего имени изложить суть нашей идеи. По нашему замыслу, это книга о «русской истории» на болгарской земле. Рассказы о конкретных событиях, о городских достопримечательностях, о личной жизни русских эмигрантов были построены так, чтобы речь шла не только о произошедшем у нас, в Софии, но и о том, какую память о России эти люди принесли с собой в Болгарию. Память о своем происхождении, своей семейной истории, о дружбе, школах и университетах. Следует подчеркнуть, что наша книга — это, если можно так сказать, «черновик» нашего более общего замысла: показать роль русского академического присутствия в Болгарии. Для меня явился новостью тот факт, что с начала 1920-х гг., согласно решению ученого совета Софийского университета, русский язык стал вторым официальным языком в стенах университета. Это было сделано для того, чтобы назначенные профессора имели возможность читать свои лекции на русском языке. Надо сказать, что в эпоху коммунистического правления этой темой пренебрегали в нашей стране, да к тому же и не все источники были доступны. Не говоря уже о том, что некоторые из работавших в Болгарии русских ученых были «заклеймены» как белоэмигранты и советская историческая наука, если можно так выразиться, замела их под ковер. Наглядный пример этому — профессор Эрвин Гримм, последний ректор Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета, он служил в этой должности в 1911–1918 гг., а в годы эмиграции в Болгарии он заведовал кафедрой

всеобщей истории Софийского университета с 1920 по 1923 г. Таким образом, в своей работе мы поставили проблему и надеемся, что эта тема получит дальнейшее развитие в исследованиях как болгарских, так и российских коллег. Сказав о том, что наша книга является пока еще своего рода «черновиком», я выразила надежду, что мы расширим ее и дополним новыми источниками, сейчас это наша главная задача. Вообще работать над темой, связанной с историей России, является в сегодняшней Болгарии нелегким делом.

А. С. В этом году не только в Болгарии, но и в России довольно широко отмечается 140-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг., события, имевшего громадное значение для всей последующей болгарской истории. В марте в Москве состоялась конференция «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Надежды — перипетии — уроки». Еще более масштабная конференция — «Восточный кризис и русско-турецкая война 1877–1878 гг.: память и современные представления» — прошла, насколько я знаю, с вашим участием в конце апреля этого года в Софии и Плевене. Какое место занимает это событие в болгарской исторической памяти — не только в учебниках, подготовленных при поддержке государства и отражающих в той или иной мере официальный взгляд на событие, но и в более широком, массовом сознании?

Р. М. Внесу маленькое уточнение — конференция состоялась не с моим участием, она являлась одной из инициатив Софийского форума

по научной и культурной дипломатии, который мы создали в рамках проекта Софийского университета. К нему имеют отношение многие коллеги и друзья, которые знакомы и вам. Когда мы говорим об этой войне, как ученые мы понимаем ее значение, ее роль в политических процессах того времени, как в России, так и на Балканах. Но для нас сегодня важно и другое — присутствует ли память о ней в коллективной памяти, причем не только у болгар, но и у русских. Я бы сказала, что эта война — икона нашего формирования как нации, и независимо от политической конъюнктуры о ней знают, она имеет свои символические места и даты. Хочу вас при этом предостеречь от того, что можно почерпнуть из пропагандистских статей в российских и болгарских СМИ. Что же касается наших учебников, то война там, конечно, присутствует, иногда ставятся те или иные акценты, учебный материал иной раз приходится оборонять от политиканства некоторых болгарских ученых, увы. Я поблагодарила бы своих коллег-историков и болгарских учителей, которые, осознав ответственность, остались на высоте своего общественного призвания. Если бы им не удалось это сделать, если бы стандарты, разработанные Министерством образования, посягнули кардинально на события 1877–1878 гг., результаты были бы всем видимы. А сегодня 3 марта к Шипке приходят сотни в основном молодых людей, студентов, учащихся, которых воспитывают в духе сохранения памяти о событиях 1877–1878 гг.

А. С. Из 1877 г. перекинем мостик в 1878 г., а из нынешнего 2017 г.

в будущий 2018 г. В марте будущего года будет повод отметить 140-летие Сан-Стефанского мирного договора, день заключения которого стал национальным праздником Болгарии. Этот договор, установивший для Болгарии максимально благоприятные границы, обеспечивавший ее выход не только к Черному, но и к Эгейскому морю, казалось бы, открывал перед страной перспективы мощного поступательного развития (в том числе экономического), превращения ее в сильную региональную державу. Но эти перспективы были перечеркнуты решениями Берлинского конгресса. Как трактуются сегодня болгарскими историками итоги восточного кризиса 1878 г. для Болгарии?

Р. М. Знаете ли вы, что когда граф Игнатъев боролся за будущую территорию Болгарии, он работал с данными Болгарской Экзархии? Часто, исходя из сегодняшней политической целесообразности, мы интерпретируем по-другому болгарское этническое присутствие в регионе тогда, во второй половине XIX в. Но это был народ, который ясно осознавал себя как болгарский, он читал болгарские газеты, в частности Цариградский вестник, который издавался Александром Экзархом, этот народ платил налоги Болгарской Экзархии, а не Константинопольской Патриархии. Так было, и об этом знал Игнатъев, который нарушил императорскую волю о том, чтобы Болгария существовала, но только в таком виде, чтобы не дразнить Англию, Порту и своих соседей. Архив Экзархии

до войны попал в российское посольство в Константинополе и по приказу Игнатьева был передан в Азиатский департамент МИДа. Мне не верится, что эти документы исчезли без следа, но на их основе за все прошедшие многие десятилетия ничего не пишется — значит, эта тема кому-то неудобна. Берлин был предрешен, о его итогах стороны договаривались предварительно. Сан-Стефано был рискованной игрой одного российского дипломата, решившего в противовес воле Двора следовать интересам одного народа, который восстал за свою свободу и был поддержан европейской и российской общественностью. Кризис был разрешен за счет судеб болгар, ценой огромного компромисса. Это не был выбор болгар. Считаю вполне естественным то, что одна из национальных историографий ставит резче некоторые акценты в сравнении с тем, что написано другими учеными, более слабо связанными эмоционально с нашей страной в XIX в. Наши предки видели происходящее по-другому. Среди наших историков тоже продолжаются дискуссии, иногда звучат более резкие высказывания, они вполне объяснимы, и не думаю, что они дают основания для кардинальных выводов о русофобстве болгарских историков.

А.С. Известно, что российское общественное мнение всецело поддерживало болгар в их борьбе за освобождение от турецкого господства. В Болгарии в силу этого в 1870-е гг. доминировали русофильские настроения в среде политической элиты и национально ориентированной интеллиген-

ции. Однако разочарование в итогах Берлинского конгресса и последующей российской внешней политике привело к усилению в болгарской политике ориентаций на Германию и Австро-Венгрию. Это проявилось уже начиная с конца 1880-х гг., в бытность премьер-министром С. Стамболова. А как сегодня оцениваются болгарскими историками зигзаги внешней политики страны в конце XIX — начале XX в.?

Р.М. В общем можно сказать, что горечь от разочарования Берлином была проглочена. Огромному разочарованию способствовал и отказ признать Объединение 1885 г., что только усугубило тяжелые отношения между Россией и Болгарией. Поведение того или иного премьер-министра, министра иностранных дел, депутатов, князя и царя Фердинанда явилось следствием возникшего тогда постоянного и сильного недоверия, которое появилось из-за поведения сербов, всегда находивших поддержку на берегах Невы. В 1923 г. у нас вышла блестящая работа профессора Гримма, посвященная русофильству и русофобии, в ней черным по белому отмечалось, что в России не хотят понять, что тогдашнее поведение российских властей было предательством в отношении болгар, а как следствие возникло недоверие. Оно подталкивало болгар к участию в двух войнах, к тому же безуспешных, не в союзе с русскими, а в тех союзах, которые хотя бы на бумаге гарантировали болгарам осуществление их национального идеала — собрать всех болгар в одной стране. Таким образом, я ни в коем случае

бы не оценивала политику Болгарии как метание в разные стороны. Болгария пыталась использовать все ресурсы для реализации своей национальной программы. Не она искала конфликта с Российской империей, империя попыталась заставить ее играть по своим правилам, ради реализации своих целей. Так что несовпадение внешнеполитических устремлений двух держав вполне объяснимо.

А. С. Эпоха балканских войн 1912–1913 гг. — тоже значительный этап болгарской истории. На смену надеждам вновь, как и 35 годами раньше, приходит после второй балканской войны разочарование, ибо обрести себя в максимально благоприятных границах Болгарии не удается. Каково место балканских войн в сегодняшней болгарской исторической памяти?

Р. М. Я уже коснулась этой темы: балканские войны являются результатом Берлина и 1885 г. Что же касается памяти — вследствие нерешенного болгарского национального вопроса около полутора миллионов болгар переселилось в пределы болгарского государства в конце XIX — начале XX в. Мои предки происходят из Македонии и Адрианопольской Фракии, и такие, как я, наследники переселенцев — каждый третий в Болгарии. Естественно, память еще жива, чувство «потерянной родины» сильно, но в то же время хочу подчеркнуть, что чувство реванша было притуплено после краха во Второй мировой войне, наш народ как будто смирился с тем, что имеет государ-

ство в ныне существующих границах, и ничего тут не поделаешь. Все попытки представить Болгарию как очень агрессивно настроенную, скажем, к Македонии надуманны, они опираются на высказывания представителей мелких политических формирований, которые не пользуются серьезной поддержкой в обществе. Наша общественность мстит только тогда, когда совершается посягательство на историческую память болгарина, а она не может существовать без памяти о Самуиле, Белом (Эгейском) море, о южных склонах Родопских гор, Битоле и Ресене. В этой памяти нет агрессии, здесь, скорее всего, есть боль и печаль из-за незнания, где находятся могилы твоих предков, потому что твои соседи сровняли с землей болгарские кладбища, и ты не можешь войти в храм, где венчались твои предки, потому что режим Н. Чаушеску уничтожил болгарские церкви в Северной Добрудже, а в Адрианопольском округе они были превращены в мечети. Россия потеряла Крым полвека назад, а память и боль потери до сих пор живы. Так что и у нас время лечит эмоции, но оно не должно быть врагом памяти, потому что тогда с течением времени каждый народ потеряет свою сущность, весь смысл своей исторической эволюции и достижений.

А. С. Несмотря на очевидные традиции русофильства в сознании болгарского «политического класса», развитие международных отношений в Европе и на Балканах складывалось таким образом, что в ходе обеих мировых войн Россия (во втором случае Советский

Союз) и Болгария — мы уже коснулись этой темы — оказались в противоположных лагерях. Правда, во время Второй мировой войны состояние войны между нашими странами было в общем-то формальным, ибо болгарские войска, в отличие от румынских и венгерских, не были посланы на Восточный фронт. А вот в Первую мировую войну имели место непосредственные боевые действия между русскими и болгарскими солдатами в Добрудже. Остался ли в болгарской исторической памяти этот трагический эпизод в истории наших народов?

Р.М. Да остался, но он нам не мешает. Болгарские солдаты под командованием генерала Колева — бесарабского болгарина, обороняли свое молодое отечество. Болгария обороняла сама себя. Бомбардировка моего родного города Варна до 1989 г. была запретной темой. Но вот уже недавно в городе Добрич был открыт памятник невероятному кавалеристу и военачальнику Ивану Колеву. Но если вы хотите понять смысл всего случившегося, вы должны признать тот факт, что русские казачьи части, которые воевали против болгар, не имели тех мотивов вести эту войну, какие имели болгары, защищавшие свою родную землю. В связи со случившимся было написано драматическое стихотворение Ивана Вазова: «О, русские, о братья славянские, почему вы здесь? Почему вы пришли на поля балканские как незваные гости... И опять мы вас не ненавидим (не скрываю, любит вас еще народ); но мы любим и свою свободу, в сто раз больше мы любим ее...».

Болгарский молодой морской флот тогда захватил даже один Андреевский флаг. Если обобщить вышесказанное — любовь к своей родине и долг ее оборонять явился для болгар мощным фактором в этой войне. Но, как я уже сказала, болгары, вероятно, в чем-то оказались мудрее, чем некоторые из их соседей. Драма, разыгравшаяся в Добрудже, не стерла благодарности за принесенную в 1878 г. свободу, и Вазов это подчеркивает: «не скрываю, любит вас еще народ».

А.С. Не так давно мне довелось быть одним из активных участников масштабного научного проекта — публикации записей встреч и переговоров Иосипа Броза Тито с советскими лидерами — сначала Н.С. Хрущевым, а потом Л.И. Брежневым. И я хорошо знаю, насколько осложнял македонский вопрос отношения Болгарии и соседней федеративной титовской Югославии. Этот вопрос создавал неудобства и Москве, где не были готовы поддержать однозначно проболгарскую точку зрения, ибо это могло повести к осложнению отношений СССР с Югославией, что не считали желательным. А сегодня македонский вопрос и разногласия, с ним связанные, насколько сильно сказываются на взаимоотношениях Болгарии с ее соседями? И какое место занимает македонское, охридское наследие в болгарской исторической памяти?

Р.М. Я уже ответила отчасти на этот вопрос. Хочу, однако, еще кое-что добавить. До 1989 г. Москва преследовала свои внешнеполитические

цели на Балканах. Болгария если и имела какие-то противоречия с партэлитой СССР, то это было связано с тем, что София не горела желанием забыть, что до 1918 г. в Македонии жило не просто «славянское население», а болгары. В 1990-е гг. все постепенно менялось. Мы первыми признали независимость Македонии и непрерывно поддерживаем ее на всех уровнях. Негативная реакция исходит в основном из Скопье. Это связано с тем, что идеология македонской нации строится на антиболгарской основе, эта идеология была создана и продвигаема в эпоху существования Югославии, тогда она и приобрела свои негативные клише по отношению к Болгарии. Я надеюсь на позитивное развитие болгаро-македонских взаимоотношений, по крайней мере именно таких связей желает Болгария. Не буду гадать, насколько это вписывается во внешнеполитические схемы современных «великих держав». А в Белграде и без того хватает проблем, связанных с определением своего вектора развития, и у него не остается времени думать о своей сегодняшней роли в регионе, что, впрочем, не является самым лучшим вариантом поведения, особенно если брать во внимание ситуацию в Боснии и Герцеговине. Попытки, предпринимаемые извне, противопоставить друг другу Болгарию и Македонию никому не принесут выгоды, в этом я категорически уверена. Мы, да и македонцы, как мне кажется, стали мудрее. Хотя, конечно, еще могут найтись местные лидеры, которые не понимают, что у народов Балкан есть нужда в общей позиции при переосмыслении своего места в Во-

сточном Средиземноморье, на фоне Сирийского и миграционного кризиса, я все же верю, что политический разум восторжествует.

А.С. Помню, осенью 1999 г., работая в Болгарском национальном архиве, не раз бросал из окна взгляд на место, где когда-то стоял мавзолей Георгия Димитрова. Я не хочу давать оценки его роли в болгарской истории — это дело болгар. Но как человек, занимающийся историей международного коммунистического движения, знаю, насколько масштабной по мировым меркам была фигура председателя Исполкома Коминтерна. Часто ли вспоминают Г. Димитрова в сегодняшней Болгарии и какие оценки даются его исторической роли?

Р.М. Существуют темы, научным переосмыслением которых занимаются лишь единицы болгарских историков. Наше общество еще не пережило идеологические клише переходного периода — «красные» и «синие», условно говоря, у нас пока еще не в одной сборной команде. Разрушение мавзолея было актом реваншизма — после 1989 г. повестку дня задавали в стране потомки репрессированных после 1944 г. Димитров не забыт, но его имя не мелькает на первых страницах газет и в новостных программах. Но, кстати, память о нем в Болгарии не лишена неких парадоксов, так, например, народ воспринял отрицательно попытки властей переименовать Димитровград.

А.С. Болгария дала миру основателей славянской письменности

Кирилла и Мефодия. Но мы знаем и о том, что и внутри православного мира отношения были зачастую далеко не идиллическими. Причем это касалось и межцерковных отношений. Вспомним хотя бы о конфликте между сторонниками Константинопольского патриархата и Болгарского экзархата в конце XIX в. А сегодня идея единства православных народов занимает ли хоть какое-то место в болгарском национальном сознании, или груз исторических противоречий, особенно болгарско-греческих и болгарско-сербских, делает ее заведомо бессмысленной?

Р.М. Болгария не дала миру Кирилла и Мефодия, а сделала что-то не менее важное — сохранила их дело, приложила усилия для перевода на болгарский язык книг, посредством которых христианство получило распространение и на более северных землях. Отношения внутри православного мира никогда не были идеальными, и это естественно, особенно критический характер они приобретают с возникновением «национализмов». До конца XIX в. существовал и более мощный конфликт, связанный с попытками сохранения статус-кво и давлением на болгар в их борьбе за церковную независимость. Все это было частью геополитических игр больших держав. Я многократно пыталась объяснить моим русским друзьям, что слово «православие» не является кодом болгарского сознания. Мы являемся своего рода «протестантами» православного мира, мы были лишены своей церковной институции на протяжении 500

лет, и несмотря на это нам удалось, в очень сложных условиях, находясь в «пасти зверя», в сердце империи, сохранить нашу православную веру. Все это нам удалось сделать потому, что для нас вера и православие — это что-то домашнее, сокровенное и тайное. Мы не чтим строго каноны РПЦ, головные платки и прочее, так как нам приходилось заходить во вкопанные в землю церквушки. Мы возносим знамя православия не из-за догматических целей, а чтобы утвердиться как народ, как страна. Для того, чтобы остановить эллинизацию, в наших храмах звучали призывы: «Не хотим слушать церковную службу на греческом, желаем слушать проповеди на родном для нас языке» — это типичное протестантское требование. Для нас православие является не столько Церковью, сколько тайной силой болгар в их стремлении к самосохранению, эта сила нужна была болгарину и в случае его борьбы против таких же православных, как, например, греки. Это та сила, которая позволяла ему оборонять свою землю от других православных — сербов. Призывы к православному единству в Болгарии ломаются о стену горького исторического опыта.

А.С. Болгария — православная, славянская страна, но в ее истории были периоды (например, в межвоенную эпоху, но не только), когда оказывались востребованными и иные традиции — основателя первого Болгарского царства хана Аспаруха, который никак не может быть ассоциирован со славянским миром. А как сегодня в современной болгарской

исторической памяти решается вопрос о принадлежности Болгарии не только Западу, но и определенным образом интерпретированному Востоку?

Р.М. Балканы это не Запад, а Аспарух — не Восток. Национальная историография восприняла тезис о славянском происхождении нашего народа, идеологом которого являлся Марин Дринов. Но постепенно этот тезис был дополнен болгарским элементом и наследием фракийцев. «Запад» — это современное понятие, парадигма модернистского развития. Вопрос о выборе между Константинополем и Римом был решен для болгар еще князем Борисом-Михаилом в IX в. с принятием христианства из Византии, т. е. от Восточной, а не от Западной империи.

А.С. Помню, летом 2000 г. в Пловдиве участвовал в масштабной международной конференции «Холодная война на Балканах». Помню, как, сидя за одним столом со мной, мирно делились своими воспоминаниями о давно минувших днях ветераны болгарской и югославской разведок. Сегодня ситуация на Балканах вновь далека от идиллии. Быть полем противоборства разведок и контрразведок — таков удел вашего региона?

Р.М. Не знаю, но, наверное, неплохи все те средства, которые позволяют сохранять мир.

А.С. Я не евроскептик, а скорее осторожный еврооптимист. И среди моих болгарских знакомых и друзей (историков) пре-

обладают именно осторожные еврооптимисты. Однако сегодняшние реалии, в том числе, как мне кажется, и болгарские, дают не слишком много оснований для оптимизма. Какие уроки дает нам исторический опыт, насколько пригоден он для решения сегодняшних проблем?

Р.М. Не думаю, что наше поколение и поколение наших детей, голодавшее в 90-е гг., обладает ресурсами, чтобы перенести еще одну «перестройку» или «переход». А существует ли сейчас сильная и работающая альтернатива, которая принесет нам благоденствие и развитие? Мы превращены в придаток развитых экономик ЕС, у нас нет индустрии, а население плохо образовано. Это результат как нашей интеграции 2007 г., так и десятилетий разрух периода 1944–1989 гг. Мы являемся экономическим и демографическим карликом, неприятно осознавать это применительно к своей Родине, но это факт, причем голод и бедность — это пороки общества, и они отнюдь не всегда ведут к революции. У нас катастрофические демографические потери. Нас было 9 млн человек. Сейчас нас 6 млн, если не меньше. И это создает чувство бессилия и депрессии. Лично я не вижу каких-либо предпосылок ни для бурного экономического роста, ни для революционных перемен, потому что примеров этого мы не видим ни около нас, ни где-либо еще в Европе и в мире. Глобализация и либеральные режимы — это опыт не только Болгарии, но, как видим, уроки из этого опыта пока еще не извлечены, к сожалению.

«В этой памяти нет агрессии, но есть боль и печаль...»

“THERE IS NO AGGRESSION IN THIS MEMORY, BUT THERE IS PAIN AND SORROW BECAUSE OF NOT KNOWING WHERE THE GRAVES OF YOUR ANCESTORS ARE”.

Interview with R. Mikhneva

Mikhneva Rumyana – doctor of history, professor of Sofia University (Republic of Bulgaria)

Key words: Bulgaria, historical memory, the Russian-Turkish war of 1877–1878, national-territorial conflicts in the Balkans, the Peace treaty of 1878 in San Stefano, the Berlin Congress of 1878, the Balkan wars of 1912–1913.

Abstract. Bulgarian historian Rumiana Mikhneva discusses the most painful points of the Bulgarian national historical memory, touching on the sharpest moments in the national and territorial conflicts in the Balkans.

«ПРИ УЗКОНАЦИОНАЛЬНОМ ВЗГЛЯДЕ НА ИСТОРИЮ У НАС НЕ БУДЕТ ШАНСОВ ДОСТИЧЬ КОНСЕНСУСА».

Интервью с Г. Дьяни

Круг интересов Габора Дьяни (Gyáni Gábor) (1950 г.р.): социальная история XIX – начала XX в., проблемы урбанизации, история ментальности, история повседневности (на венгерском и среднеевропейском материале). Среди работ на английском языке: *Parlor and Kitchen.*

Domestic Culture in Budapest, 1870–1940. Budapest – New York, 2002; *Social History of Hungary from the Reform Era to the End of the Twentieth Century.* New York, 2004 (соавторы: Kövér György, Valuch Tibor); *Identity and the Urban Experience. Fin-de-Siècle Budapest.* New York, 2004.

Ключевые слова: Венгрия, Австро-Венгрия, система австро-венгерского дуализма, Будапешт, межнациональные отношения в Средней Европе, император Франц Иосиф Габсбург, национальный дискурс в истории.

Аннотация. Один из ведущих современных историков Венгрии академик Габор Дьяни, обращаясь прежде всего к историческому опыту австро-венгерского дуализма, излагает свое мнение по некоторым существенным вопросам венгерской исторической памяти.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-82-89

Вопросы для беседы формулировал А. С. Стыкалин при участии О. В. Хавановой

А. С. Профессор Дьяни, прошедший 2017 г. – год 150-летия австро-венгерского дуализма. Как мы можем оценивать Соглашение 1867 г. в полторавековой ретроспективе? Можно ли считать его оптимальным в тех условиях способом разрешения обозначившегося к тому времени кризиса отношений между венским имперским центром и центробежными на-

циональными движениями? Или все-таки сама конструкция дуализма, хотя и в полной мере отвечала в сложившихся конкретных условиях интересам венгерской элиты, содержала в то же время некоторые системные изъяны, не позволившие решить во всей его полноте национальный вопрос в Дунайской империи и только отложившие на несколько десятилетий ее крах?

© Историческая Экспертиза, 2018

Дьяни Габор – историк, академик Венгерской академии наук (Венгрия); gyani.gabor@btk.mta.hu

Г. Д. Сегодняшний исторический взгляд на Соглашение 1867 г. позво-

ляет рассматривать эту часть нашего прошлого уже не только сквозь призму национальных историографий. Это касается не только данного конкретного события, но и всего XIX в., проходившего под знаком строительства национальных государств. Это можно конкретизировать на примере всей Габсбургской империи. Процессу ее трансформации в конституционное либеральное государство и в биполярную монархию даются сегодня куда более благоприятные оценки, нежели это было возможно в условиях, когда доминировала националистическая, во всяком случае национальная парадигма. Кризис середины XIX в. принципиально расчистил дорогу для переустройства империи на федералистской либо биполярной основе. Реализовался, как мы знаем, второй, биполярный вариант, поскольку венгерский национализм был достаточно мощной силой, чтобы вынудить Австрийский дом пойти по этому пути. В то время не было объективных предпосылок — ни внешних, ни внутренних — для образования в этом регионе множества мелких государств.

До 1900 г. национальный вопрос отнюдь не был настолько мощным источником центробежных сил, как это позже, ретроспективно, пыталась постоянно представлять национальная историография в отдельных странах. Только Первая мировая война окончательно решила вопрос таким образом, что империи пришлось уступить место мелким национальным государствам, которые, однако, на протяжении многих лет продолжали сами нести на себе тот же отпечаток имперско-

сти. Они были многонациональными по составу, и их структурные особенности создавали те же проблемы, в решении которых они (за исключением разве что Чехословакии, и то не в полной мере) преуспели отнюдь не в большей мере, чем Австро-Венгерская монархия.

Что же касается вопроса о том, каковы были системные изъяны австро-венгерского дуализма в национальном плане, то я считаю его неправомерным, ведь на 1867 г. нельзя проецировать, опрокидывать те реалии, то состояние, которое существовало в этом пространстве в 1910-е гг. Нельзя оценивать более раннее состояние исходя только из конечного результата, в 1867 г. никак нельзя было решать задачи, которые встали в повестку дня только к 1918–1920 гг., такого рода «перевернутая телеология» в подходе к национальным историям всегда служила, служит и сегодня целям сугубо политическим — апологии той системы международных отношений, которую определили мирные договоры, подписанные в Париже по итогам Первой мировой войны.

А. С. Венгерская элита после 1848–1849 гг. хорошо осознавала, какую угрозу представляют для дальнейшего сохранения Венгрии в ее исторических границах центробежные вызовы. Ведь даже такой бескомпромиссный во время революции человек, как Лайош Кошут, позже, в эмиграции, при осмыслении опыта 1848–1849 гг., искал пути разрешения этой проблемы и готов был идти на компромиссы — как раз не с Габсбургами, а с представителями национальных

движений Австрийской монархии. Почему все же, несмотря на очевидный экономический подъем Венгрии последней трети XIX в., так и не удалось сделать венгерский госпроект привлекательным для населявших страну национальностей? Заключалось ли дело прежде всего в наличии сильных источников внешнего воздействия, стимулировавших центробежные силы в Венгрии (панславистские проекты, поддержанные Россией; существование сербского и румынского государств, ставших объектами внимания и притяжения части венгерских подданных)? Или причину отчасти следует также искать в сложности венгерского языка для овладения многими подданными, так и не сумевшими в результате влиться в венгерское общество, адаптироваться к венгерской культуре? А может быть, дело заключалось все же в том числе и в неготовности венгерской элиты найти компромиссное решение вопроса, способное удовлетворить меньшинства и тем самым нейтрализовать центробежные вызовы, обеспечив сохранение исторической Венгрии?

Г.Д. Венгерское королевство было национальным государством, которое в то же время функционировало в рамках империи. В этом смысле оно представляло собой довольно уникальное явление в тогдашней Европе. Что касается другой половины Австро-Венгерской монархии, т.е. Цислейтании, то она, при всей несомненной тенденции к венгерской централизации, заставляет нас вспомнить и о федеративном обу-

стройстве. Поэтому там национальные споры и распри не проявили себя в такой же мере, как в венгерской половине. Моравия и Галиция обладали реальной автономией, тогда как здесь, в Венгрии, существовала только полуавтономия в Хорватии. Одним словом, картина империи была не столь одномерной, как это пыталась показать националистическая историография, изображая ее «тюрьмой народов». В школьной политике, в языковой политике, в системе самоуправления повсюду до известной степени пробивало себе дорогу стремление к автономии — в большей мере это происходило в Цислейтании, нежели в Венгерском королевстве.

В то же время ни одно национальное государство в XIX в. (и, можно даже сказать, в XX в.) не подходило к решению проблем, связанных с культурно-этнической гетерогенностью, только с позиций федерализма. Ведь национализм и строительство национального государства (в этом Эрнст Геллер абсолютен) отдают предпочтение гомогенности в культурной и общественной (правовой, институциональной) сфере, считают достижение такой гомогенности своей главной целью. Если же в исторических судьбах некоторых тогдашних национальных государств и проявились различия, причина кроется в том, что само Венгерское королевство, которое тоже выступало как национальное государство, со временем было погребено под обломками империи. Этого нигде не произошло к западу от Венгрии. Чего можно было бы еще, конечно, ожидать, и Кошут это уже тогда сформулировал в виде опреде-

ленной программы, так это не превращения Венгерского королевства в национальное государство, а его федерализации. Возникает, однако, вопрос, а каковы были внешние и внутренние предпосылки для этого. Сам принцип действительно был красив, однако сомнительно, что в то время существовали условия для его практической реализации. Можно задуматься в этой связи над тем, что в Европе XIX в. не было создано ни одно федеративное национальное государство — это случалось и раньше, и позже, но не в это время. И это, наверное, не случайно.

А.С. Профессор Дьяни, венгерскому образованному читателю вы известны среди прочего своими работами по истории Будапешта рубежа XIX–XX вв. Развитие венгерской столицы, начиная с объединения трех городов — Буды, Пешта и Обуды в 1873 г. и вплоть до начала Первой мировой войны, дает нам пример очень бурного экономического роста, всестороннего культурного подъема. Город совершенно изменил свое лицо, а его население за 40 лет увеличилось более чем втрое, превысив миллион человек, город вошел в десятку крупнейших в Европе. Какие факторы позволили Будапешту превратиться не только во второй центр общеимперского значения, но и в одну из фешенебельных европейских столиц? Можно ли говорить о том, что амбиции венгерской элиты, ее потребности в реализации своего национально-государственного проекта (пусть в рамках дуалистической системы) оказались в созвучии с благоприятной для

развития города экономической конъюнктурой? А кроме того, появление мощного конкурента в лице Будапешта, второй имперской столицы, не придало ли некие новые импульсы развитию Вены на рубеже веков?

Г.Д. Превращение Будапешта в крупный мегаполис не было в ту эпоху беспрецедентным явлением, примерно тот же путь прошел чуть раньше и Берлин, когда-то всего лишь столица относительно небольшого прусского государства, и вообще урбанистические процессы во всей Европе получили в XIX в. беспрецедентное доселе развитие.

Впечатляющий рост Будапешта, оказавшегося средоточием процессов бурной урбанизации, стал в то же время красноречивым свидетельством территориальной неравномерности происходившей модернизации. Этот город именно потому мог стать красочной витриной модернизации, что выкачивал со всей страны (включая центры отдельных провинций) энергию, необходимую для своего развития.

Формирование Будапешта в качестве большого космополитического города явилось логическим следствием концентрации в одном месте венгерского капитала, гражданского общества и современного интеллекта. На большее у венгерской модернизации просто не было тогда потенциала.

И наконец: многими достижениями Будапешт обязан как своему этнокультурному многообразию, так и полной открытости западным

влияниям. Невиданные возможности для высвобождения новаторского потенциала и творческой энергии открывала и щедрость венгерского государства, радевшего о развитии города и о его превращении в подлинный мегаполис. Редко когда какому-либо городу (даже столице государства) выпадают столь благоприятные условия.

А. С. Говоря об историческом опыте австро-венгерской дуалистической конструкции, никак нельзя абстрагироваться от самого факта ее конечного распада, пусть в условиях мировой войны. Это обстоятельство всегда априори предопределяло негативное отношение многих экспертов к конкретному опыту разрешения межнациональных споров в империи. И это даже несмотря на то, что после распада монархии мир увидел, как в межвоенный период, так и особенно в условиях новой мировой войны, еще более острые и кровавые межнациональные разборки в Дунайско-Карпатском регионе, дававшие основания для ностальгии по временам Франца Иосифа и подтверждавшие старые представления о монархии Габсбургов как о своего рода «европейской необходимости». А может ли все-таки габсбургский опыт обустройства полиэтничного пространства быть хоть в чем-то полезен при выработке современных моделей решения национального вопроса в пределах отдельных государств?

Г. Д. Отчасти я уже ответил на этот вопрос. Что же касается сегодняшнего применения исторического

опыта, в том числе австро-венгерского, могу сказать, что *история далеко не всегда выступает учителем жизни*. Когда ее называют таковым — это бессодержательная и вводящая в заблуждение аксиома, поскольку проблемы, существовавшие в прошлом и существующие сейчас, могут быть теми же самыми или почти теми же самыми, однако конкретные условия (исторический контекст) и имеющиеся в нашем распоряжении инструменты, пригодные для действия (я имею в виду как идеи, так и институции, а также моральные нормы), могут быть при этом совершенно различными.

Прошлое произошло вовсе не для того, чтобы стать примером для нас, дать нам возможность извлечь уроки на будущее. Прошлое — это действительно такая субстанция (здесь можно согласиться с историками, стоящими на принципах историзма), чье бытие в той или иной форме продолжается и дальше, уже после того, как само явление сошло с исторической сцены — то есть продолжается в нашем настоящем и даже в нашем будущем. Но из этого вовсе не следует повторяемости истории и возможности ее корректировки. Каждая историческая эпоха по-своему, на собственный манер решает стоящие проблемы.

А. С. Изучение истории Габсбургской монархии — это поле столкновения многих школ в исторической науке, и не только школ, различающихся методологически, но национальных школ, тесно связанных с исторической политикой отдельных государств и обслуживающих эту историче-

скую политику. В процессе изучения истории Австро-Венгерской монархии вообще трудно найти тему, при обращении к которой можно было бы полностью отрешиться от национального дискурса. Вот даже обращение Иштвана Деака (известный американский историк венгерского происхождения. — *Прим. редколлегии*) к изучению офицерского корпуса общеимперской армии не позволило забыть о национальном дискурсе, его известная книга называется “Beyond Nationalism”. Есть темы, при обращении к которым историков разных национальных школ особенно разительны контрасты в подходах, в этом можно убедиться, например, сравнив трактовки венгерскими и румынскими историками событий начала XVIII в., связанных с антигабсбургским движением Ференца Ракоци. В этих условиях возможен ли все-таки хоть в какой-то степени продуктивный диалог представителей разных национальных школ, способный привести к неким осязаемым позитивным результатам? Или скорее прав крупный словацкий историк Роман Голец, который как-то на конференции в Будапеште перед венгерской аудиторией (хорошо это помню) заметил, что написание усилиями историков двух стран общего учебника по венгерско-словацкой истории — дело едва ли более возможное, чем написание общего и единого по своей концепции и выводам арабо-израильского синтетического труда по новейшей истории Ближнего Востока. И в этой связи: как вы относитесь к острой критике до сих

пор румынами трехтомной «Истории Трансильвании», в первой своей редакции подготовленной в Венгрии еще в эпоху позднего кадаризма, в 1980-е гг.? И что вы можете сказать по поводу румынского трехтомного синтеза по истории Трансильвании, вышедшего не так давно в Клуже? Руководитель этого проекта академик Иоан-Аурел Поп заявлял, что он сознательно включил в круг авторов и редколлегию трансильванских историков венгерского и немецкого происхождения, чтобы выработать более уравновешенный взгляд на историю этого полиэтничного края.

Г.Д. Не могу утверждать, что я обстоятельно изучил словацкие или румынские национальные исторические нарративы, и поэтому я едва ли могу дать точный ответ на этот вопрос. Вместе с тем я, конечно же, в курсе имеющихся точек столкновения в непрерывных исторических спорах между представителями различных национальных историографий в нашем регионе. Пока мы будем оставаться в убогом мире тех исторических представлений, которые сложились при узконациональном угле зрения на историю, у нас не будет никакого шанса достичь консенсуса в создании целостной картины истории нашего региона. Если же мы все-таки сумеем выбраться из этого дьявольского круга и постараемся подняться над национальными перегородками, у нас не будет никаких препятствий для реализации плодотворных совместных проектов в изучении общего прошлого народов региона. Я во всяком случае сторонник

именно этого. Этой теме посвящена и моя новая книга, которая ждет своего выхода в свет. Она будет называться «Национальная или транснациональная история». Но возникает вопрос: а много ли в нашем пространстве Центрально-Восточной Европы историков, которые хотели бы, да к тому же и могли бы писать наднациональную, транснациональную историю. Я во всяком случае немного вижу таковых.

А.С. Если коснуться исторической политики венгерского премьера Виктора Орбана и его команды, заметим (не вдаваясь в детали), что наблюдается не только идеализация эпохи Хорти (причем такие наименее скомпрометированные деятели того времени, как граф Иштван Бетлен или граф К. Клебельсберг, вообще отнесены к пантеону наиболее выдающихся личностей многовековой венгерской истории), но и создание образа дуалистической Венгрии как эпохи полного процветания. Можно привести яркие цитаты из выступлений самого Орбана на этот счет, можно вспомнить о культе графа Иштвана Тисы в кругу некоторых историков, близких к власти. В какой мере образ дуалистической Венгрии, создаваемый исторической политикой или под ее давлением, расходится с реальной картиной Венгрии тех десятилетий?

Г.Д. Историческая политика режима Орбана находится, я бы сказал, в не очень близких отношениях с той картиной истории XIX–XX вв., которую формировал *mainstream* венгерской историче-

ской науки. Если принимать в качестве реальной именно эту историческую картину, а я склоняюсь как раз к такому мнению, тогда та картина, которую пытается внушить обществу правительство Орбана, не стоит и ломаного гроша. То же самое касается и использования истории в политических целях, которое весьма циничным образом практикует сегодняшняя венгерская политическая элита (свою позицию академик Габор Дьяни более детально излагает на большом конкретном материале в статье: Образ Трианона как политический инструмент в современной Венгрии // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Изд-во НЛЮ, 2012. С. 160–183. — Прим. ред. коллегии).

А.С. Революция и национально-освободительная борьба 1848–1849 гг. навсегда останутся одним из ключевых событий венгерской истории. Каковы сегодняшние доминирующие трактовки? Даже невооруженный взгляд извне позволяет увидеть расхождения между теми, кто делает акцент на решающую роль тех событий в формировании венгерской гражданской нации, становлении конституционализма, и теми, кто ограничивается их трактовкой в категориях национального освобождения.

Г.Д. Лично я не ощущаю какой-либо напряженности, когда дело касается оценки современной исторической наукой этого двойственного облика революции 1848–1849 гг. Историки, определяющие современный уровень знания, изучая ход событий, принимают во внимание

и то, и другое. А для сегодняшней исторической политики история революции 1848–1849 гг. не является слишком значимой темой, эта политика не может о ней сказать ничего существенного и не особенно использует ее в своих интересах, если не считать пустой коммеморативной, церемониальной практики. Об этом даже и не говорится. Эти события, по всей видимости, уже относятся к объектам, я бы сказал, не *горячей*, а *холодной* памяти, и это что-то новое в сравнении с той ситуацией, которую мы наблюдали до 1989 г., когда память о 1848 г. обладала настолько сильным мобилизующим действием, что с нею (как это было заметно) было трудно справиться кадаровской политике. Тогда казалось актуальным и то на-

следие 1848–1849 гг., которое было связано с торжеством национальных ценностей, и то, которое ставило во главу угла либеральные свободы. Но сегодня все это по большей части уже утратило смысл (либо, более того, стало объектом манипуляции, когда дело обеспечения национального суверенитета противопоставляется общеевропейским ценностям). А иногда историческая память о 1848 г. всплывает вдруг в сложном современном контексте. Так, например, вспоминают о свободе лишь для того, чтобы напомнить о том, что свободой можно злоупотребить – скажем, в случае с прессой или же в случае с террористами, а потому свободу следовало бы ограничить.

“WITH A NARROW NATIONAL VIEW OF HISTORY, WE WILL NOT HAVE A CHANCE TO REACH A CONSENSUS”. INTERVIEW WITH G. GYÁNI

Gyáni Gábor – historian, academician of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

Key words: Hungary, Austro-Hungary, Austro-Hungarian dualism, Budapest, interethnic relations in Central Europe, Emperor Franz Joseph Habsburg, national discourse in history.

Abstract. One of the leading historians of contemporary Hungary, Academy member Gábor Gyáni, referring primarily to the historical experience of the Austro-Hungarian dualism, presents his opinion on some important issues of the Hungarian historical memory.

«ИСТОРИКИ РУМЫНИИ И РОССИИ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ ГОРАЗДО ЛУЧШЕ, ЧЕМ ПОЛИТИКИ».

Интервью с И. Скурту

Ключевые слова: Румыния, российско-румынские отношения, бессарабский вопрос, итоги Первой мировой войны.

Аннотация. Видный румынский историк Иоан Скурту касается сложных и зачастую весьма болезненных проблем общего прошлого в российско-румынских отношениях двух последних столетий.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-90-99

Беседовал Н. Морозов, кандидат филологических наук (ИТАР-ТАСС)

В Румынии принято считать, что история обошлась со страной несправедливо. Перефразируя средневекового молдавского летописца, здесь говорят: «Румыния находится на перекрестке всех бед». А многие авторы, перелистывая страницы прошлого, эту справедливость восстанавливают. Таким образом мейнстрим румынской историографии — патриотический. По сути, румынские историки идут рука об руку с политиками, поднося дипломатам снаряды для международных баталий. Отлично подготовленные и заточенные на результат, они действуют по правилам игры с нулевой суммой — никаких компромиссов и уступок!

Это относится и к общей российско-румынской истории. Есть вечные, болезненные проблемы, которых, кажется, лучше просто

не касаться — никаких шансов! Это, прежде всего, «бессарабский вопрос»¹ и вопрос о «золотом

¹ Бессарабия (территория между реками Прут и Днестр) вошла в состав Российской империи в качестве Бессарабской губернии после подписания в Бухаресте 16 мая 1812 г. русско-турецкого мирного договора. Румыны, со своей стороны, утверждают, что турки не имели права «уступить» эту землю, так как она, согласно тогдашним договорам, им не принадлежала, и считают происшедшее «аннексией».

После российской революции 1917 г. в Бессарабии был избран собственный парламент «Сфатул цэрий» («Совет страны»), провозгласивший ее независимость. В марте 1918 г. в Бессарабию были введены румынские войска, а 27 марта парламент проголосовал за присоединение к Румынии. Позднее Великобритания, Франция, Италия и Япония признали суверенитет Румынии над Бессарабией, однако Россия его не признавала никогда.

В условиях Второй мировой войны в июне 1940 г. СССР предъявил Румынии ультиматум с требованием вернуть Бессарабию, и румынские войска были отведены за Прут. В 1941 г. Румыния, как союзница нацистской Германии, вновь заняла Бессарабию, которая вернулась к СССР в 1944 г.

В настоящее время историческая Бессарабия входит в состав Республики Молдова и Украины, однако в Румынии по-прежнему считают

© Историческая Экспертиза, 2018

Скурту Иоан — доктор истории, профессор, декан исторического факультета университета Спиру Харет (Румыния)

запасе»². Выступления российских и румынских историков на эти темы — совершенно параллельные: стороны высказывают свои точки зрения, фиксируют их несовместимость и разъезжаются. Один видный румынский ученый сказал как-то автору этих строк: «Багаж наших взаимных отношений настолько тяжок, что, может быть,

территорию одной из исторических румынских земель.

В стране проводится кампания «Бессарабия — румынская земля», а румынский парламент объявил день присоединения Бессарабии к Румынии (27 марта 1918 г.) еще одним национальным праздником.

² В разгар Первой мировой войны, когда Румынии, воевавшей на стороне Антанты, угрожала германская оккупация, бухарестские власти в конце 1916 г. решили вывезти главные ценности страны на хранение в союзную Россию. В двух железнодорожных составах в Москву был отправлен золотой запас Национального банка Румынии — 93,4 тонны золота, драгоценности королевы Марии, ценности румынского Сбербанка, культурные, исторические и художественные ценности, предметы культа и архивы. Во время революции и гражданской войны хранившиеся в Кремле сокровища, в том числе румынские, были вывезены в Сибирь. Об их дальнейшей судьбе в исторической литературе высказывались различные гипотезы, однако ни одна из них пока не нашла окончательного подтверждения.

Румынская сторона неоднократно поднимала вопрос о возвращении золотого запаса, и часть ценностей (архивы, исторические документы, произведения искусства) была возвращена в Бухарест советским правительством в 1935 и 1956 гг.

В ходе подписания в 2003 г. политического договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Румынией исторические проблемы, в том числе и проблема румынского золота, в соответствии с двусторонней договоренностью были вынесены за рамки договора. Тогда же была создана Совместная общественная комиссия историков для изучения вопросов, связанных со всем комплексом двусторонних отношений, в том числе вопроса о золоте. Комиссия приступила к работе в октябре 2004 г.

историкам лучше отойти в сторону, предоставив политикам возможность строить эти отношения, глядя в будущее».

Об этом и о многом другом автор поговорил с одним из самых видных сегодня румынских историков — 77-летним Иоаном Скурту. В разное время профессор занимал высокие посты — генерального директора Национальных архивов, директора Института истории имени Николае Йорги, главы Общества исторических наук Румынии, советника президента страны. Он написал более 100 книг (многие — в соавторстве), в том числе «Великое Объединение 1918 года в международном контексте», «История Бессарабии с самых старых времен до сегодняшнего дня», «Румыния в годы Второй мировой войны», «Румынская революция в декабре 1918 года в международном контексте», «Румыния и великие державы», и бесчисленные статьи. В настоящее время Иоан Скурту возглавляет отделение исторических и археологических наук в Академии ученых Румынии (не путать с Румынской Академией).

Н.М. Один комментатор назвал Румынию «пассеистской» страной. Прошлое будто бы занимает румын больше, чем настоящее и будущее. Историки пользуются в стране влиянием. Например, Михай-Рэзван Унгуряну был премьер-министром, Адриан Чорояну — министром иностранных дел, Иоан Талпеш — главой внешней разведки. Ясно, что нужно извлекать уроки из истории, но также верно, что нужно смо-

треть в будущее. Есть ли такой перекос?

И. С. История не только не пользуется в Румынии особым вниманием, но, напротив, никогда за последние десятилетия не занимала в образовательном процессе более маргинального места, чем сегодня. 10 лет назад историю Румынии перестали преподавать в лицеях, с этого года ее не будут преподавать в техникумах. Вместо этого ввели факультативные курсы по истории коммунизма, истории холокоста, истории монархии, которые дробят историю и не предлагают связной картины прошлого румынского народа.

Также не думаю, что историков выдвигают на высокие посты. Просто некоторые из них активно участвовали в политической жизни, и таким образом среди нескольких тысяч политиков оказалось и несколько историков.

С историками не консультируются, и в результате проводится нынешняя «презентеистская» политика, без исторической преемственности. Не то что, например, в России, где внешняя политика строится на века, а не на несколько лет, как у нас.

В этом году в Румынии будет отмечаться 100-летие Великого Объединения³. Для координации меро-

³ В 2018 г. в Румынии широко отмечается 100-летие Великого Объединения. По итогам Первой мировой войны, после распада Австро-Венгерской и Российской империй, 1 декабря 1918 г. Трансильвания объединилась со «старым королевством». Ранее в состав Румынии вошли Бессарабия и Северная Буковина. Таким образом был завершен

процесс формирования национального румынского государства в его наиболее широких границах. Страну стали называть «Великой Румынией», и она начала претендовать на роль регионального лидера. После Второй мировой войны Румыния утратила Северную Буковину, Бессарабию и край Герца. Объединение 1918 г. считается важнейшим событием в румынской истории, а в 1990 г. румынский парламент объявил день 1 декабря национальным праздником. Это решение, однако, вызвало протесты среди венгерского меньшинства в Румынии и в соседней Венгрии, так как венгры продолжают считать Трансильванию своей исконной территорией. Поэтому в прошлом году лидер партии венгерского меньшинства в Румынии Хунор Келемен заявил, что для венгров Великое Объединение «не праздник». Трианонский договор считается в Венгрии национальной трагедией. В настоящее время за пределами Венгрии с населением 9,8 млн человек живут более двух миллионов венгров, более половины из них в Румынии.

В XI–XVI вв. Трансильвания входила в Венгерское королевство, на протяжении примерно 170 лет (1526–1699) была самостоятельным княжеством, а на рубеже XVII–XVIII вв. вошла в состав Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгерской монархии). После Первой мировой войны, согласно Трианонскому договору (1920 г.), Трансильванию получила Румыния. В августе 1940 г. Гитлер и Муссолини передали Северную Трансильванию Венгрии (так называемый 2-й Венский арбитраж), а после Второй мировой войны территория вернулась в состав румынского государства. В настоящее время в Румынии, главным образом в Трансильвании, проживают около 1,3 млн этнических венгров (6,5% населения страны).

процесс формирования национального румынского государства в его наиболее широких границах. Страну стали называть «Великой Румынией», и она начала претендовать на роль регионального лидера. После Второй мировой войны Румыния утратила Северную Буковину, Бессарабию и край Герца. Объединение 1918 г. считается важнейшим событием в румынской истории, а в 1990 г. румынский парламент объявил день 1 декабря национальным праздником.

Это решение, однако, вызвало протесты среди венгерского меньшинства в Румынии и в соседней Венгрии, так как венгры продолжают считать Трансильванию своей исконной территорией. Поэтому в прошлом году лидер партии венгерского меньшинства в Румынии Хунор Келемен заявил, что для венгров Великое Объединение «не праздник». Трианонский договор считается в Венгрии национальной трагедией. В настоящее время за пределами Венгрии с населением 9,8 млн человек живут более двух миллионов венгров, более половины из них в Румынии.

В XI–XVI вв. Трансильвания входила в Венгерское королевство, на протяжении примерно 170 лет (1526–1699) была самостоятельным княжеством, а на рубеже XVII–XVIII вв. вошла в состав Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгерской монархии). После Первой мировой войны, согласно Трианонскому договору (1920 г.), Трансильванию получила Румыния. В августе 1940 г. Гитлер и Муссолини передали Северную Трансильванию Венгрии (так называемый 2-й Венский арбитраж), а после Второй мировой войны территория вернулась в состав румынского государства. В настоящее время в Румынии, главным образом в Трансильвании, проживают около 1,3 млн этнических венгров (6,5% населения страны).

По-моему, единственное заметное достижение к этому столетию — это строящийся в столице Собор спасения нации, однако здесь не приходится говорить о государственной поддержке. Это инициатива Румынской православной церкви, которая была выдвинута еще после Войны за независимость (русско-турецкая война 1877–1878), и лишь теперь на стройке широко развернулись работы. Так что более чем через столетие мы делаем то, что другие народы сделали уже много лет назад.

Н.М. Но румынские политики часто обращаются к истории...

И.С. Да, но при этом делают грубые ошибки. Президент Румынии К. Йоханнис возложил венок по случаю вступления Румынии в Первую мировую войну 28 августа, хотя это произошло 15 августа. Они не знают элементарных вещей! Они обращаются к истории потому, что им кажется, что это производит хорошее впечатление на публику...

Н.М. Следующий вопрос — о месте России в истории, которую пишут румынские авторы. Принято считать, что всем плохим, что в ней есть, Румыния обязана России. И наоборот: все хорошее — с Запада. Так называемое «процентное соглашение» о зонах влияния в послевоенной Европе в 1944 г. подписали Сталин и Черчилль⁴. Между тем в румынских

комментариях Сталин выглядит циничным диктатором, а Черчилль — респектабельным государственным мужем. Вообще, в румынской истории Россия — настоящий монстр. Когда же для баланса о ней нужно сказать что-то хорошее, то неизменно называют имена Чайковского и Достоевского! Скажите, у России в Румынии образ «исторического врага»?

И.С. Я не думаю, что существуют «исторические враги»... Хотя в румынском обществе после 1989 г. действительно утвердилась идея, что Россия — враг, захватчик, диктатор. Но это — преувеличение. Это — политическая позиция, а не результат конкретного анализа.

В последние десятилетия румыно-российские отношения в самом деле отошли в национальной историографии на второй план. Но это была реакция на историографию 1950-х гг., когда в Румынии активно внедрялась идея, что у румынского народа — славянские корни, что СССР освободил Румынию и помог ее развитию, словом, что все хорошее — с Востока...

В результате возникла реакция, которая, конечно, была тоже преувеличенной. Но все же, думаю, что историки не заходили так далеко, как политики. Румынские авторы писали серьезные работы, например, о Войне за независимость,

хранящемся в британских архивах. Договоренность, весьма напоминающая пакт Молотова — Риббентропа (см. ниже), предусматривала, в частности, что СССР «будет занимать преобладающее положение в Румынии на 90 %».

⁴ «Процентное соглашение» — договоренность Черчилля и Сталина о разделе сфер влияния в послевоенной Юго-Восточной Европе, достигнутая 9 октября 1944 г. в Москве. Она была оформлена на клочке бумаги,

в которых признавали, что это была русско-турецкая война, к которой присоединились румыны. Конечно, они пишут, что сначала царь отказался от предложенной Румынией помощи, сказал, что справится своими силами, но в конце концов обратился к ней... Но важной роли России в обретении Румынией государственной независимости никто не отрицает.

Или Первая мировая война... Конечно, румынские историки зачастую преувеличивают негативные последствия февральской и октябрьской революций в России для румынского фронта, но все же приводят цифры о количестве русских солдат, погибших в сражении при Мэрэшешть (1917 г.), которых было больше, чем погибших румынских солдат. И эти цифры говорят сами за себя.

С другой стороны, отказ России признать объединение Бессарабии с Румынией в 1918 г. вызвал негативную реакцию. Созданный Лениным III Интернационал в декабре 1923 г. выдвинул лозунг самоопределения Бессарабии, Буковины, Трансильвании и Добруджи вплоть до отделения от румынского государства, а это означало ликвидацию единого национального румынского государства...

После 23 августа 1944 г.⁵ была советская оккупация. Конечно, на войне как на войне, понятно. Но эта си-

⁵ В этот день в условиях наступления Красной Армии, осуществившей победоносную Ясско-Кишиневскую операцию, при участии молодого короля Михая был отстранен от власти диктатор маршал Антонеску.

туация затянулась. Есть документы, согласно которым советская армия допускала в Румынии многочисленные злоупотребления. Я с большим удовольствием написал книгу о выводе советских войск из Румынии⁶, которая переиздается сейчас, когда в Румынии обустроиваются американцы...

Н.М. Этот вечный бессарабский вопрос... Но вот почему-то никто не упоминает о том, что Трансильванию после Второй мировой войны Румыния вернула благодаря Сталину...

И.С. Ну, не совсем так. Отчасти... «Большая тройка» решила, что Бессарабия и Северная Буковина отойдет СССР, т.е. великие демократы подтвердили пакт Молотова – Риббентропа...⁷

Н.М. Пакт Молотова – Риббентропа уже потерял всякое значе-

⁶ Советские войска были выведены из Румынии по инициативе руководства СССР в 1958 г.

⁷ Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, известный под названием пакт Молотова – Риббентропа, был подписан в Москве 23 августа 1939 г. К нему прилагался секретный протокол о разграничении сфер интересов двух держав в Восточной Европе, который, в частности, предусматривал включение Бессарабии в сферу интересов СССР. Ряд историков считают, что пакт отвечал интересам безопасности СССР и позволил Сталину выиграть время. После нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. договор утратил силу. В 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил и признал секретные протоколы «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». В Румынии пакт считается одиозным примером циничного навязывания крупными державами своей воли небольшим государствам.

ние, они исходили из тогдашней реальности...

И. С. Нет-нет, мы ведь говорим, что одни — демократы, а другие — диктаторы. Стало быть, демократы подтверждали акт, подписанный диктаторами, преступниками...

Н. М. Это реальная политика.

И. С. И даже более того — была подтверждена оккупация Северной Буковины, которая не фигурировала в пакте... Что касается Трансильвании, то, действительно, Сталин... И когда я говорю «Сталин», то думаю о советской дипломатии, которая была потрясающей и всегда сохраняла преемственность... Советские знали, что получают Бессарабию и Буковину, и поэтому решили отдать Румынии в виде компенсации Северную Трансильванию, отторгнутую Гитлером и Муссолини в результате Венского диктата. И тогда произошло воссоединение с территорией, переданной Венгрии в 1940 г. Мы высоко ценим, что, вопреки англичанам и американцам, советские решили аннулировать Венский диктат, и Сталин сразу после прихода к власти в Бухаресте правительства Петру Грозы (март 1945 г.) сообщил о готовности возвратить Северную Трансильванию.

Н. М. Вернемся к бессарабскому вопросу... В Румынии же в этой связи говорят об историческом праве. Но разве право и история не разные вещи? Как это соотнобразуется с международными договорами, с международным правом?

И. С. Сейчас Бессарабия стала интересовать Россию меньше, потому что все ее внимание теперь привлечено к Украине. Я участвовал во многих румыно-советских комиссиях историков и знаю, что всякий раз, когда вставал вопрос о Бессарабии, советская сторона утверждала, что это российская территория, оккупированная румынской королевской армией в 1918 г., освобожденная в 1940 г., вновь оккупированная преступником Антонеску и вновь освобожденная в 1944 г.

Н. М. Но сейчас совсем другая эпоха, больше нет СССР, совсем другая геополитическая конфигурация...

И. С. Да, конечно, но главное, что особым вниманием сейчас пользуется Украина. Эта демократическая Украина, которая хочет вступить в НАТО, больше всех нажилась на пакте Молотова — Риббентропа. А румынские политики вместо того, чтобы поднять этот вопрос, нападают на СССР. Но это было давно, а сейчас эти территории принадлежат Украине...

Н. М. Но вы не можете сейчас критиковать Украину, она же ваш партнер по НАТО...

И. С. Ну да, и мы вынуждены глотать все это... Украинский национализм расцвел пышным цветом, а румынские власти вместо того, чтобы поддержать живущих на Украине румын... Когда президент Румынии был на Украине, то даже не захотел встретиться с местными румынами. Это невежливо, ненормально. В Америке он встречается с румынами,

а на Украине нет, потому что хорошо знает, что они ему скажут.

Н. М. Ну, а что все же с историческим правом?

И. С. Здесь речь идет не об историческом праве, а об этничности. Народ, который живет там, — это румыны. Они говорят по-румынски, одеваются по-румынски, молятся по-румынски. Здесь речь уже не об истории, а о том, кто они такие. Знаете, французские короли говорили, что везде, где говорят по-французски, там Франция...

Н. М. Но в румынском уезде Ковасна, например, говорят по-венгерски...

И. С. Да, но только потому, что румынское государство пошло на уступки и не поставило венгров в ситуацию, в которой они должны были бы говорить по-румынски. Я каждый год езжу в Харгиту и Ковасну (румынские уезды с компактным венгерским населением. — *Н. М.*), и там национализм более махровый, чем в самой Венгрии. В этих уездах венгры отвергают все румынское. И не только там. Например, я выступал в Ораде на собрании по случаю 100-летия создания в городе Национального румынского центрального совета (румынские политические органы в Трансильвании в преддверии объединения 1918 г. — *Н. М.*). Этот день, 12 октября, был объявлен там днем города. Но члены городского совета венгерского происхождения отказались участвовать в собрании. В Венгрии такое не происходит, там есть резонные, открытые, евро-

пейские люди, мы выпустили вместе книгу о Великом Объединении. В Харгите и Ковасне это было бы невозможно...

Что касается понятия исторического права, то я его не использую. Нельзя говорить, что если кто-то завоевал когда-то некую территорию, то она исторически ему принадлежит. Я говорю о нации, культуре, обычаях... Думаю, сегодня мы не можем руководствоваться историческим правом, это понятие использовалось большей частью в средние века.

Н. М. И все же возможно ли решить бессарабский вопрос?

И. С. Николае Титулеску (выдающийся румынский политик и дипломат, будучи министром иностранных дел Румынии в 1932–1936 гг., выступал активным поборником идеи коллективной безопасности в Европе. — *Н. М.*) говорил о «спиритуализации границ». Чтобы на границах были не армии, а идеи, сотрудничество, коллективная безопасность. Так, полагал он, будет достигнут европейский и всеобщий мир. Эта идея была распространена в период между двумя мировыми войнами, и она сохраняет свою силу и сегодня.

Н. М. Спиритуализация как-то не вяжется с НАТО...

И. С. Да, сейчас очень сложный период, потому что после 1991 г. мировая система стала однополярной. Теперь Америка, чтобы управлять миром, должна быть всегда права, а все остальные должны быть всегда

неправы, в особенности русские, которые были второй сверхдержавой. Чтобы остаться хозяином мира, нужно ударить по главному противнику, но теперь им становится Китай, с которым они ничего не могут поделать.

Н.М. Золотой запас Румынии... Если действительно хочешь вернуть эти немалые ценности, то разве продуктивно вставить в позу великого инквизитора и называть партнера по переговорам «грабителем»? Может быть, прежде, чем поднимать деликатный вопрос 100-летней давности, решение которого требует политической воли, нужно прежде создать благоприятную атмосферу?

И.С. Согласен. Прежде всего, хорошо, что для изучения этого вопроса была создана комиссия. Ведь до 2003 г., когда был подписан румыно-российский базовый договор, советские и российские лидеры просто говорили, что эта проблема им незнакома. Главой российской части комиссии был назначен директор Института всеобщей истории РАН (А.О. Чубарьян. — *Н.М.*), руководителем румынской части стал я, так как возглавлял тогда Институт истории имени Николае Йорги.

Поначалу работа в комиссии шла хорошо, но потом испортились румыно-российские отношения в целом. Я написал об этой комиссии книгу, в которой утверждаю, что главная вина за провал ее работы лежит на президенте Траяне Бэеску (2004–2014 гг.). Он заявил, что Румыния — «маленький светлячок, который должен следовать за боль-

шим светлячком», т.е. за Америкой, а с русскими можно вообще не считаться. И тогда российская сторона стала применять тактику проволочек. В течение шести лет мы постоянно предлагали провести встречу, а русские отвечали: давайте перенесем на несколько месяцев. На этом фоне я подал в отставку, потому что не имело никакого смысла сидеть и ждать...

Румыния не может обязать Россию возвратить золото. Если она захочет отдать, то отдаст, если нет, то... Румыния обратилась даже в Совет Европы... Но что делать, если Россия не хочет? Мы же не можем вторгнуться и отнять наше золото! Единственный путь — переговоры. Недавно румынская делегация должна была выехать в Москву, но когда они уже купили билеты, российская сторона сообщила, что встреча отложена (беседа с историком проходила 5 декабря. — *Н.М.*). Конечно, это не может создать хорошего впечатления. Здесь, я думаю, взаимная проблема. Россия могла бы предпринять позитивные шаги, можно найти способы создания позитивной атмосферы...

Н.М. Со стороны России?

И.С. И со стороны Румынии.

Н.М. На фоне потока несправедливых и просто оскорбительных материалов в румынской прессе? Между прочим, в России нет ничего подобного по отношению к Румынии.

И.С. Но это же нормально! Ведь Россия такая большая страна!

Знаете, в 1930-е гг. историк Константин Джуреску яростно нападал на великого Николае Йоргу. Когда я был студентом, то спросил моего профессора истории, как же Джуреску мог позволить себе такое... И профессор ответил: «Представь себе, что моська лает на слона. Все восхищаются моськой, а слон ее просто не замечает». Так и Россия, проводящая планетарную политику, не замечает Румынию, которая выбивается из сил, чтобы понравиться «большому светлячку». По-моему, это большая ошибка. Ведь у Румынии когда-то были замечательные экономические отношения с Россией, мы продавали ей много товаров. Но наши политики предпочли закрыть предприятия и выплачивать рабочим пособия по безработице. Такова, к сожалению, политика наших лидеров...

Н.М. Проводятся встречи российских и румынских историков, но дискуссии на них, как говорится, вполне параллельные. Диалог глухих. Выстраиваются по сути взаимоисключающие картины мира, нет никакого желания найти точки соприкосновения. Почему так происходит?

И.С. Ну почему же? В Бухаресте прошли конференции, посвященные 100-летию Октябрьской революции в России, безопасности на Черном море, открытию второго фронта в Европе. Это были предметные и цивилизованные дискуссии профессионалов, которые

уважают друг друга. Считаю, что у историков дела идут достаточно хорошо. Несравненно лучше, чем у политиков.

Между тем румынские политики, стараясь изо всех сил понравиться одним, поливают грязью других. Они рассчитывают таким образом заработать очки, но это — большая наивность. Потому что американцы любят, когда им противоречат, тогда они могут убедить оппонента в своей правоте. Если же оппонент ведет себя как слуга и сразу со всем соглашается, то это значит, что он может изменить свое мнение завтра. Румыны не понимают этого и соглашаются со всем еще до того, как их спросят. Поэтому в румыно-американских отношениях нет прочности и доверительности. Американцы не дадут за Румынию ломаного гроша, потому что румыны все время согласно кивают. Они ведут переговоры с Венгрией и Польшей, но не с Румынией.

Румыния должна защищать свои интересы, сохраняя хорошие отношения со всеми крупными игроками на мировой арене. Только так она сможет обеспечить свою безопасность. Ведь США не развяжут третью мировую войну ради Румынии, у США — глобальные интересы. Поэтому у таких небольших стран, как Румыния, может быть только одна разумная политика — ладить со всеми великими державами, а не выпускать когти против одной из них.

«Историки Румынии и России взаимодействуют гораздо лучше, чем политики».

“HISTORIANS OF ROMANIA AND RUSSIA INTERACT MUCH BETTER THAN POLITICIANS”.

Interview with I. Skurtu

Skurtu Ioan – doctor of history, professor, dean of the faculty of history of Spiru Haret University (Romania)

Key words: Romania, Russian-Romanian relations, Bessarabian issue, the results of the First World War.

Abstract. The prominent Romanian historian Ioan Scurtu touches on the complex and often very painful problems of the common past in the Russian-Romanian relations of the last two centuries.

СТРАСТИ ПО ЮБИЛЕЮ. 140-летие освобождения Болгарии от османского владычества в российской и болгарской политической риторике

Ключевые слова: Россия, Болгария, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Русская православная церковь, патриарх Кирилл.

Аннотация. В своей речи в марте 2018 г. на торжествах по случаю 140-летия освобождения Болгарии от османского владычества, президент страны Румен Радев выразил благодарность не единой русской армии, а отдельным народам, оказавшим болгарам помощь в освободительной борьбе. Выступление Радева стало объектом полемики со стороны главы Русской православной церкви патриарха Кирилла.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-100-127

Р. Михнева

«Хранить доброе отношение к России после всего случившегося будет еще труднее!»

Болгария торжественно отметила 140-летие освобождения от османского владычества в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Неожиданно резонансным оказалось выступление президента страны

© Михнева Р., 2018

Михнева Румяна – доктор истории, профессор Софийского университета (Республика Болгария); ruan@abv.bg

Румена Радева, который, выступая на праздничном параде, выразил признательность не единой русской армии, а народам Российской империи, ее составляющим, в том числе полякам, финнам, украинцам, латышам и т. д. Были упомянуты и румыны, что несколько не удивительно, ведь румынская армия выступала союзницей русской ар-

мии в той кампании. Были названы также сербы и черногорцы, внесшие свой вклад в антиосманскую борьбу.

Выступление президента Радева стало на следующий день объектом полемики со стороны главы Русской православной церкви **патриарха Кирилла**, прилетевшего на торжественные богослужения в кафедральном соборе св. Александра Невского по случаю юбилея окончания победоносной для России войны. «Хочу откровенно сказать, что для меня трудно было слышать все эти ссылки на участие других стран в освобождении Болгарии. Ни польский сейм, ни литовский сейм не принимали решения о начале войны с османской Турцией», — передает выступление святейшего патриарха сообщение ТАСС. «Россия выступила одна, презрев собственное благополучие и возможную политическую выгоду от невмешательства в конфликт. Здесь пролили кровь десятки тысяч русских солдат... Россия не посмотрела на Европу. Движимая своей любовью, ослабленная и не имеющая никакой политической поддержки в мире, начала борьбу. Это великий пример того, как духовная, культурная солидарность преодолевает политический прагматизм. Я рад, что могу вам это сказать». В выступлении патриарха содержался и призыв к средствам массовой информации: «Надеюсь, средства массовой информации нас слышат и передадут некоторое разочарование в том, что мы услышали неправильную историческую интерпретацию событий, связанных с освобождением Болгарии».

В ответ на критику главы РПЦ президент Радев заметил, что имел в виду народы, сражавшиеся в составе русской армии: «мы уважаем каждую каплю крови, пролитой на болгарской земле» и мы «нисколько не недооцениваем вклад русской армии в освобождение Болгарии. Но русская армия была многонациональная, и мы чтим память каждой нации». Что же касается роли России, уже тот факт, что война называется русско-турецкой, говорит сам за себя. Впрочем, эти объяснения не до конца удовлетворили патриарха Кирилла, который, если верить сообщению ТАСС, заметил, что имя царя-освободителя Александра II так и не прозвучало в выступлении болгарского президента, хотя церемония и происходила у его памятника (кстати, именем царя-освободителя назван и центральный проспект болгарской столицы).

Не совсем понятно, что патриарх Кирилл имел в виду, когда упомянул, что имя императора Александра II не прозвучало на церемонии. Во всяком случае на официальном сайте президента Радева приводится следующий пассаж из его речи: «Не забудем и слова манифеста императора Александра II, объявившего войну Османской империи, поскольку “к этому обязывает чувство справедливости и наше собственное достоинство”».

А что касается перечисления народов, то фраза в его речи сформулирована, согласно официальному сайту, следующим образом: «На полях брани Русско-турецкой освободительной войны погибли воины многих народов: русские, румыны,

финны, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, сербы и черногорцы. Для всех них Болгария – последнее пристанище, мы их чтим как своих героев». За русскими вполне логично следуют румыны, ведь румынская армия была представлена на полях сражений достаточно солидными войсковыми формированиями, король Румынии Кароль выступал в качестве союзника Александра II.

Призыв патриарха Кирилла к средствам массовой информации был услышан официальными российскими СМИ, которые весьма жестко прокомментировали позицию болгарской стороны, нашедшую выражение в словах президента Радева.

Ситуацию комментирует доктор исторических наук профессор **Румяна Михнева**, член национального комитета по празднованию 140-й годовщины Освобождения Болгарии и секретарь содружества русистов Болгарии (более полная версия ее выступления приводится в фейсбуке):

«Обидно слышать на первом российском телеканале обвинения нас, болгар, в неблагодарности. Неблагодарными (а иногда прибегали и к более сильным словам) по сути называли тех, кто построил более 500 памятников, мемориалов, посвященных памяти русским, погибшим в той войне; нас, болгар, которые учат своих детей правде, которые не растеряли своего достоинства, берегут свой патриотизм и свое уважение к вашим предкам-освободителям, о которых некоторые критики Болгарии вспоминают только от случая к случаю и, приезжая в Болгарию, иногда забывают под

солнцем и музыкой черноморских волн, не проявляя желания подняться пешком на Шипку почтить своих предков.

Визит проходил на волне огромной радости православных болгар, и почему-то никто не написал и не сказал о том, что на Шипке не было в тот день других знамен, кроме болгарских и российских. И что с того, что были названы народы, представители которых являлись подданными Российской империи? А разве Сталин, в 1945 г. на торжественном приеме по случаю Победы, не благодарил вначале разные народы поименно, а в конце поблагодарил великий русский народ?

Да, это была русская армия, но кровь за Болгарию проливали люди разных национальностей, среди них были и поляки, и евреи, и украинцы. В эмоциональных речах президента Болгарии и на Шипке, и в Софии не было ничего неправдивого и политически некорректного. В ходе одной из церемоний Радев цитировал не только «Дневник писателя» Достоевского, но и царский манифест. Сама главная церемония происходила у памятника российскому императору, в центре Софии, на ее главной улице, около Парламента и кафедрального собора, носящего имя Святого Александра Невского и построенного на деньги многих тысяч болгар. А кстати, много ли в России осталось памятников героям той войны? После 1918 г. часть из них снесли, герои той войны надолго выпали из медийного и образовательного пространства, а значит из исторической памяти. Однако в Болгарии мы их помнили,

чтили и оберегали места памяти. Назовите мне другое государство в мире, где такое происходит, где именами ваших героев – Столетова, Дондукова-Корсакова, Скобелева, Гурко, Циммермана, Игнатьева, Калитина – названо так много улиц, площадей, бульваров, деревень. Боюсь, что многие среди молодых россиян сегодня даже не знают некоторых из этих имен...

И к сожалению, советники не напомнили в нужный момент главе РПЦ, что и румынская армия воевала рядом с русской, и что в событиях на той же стороне участвовали представлявшие свои молодые государства сербы и черногорцы.

Не хочется комментировать неадекватный тон официальной российской стороны, хочется лишь заметить, что президент Радев честно и открыто защищал наши русско-болгарские духовные связи и назвал их в своем выступлении “политическим капиталом”.

И как минимум удивляет позиция прессы. Гнев патриарха в интерпретации журналистов был обращен не против антироссийских болгарских политиков (а таковые есть у нас и во власти, даже и в самом правительстве, с этим трудно спорить), а против президента и всей Болгарии. Российские СМИ накинулись на президента. В одной газете появилась даже статья

со словом “отчитал” в заголовке. Кого отчитал уважаемый глава РПЦ? Президента независимой страны?! Зачем это надо было делать? Возводить на эшафот всю страну и ее законного президента? Некоторые из слов комментаторов, прозвучавших на первом канале России, могли бы стать *casus belli* в иные времена... Неужели, по мнению тех, кто организует вещание на первом российском телеканале, моя страна всецело состоит только из русофобов, хамов и людей неблагодарных? Но мы ведь видели потом на сайте РПЦ и как светилось лицо патриарха, слышали его слова на проводах в аэропорту. Его тоже всецело захватила та эмоциональная атмосфера, которая сложилась к нашей радости в эти дни.

Кому все это было надо? Если это была просто медийная провокация, можно считать, что она удалась на славу. Все наши русофобские болгарские издания и политические силы нашли новый прекрасный повод для очередных атак на всех, кто уважает Россию, чтит наши исторические связи и ведет себя достойно во всех ситуациях. Я знаю, что хранить доброе отношение к России после всего случившегося будет еще труднее. Заполучил ли кто-то политические дивиденды в результате этого? Да, прежде всего болгарские русофобы, а вот в России кто? Мне совсем не понятно».

Mihneva Rumyana – doctor of history, professor of Sofia University (Republic of Bulgaria)

М.М. Фролова

Ответ Румяне Михневой

Дорогая Румяна! Прочитала в фейсбуке Ваше эмоциональное письмо. Мы с Вами — коллеги, историки, и наша задача спокойно разбираться в прошлом и настоящем, чтобы искорка недопонимания не превратилась в бушующее пламя вражды и ненависти.

Вы прекрасно знаете, что Российская империя в своем административно-территориальном устройстве делилась на губернии. В нее входили также области (например, войска Донского, Кубанская, Забайкальская, Приморская и др.), Великое княжество Финляндии, Царство Польское. Национальный принцип деления территории был положен только при образовании СССР. Название полков в русской армии, принимавшей участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., подчас не отражало ее национальный состав. Так, например, возмем лейб-гвардии Финляндский полк. Действительно, этот полк был создан в 1806 г. в Стрельне под покровительством великого князя Константина Павловича из крестьян окрестных императорских вотчин как батальон милиции и только в 1808 г. стал именоваться лейб-гвардии Финляндским батальоном, когда Финляндия в результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг. была

присоединена к России. Согласно сохраненной Александром I конституции финны были освобождены от прохождения обязательной службы в русской армии (сохранялась прежняя поселенная система). А лейб-гвардии Финляндский полк, связанный с Финляндией лишь одним названием, зимой квартировал в Санкт-Петербурге (на Васильевском острове), а летом — в Красном селе. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. полком командовал генерал-майор В.Н. Лавров, после его гибели — полковник Г.И. Шмидт. Офицерский состав, понятно, набирался не из финнов, солдатский тоже.

Как мы знаем, указом Сената с 1 января 1874 г. в России вводилась всеобщая воинская повинность, которую с 1877 г. предполагалось распространить и на Финляндию. Военный министр России Милютин докладывал императору 12 февраля 1871 г., что «в России общественное мнение требует, чтобы финляндцы несли службу наравне с прочим населением империи и сливались с ним в одной армии — русской». Александр II с этим предложением согласился, начертав на рапорте, что генерал-губернатор будет являться начальником финских войск. Однако командующий войсками в Финляндии граф Адлерберг предупреждал Петербург, что для введения этого положения необходимо одобрение финского сейма. Только в 1877 г. сейм принял устав

© Фролова М.М., 2018

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); marinafrolova59@mail.ru

о воинской повинности Финляндии.

Но в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. принимал участие 3-й лейб-гвардии стрелковый Финский батальон, который содержался за счет Великого Княжества Финляндии. Его состав – 24 офицера, 1090 нижних чинов. Принимал участие в сражении под Горным Дубняком, Филиппополем и др. За время войны было ранено 6 офицеров, 94 нижних чина, из них умерло 16 нижних чинов. Было убито 24 солдата, из заболевших умерло 2 офицера и 146 нижних чинов. 3-й лейб-гвардии стрелковый Финский батальон одним из первых покинул Болгарию – 10 апреля 1878 г. был отправлен в Россию. Понятно, что в общей численности Дунайской армии в 554 тыс. человек (по И.И. Ростуну) 3-й лейб-гвардии стрелковый Финский батальон – это «капля в море». Разумеется, каждая капля (особенно крови) значима, жизнь каждого человека значима, но надо же спокойно соотносить эту цифру с общим числом русской армии и правильно расставлять акценты.

Следует подчеркнуть, что в Российской империи офицеры и солдаты различали себя не по национальностям, а по полкам. И памятники своим погибшим товарищам ставили не по национальности, а по принадлежности к полку.

Только в советской историографии появилась литература об участии представителей того или иного народа в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., что, с одной стороны,

хорошо работало на разрушение понимания единого государственного-территориального пространства Российской империи, единой истории и судьбы, а с другой – на укрепление национальной идеи и возвращение национальной розни. Развал СССР это прекрасно показал, поскольку сопровождался взрывом национальной ненависти и кровавых конфликтов между людьми.

В современной геополитической обстановке наблюдается тенденция к умалению роли Российской империи в освобождении Болгарии и даровании ей государственности. И один из этих приемов (чему положено начало в советской историографии) – на первый план помещать утверждение о роли украинского, польского, литовского, финского и др. народов, которые после развала СССР стали самостоятельными государствами. И затем это утверждение получает дальнейшее якобы логическое продолжение, что освободителями Болгарии выступают также и Польша, Литва, Финляндия наряду с Россией и участниками Русско-турецкой войны Румынией и Сербией. Для того, чтобы не обострять отношения и быть исторически корректными в том случае, когда начали перечислять народы Российской империи, принявшие по всеобщей мобилизации участие в Русско-турецкой войне, надо вспоминать все народы и народности Российской империи, а не только те, что ныне являются собой независимые государства, входящие в состав НАТО.

Кроме того, не следует бросать обвинения в сторону современных

граждан России в том, что в Болгарии чтут память освободителей (улицы носят имена русских полководцев, стоят в Болгарии памятники павшим русским воинам, которые сооружены на деньги болгар), а в России об этой войне забыли. Но ведь все не так однозначно! Давайте вспомним историю сооружения памятника гренадерам, павшим за Плевну (18 офицеров, нижних чинов — 542 человека). Он должен был стоять в Болгарии, но в 1886 г., когда он был практически готов, возникли сомнения в возможности его установки, поскольку дипломатические отношения между Российской империей и Княжеством Болгария были разорваны и наблюдался разгул русофобии. Памятник-часовня был поставлен в Москве, в Лубянском сквере. В Российской империи были сооружены замечательные памятники в память о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., большинство из которых были разрушены большевиками, но восстанавливаются сейчас. А многие возведенные памятники павшим русским воинам в Болгарии находятся сейчас в плачевном состоянии. И Вы это прекрасно знаете, поскольку в прошлом году мы с Вами вместе очищали один такой памятник у Плевны от растений, которые своими корнями разрушают его фундамент. И сколько таких памятников вокруг Плевны? По всей Болгарии? А сколько памятников подверглось осквернению со стороны современных вандалов? А сколько с них срезано крестов и металлических частей? Даже памятник Александру II, что стоит в центре Софии, не раз осквернялся!

Следует признать, что 140-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и подписания Сан-Стефанского мирного договора впервые за многие годы научная общественность отмечает конференцией, которая была проведена Софийским университетом Св. Климента Охридского, т.е. на государственном уровне, и это, без сомнения, заслуга президента Болгарии Румена Г. Радева. Научные конференции предыдущих юбилеев (130-летие и 135-летие окончания Русско-турецкой войны) организовывались форумом «Болгария — Россия», председателем которого являлась Светлана Шаренкова, т.е. частным лицом.

Кроме того, 3 марта телевидение Болгарии отмечало не столько подписание Сан-Стефанского мирного договора, сколько заключение Брест-Литовского сепаратного мирного договора 1918 г. о выходе Советской России из Первой мировой войны. Договор подписали с одной стороны представители советской России и Центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарского царства) — с другой. Некоторые участники телевизионной дискуссии подчеркивали значимость того факта, что болгары подписывали договор с побежденной Россией, их освободительницей! Этот мир для России являлся невероятно невыгодным: от нее была отторгнута территория площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 млн человек (треть населения Российской империи), на которой находились (до революции): 27% обрабатываемой сельскохозяйственной земли, 26%

всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 89% каменного угля и изготовлялось 90% сахара; располагались 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачных фабрики, 1 685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1 073 машиностроительных завода и проживало 40% промышленных рабочих.

Этот мир, унижительный для России, «гreet», однако, «душу» некоторых болгар, которые желают продолжения неприязненных отношений между государствами, между политиками и народами России и Болгарии. Но нам, историкам, не-

обходимо укреплять узы народной дипломатии, о чем Вы так часто ратовали, на нашем уровне не раздувать искру, которая пробежала между высокими представителями наших стран, не заострять внимание на раздоре, а пытаться объяснить и уладить конфликт.

Все признают, что сейчас идет информационная война, и наша задача, чтобы не дать ей перерасти в реальную, поскольку это будет страшнее Второй мировой войны. Надо взвешеннее относиться к информации и к своим словам. Если политики «дерутся», то общественность, тем более научная, должна лить воду, а не масло в костер.

Frolova Marina M. — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Р. Михнева

«Медийная кампания в России направлена не против тех, кто проводит в Болгарии русофобскую политику»

Меня несколько задела в словах Марины Фроловой реплика о том, что «многие возведенные памятники павшим русским воинам в Болгарии находятся сейчас в плачевном состоянии», подвергаются осквернению современных вандалов. Это говорится мне? Человеку, который в 2006 г. организовал под патрона-

жем тогдашнего болгарского президента Георгия Пырванова школьников всей Болгарии на генеральную уборку всех этих более 500 памятных мест? Марина помнит, как весной 2017 г. мы вместе в Плевене очищали от грязи и мусора один из таких объектов. А сколько таких могил располагается рядом с деревеньками, где больше никто не живет и местные жители уже поэтому не могли совершать вандализма?!

© Михнева Р., 2018

Михнева Румяна — доктор истории, профессор Софийского университета (Республика Болгария); ruan@abv.bg

Я не хочу здесь отклоняться от главной темы, вспоминать о многих непростых моментах нашей общей истории, и в том числе истории последних десятилетий (СЭВ, Варшавский договор, развал СССР, очень сложные и для России, и для нас 90-е гг.). Не хочу говорить обо всем том, что питает русофобию в сегодняшней Болгарии, которая, кстати, к тому же платит сейчас за российский газ по максимально дорогой цене, как мало какая другая страна Европы. Скажу лишь, что мне неприятно видеть организованную в России против моей страны медийную кампанию, которая реально направлена отнюдь не против тех, кто действительно представляет антиросийские силы и уже 30 лет проводит русофобскую политику в Болгарии. Я хотела лишь защитить мой народ, который в массе своей обвинили в неблагодарности, и моего законного президента, произносившего слова, многих заставившие плакать. Мы должны сохранить чувство близости. Ведь мы уйдем, придут новые поколения. И дальше что? Ответственность за проведение разумной политики лежит на всех сторонах. И если кто-то из политиков и военных готовит очередное безумие, наша задача — найти те механизмы, которые способны остановить это. Наша сила — это слово, честное и ответственное. Из фейсбука можно видеть мою реакцию на то, что в день Национального праздника кто-то в Болгарии поднял тему Брест-Литовского договора. Не будем здесь вдаваться во все детали относительно Сан-Стефанского договора, хитросплетений политики тех лет, реальных планов держав (в том числе и российской) и говорить в очеред-

ной раз о том шоке, который испытали в 1878 г. после Берлина болгары, верившие в то, что границы их молодого государства совпадут с этническими границами, с территорией, на которой проживали болгары. Обо всем этом с опорой на ценные архивные документы, в том числе документы Болгарской церкви (Экзархии), переданные в то время в российский МИД, мы можем поговорить на одной из наших следующих научных конференций. А может быть, и о том, как консул Константин Леонтьев, исходя из своих идей, боролся против независимой болгарской церкви... И о том, кто поддерживал и развивал вопреки интересам болгар идеи македонизма (мы слышали иногда о том, что Слово Кирилла и Мефодия, положившее начало нашему с вами христианству, пришло не из болгарских, а именно из македонских земель)... И о судьбах болгар, болгарской церкви и первых болгарских школ в Северной Добрудже...

Мы живем на Балканах, где гораздо продуктивнее смотреть не в прошлое, а в будущее. И едва ли нам всегда стоит выносить наши профессиональные споры на суд широкой публики. Самое главное: для нас, болгар, та война — Национальная Святыня. Разве мы могли бы остаться христианами, перестав почитать свои иконы?

В 1907 г. большая российская делегация во главе с великим князем Николаем Николаевичем принимала участие во всеболгарских торжествах по случаю открытия в Софии памятника Царю-освободителю. Присутствовал и генерал П.Д. Па-

ренсов, не только русский офицер, начальник разведки во время войны 1877–1878 гг., но и первый военный министр Болгарии, почетный гражданин г. Ловеча, всегда глубоко уважавшийся у нас независимо от того, кто стоял у власти. В России, правда, некоторые его больше знают только как мужа родной тетки С. П. Дягилева (мало кто помнит при этом о пособии, которое выделило в 1925 г. болгарское правительство ей как вдове выдающегося офицера, освобождавшего Болгарию, и не только ей, но всем проживавшим в Болгарии русским эмигрантам, участникам войны 1877–1878 гг. — после ее кончины пособие было передано дочери в 1940 г.). Сейчас, в год 175-летия со дня рождения П. Д. Паренсова, неплохо бы переиздать его прекрасные мемуары. А в заключительной их части, которая называется «Бол-

гария 30 лет спустя», он произнес горькие слова о том, что болгар, старающихся сохранить добрую память о русской воинской славе 1877–1878 гг., весьма задевает довольно слабое внимание в России (в частности, прессы) к годовщине великих событий их истории.

Генезис болгарской политической русофобии должен стать предметом особых серьезных исследований. А то, что мы видим сегодня, напоминает политическую акцию с весьма сомнительным результатом. В сознание широкой российской публики кто-то пытается внести стереотип: раз ты болгарин — значит неблагодарный русофоб. Мы не боимся России, а вам Болгария разве чем-то угрожает? Или нас воспринимают лишь как члена НАТО, куда нас привели извилистые дорожки посткоммунистического периода?

Mihneva Rumyana — doctor of history, professor of Sofia University (Republic of Bulgaria)

Т. В. Волокитина

«Визит патриарха не способствовал уменьшению антироссийских настроений»

Накануне визита патриарха Кирилла в Болгарию его пресс-служба объявила о главной цели поезд-

ки — содействовать укреплению двусторонних отношений между нашими странами. Исходя из реакции болгарского общества на выступление председателя РПЦ на встрече с президентом Болгарии, полагаю, что вряд ли можно считать эту цель достигнутой. Очень жаль.

© Волокитина Т. В., 2018

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, зав. отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва); tanyaslav@rambler.ru

Представляется, что патриарх Кирилл, увы, стал заложником весьма сложной в настоящее время геополитической ситуации. Действительно, в наши дни позиции Болгарии на мировой арене по некоторым глобальным вопросам миропорядка существенно расходятся с представлениями о модели «поведения» этой балканской страны, традиционными для значительной части российского общества. А эти представления во многом основаны на ожиданиях демонстрации неизменных чувств благодарности болгар «братушкам» за освобождение от османского ига, за помощь «старшего брата» на всех последующих этапах исторического развития Болгарии, включая социалистический. Когда этого не происходит, возникает разочарование наших сограждан, причем не только в «низах». Верх берут эмоции, рождающие обвинения в непорядочности, черной неблагодарности и даже «предательстве» болгар по отношению к нам, русским, «столько сделавшим» для действительно братского народа, и пр. (Беру последнее выражение в кавычки не потому, что ставлю под сомнение масштабы помощи, а лишь как цитату).

Полагаю, что именно такие настроения вкупе с, безусловно, известными патриарху Московскому стремлениями части болгарских историков критически переоценить значение Русско-турецкой войны, лишив ее «статуса» Освободительной, переосмыслить роль Российской империи в освобождении и принизить ее, в том числе и подчеркиванием реализации ею собственных национально-государ-

ственных интересов на Балканах, определили пафос и тональность выступления первоиерарха. Другой вопрос — насколько «провокативной» была в этом отношении речь президента Радева?

На мой взгляд как историка-болгариста — ни в малейшей степени! Перечисление народов **Российской империи**, принявших участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., констатация президента, что для сотен тысяч сложивших головы воинов земля Болгарии — их дом, где они упокоились, где их помнят и чтут, не могут стать оскорбительными для представителя державы-победительницы, претендующей ныне на обретение статуса Великой. Не должны были стать! Но, как видно, стали... Правомерен вопрос: почему? Может быть, был нужен повод для выражения «неодобрения» российской стороной поведения болгарских властей вовсе не в контексте Освободительной войны?

«Болгарский скандал», как именуют визит патриарха некоторые СМИ, рождает, с моей точки зрения, существенные вопросы.

Во-первых, насколько правомерно упоминание ряда современных государств в качестве освободивших Болгарию? С исторической точки зрения это некорректно: в 1870-е гг., говоря современным языком, на политической карте мира не было самостоятельных государств Финляндия, Польша, Литва, Украина. Но представители их народов участвовали в войне, проливали свою кровь в сражениях и, кстати, **не делили тогда эту**

кровь. Отказать современным государствам в праве почтить память своих предков и воздать им должное уважение — не по-человечески. Только не надо примешивать сюда политику, реалии дня сегодняшнего и тем более манипулировать историей в угоду современной политической конъюнктуре. Что касается российской стороны, то абсолютизация роли и вклада Российской империи — не лучший, а может быть и худший, вариант действия. Мне лично ближе позиция болгарского президента, подчеркнувшего значение каждой, независимо от национальности, капли крови, пролитой за свободу его страны.

Во-вторых, набивший оскомину вопрос о свободе слова для наших СМИ, о допустимой форме оценки действий суверенного государства, настроений его граждан. Заявления первого (правительственного!) канала российского телевидения о «хамстве» болгар, подведение целого народа под общий знаменатель, демонстрация собственного понимания свободы слова как безответственности за произнесенное, а слово, как известно, «не воробей», с моей точки зрения, недопустимы. (Именно подобные проявления сформировали в обществе определения представителей третьей власти как беспринципных «журналюг», на все готовых ради сенсации и близости к «кормушке»). Мне могут возразить, что и не такое можно услышать в наш адрес со стороны некоторых «братьев-славян» и не только их, так что хватит церемониться. Все верно — услышать можно и не такое. Но во все времена было и остается действующим

неписанное правило — сила в правде! И эту правду надо отстаивать! Но отстаивать достойно, не опускаясь до оскорблений, подтасовок, подмены понятий, менторских поучений, а, прежде всего, формируя историческую память народов, воссоздавая объективную картину прошлого. Историки знают, как безмерно трудна и временами кажется неэффективной эта работа. Но никто ее не делает за профессионалов.

Возвращаясь к истории последней Русско-турецкой войны, замечу, что звучащие сегодня с особенным нажимом обвинения в реализации Россией собственных национально-государственных интересов на Балканах не новы. Но вот ведь какая интересная особенность — всем странам, большим и малым, в прошлом и настоящем позволено такие интересы иметь, всем, но не России, которая только должна. Должна действовать в интересах всех, но менее всего — в собственных. И любые иные действия вопреки таким требованиям вызывают острую критику, неприязнь, подозрения, а то и открытую вражду. Таковы, к сожалению, сегодняшние реалии.

Визит патриарха Кирилла вызвал в Болгарии бурный отклик, он не способствовал преодолению раскола в обществе, уменьшению антироссийских настроений, как, вероятно, задумывалось. Но на волне критических выступлений и оценок была сформулирована вполне здравая позиция, выраженная бывшим президентом Плевнелиевым в интервью популярному еженедельнику «24 часа»: «Благодарить Россию, а не поклоняться ей...»

Volokitina Tatyana V. – doctor of historical sciences, head of the Department of the Eastern Europe history after World War II, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

И. Думиника

«Будем же помнить, что тела румын и русских, павших в честном бою на одном поле брани, опускались в одну общую могилу».

Взгляд из Кишинева по поводу высказывания патриарха Кирилла об освобождении Болгарии

Уже несколько дней мы являемся свидетелями полемики, развернувшейся в болгарских и российских СМИ в связи со словами патриарха Московского и всея Руси Кирилла (в ходе его визита в Софию в период 2–4 марта, где он принял участие в празднествах по случаю 140-летия освобождения Болгария от османского ига), в которых он выразил «огорчение, что в официальной риторике представителей государства (Болгарии. – И.Д.) наравне с Россией, оказывается, ту же самую роль (в освобождении Болгарии. – И.Д.) играли Польша, Литва, Финляндия...»¹. В то же время Его Святейшество выразил удовлетворение тем, что на Шипке, где происходили официальные торжества, он

не увидел флагов Финляндии, Польши и Румынии.

Развернувшиеся в прессе дискуссии привели к научной полемике между некоторыми известными болгарскими и российскими историками, среди которых Румяна Михнева (Михнева 2018) и Марина Фролова (Фролова 2018). Все бы ничего, для того и существует историография, чтобы представлять различные точки зрения представителей тех или иных исторических школ. Но ситуацию, по моему мнению, обострила передача «Вечер с Владимиром Соловьевым» (выпускаемая на общероссийском государственном телеканале «Россия 1»), которая была посвящена высказываниям патриарха Кирилла в Софии². Ее участницы, к сожалению, не специалисты по истории русско-болгарских отношений, почти в один голос обвиня-

© Думиника И., 2018

Думиника Иван – доктор истории, научный сотрудник Института культурного наследия Министерства культуры, образования и исследований Республики Молдова (Республика Молдова); duminicaivan@yandex.ru

¹ Патриарх Кирилл напомнил, что Болгарию освободила Россия. URL: www.youtube.com/watch?v=c1VPU8nnPBU&t=120s (дата обращения: 10.03.2018).

² Почему Болгария забыла «русскую кровь»? Вечер с Владимиром Соловьевым от 06.03.2018 URL: www.youtube.com/watch?v=_j0clrt0EIE (дата обращения: 10.03.2018).

ли официальное руководство Болгарии в том, что оно забыло, кто же на самом деле освобождал их страну. Один из ее участников, Семен Аркадьевич Багдасаров (директор Центра изучения Ближнего Востока и Центральной Азии), позволил себе недопустимые эпитеты в отношении болгар, которые, по его мнению, находились «под 600-летним османским игом» (кстати, он ошибся на целое столетие, ибо этот период на самом деле составлял 500 лет: с конца XIV в. по конец XIX в.). Он же, не зная сути вопроса, назвал власти Болгарии «предателями и негодьями» лишь за то, что те перечислили народы, причем христианские, которые также пролили свою кровь за освобождение болгарского народа. В этом же духе высказались политолог Сергей Александрович Михеев и Виталий Товиевич Третьяков, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ.

В связи с этим мы не могли остаться в стороне от этих дискуссий, косвенным образом затрагивающих и Бессарабию как территорию, которая в тот период находилась на окраине Российской империи, и Кишинев, город, где 12 апреля 1877 г. была объявлена война Оттоманской Порте и где проходило формирование и обучение Болгарского ополчения, участвовавшего в боях при Старой Загоре, в обороне Шипки и многих других важных сражениях Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг.

Безусловно, вряд ли кому придет в голову оспаривать решающую роль Российской империи и русского народа в освобождении

Болгарии от турецкого ига. Также не стоит забывать, что император и самодержец всероссийский Александр II подписал Манифест об объявлении войны Османской империи и в качестве «царя польского и великого князя финляндского»: именно он принимал решение за своих подданных поляков и финнов.

Вопрос о названии полков также является дискуссионным. Они в целом не отражали национального состава военнослужащих, а также географического происхождения служивших в них воинов. Они были этнически разнородными. Приведем несколько примеров. Начиная с середины 50-х гг. XIX в. в Кишиневе был расквартирован Прагский 58-й пехотный полк, а в Бендерах — Модлинский 57-й пехотный полк (НАРМ 1: Л. 176, 207 об., 226 об.). Данные за 1862 г. содержат сведения о командном составе этих двух полков. Так, шефом Прагского пехотного полка был генерал от инфантерии Александр Николаевич Лидерс, герой трансильванской кампании 1849 г., командиром полка — полковник Николай Иванович Попов, полковым адъютантом — штабс-капитан Онуфрий Иванович Митрофанов, полковым казначеем — поручик Григорий Викентьевич Ольшевский. Командирами батальонов являлись: 1-го — майор Георгиевич (прикомандирован из Подольского пехотного полка), 2-го — майор Иван Петрович Филатов, 3-го — майор Антоний Францевич Гедройц. Начальником стрелковой роты служил майор Федор Матвеевич Юшкевич (Памятная книжка 1862: 262). В то же время командиром Модлинского

пехотного полка являлся Николай Иванович Александров, полковым адъютантом — штабс-капитан Константин Андреевич Томкович, полковым казначеем — поручик Платон Андреевич Чертков. Командирами батальонов служили: 1-го — майор Федор Петрович Шубин, 2-го — подполковник Николай Дмитриевич Тризна, 3-го — Михаил Матвеевич Левицкий. Начальником стрелковых рот был Василий Львович Вишневский (Там же). Из всего этого довольно скучного перечисления отчетливо видно, что командный состав этих двух полков тоже являлся разнородным в этническом плане, но преобладали русские.

Известность в Бессарабии имел 54-й пехотный Минский полк (с 1902 г. — 54-й пехотный Минский Его Величества Царя Фердинанда Болгарского полк), который также дислоцировался в Кишиневе. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он участвовал в переправе через Дунай у Зимницы. Удерживал Шипченский перевал в течение пяти месяцев, а затем, «... преследуя разбитого противника, подошел к городу Адрианополю, где вынужденный на то неприятель заключил мир» (НАРМ 2: Л. 2 об.). В этих полках среди выходцев из различных губерний Российской империи служили и уроженцы Бессарабии, прежде всего молдавского происхождения. Так, например, в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе 55-го пехотного Волынского Его Императорского Величества Князя Николая Николаевича Старшего полка служили рядовые А. Драган из мещан г. Сороки, В. Леснин из с. Гыртоп

Ясского уезда, Ф. Морошан, крестьянин из с. Надушиты Сорокского уезда, а в 54-м пехотном Минском полку — барабанщик С. Гаврилица и рядовой И. Мамалыга из с. Варничены Кишиневского уезда, рядовые К. Цою и К. Мунтян из с. Кожушны Кишиневского уезда, М. Малинковский, В. Горча, Г. Касьянов, В. Манта и И. Брума из г. Кишинева Кишиневского уезда, рядовой С. Киос из с. Трушены Кишиневского уезда (НАРМ 3: Л. 116 — 116 об.; Кишиневские... 1877: № 15. С. 662–663). Уроженцы Бессарабии в составе 55-го Волынского, 54-го Минского и 56-го Подольского пехотных полков принимали участие в переправе царских войск через Дунай в районе Зимница — Систово. За храбрость, проявленную при штурме городка Систово, орденами были награждены Семен Мыща, Егор Сандар, Логин Кирьяк, Виктор Гросул, Степан Мунтян и др. (*Будак* 1959: 78). В 56-м Житомирском полку служили бессарабцы И. Медведев из с. Кишкарены, Г. Сандуров из с. Обрежи, И. Лапушар из Ясского уезда и др. (Кишиневские... 1878: № 3. С. 17). В Литовском лейб-гвардии полку служил бессарабский дворянин Владимир Георгиевич Лазо (уроженец с. Редиул Маре), который геройски проявил себя в районе Шипченского перевала. Он «28 ноября 1877 года скрытно приблизился по скату горы, с западной стороны дер. Сахарной Головки и, после непродолжительной перестрелки, около часа дня, занял ее, а затем и расположенный за ней рядом Черный редут, а также редут Гуссейна-Авни-паша» (*Старчевский* 1878: 195). В 55-м Подольском пехотном полку служил прапорщик Дынга, который был

ранен при переправе через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 г., здесь же проходил службу подпоручик Оат, который 28 декабря 1877 г. был контужен в бою у Шипки (Там же: 116, 267). Хотя все вышеназванные лица были уроженцами Бессарабии (среди которых прослеживаются и этнические русские), в первую очередь они были подданными Российской империи, то есть составляли часть русского войска и подчинялись российскому командованию. Они же шли в бой под девизом «За Веру, Царя и Отечество!», что тогда понималось ими как «За Православную веру, императора Александра II и Российскую империю».

Следует отметить, что в указанный период для современников тех событий все имперское войско воспринималось как русское. Вот, например, как описывает М. Юркевич события 12 апреля 1877 г., когда в Кишиневе на Скаковом поле собрались войска для того, чтобы услышать императорский Манифест об объявлении войны Османской империи: «Трепет охватывал все существо <...>, чувствовался перст Божий, указывающий путь русской армии и всему народу русскому» (Кишиневские... 1877: № 7. С. 300). В тот же день епископ Кишиневский и Хотинский Павел в своей речи перед прочтением указанного манифеста также называет императорскую армию «русским воинством», воинами, которые «неоднократно заставляли трепетать Царьград — Стамбул перед силою их оружия; прославляли своими подвигами, возвеличили Россию...» (Там же: 292–293). По случаю заключения Сан-Стефанского мирного

договора 19 февраля (3 марта) 1878 г. епископ Павел поздравил присутствующих прихожан Кафедрального собора в Кишиневе, а также «Государя Императора нашего, Россию и доблестные русские войска» (Кишиневские... 1878: № 4. С. 148). В июне 1881 г. при закладке часовни и Инвалидного дома на Кишиневском Скаковом поле в честь оглашения на этом месте Манифеста об объявлении войны Турции, епископ Павел, упоминая о событиях Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг., подчеркнул значимость подвига, «совершенного во славу Цареву, русским воином!» (Кишиневские... 1881: № 13. С. 476). Тут же он отметил, что «победоносная война покрыла неувядаемою славою Венценосного вождя русского народа <...> и славное воинство русское» (Там же: 477). В то же время Его Высокопреосвященство признавал, что «русское войско» было **разнородным по этническому составу**. Не случайно всё в той же своей речи он выразил надежду, что наступит время, когда это место станет святыней всего православного христианства: «Тогда, может быть, и не знавший рабства черногорец, и свободный серб, и свободный болгарин, и свободный румын, и свободный грек, — вместе с русским человеком, придут на это место, — место объявления войны, освободившей христианские народы Турции, от всего сердца помолются за Царя Освободителя и за павших на поле брани за святое дело **разноплеменных воинов** (выделено нами. — И. Д.)» (Там же: 480). Спустя год, 12 апреля 1882 г., все на том же месте епископ Павел, говоря о событиях

Русско-турецкой освободительной войны, отметил, что ее результатом стали новые государства, «созданные Русским Царем и русским воинством, при участии союзников их (выделено нами. — И.Д.), на развалинах царства агарянского...» (Кишиневские... 1882: № 8. С. 358).

Исходя из вышеизложенного, можно частично согласиться со словами патриарха Кирилла. Позволю себе лишь не солидаризироваться с удовлетворением Его Святейшества по поводу того, что на Шипке в праздничные дни развевались лишь флаги России и Болгарии. Можно признать, что рядом с русским и болгарским флагом на Шипке имел полное право виднеться и флаг Румынии (на тот момент — Объединенное княжество Валахии и Молдовы, вассальная страна Османской империи. Объявило свою независимость 9 мая 1877 г.) — союзника Российской империи в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Конечно же, стоит признать, что в тех боях румыны в первую очередь «крестили» свою собственную независимость, которая родилась 9 мая 1877 г. в Бухаресте, после того как в Кишиневе 12 апреля 1877 г. ее зачала Россия, объявив войну Османской Порте.

В заслугу румынским властям можно поставить то, что согласно конвенции, заключенной с Российской империей 4 апреля 1877 г. в Бухаресте, Румыния гарантировала право свободного прохождения и необходимого лечения для российских войск, следовавших через ее территорию (Documente 1952: 112). Также Бухарест дал разрешение на беспрепятственное формирова-

ние на территории страны дружин Болгарского ополчения. Благодаря этому в г. Плоешты в ополчение было принято 4 300 молодых болгар, которые составили 6 дружин (*Иванов* 1889: 13).

Румыны также приняли активное участие в подготовке к войне. Так, 2 декабря 1876 г. был издан декрет господаря Кароля I о создании восьми новых пехотных полков (*dogobanți*) в дополнение к восьми уже существующим (*Monitorul* 1876).

Неоспорим их вклад и в боевые действия на территории Болгарии. После двух неудачных атак на Плевну, 31 июля 1877 г. великий князь Николай Николаевич обращается из Тырново к румынскому господарю Каролю I с просьбой о помощи (*Memoriile* 1995: 200; *Reminiscences* 1899: 275).

Уже 20 августа 1877 г. румынское командование призывает свои войска присоединиться к русским силам в войне против Османской империи «на одном поле и с той же целью» (На север от Балкана). В Болгарию было переброшено около 35 000 румынских солдат. Господарь Кароль I командовал Западным отрядом, куда входили III и IV румынские дивизии. При нем начальником штаба состоял генерал-лейтенант Павел Зотов. В то же время военный министр генерал Александру Чернат был назначен командующим румынскими войсковыми частями (*Documente* 1953: 535).

Румынская пехота участвовала в третьей атаке на Плевну. Здесь

она проявила себя в боях при Гривице (30 августа 1877 г.), которая являлась ключевой стратегической позицией, имевшей большое значение для взятия Плевны. В этом месте скрещивались дороги, ведущие в Никополь и Свиштов, в Софию и Рушук (*Генов* 1979). В боях за Гривицу героически сражался сержант Иоан Григоре (Военни герои). В общей сложности число раненых и убитых румынских солдат насчитывало около 2 511 человек (*Loghin, Ucrain* 1967: 79).

Смелые действия румын в Гривице были отмечены в рапорте консула США в Бухаресте, который сообщал своему правительству, что «румынские войска сражались отлично, соревнуясь в храбрости с русскими». В то же время австрийская газета «Die Presse» отмечала: «Огонь засевших там (в Гривицком редуте. — И.Д.) турок был губительным, атакующие силы незначительными, а редут очень сильным благодаря удачному использованию особенностей местности, а также своему вооружению. Но, несмотря на все это, румынские войска, в особенности доробанцы, продвигались вперед со смелостью, вызвавшей величайшее восхищение. Они проявили на поле боя не только презрение к смерти и дерзость, но и подлинный боевой дух» (цит. по: (*Романэску* 2003: 106)). Английская газета «The Times» подчеркивала, что своими действиями под Плевной румыны «опровергли все сплетни иностранных критиков в отношении их способности находиться под огнем <...>. Если русским удастся взять Плевну, то немалая часть этого успеха придется на их сотру-

ничество со своими союзниками румынами» (цит. по: (*Rosetti* 1927: 375)). Русский историк Дмитрий Иловайский, совершивший поездку на театр боевых действий под Плевной, так описывал действия румын: «В эту войну их небольшая армия вела себя очень недурно» (*Иловайский* 1883: 366).

В с. Пордим (находится юго-восточнее Гривицы), в доме, где располагалась Главная квартира румынской армии, в 1907 г. был открыт Музей румынского воина.

Во взятии Оряхово (7–9 ноября 1877 г.) участвовали около 5000 румынских солдат полковника Георге Слэничану, а также румыно-русский отряд, состоявший из 1 200 человек и находившийся под командованием русского генерала Феофила Егоровича Мейендорфа (*Adăniloai* 1962: 1195–1196). Румынские войска под руководством генерала Александру Черната прикрывали участок №1 между Видином и Гривицей и часть участка №6, силы которого блокировали Плевну с запада (*Романэску* 2003: 106).

Румынские военные формирования вместе с русскими участвовали в блокаде Плевны вплоть до ее полной сдачи 28 ноября 1877 г. 6-й пехотный полк (входил в состав 2-й румынской дивизии) во главе с подполковником Ионом Алжиу первым, еще в 10 часов утра, вошел в Плевну (*Loghin, Ucrain* 1967: 139; *Mocanu* 1987: 102). Именно румынам и сдался Осман-паша. Об этот свидетельствуют воспоминания Кароля I, который находился в 4 км от того места, где турки подняли белый флаг

(Memoriile 1906: 13). Сохранились прямые свидетельства тех событий. По рассказу участника тех событий полковника Ераклия Ариона, после ранения Осман-паша был транспортирован в деревянный домик, расположенный на горном склоне у моста через р. Вид. После чего «он послал парламентария, чтобы тот связался с каким-либо офицером из вражеского стана <...>. Находясь рядом с тем местом, куда пришел турецкий посланник, я ознакомился с посланием Османа. После чего, вместе с полковником Черкезом (Михаил Черкез, командующий 2-й румынской дивизии. — И.Д.), в сопровождении двух солдат (по некоторым данным, с ними находились офицеры Георге Ангелеску, Антон Берендей, Матей Влэдеску, Хенрик Херкт и Ион Алжиу (General Alexandru Cernat 1976: 37; Pelin 1977: 107; Mocanu 1987: 103). — И.Д.) мы отправились в стан врагов, которые смотрели на нас с недоумением. Достигли укрытия, где находился Осман-паша, которого ужасно мучила рана...». Тут же Арион добавляет, что при виде вошедших офицеров Осман-паша с достоинством заявил: «Я сопротивлялся столько, сколько позволяла мне человечность. Я пал с мечом в руке. Я не прошу ничего для себя, хочу лишь, чтобы с моей смелой армией, которая многое испытала, обращались по-человечески...» (Callimachi 1946: 239). Согласно некоторым источникам, в тот момент Осман-паша передал свою саблю румынскому полковнику Михаилу Христодуло Черкезу, однако тот отказался ее принять, сославшись на то, что не имеет на это соответствующих компетенций (из-за более низкого звания) (Memoriile

1995: 330; Govora 1981: 47; Mocanu 1987: 103). Подоспевший генерал Иван Степанович Ганецкий принял саблю Османа-паши и его безоговорочную капитуляцию. Эпизод с полковником Черкезом описывает и английская газета «The Morning Post», которая, анализируя официальную сводку о взятии Плевны, приходит к выводу, что «кажется, Осман-паша сдался румынам» (цит. по: (Rosetti 1927: 386–387)), далее повествуется о встрече Осман-паши с полковником Черкезом, которому и сдался турецкий военачальник. Позже, за героические действия под Плевной, 1 декабря 1877 г. Михаилу Черкезу было присвоено генеральское звание (Mocanu 1987: 106).

Вклад румынской армии во взятие Плевны отметил великий князь Николай Николаевич в своем письме Каролю I от 29 ноября 1877 г. «Блестящие победы, одержанные под Плевной, являются во многом результатом сотрудничества с доблестной румынской армией <...>. Мне доставляет особое удовольствие высказать Вашему Высочеству <...> то искренне удовлетворение, которое я испытал при виде боевого содружества русских и румынских войск...» (Романэску 2003: 107–108). Бельгийская газета «Le bien public» отметила, что «румыны держали себя отважно: они во многом содействовали обложению Плевны и окончательному разгрому Осман-паши, решившему исход кампании» (Там же: 108), тогда как австрийская газета «Le Mémorial diplomatique» подчеркивала, что «румыны внесли очень большой вклад в блестящее сражение, которое привело к захвату Плевны» (Там

же). Высоко оценил совместные румыно-русские боевые действия в Плевне и русский журналист, который находился в составе царских войск в указанный период: «Будем же помнить, что румыны разделили с нами всю горечь этой кровавой войны... Что тела румын и русских, павших в честном бою на одном поле брани, опускались в одну общую могилу, и пусть на этот братский союз не ложится тень самолюбивых мелких раздоров» (цит. по: (Улуян 1994: 157)).

В дальнейшем основная миссия румынских войск состояла в уничтожении турецких войск на северо-западе Болгарии. Это делалось для того, чтобы обезопасить правый фланг русских войск, направлявшихся в Софию (*Adăniloai* 1962: 1197). В январе 1878 г. вновь созданный западный румынский корпус во главе с генералом Николае Хараламбие осаждал Видинскую крепость. Ценой больших потерь (более 300 солдат) героически проявляют себя румыны в боях (12–13 января) у с. Смардан (ныне с. Иново). Командовал атакой, завершившейся победой, генерал Михаил Черкез (*Documente* 1955: 26). Великий румынский художник Николае Григореску запечатлел сражение при Смардане на своей картине (*Vlahoutza* 1911: 91), которая стала символом доблести румынского солдата на поле боя. В Смардане было обустроено кладбище румынских солдат, а в 1897 г. на этом месте был открыт мемориальный памятник. В 1905 г. рядом с кладбищем был установлен памятник румынке Марице, которая приносила воду солдатам в Смардане. Ее застрели-

ли турецкие солдаты (*Bonțeanu* 2008: 345). В 1879 г., спустя год после осады Видина, бывший командир крепости Иззет-паша отправил свою фотографию генералу М. Черкезу с надписью «В память и с признательностью за доблесть в сражении» («Потомците на героите разказват»).

В общей сложности в Русско-турецкой освободительной войне румыны потеряли 4 302 офицера и солдата (*Scafes, Serbanescu, Andonie* 2002: 149). Кароль I стал кавалером Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени (5 сентября 1877 г.) и ордена Св. апостола Андрея Первозванного с мечами (29 ноября 1877 г.).

Хотя участие и потери русских войск в сравнении с румынами превосходили последних во много раз, все же не следует забывать и об этих жертвах во благо земли болгарской. Ведь и эти люди были христианами православного толка, и **следует по-христиански чтить и их память, а не отделять кости по этническому признаку.** Кроме того, **участие румын вместе с русскими войсками в боевых действиях в Болгарии является примером боевой дружбы между двумя народами.** Победа при Плевне, Гривице и Оряхове является результатом тесного взаимодействия между румынским и русским командованием.

В заключение хотелось бы отметить, что среди общественных масс Российской империи освобождение Болгарии воспринималось как священный долг русских перед болгарями за создание первой

славянской азбуки (глаголицы), которая использовалась в церковно-славянском (староболгарском) языке, на котором и сегодня проводятся божественные службы в храмах России. Не случайно епископ Кишиневский и Хотинский Павел в своей речи 12 апреля 1877 г. подчеркнул, что Святая Церковь будет молиться Богу с тем, чтобы он помог императору «оградить Христову веру и христианскую гражданственность среди народов, от которых мы сами унаследовали и веру Христову и гражданственность Христианскую» (Кишиневские... 1877: № 7. С. 293).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Будак 1959 — Будак И. Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959.

Военни герои — Военни герои // Документална изложба «Възкресение на свободата». 140 години от края на Руско-турската война 1877–1878 г. и Освобождението на България (Софийски университет «Св. Климент Охридски». 2–4. III. 2018).

Генов 1979— Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979. URL: militera.lib.ru/h/genov/07.html (дата обращения: 11.03.2018).

Иванов 1889 — Иванов И. С. Болгарское ополчение и его формирование в 1875–1879 гг.: заметки и воспоминания. СПб., 1889.

Иловайский 1883 — Иловайский Д. И. Поездка под Плевну в 1877 г. // Русская старина. Г. 14. СПб., 1883. Т. 37.

Кишиневские... 1877 — Кишиневские епархиальные ведомости. 1877.

Кишиневские... 1878 — Кишиневские епархиальные ведомости. 1878.

Кишиневские... 1881 — Кишиневские епархиальные ведомости. 1881.

Кишиневские... 1882 — Кишиневские епархиальные ведомости. 1882.

Михнева 2018 — Михнева Р. «Хранить доброе отношение к России после всего случившегося будет еще труднее!» URL: istorex.ru/page/hranit_dobroe_otnoshenie_k_rossii_posle_vsego_sluchivshegosya_budet_esche_trudnee (дата обращения: 10.03.2018).

На север от Балкана — На север от Балкана // Документална изложба «Възкресение на свободата». 140 години от края на Руско-турската война 1877–1878 г. и Освобождението на България (Софийски университет «Св. Климент Охридски». 2–4. III. 2018).

НАРМ 1 — Национальный архив Республики Молдова. Ф. 75 (Кишиневская городская Дума). Инв. 1. Д. 1611.

НАРМ 2 — Национальный архив Республики Молдова. Ф. 792 (Эммануил Поляк — библиограф, энциклопедист, 1890–1941). Оп. 1. Д. 1.

НАРМ 3 — Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2 (Канцелярия Бессарабского областного гражданского губернатора). Оп. 1. Д. 8422.

Памятная книжка 1862 — Памятная книжка Бессарабской области на 1862 год. Кишинев, 1862.

«Потомците на героите разказват» — «Потомците на героите разказват»: Ген. Черкез води румънската армия в битката за Плевен. URL: www.pleven.utre.bg/2018/03/02/480692potomtsite_na_geroite_razkazvat_gen_cherkez_vodi_rumunskata_armia_v_bitkata_za_pleven (дата обращения: 11.03.2018).

Романэску 2003 — Романэску Г. Румынская армия в войне 1877–1878 гг. // Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. — 125 лет. Кишинев, 2003.

Старчевский 1878 — Старчевский А. А. Памятник Восточной войны 1877–1878 гг., заключающий в себе в алфавитном

порядке биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых и контуженных: генералов, штаб и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестер милосердия и отличившихся рядовых. СПб., 1878.

Улунян 1994 — *Улунян А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига: 1877–1878. М., 1994.

Фролова 2018 — *Фролова М.М.* Ответ Румыне Михневой. URL: istorex.ru/page/frolova_mm_otvet_rumyane_mikhnevoy (дата обращения: 10.03.2018).

Adăniloaie 1962 — *Adăniloaie N.* Contribuții privind luptele de la Rahova și Smîrdan // Studii: Revistă de istorie. București, 1962. № 5.

Bonțeanu 2008 — *Bonțeanu T.* Cultul eroilor militari reflectat în monumentele Războiului de Independență din Regatul României 1877–1918 // Revista Bistriței. Bistrița, XXII, 2008.

Callimachi 1946 — *Callimachi S.* Din cărți vechi. Pagini privitoare la istoria românilor. București, 1946.

Documente 1952 — Documente privind istoria României: Războiul pentru independență. Volumul II: 1 ianuarie 1877 — 9 mai 1877. București, 1952.

Documente 1953 — Documente privind istoria României: Războiul pentru independență. Volumul V: 16 iulie 1877 — 31 august 1877. București, 1953. p. 535.

Documente 1955 — Documente privind istoria României: Războiul pentru

independență. Red. resp. M. Roller. Volumul IX: 16 ianuarie 1878 — 3 martie 1878. București, 1955.

General Alexandru Cernat 1976 — General Alexandru Cernat. Memorii. Compania 1877–1878. București, 1976.

Govora 1981 — *Govora N.S.* Relațiile Româno-ruse. Madrid, 1981.

Loghin, Ucrain 1967 — *Loghin L., Ucrain C. Plevna.* 1877. București, 1967.

Memoriile 1906 — Memoriile Regelui Carol I al României (de un martor acular). Vol. XII. București, 1906.

Memoriile 1995 — Memoriile Regelui Carol I al României (de un martor acular). Vol. III. 1876–1877. București, 1995.

Mocanu 1987 — *Mocanu V.* General Mihail Cerchez. București, 1987.

Monitorul 1876 — Monitorul Oficial al României. București, 2 decembrie 1876.

Pelin 1977 — *Pelin M.* Căderea Plevnei. 28 noiembrie 1877. București, 1977.

Reminiscences 1899 — Reminiscences of the King of Roumania. Edited by Sidney Whitman. New York — London, 1899.

Rosetti 1927 — *Rosetti R.* Câteva extrase din presa engleză. 1877–1878. București, 1927.

Scafes, Serbanescu, Andonie 2002 — *Scafes C., Serbanescu H., Andonie C.* Armata română în războiul de independență 1877–1878. București, 2002.

Vlahoutza 1911 — *Vlahoutza A.N.I.* Grigoresco: Sa vie et son oeuvre. Bucarest, 1911.

Dumînika Ivan — doctor of history, researcher at the Institute of cultural heritage of the Ministry of culture, education and research of the Republic of Moldova (Republic of Moldova)

REFERENCES

Adăniloaie N. Contribuții privind luptele de la Rahova și Smîrdan. *Studii: Revistă de istorie.* București, 1962, no. 5.

Bonțeanu T. Cultul eroilor militari reflectat în monumentele Războiului de Inde-

pendență din Regatul României 1877–1918. *Revista Bistriței.* Bistrița, XXII, 2008.

Budak I.G. *Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Bessarabii v poreformennyi period.* Kishinev, 1959.

Callimachi S. *Din cărți vechi. Pagini privitoare la istoria românilor.* București, 1946.

- Documente privind istoria României: Războiul pentru independență.* Volumul II: 1 ianuarie 1877 – 9 mai 1877. București, 1952.
- Documente privind istoria României: Războiul pentru independență.* Volumul V: 16 iulie 1877 – 31 august 1877. București, 1953. p. 535.
- Documente privind istoria României: Războiul pentru independență.* Red. resp. M. Roller. Volumul IX: 16 ianuarie 1878 – 3 martie 1878. București, 1955.
- Frolova M.M. *Otvet Rumiane Mikhnevoi.* URL: istorex.ru/page/frolova_mm_otvet_rumyane_mikhnevoy (data obrashcheniia: 10.03.2018).
- General Alexandru Cernat. Memorii. Compania 1877–1878.* București, 1976.
- Genov Ts. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. i podvig osvoboditelei.* Sofiia, 1979. URL: militera.lib.ru/h/genov/07.html (data obrashcheniia: 11.03.2018).
- Govora N.S. *Relațiile Româno-ruse.* Madrid, 1981.
- Povaiskii D.I. *Poezdka pod Plevnu v 1877 g. Russkaia starina.* G. 14. St. Petersburg, 1883. Vol. 37.
- Ivanov I.S. *Bolgarskoe opolchenie i ego sformirovanie v 1875–1879 gg.: zametki i vospominaniia.* St. Petersburg, 1889.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* 1877.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* 1878.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* 1881.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* 1882.
- Loghin L., Ucrain C. *Plevna. 1877.* București, 1967.
- Memoriile Regelui Carol I al României (de un martor acular).* Vol. XII. București, 1906.
- Memoriile Regelui Carol I al României (de un martor acular).* Vol. III. 1876–1877. București, 1995.
- Mikhneva R. “*Khranit' dobroe otnoshenie k Rossii posle vsego sluchivshegosia budet eshche trudnee!*” URL: [istorex.ru/page/hranit_dobroe_otnoshenie_k_rossii_posle_vsego_sluchivshegosia_budet_eshche_trudnee!](http://istorex.ru/page/hranit_dobroe_otnoshenie_k_rossii_posle_vsego_sluchivshegosia_budet_eshche_trudnee)
- go_sluchivshegosia_budet_eshche_trudnee (data obrashcheniia: 10.03.2018).
- Mocanu V. *General Mihail Cerchez.* București, 1987.
- Monitorul Oficial al României.* București, 2 decembrie 1876.
- Na sever ot Balkana. *Dokumentalna izlozhba “V”zkresenie na svobodata’. 140 godini ot kraia na Rusko-turskata voina 1877–1878 g. i Osvobozhdenieto na B”lgariia* (Sofiiski universitet “Sv. Kliment Okhridski”. 2–4.III.2018).
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Moldova.* F. 75 (Kishinevskaia gorodskaia Duma). Inv. 1. D. 1611.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Moldova.* F. 792 (Emmanuil Poliak – bibliograf, entsiklopedist, 1890–1941). Op. 1. D. 1.
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Moldova.* F. 2 (Kantseliariia Bessarabskogo oblastnogo grazhdanskogo gubernatora). Op. 1. D. 8422.
- Pamiatnaia knizhka Bessarabskoi oblasti na 1862 god.* Kishinev, 1862.
- Pelin M. *Căderea Plevnei. 28 noiembrie 1877.* București, 1977.
- “*Potomtsite na geroite razkazvat': Gen. Cherkez vodi rum"nskata armia v bitkata za Pleven.*” URL: www.pleven.utre.bg/2018/03/02/480692potomtsite_na_geroite_razkazvat_gen_cherkez_vodi_rumunskata_armia_v_bitkata_za_pleven (data obrashcheniia: 11.03.2018).
- Reminiscences of the King of Roumania.* Edited by Sidney Whitman. New York – London, 1899.
- Romanesku G. *Rumynskaia armia v voine 1877–1878 gg. Russko-turetskoi voine 1877–1878 gg. – 125 let.* Kishinev, 2003.
- Rosetti R. *Câteva extrase din presa engleză. 1877–1878.* București, 1927.
- Scafes C., Serbanescu H., Andonie C. *Armata română în războiul de independență 1877–1878.* București, 2002.
- Starchevskii A.A. *Pamiatnik Vostochnoi voiny 1877–1878 gg., zakliuchaiushchii v sebe v al'favitnom poriadke biograficheskie ocherki vsekh*

otlichivshikhsia, ubitykh, ranenykh i kontuzhen-nykh: generalov, shtab i ober-ofitserov, doktorov, sanitarov, sester miloserdia i otlichivshikhsia riadovykh. St. Petersburg, 1878.

Ulunian A. *Rossia i osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga: 1877–1878.* Moscow, 1994.

Vlahoutza A. N. I. *Grigoresco: Sa vie et son oeuvre.* Bucarest, 1911.

Voenni geroi. *Dokumentalna izlozhba “V”z-kresenie na svobodata’. 140 godini ot kraia na Rusko-turskata voina 1877–1878 g. i Osvobozhdenieto na B’lgariia* (Sofiiski universitet “Sv. Kliment Okhridski”. 2– 4.III.2018).

А. С. Стыкалин

«Надо взвешеннее относиться к информации и к своим словам»

Скажем сразу: замечательного историка Румяну Михневу, очень много сделавшую для изучения связей наших народов во всем их многообразии, трудно и, более того, даже невозможно обвинить в антироссийской тенденциозности. См., кстати, и наше интервью с ней, опубликованное на сайте журнала в августе 2017 г. Опасения того, что возникший инцидент сыграет на руку русофобским силам в Болгарии, со всей отчетливостью прозвучали и в ее только что приведенных нами на сайте высказываниях в связи с визитом в Болгарию главы РПЦ патриарха Кирилла. Оставляя открытым поле для дальнейшей дискуссии, заметим лишь, что в аргументированном, лишенном пристрастности и содержательном ответе М. М. Фроловой (одного из ведущих российских историков-болгаристов) по сути оказалась обойденной вниманием

одна из серьезных проблем, поставленных Р. Михневой, — об ответственности СМИ и в том числе российских СМИ за то, чтобы историки могли, цитируя М. Фролову, «спокойно разбираться в прошлом и настоящем», не говоря уже о еще более существенном для наших народов — «чтобы искорка недопонимания не превратилась в бушующее пламя вражды и ненависти».

Вызывает некоторые вопросы и информационное обеспечение поездки главы РПЦ соответствующими структурами Московской Патриархии. На самом деле Россия выступила все же не одна, хотя действительно «движимая своей любовью», «презрев собственное благополучие и возможную политическую выгоду от невмешательства в конфликт». Исторически неточным представляется высказывание об отсутствии какой-либо политической поддержки в мире. Сделав выбор в пользу благородной освободительной миссии на Балканах, Россия нашла себе союзников в лице балканских народов, о чем упомянул и президент Болгарии, причем

© Стыкалин А. С., 2018

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

не только лишь народов «независимых государств, входящих в НАТО» (цитируем М. Фролову), но также сербов и говорящих с ними на одном языке черногорцев. Если польский сейм (он существовал в то время лишь в австрийской Галиции и не мог влиять на внешнюю политику своей державы) и литовский сейм, которого не было еще и в помине, действительно не могли принять решений о вступлении в кампанию, то пренебрежение к роли в той войне, пусть менее весомой, чем роль России (ведь речь идет о государстве совсем иного масштаба!), но вполне реальной роли независимого румынского государства и его монарха князя (будущего короля) Кароля может дать пищу русофобским высказываниям уже

и в соседней с Болгарией стране. Это вызывает тем большее огорчение, что поводом могут послужить резонные, но не до конца взвешенные по вине его спичрайтеров высказывания главы РПЦ, причем сделанные именно в тот момент, когда между Русской и Румынской православными церквями, вопреки все еще дающему знать о себе грузу прошлого и сохраняющимся некоторым политическим (а не догматическим) разногласиям, налаживается все более активное и доверительное сотрудничество, и румынские единоверцы со все большей охотой и энтузиазмом подключаются к осуществлению в том числе гуманитарно-научных и исторических проектов РПЦ, включая «Православную энциклопедию».

Stykalin Aleksandr S. – candidate of historical sciences, coordinating researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Н. С. Гусев

Данный скандал вызывает ряд недоумений

Во-первых, это обвинение болгар в забвении памяти вклада России в историю их страны. Достаточно взглянуть на карту центра Софии, чтобы понять количество мест памяти, связанных с Русско-турецкой войной, помощью с обустройством

молодого государства. Топонимика, памятники вкупе с ежегодными актами коммеморации *volens nolens* рождают в болгарях благодарную память по отношению к России и ее народу. При этом Россия и ее народ четко отделяются от российского государства, чью политику не всегда можно было назвать умелой, что нашло выражение хотя бы в том, что спустя менее чем 10 лет после освобождения Болгарии дипломатические отношения между государ-

© Гусев Н. С., 2018

Гусев Никита Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва); gusevns@gmail.com

ствами были разорваны. А также в том, что, даже после объявления войны между Россией и Болгарией в 1915 г., никуда не делся с центральной площади стоящий лицом к народному собранию памятник царю-освободителю, не были разрушены музей-мавзолей в Плевне и другие напоминания о подвигах русских солдат 1877–1878 гг. Как ничего из этого не было снесено и в советское время. Конечно, всегда имеются девиации в виде яркой русофобии и отрицания роли России, например, после Балканских войн 1912–1913 гг. в Болгарии были горячие головы, планировавшие подрыв памятника царю-освободителю (Гусев 2014: 127). Но это является именно девиациями.

Во-вторых, непонятно, как патриарх Кирилл, всегда отличавшийся дипломатичностью и пониманием момента, поднял этот разговор именно сейчас. Он вполне мог иметь место при предыдущем президенте Болгарии Р. Плевнелиеве, чьи поздравления с 3 марта своим замалчиванием роли России вызвали у многих болгар ощущение определенной неловкости и стыда. При нем же активно велись дискуссии о самом понятии «турецкое иго», вместо него предлагалось «османское присутствие», а в школьных учебниках его едва не заменили на «сожительство» (Ашаева и др. 2017: 460). И можно быть уверенным, при Р. Плевнелиеве приглашение и визит патриарха Московского на официальные мероприятия, связанные с днем освобождения Болгарии, вообще бы не состоялись. Р. Радев у нас, в России, воспринимается русофилом, чего он сам

впрямую никогда не заявлял. И от него наши «ура-патриоты» ждут борьбы за отмену санкций, возобновления проекта «Южный поток», выхода из НАТО, ЕС, референдума о вхождении в состав России и т.д. Президент Болгарии же, как это ни кажется удивительным, во главу угла ставит интересы своей страны и ее граждан. В сложившейся экономической и политической ситуации официальная София не может поднимать подобных вопросов. Тем более не может этого делать президент, поскольку Болгария – парламентская республика. Однако он способен укреплять заметно обветшавшие и истончившиеся культурные и общественные мосты между нашими странами, проявлением чего и было приглашение патриарха Московского и Всея Руси на празднования. Однако высокий гость своими заявлениями лишь нанес удар по этим мостам, которые совсем недавно проверяла на прочность официальный представитель российского МИД. У России практически нет инструментов мягкой силы в Болгарии (скупка российскими гражданами недвижимости на побережье и их разгульный отдых лишь формируют негативное представление о россиянах), кроме памяти о войне 1877–1878 гг., в связи с этим особое огорчение вызывает, что столь важное для взаимоотношений двух народов мероприятие кончилось скандалом.

Конечно, странна и сама болгарская формула перечисления народов, принявших участие в освобождении Болгарии. Откуда взялся именно такой список? Если на основе наименования воинских частей,

то это откровенная глупость, которую даже нет смысла объяснять. На основе мест формирования — то откуда уверенность, что служившие в этом полку или роте являлись именно коренными жителями этого региона? В рамках империи кого и куда только не заносило. На основании фамилий? Что же тогда делать с, например, руководящим органом русских националистов начала XX в. — Всероссийским национальным союзом, в котором среди прочих состояли А. П. Урусов, Н. К. фон Гюббенет, Ф. Н. Безак, А. И. Урсати, Н. П. Пештич (Иванов 2016: 118)? Да и что, в конце концов, значит «русские», когда мы говорим о 1877–1878 гг.? Если мы вкладываем в это слово сегодняшнее понимание, то тогда стоит говорить о «великороссах». Остается лишь проверять списки участников войны и выяснять самоидентификацию каждого. Тогда, уверен, список национальностей, чьи представители приняли участие в освобождении Болгарии, будет близок к списку национальностей Российской империи. Если уж идти по современному пути признания всех национальных меньшинств как основ для будущих государств, то надо упоминать всех, что сведет всю эту формулу к абсурду. Да и как делить? Бессарабские болгары, добровольно поехавшие сражаться за свой народ, должны «засчитываться» какому го-

сударству: Болгарии или Молдавии с Украиной?

Поэтому, оставляя в стороне пассаж про Румынию, видимо, вызванный недостаточной подготовленностью встречи, огорчение патриарха от перечисления государств, якобы принявших участие в освобождении Болгарии, можно лишь разделить. Но признать форму и время выражения этих чувств уместными у меня не получается.

Вызывает недоумение и риторика российской прессы вокруг этих событий. Но здесь адекватных объяснений не видится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ашаева и др. 2017 — *Ашаева А. В., Гусев Н. С., Добычина А. С., Леонтьева А. А.* Отношение к истории в современной Болгарии (опыт полевого исследования в селе Момчиловцы) // *Славянский мир в третьем тысячелетии: Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.* М., 2017.

Гусев 2014 — *Гусев Н. С.* Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // *Славянский альманах.* 2014. Вып. 1–2.

Иванов 2016 — *Иванов А. А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016.

Gusev Nikita S. — candidate of historical sciences, researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

REFERENCES

Ashaeva A.V., Gusev N.S., Dobychina A.S., Leont'eva A.A. Otnoshenie k istorii v sovremennoi Bolgarii (opyt polevogo issledovaniia v sele Momchilovtsy). *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii: Etnicheskie, konfessional'nye, sotsiokul'turnye komponenty*

identichnosti narodov Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Moscow, 2017.

Gusev N.S. Russkie i bolgary posle Balkanskikh vojn: vzaimnoe razocharovanie. *Slavianskii al'manakh*, 2014, vyp. 1–2.

Ivanov A.A. *Vyzov natsionalizma: Lozung "Rossiia dlia russkikh" v dovevoliutsionnoi obshchestvennoi mysli*. St. Petersburg, 2016.

PASSION FOR ANNIVERSARY.

140th anniversary of the liberation of Bulgaria from Ottoman rule in Russian and Bulgarian political rhetoric

Key words: Russia, Bulgaria, Russian-Turkish war of 1877–1878, Russian Orthodox Church, Patriarch Kirill.

Abstract. Speaking in March 2018 at the celebration of the 140th anniversary of Bulgaria's liberation from Ottoman rule, President Rumen Radev expressed gratitude not to a single Russian army, but to individual peoples who helped the Bulgarians in the liberation struggle. Radev's speech became an object of controversy on the part of the head of the Russian Orthodox Church, Patriarch Kirill.

В. А. Солонарь

Рец.: *Kotkin S. Stalin. Vol. 1: Paradoxes of Power, 1878–1928* (New York: Penguin, 2014) xxi, 949 p. Vol. 2: *Waiting for Hitler, 1929–1941* (New York: Penguin, 2017) xxix, 1154 p.

Ключевые слова: Сталин, биография, борьба за власть, Большой террор, внешняя политика.

Аннотация. Эта рецензия первых двух томов биографии Сталина, принадлежащих перу видного американского историка Стивена Коткина, разбирает оригинальные трактовки наиболее важных аспектов советской истории, предложенные Коткиным. Среди них проблемы борьбы за власть в большевистской партии в 1920-е гг., коллективизации, Большого террора и внешней политики.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-128-144

Два тома биографии Сталина, принадлежащие перу Стивена Коткина, стали событием в англоязычной историографии советской истории. Они еще раз утвердили репутацию автора как одного из самых талантливых, работоспособных и плодовитых современных специалистов по истории СССР. К моменту выхода первого тома биографии Коткин уже опубликовал четыре монографии, самая значительная из которых была посвящена истории Магнитогорска — квинтэссенции советской индустриализации и воплощению того, что он назвал «сталинизмом как цивилизацией» (*Kotkin 1995*). В этой книге Коткин обосновал идею о том, что стали-

низм был своего рода альтернативной моделью модерна, которая разделяла с западным модерном много общих черт, одновременно и противопоставляя себя ему, и выстраивая свой собственный социальный порядок и образ жизни. Этот тезис оказался весьма плодотворным и породил целое историографическое направление, представители которого исследовали сталинизм с точки зрения его продуктивности, создания особого типа социальных отношений, ценностей и даже личности. Иными словами, сталинско-советскую цивилизацию предполагалось осмыслить, отмечая не только то, чего она была лишена — гражданских и политических свобод, открытости, терпимости, но и то, что она создавала — всеобъемлющее социальное государство, непревзойденную систему политического контроля, авторитарную личность,

© Солонарь В. А., 2018

Солонарь Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США); Vladimir.Solonari@ucf.edu

нетерпимую к культурному разнообразию. В двух последующих книгах Коткин описал развал Советского Союза и советского блока как процесс, обусловленный переходом мира в посмодернистскую и постиндустриальную стадию и неспособностью коммунистических режимов совладать со стрессами, вызванными этим переходом (Kotkin 2001; 2009). Все эти книги имели большой успех, они часто используются как обязательное или дополнительное чтение в ходе преподавания советской и восточноевропейской истории в англоязычных университетах, они также переведены на ряд европейских языков (но пока не изданы на русском). Коткин также опубликовал множество очерков и статей и отредактировал десять сборников статей и первоисточников.

Помимо обширного знания первоисточников и историографии, а также смежных с историей дисциплин, мастерского владения огромным материалом и легкости изложения сложных предметов, публикации Коткина отличает блестящий стиль, который мог бы заслужить ему славу профессионального писателя, если бы он выбрал себе такую карьеру (он начинал свое университетское образование в области английской филологии). Его владение русским также безупречно. При всех своих многочисленных талантах, Коткин проявляет удивительную скромность, воздерживаясь от высокомерных и снисходительных трактовок людей, о которых он пишет, даже если среди них много таких, которые мало у кого могут вызвать симпатию. Его способность сопереживать,

при этом не оправдывая, прибавляет человеческой теплоты его строго академическим, построенным на проверенном и перепроверенном материале книгам.

Все эти, как и многие другие сильные стороны творчества Коткина воплотились в двух первых томах биографии Сталина. Опубликованные в издательстве Penguin, которое специализируется на литературе для широкого круга читателей, а не только ученых и студентов, они, однако, снабжены подробнейшим научным аппаратом: 122 страницы ссылок в конце первого и 159 страниц в конце второго тома, набранных мелким уборым шрифтом, плюс десятки страниц подробной библиографии в каждом томе. Коткин демонстрирует превосходное владение техникой ссылок: воздерживаясь от обсуждения некоторых интересных, но неизбежно отвлекающих внимание читателя деталей в основном тексте, он переносит их в ссылки. Там же он раскрывает свои позиции в отношении того или иного историографического спора или же высказывает свое несогласие с тем или иным коллегой по цеху, либо отсылает к работам авторов, идеи которых он суммировал в данном абзаце. В результате он добился как целостности своего собственного нарратива, так и его академической строгости и верифицируемости сведений, на котором он построен.

Работая над биографией Сталина, говорит автор в начале первого тома, он стал ощущать ее «как всемирную историю, как видел ее сам Сталин из своего кабинета» (vol. 1, p. xi).

Коткин имеет в виду не только то, что политика Сталина определялась процессами, происходившими в России — Советском Союзе и на мировой арене, и в свою очередь оказывала огромное влияние на эти процессы. В не меньшей мере Коткин подчеркивает, что сама личность Сталина была сформирована этими процессами. В отличие от многих других биографов, Коткин отказывается искать ключ к личности Сталина в его (якобы) трудном детстве, в психологических травмах, нанесенных ему его отцом, или в комплексе превосходства, воспитанном в нем боготворившей его матерью.

Хотя семья Сталина не была благополучной, она не была и самой бедной. Даже после того как его отец оставил их — а был он сапожником — уважаемая в то время профессия, — юный Джугашвили получал достаточную поддержку от соседей и родственников для того, чтобы окончить школу, а затем и продолжить образование (в том числе благодаря государственной стипендии) в Тифлисской семинарии — путь к карьере священника, открывавшей перспективы безбедной жизни. Как начинающий поэт, напечатавший свои первые стихи в престижном литературном журнале, он также не мог жаловаться на отсутствие внимания со стороны грузинских издателей. Его успешный дебют в среде грузинской творческой интеллигенции резко контрастирует с двукратным провалом Гитлера поступить в Венскую академию художеств, провалом, который, как считают биографы будущего фюрера, вызвал в нем затяжную депрессию. Хотя Сталин впослед-

ствии и жаловался на иссушающую душу обстановку муштры, зубрежки и шпионства в семинарии, далеко не все ее студенты покидали это учреждение разуверившимися атеистами и революционерами. Только некоторые, как Сталин, подпав под влияние радикальной марксистской пропаганды, втянулись в революционное подполье. Попросту говоря, юный Джугашвили стал Кобой, а потом и Сталиным по тем же причинам, по которым некоторые его сверстники примыкали к революционным группам. Изучение ранней биографии Сталина, даже самое пристальное, не дает ключа к пониманию личности будущего диктатора.

Сталин до революции, по Коткину, — это стойкий ленинец, относительно успешный пропагандист и организатор, готовый к выполнению любых поручений, включая самые сомнительные с моральной точки зрения. Он был злопамятен, амбициозен, убежден в своем призвании быть лидером любой группы товарищей, с которыми ему приходилось работать, он любил вынашивать обиды и отличался частыми сменами настроений, переходя от эйфорического к депрессивному состоянию. Однако такие качества не обязательно делали его белой вороной среди других «профессиональных революционеров», многие из которых также были личностями нарциссического склада (vol. 1, p. 9). Даже сталинское участие в «революционных» эксцессах в Закавказье, которое включало вооруженные грабежи банков, захват заложников с целью получения выкупа и убийства подозревавшихся в provoca-

торской деятельности лиц, только увеличило его авторитет в глазах Ленина и меркло в сравнении с террором, развязанным армянскими националистами-дашнаками и анархистами (vol. 1, p. 113–115). Включение Сталина в состав избранного в 1912 г. на Пражской конференции ЦК ленинской партии свидетельствовало о том, что все эти его авантюры только укрепляли репутацию Сталина в глазах ее лидера.

Коткин дает в целом высокую оценку роли Сталина в событиях 1917 г. в Петрограде и, в частности, в Октябрьской революции. Он отвергает инвективы Троцкого, высмеивавшего Сталина как псевдолидера, «проспавшего революцию». Как главный редактор «Правды», Сталин был важной фигурой в партии, даже если и не светился на людных митингах. Попытки сыграть роль посредника между умеренными большевиками Зиновьевым и Каменевым и экстремистами Лениным и Троцким накануне Октябрьского переворота свидетельствуют как о реализме Сталина, сомневавшегося в возможности удержать власть после ее захвата, так и о его лавировании с целью закрепить свои позиции в руководстве партии в быстро меняющейся обстановке.

Впервые сталинская склонность прибегать к чрезвычайному насилию по отношению к «классовым врагам» как средству мобилизации масс и их воспитания в духе бескомпромиссной борьбы против угрозы возвращения старого режима проявилась в полную силу во время обороны Царицына в 1918 г., куда Сталин был прислан как специаль-

ный полномочный представитель Совнаркома. В том, что Царицын устоял, заслуг Сталина не было, считает Коткин, но именно в это время сформировался круг новых друзей и врагов Сталина — красные командиры Ворошилов и Буденный против Троцкого и его военных спецов — бывших офицеров царской армии. В то же время оппозиция против политики Троцкого в отношении профессионализации кадрового состава Красной Армии со стороны партийцев была сильна, но Сталин не пытался ее возглавить, чтобы подорвать положение Троцкого, как последний будет позднее утверждать. По всем этим вопросам, как кажется, мнение Коткина или совпадает, или лишь незначительно отличается от сложившегося консенсуса в кругах ученых.

Этого, однако, нельзя сказать о трактовке Коткиным степени виновности Сталина за провал наступления Красной Армии на Варшаву в 1920 г. Коткин утверждает, что Сталин проявил гораздо больше реализма в отношении перспектив советизации Польши и дальнейшего шествия революции на Запад, чем Ленин и Троцкий. Будучи членом реввоенсовета Юго-Западного фронта, Сталин действительно не подчинился приказу о направлении его главного удара во время наступления в июле 1920 г., но Коткин согласен с аргументом Сталина, который возражал своим критикам, что, поступая так, командование фронта лишь реагировало — и реагировало правильно — на быстро меняющуюся обстановку, о которой центр не мог

иметь полной информации. План советизации Польши на самом деле был изначально провальным, и Ленин, и Тухачевский с их мечтами о немедленной мировой революции были гораздо больше виновны в провале кампании, чем Сталин, у которого таких иллюзий не было. К тому же наступление войск Западного фронта в северном от Варшавы направлении было слишком стремительным и открыло левый фланг для контрудара поляков, к которому Тухачевский и в целом командование Красной Армии оказались не готовы. На этом фоне отказ Сталина и Александра Егорова, командующего войсками Юго-Западного фронта, от переброски Первой конной армии Семена Буденного на север в распоряжение Тухачевского значения не имел, поскольку армия не смогла бы прибыть туда заблаговременно. Когда 1 сентября 1920 г. Сталин под давлением критиков ушел в отставку с поста члена реввоенсовета Юго-Западного фронта, это произошло в решающей степени потому, что Ленин отказался поддержать своего протеже: он назначил Сталина козлом отпущения для прикрытия собственных стратегических просчетов (vol. 1, p. 362–365, 376–379).

Не вдаваясь в обсуждение собственно военных вопросов, в которых я не являюсь специалистом, отмечу лишь, что мне представляется убедительным мнение Коткина касательно незначительности вины Сталина за провал кампании против Польши. Какими бы причинами Сталин ни руководствовался, проявив неподчинение центру (и Коткин допускает, что, по крайней

мере частично, им двигало тщеславие), слишком многое говорит о том, что шансы на успех красных были ничтожно малы в любом случае. Похоже, что Троцкий и те историки, которые с ним согласились, возлагая вину на Сталина, упускают из виду этот более широкий контекст.

С другим важным положением первого тома согласиться едва ли возможно. Речь идет о предположении Коткина, что отношения между Сталиным и Лениным, ухудшившись лишь ненадолго после рассмотренных событий, быстро восстановились и оставались близкими и доверительными до самого конца жизни Ленина или, по крайней мере, до того, как Ленин потерял способность мыслить и говорить (ноябрь 1922 г.). Коткин не придает значения грубости, проявленной Сталиным в разговоре с Надеждой Крупской в конце декабря 1922 г., как считает большинство историков, или января 1923 г., как считает сам американский историк. Что бы Сталин ни сказал тогда Крупской, Ленин уже не был в состоянии что-либо воспринимать, а тем более складно излагать свои мысли. Соответственно, Коткин подвергает сомнению аутентичность всех текстов, якобы записанных со слов Ленина Крупской и Лидией Фотиевой в 1923 г. Эти тексты включают как письмо Ленина Сталину с требованием извиниться перед Крупской (Сталин подчинился, хотя и с оговоркой, что не считает себя виновным), статью «Заметки по национальному вопросу», содержащую резкую критику сталинского плана включения нероссийских совет-

ских республик в РСФСР на правах автономных республик, и «Письмо к съезду», также известное как ленинское политическое завещание. Напомню, что «Письмо» выражало беспокойство Ленина относительно состояния в руководстве большевистской партии, которое он считал критическим, способным породить раскол в ближайшем будущем. Оно также содержало нелицеприятные оценки большевистских лидеров и требование снять Сталина с поста генерального секретаря. Следуя анализу российского историка Валентина Сахарова, Коткин считает, что Крупская и Фотиева сами написали эти тексты, возможно, на основе своих воспоминаний о более ранних беседах с Лениным, а возможно и попросту выдумав их (Сахаров 2003). В 1923 г., когда эти тексты появились на свет (Крупская и Фотиева датировали их концом 1922 г., что Коткин считает фальсификацией), Ленин был не в состоянии что-либо продиктовать.

Подробный анализ аргументов Сахарова – Коткина не входит в мои планы. Ограничусь лишь замечанием, что считаю маловероятным, чтобы такой подлог, если он действительно имел место, мог бы пройти без того, чтобы кто-либо из современников не заметил его. Поскольку же никто никогда такого сомнения не высказывал (за возможным исключением Сталина, и то не публично) до Сахарова, более вероятной является традиционная версия, признающая авторство Ленина.

Скорее всего, версия Сахарова понравилась Коткину, потому что

она хорошо укладывается в его собственное прочтение личности Сталина, ее эволюции и причин, эту эволюцию объясняющих. В сущности, есть два коткинских Сталина. Сталин, каким он выступает в первом томе, — это выдающийся, хотя и глубоко ущербный в моральном плане революционер, обладающий недюжинными организаторскими способностями. Он жесток, фанатичен, склонен к интригам и подозрительности, он лелеет обиды и постоянно выставляет себя жертвой врагов и соперников, безгранично веря в самого себя и в свою роль в истории. Но таковы были, в сущности, все большевистские лидеры, ни один из которых не вызывает у Коткина большей симпатии, чем Сталин, к которому у Коткина симпатий тоже, в сущности, не просматривается (за исключением признания его работоспособности и преданности своему делу). Главной антигероиней первого тома — не Сталин, а Ленин. Это он, а не Сталин, толкнул свою партию на захват власти в раздираемой конфликтами стране, тем самым сделал гражданскую войну неизбежной. Сталин сомневался в реалистичности и целесообразности такой авантюры. Это Ленин сделал ставку на мировую революцию, в которой Сталин сомневался, по крайней мере как в чем-то вероятном в обозримом будущем. Это Ленин создал чудовищное государство-партию, в то время как Сталин лишь послушно следовал за ним, как и другие большевики, подчиняясь человеку, который был «самим воплощением политической воли» (vol. 1, p. 222). Будучи поставлен у кормила партии

Лениным, Сталин посвятил себя успеху обреченного на провал проекта создания социалистического общества, основанного на принципе отмены рынка и частной собственности. Вне зависимости от того, согласился ли бы Ленин с идеей построения социализма в одной стране — это идеологическое новшество не обязательно вытекало из разрозненных высказываний Ленина на тему будущего социализма во всем мире, эта сталинская идея вдохновила партию и советских людей. Ее воплощению в жизнь Сталин себя и посвятил, полностью и беззаветно. Не Сталин извратил благородную идею социализма, а служение бредовому ленинскому проекту сломало психику Сталина и превратило его в монстра. «Хотя вплоть до 1927 г. лица из его ближнего круга не видели в нем социопата, в 1928–1929 гг. вышла на поверхность черная как смоль сторона его души. В течение следующего десятилетия он выйдет из роли начинающего диктатора, сама диктатура покажется ему нестерпимым ограничением его власти, и пролив потоки крови, он выкует свой деспотизм», — суммирует содержание обоих томов Коткин (vol. 2, p. XII).

В течение двадцатых годов Сталин укрепил свою власть над партией, действуя как «заговорщик внутри заговора». Большевики были, по меткому выражению Коткина, вовсе не партией, а заговором с целью захвата власти, захватив которую они и управляли Россией, а затем и СССР, как «заговорщики во власти». «Структурная паранойя», говорит Коткин, была с самого начала

определяющей чертой большевистского режима. Определяя себя как «пролетарскую партию», большевики захватили власть и управляли огромной страной с преобладанием крестьянства, которое они рассматривали как неустойчивую и потенциально враждебную массу. Введя НЭП, они тем самым открыли дорогу для распространения «буржуазных элементов», т. е. для укрепления настоящего классового врага. Совершив первую пролетарскую революцию, они надеялись, что за ней последуют другие, так что в результате весь мир вскоре будет социалистическим, однако в итоге оказались в «капиталистическом окружении». Враги были повсюду, внутри страны и за ее пределами, и большевики считали, что строжайшая секретность и дисциплина были залогом выживания. Сталин вполне разделял этот взгляд. С момента своего назначения на пост генсека, он принялся выстраивать свою фракцию внутри партии, фактически сколотив «заговор внутри заговора». Уже в 1927 г. его власть над партией и страной была полной, но вот как он ее использует и в каком направлении он поведет страну, стало ясно только в следующем году.

Когда в 1928 г. Сталин взял курс на «сплошную коллективизацию», он фактически объявил войну многомиллионному крестьянству. С его точки зрения, это был единственный способ предотвратить «возрождение капитализма» в деревне и обеспечить снабжение растущих городов и Красной армии хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами по низким ценам,

что правительство считало необходимым для направления ресурсов на индустриализацию. Хотя логика Сталина понятна, считает Коткин, это не значит, что он был прав. Его умозаключения имели смысл лишь в марксистско-ленинской системе координат, определяющим элементом которой было отвращение к рынку и стремление его отменить, создав нерыночную экономику. Единственной альтернативой сталинской революции сверху, которая включала не только коллективизацию, но и ускоренную индустриализацию на основе гигантских государственных инвестиций в создание новых и реконструкцию старых производственных мощностей в тяжелой и оборонной промышленности, были отказ от стратегии «преодоления рынка» и фактическое обуржуазивание большевистского режима. Это была именно та перспектива, о которой как о главной опасности для судьбы ленинского проекта говорили Троцкий и другие левые коммунисты. Однако их подозрения, что Сталин, поддерживая НЭП, поведет СССР назад к капитализму, оказались правильными с точностью до наоборот. Сталин презирал НЭП не меньше, чем его критики слева, и как только пришел к выводу, что политика уступок крестьянству не позволяет провести ускоренную индустриализацию, которую он считал абсолютно необходимой для укрепления обороноспособности СССР, он отказался и от этой политики, и от НЭПа в целом.

№ 2 2018

Согласно Коткину, если бы не Сталин во главе партии — скажем,

умри он от своих многочисленных болезней или от пули террориста до 1928 г., — коллективизации не было бы и советская версия социализма никогда не была бы создана. Ведь ни один другой советский лидер не обладал сталинской волей, решимостью, целеустремленностью и авторитетом в партийных кругах для того, чтобы инициировать и провести в жизнь столь масштабный, жестокий и в конечном счете контрпродуктивный план. Не будь Сталина, политика уступок рынку и постепенного примирения с капитализмом внутри и буржуазией вне страны продолжалась бы, а разногласия в партии усиливались бы, подрывая стабильность режима. Страх перед перспективой дестабилизации режима и его развала был важнейшим стимулом для большевистских кругов поддерживать Сталина даже тогда, когда они сомневались в правильности его решений и стали догадываться о том, насколько непредсказуем и жесток был их лидер.

Парадоксальным образом, однако, официально провозглашенные победы его партии во всех решающих сферах не привели к успокоению Сталина. Нечеловеческие усилия и стрессы, пережитые им в 1928–1933 гг., лишь обострили его подозрительность и жажду реванша по отношению ко всем, кто сомневался в его политике или пытался ставить ему палки в колеса в годы великого перелома. Его особенно раздражало, когда его ближайшие соратники, как, например, Серго Орджоникидзе, сопротивлялись его безрассудным решениям. Именно в этом глубоком, выношенном,

переполнявшем Сталина раздражении его собственным окружением и его собственной партией, в особенности ее руководящими кадрами, Коткин и видит истоки Большого террора 1936–1938 гг.

Вслед за большинством историков Коткин отвергает версию руки Сталина в убийстве Сергея Кирова. Вместе с тем он подчеркивает, что именно Сталин направил следствие по ложному зиновьевскому следу, вопреки очевидным свидетельствам того, что неуравновешенный убийца Николаев руководствовался личными мотивами. Сталин не сразу принял решение развернуть маховик террора, но раз втянувшись в уничтожение своих реальных и мнимых врагов, он решил довести дело до полного — за редким исключением — уничтожения партийного и советского руководящего состава и превращения своего собственного внутреннего круга единомышленников в свиту безвольных исполнителей всех его решений и прихотей. Именно во время Большого террора сталинская диктатура превратилась в деспотию, в которой законы действовали лишь в той мере, в какой они соответствовали воле и настроению Сталина. Отныне власти Сталина не было преград, и никто не мог чувствовать себя защищенным, будь он даже членом политбюро. Именно к такой трансформации своего режима и стремился Сталин, развязывая террор. Именно он и контролировал его от начала до конца.

Таким образом, в вопросе происхождения Большого террора Коткин следует традиционной интер-

претации, основы которой были заложены Робертом Конквестом и которая ныне представлена в наиболее развернутом виде в работах российского историка Олега Хлевнюка (*Conquest* 1968; *Хлевнюк* 2010). Коткин с презрением отвергает некоторые, хотя не все, работы историков-ревизионистов, которые склонны считать, что, помимо злой воли Сталина, следует учитывать и такие факторы, как конфликты в партии на разных уровнях и между партийными и чекистскими бонзами, а также неэффективность и дисфункциональность системы управления, делавшие невозможным полное овладение ситуацией из одного центра. С точки зрения этих историков, Сталин не вполне осознавал, что признания, выбитые под пытками, не заслуживали доверия и что многочисленные провалы в экономике и других областях не обязательно были (в реальности никогда не были) следствием вредительства, а зачастую являлись результатами добросовестных ошибок и нереалистических планов, на которых сам Сталин и настаивал. Громя партийные и советские кадры, Сталин наказывал их за свои собственные просчеты и надеялся, что, выдвинув на их места более молодых и не запачканных опытом жизни при царизме и близостью к бывшим оппозиционерам лиц, он сделает важный шаг в сторону укрепления социализма.

Традиционный подход, напрямую увязывающий происхождение и динамику террора с целями и волей Сталина, наталкивается на серьезную трудность при попытке объяснить выход террора за рамки

кампании по разгрому элит и его распространение на более широкие слои советского общества. С изданием Ежовым приказа № 00047 от 30 июля 1937 г. об арестах и осуждении к расстрелу или многим годам заключения «кулаков... рецидивистов... и других антисоветских элементов» главными мишенями репрессий стали группы, никакой угрозы для власти Сталина не представлявшие и никакого отношения к аппарату управления не имевшие. Если считать, как это делает Коткин, что Сталин был инициатором этого приказа, как и последовавших за ним «массовых» и «национальных» (т.е. направленных против национальных меньшинств) операций, то приходится предположить, что сталинский Большой террор преследовал и иные цели, нежели просто самоцельное превращение его диктатуры в деспотию. Следуя за историками умеренно-ревизионистских взглядов, Коткин соглашается, хотя не очень охотно и с оговорками, что Сталин стремился к очищению страны от вероятных «внутренних врагов» накануне приближающейся войны. В то же время он подчеркивает, что размах террора был столь чудовищным, что ни его исполнители, ни сам Сталин не обладали какими-либо надежными критериями для оценки его эффективности: когда сотни тысяч «признавались» под пытками в своей шпионской деятельности, каким образом было возможно определить, сколько из них были шпионами, а сколько случайными жертвами? Доверять же всем этим признаниям человек с толикой здравого смысла не мог, ибо ни одна разведка мира не обладала ресурсами для со-

здания и управления столь массовой агентурой.

Похоже, что Коткин сомневается в принципиальной возможности дать рациональное объяснение Большому террору и в одном месте походя замечает, что его происхождение «столь же непостижимо, как происхождение абсолютного зла» (vol. 2, p. 552). Понятно отчаяние историка, чувствующего свое бессилие охватить умом преступление столь невероятного масштаба. И все же должен заметить, что ревизионистская парадигма, допускающая, что у террора были и другие, помимо Сталина, авторы и что они могли играть разную роль на разных стадиях, в зависимости от того, в какой степени Сталин доверял им в тот или иной момент, предоставляет больше возможностей для того, чтобы объяснить разрастание террора и, в частности, переход от террора против элит к массовым и национальным операциям. Если допустить, что Ежов, при всей ничтожности его личности, действительно пользовался у Сталина большим доверием в 1937 г. и что он и его подчиненные подчас сливали Сталину непроверенную и преувеличенную информацию об иностранных агентах, то вполне возможно, что такие доклады и подтолкнули Сталина к расширению террора. Принимая такие судьбоносные решения, Сталин мог действовать под влиянием своих страхов, паранойи, (ущербной) интуиции и вдруг возникшего расположения к Ежову, а вовсе не следуя заранее разработанному плану. Другими словами, Большой террор был не только беспрецедентным

преступлением правительства перед своим народом, но и кровавым хаосом, смысл и цели которого в некоторый момент могли ускользнуть от его инициатора. К сожалению, Коткин не рассматривает такой возможности. Его завязанная исключительно на расчетах и личности Сталина трактовка этой трагедии оставляет необъясненными некоторые ее важные аспекты.

Примерно треть второго тома посвящена внешней политике, и это, быть может, самая захватывающая часть двухтомника. Широчайшие знания международной политики этого периода, легкость, с которой Коткин (причем с учетом новейших исследований и ставших лишь недавно доступными документов) перемещает свое повествование с одной европейской столицы на другую, с Европы на Америку, а затем на Дальний Восток, где он проследживает процессы в Китае, японские планы и действия на азиатском материке, ситуацию в Монголии, а затем возвращается в Москву, в кабинет Сталина, чтобы объяснить его реакции на постоянно меняющийся контекст и решения, которые он принимал, — все это делает его анализ сталинской внешней политики выдающимся достижением современной историографии.

Коткин считает, что две ментальные системы координат, два императива определяли политику Сталина. Во-первых, марксизм-ленинизм с его упором на классовую борьбу как основу всей и всяческой политики. Из этого вытекала убежденность, что все капиталистические государства были враждебны

к СССР и что война с ними была неизбежна, рано или поздно. Однако «межимпериалистические» противоречия были реальны и глубоки, и СССР мог использовать их в своих интересах, чтобы не допустить объединения всех империалистов против себя. Во-вторых, оказавшись на троне русских государей, Сталин стал мыслить категориями геополитики и проявил себя незаурядным ее практиком. От царской империи Сталин унаследовал не только огромное государство, но и два основных геополитических вызова ее мощи: на Западе — объединенную еще со времен Бисмарка и усилившуюся при Гитлере Германию, на Востоке — быстро развивающуюся и стремящуюся к экспансии Японию. Хотя геополитические вызовы остались прежними, международное положение СССР было значительно хуже, чем царской России, поскольку открыто антикапиталистическая природа советского государства крайне затрудняла его взаимопонимание и сотрудничество с другими геополитическими соперниками Германии и Японии. Отсюда с неизбежностью вытекало, что создание мощных вооруженных сил было абсолютным приоритетом советского государства.

Коткин утверждает, что не позднее начала 30-х гг., а может и раньше, Сталин был абсолютно предан идее возрождения российской военной мощи и статуса великой державы. Сравнивая его потерю интереса к женщинам после самоубийства его жены Надежды Аллилуевой в 1932 г. с ни на миг не прекращавшейся сексуальной

жизнью другого диктатора межвоенной эпохи, Бенито Муссолини, Коткин объясняет сталинский, так сказать, обет безбрачия тем, что советский деспот «женился на советской государственной идее» (vol. 2, p. 525). Даже распространение «социализма» за пределами СССР имело для Сталина смысл лишь в том случае, если оно служило его геополитическим интересам. Вот почему Сталин упорно сопротивлялся попыткам китайских коммунистов укрепить свою власть в Китае даже ценой гражданской войны с националистами Гоминдана, которые контролировали большую часть страны. Такая война неизбежно усилила бы позиции японских империалистов на Дальнем Востоке, а значит, ослабила бы геополитическое положение СССР. Требуя от китайских коммунистов сосредоточиться на войне с Японией в союзе с Гоминданом, Сталин вполне сознательно приносил их интересы в жертву интересам СССР. Аналогичным образом, поддерживая испанских республиканцев против военных мятежников генерала Франко, Сталин требовал от испанских коммунистов отказаться от планов социалистической революции и сосредоточить свои усилия на защите «буржуазной» республики. Анархисты Каталонии, на время захватившие в ней власть, и малюсенькая марксистская партия ПОУМ, которую Сталин ошибочно считал троцкистской (а Троцкий подозревал в предательстве делу революции), были для него большей угрозой, чем сам Франко, который беспокоил его лишь в той мере, в какой его победа могла укрепить позиции

Гитлера на Пиренеях. Успешная революция марксистского типа была для него проблемой, а не победой, открывавшей новые возможности, поскольку такая революция грозила подорвать его монополичный контроль над международным коммунистическим движением.

Если Сталин без колебаний приносил перспективы революций за пределами СССР в жертву государственным интересам Советского Союза, то его поддержка политики коллективной безопасности, концепцию которой разработал нарком Максим Литвинов, с самого начала была оппортунистической и условной, считает Коткин. «Антифашистская» риторика советской печати, вступление в Лигу наций и курс на улучшение отношений с западными державами не были основаны на убежденности в принципиальных отличиях «фашизма» от «буржуазной демократии». Хотя Сталин и позволил наркому иностранных дел Максиму Литвинову и новому руководителю Коминтерна Георгию Димитрову развивать антифашистскую линию, сам деспот, как, похоже, считает Коткин, никогда в глубине своей души не отказывался от концепции социал-демократии как «социал-фашизма» и параллельно с официальной «борьбой с фашизмом» продолжал посылать сигналы Гитлеру о готовности возобновить отношения сотрудничества, которые были у Советского Союза с Германией до прихода национал-социалистов к власти. В конечном счете для Сталина капитализм как в своей фашистской, так и в демократической форме оставался заклятым врагом.

Политика Сталина во время Судетского кризиса и Мюнхенского соглашения была направлена на то, чтобы предотвратить втягивание СССР в войну против Германии до того, как в нее втянулись Англия и Франция. Демонстративные приведение в боевую готовность войск на западной границе и предложение защитить целостность Чехословакии были сделаны советской стороной лишь после того, как в полной мере проявилась решимость англичан и французов предотвратить войну путем умиротворения Германии. Другими словами, советские действия были пропагандистской кампанией, а не проявлением готовности к самопожертвованию во имя интересов небольшой страны, считает Коткин.

Когда в апреле 1939 г. Сталин снял Литвинова и заменил его Молотовым, он активизировал зондаж Германии на предмет обширной договоренности по политическим и экономическим вопросам. В то же время Сталин продолжал переговоры с англичанами и французами относительно антигерманской конвенции, но в их эффективность он уже не верил. Коткин, впрочем, не склонен обвинять Сталина в сближении с Гитлером. Он считает, что британская политика не оставляла советскому диктатору другого выхода, поскольку и сами англичане вели переговоры с русскими больше с целью побудить немцев к уступкам, чем взять на себя реальные обязательства по совместной со Сталиным войне с Гитлером. Коткин считает советско-германский договор с Гитлером значительным успехом Сталина, а не его преступлением,

и в этом отношении его позиция далеко не ортодоксальна среди других западных историков.

То же самое можно сказать и о взгляде Коткина на происхождение советско-финской войны 1939–1940 гг. В сущности, автор считает, что Сталин не хотел этой войны и его территориальные требования действительно преследовали цель укрепить безопасность Ленинграда, а предложение проинвестировать обмен территориям были разумным компромиссом. Финны не приняли этих предложений, потому что считали, что они были лишь первым шагом на пути к полному порабощению их страны сталинским колоссом, хотя последующие события показали, что цели Сталина в отношении Финляндии были ограниченными. Возможно, что Коткин прав, но в таком случае напрашивается вопрос, на который в его книге нет ответа: как могло случиться, что в отношении прибалтийских государств Сталин преследовал цели их полной аннексии, а не только ограниченного контроля, что, казалось, предполагали советские первоначальные требования о размещении баз на их территории? Не разумно ли было бы предположить, что сталинские аппетиты имели тенденцию расти во время еды и что, не проявив финны в 1939 г. готовности умирать за свою страну, уже через год их ждала бы та же участь, что постигла прибалтийские страны?

Неожиданна и трактовка Коткиным краткосрочных последствий советско-германского пакта и сопутствовавших ему соглашений о сотрудни-

честве. Очевидно, в конечном счете пакт сыграл злую шутку с Советским Союзом, поскольку позволил Гитлеру избежать войны на два фронта в 1939–1940 гг. и облегчил ему задачу полного разгрома Франции. Однако молниеносного разгрома Франции не предвидел никто, и поэтому винить Сталина за то, что он не учел такой вариант развития событий, значит требовать от него сверхчеловеческой прозорливости. Многие критики пакта подчеркивают, что огромные поставки советского продовольствия и сырья помогли немцам добиться таких беспрецедентных военных успехов на Западе. Как бы отвечая им, Коткин показывает, что Советский Союз также извлек колоссальную выгоду из экономического сотрудничества с рейхом, получив широчайший доступ к новейшим германским технологиям, в том числе военным. По мнению Коткина, Сталин стремился сохранить и углубить взаимопонимание с Гитлером, используя для этого общую для обоих диктаторов ненависть к Британской империи. Главным условием Сталина для углубления такого сотрудничества были признание статуса Советского Союза как равновеликой Германии силы и раздел сфер влияния на Балканах, Турции, Ближнем и Среднем Востоке и в Индии на паритетной основе. Гитлер не пошел на это, потому что долговременное сотрудничество с Советским Союзом не входило в его планы и потому что он не доверял Сталину и опасался его нападения на рейх.

нападением Германии на Советский Союз. Коткин предлагает новый и весьма убедительный ответ на вопрос о том, как могло случиться, что немцы добились стратегической внезапности нападения, в то время как концентрация огромной массы войск на советской границе была хорошо известна советским военным, а советские разведчики предупреждали о готовящемся нападении неоднократно и с впечатляющей точностью. Коткин развенчивает расхожие представления о том, что всему виной было якобы чрезмерное «доверие» Сталина к Гитлеру, которого, конечно, у Сталина вовсе не было, или, наоборот, сталинское болезненное недоверие к данным советской разведки. Коткин показывает, что, во-первых, данные советской разведки не были однородными и что они иногда прямо противоречили друг другу; во-вторых, среди советских разведчиков были двойные агенты, которых немцы использовали как каналы для дезинформации; и в-третьих, даже та информация, которая поступала из достоверных источников, частенько поддавалась двоякому истолкованию. Например, информация о приближающемся нападении могла распространяться англичанами с целью посорить немцев и русских. А может быть, целью немецкой перемещения войск было не начало боевых действий, а угроза их начала, запугивание перед новым раундом переговоров, к которым немецкая сторона якобы готовилась? И самое главное, может быть, Гитлер провоцировал Сталина на то, чтобы самому начать боевые действия, чтобы затем выставить себя жертвой и привлечь англичан к совместной

борьбе с коммунизмом? Поскольку Сталин не верил в непримиримые противоречия между разными типами «буржуазных режимов», такой союз ему вполне мог казаться вероятной опасностью. В такой ситуации наилучшим способом избежать или отложить войну с Германией — а выигрыш времени был необходим, чтобы навести порядок в армии, дезорганизованной и ослабленной террором — была осмотрительность в поведении. Сталин отверг предложение Жукова и Тимошенко о превентивном нападении на Германию, поскольку опасался, что в таком случае немцы и британцы немедленно заключат мир и даже союз, чтобы совместными усилиями разгромить СССР. Одновременно демонстрируя твердость в отстаивании геополитических позиций Советского Союза и дружелюбие в отношении Германии, Сталин заманивал Гитлера в новый раунд переговоров. Война с СССР будет слишком дорога, а уступки со стороны Союза не исключены — он как бы говорил Гитлеру. Немецкая контрразведка, разыгрывая Сталина, распространяла слухи о готовящемся немецком ультиматуме с требованием уступок. Именно такое развитие Сталин считал наиболее вероятным.

Однако Коткин не оправдывает Сталина за его бездействие в последние дни перед нападением. Главной ошибкой Сталина в этот период он считает его отказ от каких-либо контактов с англичанами. Опасаясь провокаций с их стороны, он не пошел на переговоры, которых англичане в этот момент страстно желали, для того чтобы сдерживать агрессивные планы Гитлера, дав последнему по-

нять, что в случае нападения Германии англичане и русские будут вести войну совместными усилиями. Советская внешняя политика оказалась слишком зависимой от действий Гитлера, и это только подстегнуло последнего в его решимости уничтожить СССР до того, как неизбежный, с его точки зрения, союз последней с Великобританией мог принести ощутимые военные плоды.

Хотя коткинская реконструкция советской внешней политики в 30-е — начале 40-х гг. поражает своей точностью и глубиной, меня удивило, что он обходит вопрос о том, как Большой террор настолько поразили европейское общественное мнение, что сделал союз западных держав с СССР в моральном плане практически невозможным. Хотя полного масштаба этой трагедии на Западе могли и не знать и хотя Гитлер также устроил разгром собственной партии в 1934 г. («Ночь длинных ножей»), нет сомнения, что сторонние наблюдатели не могли не осознавать, что к началу Второй мировой войны сталинский режим был виновен в несравненно большем количестве преступлений, чем гитлеровский (эта ситуация изменится кардинальным образом во время войны). Другими словами, сталинские кровавые чистки сделали практически невозможным успех усилий дипломатии Литвинова по созданию системы коллективной безопасности с участием СССР. Так Сталин стал главным врагом своей собственной геополитики.

«Гений и безумец, — говорит Коткин, — могут быть двумя сторонами одной и той же медали (как писал

Аристотель), но Сталин не был ни тем, ни другим» (vol. 2, p. 552). Двухтомник содержит достаточно доказательств негениальности Сталина, но этого нельзя сказать о его душевном здоровье. Коткин отказывается обсуждать свидетельства психических болезней Сталина, считая их шатками (vol. 2, p. 492). Нет сомнения, что такие подозрения трудно верифицировать, но если допустить, что Сталин был психически здоров, то из этого следует вывод о совместимости душевной «нормальности» и «абсолютного зла» (вспомним, что именно с абсолютным злом Коткин сравнил Большой террор, авторство и контроль за которым он полностью возложил на Сталина). Однако общепринятое понимание человеческой природы исключает такую возможность. Человек — существо несовершенное, неспособное к абсолютам, будь они из области добра или зла. Если мы не считаем Сталина воплощением самого сатаны, то вопрос о его психическом статусе не может быть предан забвению.

Я остановился только на некоторых аспектах этого необычайно

содержательного двухтомника. Читатель найдет много другого заслуживающего внимания и доставляющего интеллектуальное наслаждение. Я же с нетерпением жду выхода третьего и последнего тома этого выдающегося исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Saxarov 2003 — *Saxarov V. A.* Политическое завещание Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: Изд-во Московского университета, 2003.

Хлевнюк 2010 — *Хлевнюк О. В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

Conquest 1968 — *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. First edition: New York: Macmillan, 1968.

Kotkin 1995 — *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California, 1995.

Kotkin 2001 — *Kotkin S.* Armageddon Averted: the Soviet Collapse, 1970–2000. Oxford and New York: Oxford University, 2001.

Kotkin 2009 — *Kotkin S.* Uncivil Society: 1989 and the Implosion of Communist Establishment; with a contribution by Jan Gross. New York: Modern Library/Random House, 2009.

Rev.: *Kotkin S.* Stalin. Vol. 1: Paradoxes of Power, 1878–1928 (New York: Penguin, 2014) xxi, 949 p. Vol. 2: Waiting for Hitler, 1929–1941 (New York: Penguin, 2017) xxix, 1154 p.

Solonari Vladimir A. — PhD, professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

Key words: Stalin, Biography, power struggle, Great Terror, foreign policy.

Abstract. This review of two first volumes of Stalin's biography Stephen Kotkin focuses on his original interpretations of the most important aspects of Soviet history. Among them are power struggle with the Bolshevik party in the 1920s, collectivization of agriculture, Great terror, and Soviet foreign policy.

REFERENCES

Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. First edition: New York: Macmillan, 1968.

Khlevniuk O. V. *Khoziain: Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury*. Moscow: ROSSPEN, 2010.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California, 1995.

Kotkin S. *Armageddon Averted: the Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford and New York: Oxford University, 2001.

Kotkin S. *Uncivil Society: 1989 and the Implosion of Communist Establishment*; with a contribution by Jan Gross. New York: Modern Library/Random House, 2009.

Sakharov V. A. *Politicheskoe zaveshchanie Lenina: real'nost' istorii i mify politiki*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2003.

А. А. Исэров

АНДСКИЕ УРОКИ

Рец.: История Боливии с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. Е. А. Ларин, А. А. Щелчков. М.: Наука, 2015. 699 с.

Ключевые слова: Боливия, Латинская Америка, Анды, Симон Боливар.

Аннотация. В работе представлен обзор обобщающего российского труда по истории Боливии.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-145-154

Задача создать обобщающие истории стран Латинской Америки была поставлена в Советском Союзе в конце 1950-х гг., на заре расцвета латиноамериканистики в СССР (Латинская Америка в советской печати 1964–2011). Рецензируемое издание продолжает этот ряд созданных почти исключительно в советские годы книг (*Альперович, Лавров* 1960; *Очерки истории Аргентины* 1961; *Очерки истории Бразилии* 1962; *Очерки истории Чили* 1967; *Очерки истории Кубы* 1978; *История Перу* 2000), однако, будучи коллективной работой, отражает все-таки не успехи отечественной латиноамериканистики, а скорее труд и усилия одного человека, ведущего научного сотрудника ИВИ РАН Андрея Аркадьевича Щелчкова.

Из 665 страниц собственно текста «Истории Боливии» 404 страницы принадлежат перу А. А. Щелчкова, 79 написаны другими отечественными авторами, петербуржцем Ю. Е. Березкиным (о доиспанском периоде), сотрудниками ИВИ РАН И. В. Селивановой (об испанском завоевании), Л. А. Ивкиной (о правлениях президентов Х. М. Ача и М. Мельгарехо, 1861–1871), В. П. Казаковым (о «либеральной модернизации» 1900–1920 гг.) и Е. А. Лариным (о культуре Боливии). Также в книге участвовали один из главных сегодня знатоков Андского восстания 1780–1782 гг. и в целом индейских движений профессор аргентинского университета Сан-Адрес Серхио Серульников, кстати, защитивший диссертацию в США и много лет там работавший, заслуженный профессор шотландского университета Сент-Эндрюс Тристан Платт, который долгие годы вел полевые исследования в Андах, в т. ч. среди

© Исэров А. А., 2018

Исэров Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИУ «Высшая школа экономики», ИВИ РАН (Москва); isserov@gmail.com

болливийских шахтеров, сотрудница испанского Центра гуманитарных и общественных наук, специалист по истории Боливии XIX – начала XX в. Марта Ируроски, профессор университета Сан-Симон в Кочабамбе, нынешний посол Боливии в Перу Густаво Родригес Острия, наша соотечественница, автор работ по политической истории колониального Чаркаса и по испано-болливийским отношениям, профессор университета Сан-Андрес в Ла-Пасе Е. В. Бридрихина и другие специалисты из болливийских, аргентинских, испанских и североамериканских университетов и научных центров (переводы, очевидно, также сделаны А. А. Щелчковым). Предисловие написал известный левый мыслитель, вице-президент Боливии Альваро Гарсиа Линера.

Стержнем «Истории Боливии» и основой ее деления на главы, особенно в разделах про XIX – начало XXI в., служит политическая история страны, очерк которой представлен, по сравнению с существующими работами, особенно сравнимого объема (*Klein* 1982; 2011; *Meza, Mesa* 2012; *Finot* 1946; ср.: *Arguedas* 1991; *Valencia Vega* 1984–1988), чрезвычайно подробно. Однако долгосрочные социально-экономические макропроцессы, менявшие образ болливийского общества, проследить по книге не так легко. Экономические показатели приводятся чаще как причины тех или иных политических событий, но сами по себе не всегда объясняются. Непосредственно болливийское народное хозяйство стало темой только трех глав, целиком посвященных первым десятилетиям независимости –

второй четверти XIX в. (с. 195–217). В рецензируемой книге, как, увы, и во многих других трудах историков, подчас приводится статистика, которая на самом деле нуждается в дополнительном анализе. Самый простой пример: не совсем понятно, почему за пять лет с 1830 до 1835 г. население, согласно переписям, упало с 1 088 768 до 1 060 777 чел., но к 1847 г., без иммиграции, стремительно выросло до 1 373 896 чел. (с. 170, 182, 194)? Вероятнее всего, неточна перепись 1835 г., но это лишь наше предположение, которое требует внимательной проверки. Насколько вообще можно доверять всем трем цифрам?

Оправданны ли сегодня однотомные истории государств, критике которых столько сил посвятили борцы с «национальными нарративами»? Полагаем, да, поскольку социально-экономическая роль государства росла на протяжении XIX–XX вв., а роль геополитическая, как выясняется, не исчезла, но просто изменилась в последние десятилетия (*Mann* 2013: 419–421; *Jessop* 2015), да и в любом случае государство в его границах – плод веков войн, дипломатии и подчас национальных движений, служит не менее легитимным объектом исторического анализа, чем транснациональные корпорации и транснациональные связи. Читательский же интерес к подобным изданиям очевиден – примером тут может служить серия «Национальная история» издательства «Весь мир», в которой с 2002 г. вышли 22 книги.

Территория Боливии когда-то принадлежала завоеванной испанцами

империи инков, а затем в основном совпала с созданной в 1559 г. Королевской аудиенсией Чаркас, или Верхним Перу, которая до 1776 г. состояла в составе вице-королевства Перу, а затем — вновь образованного вице-королевства Рио-де-ла-Плата. После войн за независимость Испанской Америки 1810–1826 гг. Освободитель Симон Боливар выделил Верхнее Перу в отдельное государство, которое в трех тяжелых кровопролитных войнах с 1867 по 1938 г. уступило богатую селитрой Антофагасту Чили, богатую золотом и каучуком Акре — Бразилии и, наконец, часть Гран-Чако, где, как ошибочно (!) считали, располагались месторождения нефти, — Парагваю. В начале XVIII в. чисто индейское (в первую очередь кечуа и аймара), без учета смешанных рас, население страны составляло около 75 %, к концу XVIII в. — около 50 %, к 1830 г., если верить статистике, около 70 %, а в 2001 г. — 62 % (с. 90, 170, 602). Хотя Боливия, в отличие от соседних стран, никогда не была территорией массовой иммиграции, в ней также сложились заморские диаспоры, в первую очередь немецкая, японская, хорватская, пусть небольшие, однако игравшие подчас значимую роль в политике (к сожалению, в книге упоминаются представители этих диаспор, но сама проблема боливийских диаспор не обсуждается и не ставится)¹.

История этой бедной, неудачливой в отношениях с соседями, сравнительно малой страны (ее быстро растущее население превысило се-

годня 11 млн чел., а площадь даже после территориальных потерь XIX–XX вв. составляет 1 098 581 кв. км, больше любой европейской страны и немногим больше Египта) дает возможность увидеть большую историю становления и роста мирового капиталистического хозяйства, так что «всемирная история Боливии» стала бы уместным начинанием, а не просто данью моде (ср. (Tyrrell 2007); популярная работа (Histoire mondiale de la France 2017)). Вскоре после испанского завоевания на земле современной Боливии был создан город Потоси — один из крупнейших горнодобывающих центров в мире, дававший около половины серебра Нового Света и обеспечивавший в 1592–1597 гг. около 9 % доходов Испанской империи. В Потоси жило около 160 тыс. человек, включая 13 500 индейцев, отработывавших трудовую повинность — миту (с. 73–80). Без Потоси не было бы «революции цен» в том виде, в котором мы ее знаем, а шахты Саксонии и Богемии дольше сохраняли бы свое значение как ключевого источника серебра для европейской экономики, постепенно становившейся центром новой системы мирового капитализма².

В XVIII в. добыча серебра сократилась, но быстро росло производство пшеницы и кукурузы³ — экономика

² На плохо исследованную историю масштабных технических нововведений в Потоси, в которой в т. ч. участвовали индейцы, обратил внимание Хорхе Каньисарес-Эсгерра (Cañizares-Esguerra 2017: 421–422).

³ По разным оценкам, в 1730–1780 гг. производство зерновых в Чаркас росло на 1,09 или 1,32 % в год (с. 89), а население в XVIII в. росло на 1,22 % в год. Для сравнения,

¹ Отечественный читатель уже хорошо знает историю старообрядческой общины в Боливии (Зайцев 2016).

развивалась, но в рамках еще традиционной доиндустриальной и еще в значительной степени нерыночной системы (с. 87–96). В первой половине XIX в. в Боливии в городах проживало 11 % жителей, а грамотных было 7 % населения, что примерно соответствует показателям большинства обществ «старого порядка» до промышленного переворота, к примеру, Южной и Восточной Европы (с. 214). Но вот, в отличие, от, скажем, бывшей метрополии или от соседней Аргентины, в состав которой она, напомним, входила с 1776 г., Боливия не совершила ни во второй половине XIX, ни в XX в., используя удачное слово Уолтера Ростоу, «взлет» (take-off) и соответственно не вошла в клуб богатых или среднеразвитых стран, оставаясь, говоря в терминах Иммануила Валлерстайна, капиталистической периферией, частью «третьего мира». Интересно было бы уделить больше внимания дискуссиям о боливийском «периферийном», «зависимом» капитализме.

В последние два-три десятилетия основную роль в экономике начал играть равнинный восток страны, где расположены нефтегазовые месторождения и быстро развивается сельское хозяйство (главная культура – соя), распахиваются новые земли. Социально-демографический образ Боливии меняется на глазах: рост населения департаментов горного запада отстает от общегосударственного показателя – жители гор переселяются в города рав-

но Франции в 1709–1780 гг. валовый продукт сельского хозяйства вырос на 40 %, а население в XVIII в. – на 35,3 % (Чудинов 2007: 281; Dupâquier 1979: 34–35).

нинного «полумесяца». Так, в ныне самом большом городе страны, равнинном Санта-Круссе, в 1955 г. проживало только 57 тыс. жителей, в 1976 г. – 235 тыс., в 1976 г. – 325 тыс., а сегодня – 1,665 млн. Согласно переписи 2012 г., в четырех департаментах «полумесяца» живет 36,77 % населения государства, тогда как в 1950 г. – только 11,3 %, а в 1976 – 23,9 %⁴. Если влиянию урбанизации на боливийскую политическую жизнь, в первую очередь на примере Эль-Альто – столь же стремительно выросшего горного города-спутника столицы страны Ла-Паса, посвящен небольшой раздел книги (с. 581–584), то второй фундаментальный сдвиг, миграция населения на восток, почти не нашел в ней отражения.

А. А. Щелчков начинает большую главу о войне за независимость Верхнего Перу с цитаты (1896) одного из основателей боливийской историографии Габриэля Рене Морено: «Вершина славы Чаркас состоит в призыве к свободе 25 мая 1809 г., когда вся Америка еще глубоко спала в своем рабстве» (с. 112). Но что такое свобода и что такое рабство? Разве независимость от метрополии – благо само по себе, вне зависимости от сопутствующих отделению обстоятельств? Не сковывает ли современную историографию, как и общественную мысль, унаследованная как от либерального национализма XIX в., так и от советского марксизма категория «национально-освободи-

⁴ Статистические данные см. на сайте боливийского Национального института статистики. URL: www.ine.gov.bo/ (дата обращения: 17.01.2018).

тельного движения» (обязательно с положительной, восторженной оценкой)?⁵ Несмотря на замыслы основателя государства Симона Боливара (в итоге им суждено было остаться на бумаге), в независимой Боливии воцарилось, говоря марксистским языком, отчуждение индейского и – в меньшей, правда, степени – смешанного населения. В стране больше века действовали чрезвычайно суровые избирательные цензы, а всеобщее избирательное право было введено только после революции 1952–1953 гг. – и число пришедших голосовать на президентские выборы выросло почти в девять раз (с. 226, 324, 327, 331, 396, 506). И так, в отличие от соседних Аргентины и Чили, Боливия, как и Парагвай, в еще большей степени, чем Перу, оставалась индейской страной, в которой правили креолы, потому, в частности, меньшая по населению, но национально сплоченная Чили победила во Второй тихоокеанской войне 1879–1883 гг., оставив Боливию без выхода к морю (с. 304).

В своей ранней статье один из соавторов книги Тристан Платт даже назвал социально-экономическую политику после обретения независимости «этноцидом», имея в виду в первую очередь борьбу властей с унаследованной от инков передельной индейской общиной – айлью (*Platt* 1984: 3–18). Впрочем, тради-

ционное общество оказалось сильнее реформаторов и выдерживало натиск мирового рынка. Трибuto, индейская подушная подать, выплата которой своего рода гарантировала автономию айлью, и мита были формально отменены Боливаром, но трибuto было официально восстановлено в 1831 г. (с. 208), а на смену мите пришли различные раннекапиталистические формы производственных отношений, позволившие возродить производство серебра. Самой действенной из них оказалась старая система кахчас – старательская испольщина, при которой индейцы имели право на половину добытой руды, скупавшейся торговцами, в основном метисами (с. 196–197). Айлью сохранилась, но уже в форме сельскохозяйственного профсоюза, и после революции 1952–1953 гг.

За почти 200 лет существования Боливия служила ареной социально-политических экспериментов, которые не всегда можно просто свести к свойственному Латинской Америке в XIX–XX вв. чередованию военных и парламентских режимов. Примечательно, кстати, что именно в Верхнем Перу Андское восстание 1780–1782 гг., более известное как восстание Тупака Амару, было радикальнее, чем на территории современного Перу, вокруг Куско (с. 96–103). Если Тупак Амару происходил из семьи последнего правителя империи инков, то вождь восстания на территории современной Боливии Тупак Катари был простым общинником. Выше уже упоминалось, что именно в аудиенсии Чаркас несколько представителей креольской верхушки впервые

⁵ Кстати, в главе про боливийскую историческую науку А. А. Щелчков упоминает современного исследователя Роберто Чоке Канки, который критически оценивает войну с метрополией: «...независимость оказалась враждебна индейским народам и ничего им не дала» (с. 661).

в Новом Свете призвали к независимости от Испании (с. 112–127).

Стремясь создать единую боливийскую нацию, Симон Боливар отменил рабство и повинности индейцев, хотя гражданами нового государства, в духе испанской Кадисской конституции 1812 г., объявлялись только владеющие ремеслом, не состоящие в домашнем услужении грамотные (с 1836 г.) мужчины старше 21 года или женатые. Он составил для нее уникальную конституцию (с. 160–161) – итог его разочарования в европейском либерализме: президент назначался пожизненно и имел право выбрать себе преемника, в трехпалатном парламенте третья палата цензоров также избиралась пожизненно, помимо известных трех ветвей власти, вводилась четвертая, «избирательная» (своего рода резерв для избрания законодательной власти и назначения в исполнительные органы), признавалась свобода совести, но католицизм объявлялся единственно допустимой религией (о последнем, к сожалению, в книге не сказано). На деле положения боливаровской конституции никогда не были претворены в жизнь, а относительную политическую стабильность принесло правление опиравшегося на креольскую верхушку генерала Андреса Санта-Круса (1829–1839), роковым шагом для которого стала попытка основать единую перуанско-боливийскую конфедерацию (с. 168–187).

В середине XIX в. генерал Мануэль Бельсу (президент в 1848–1855 гг.) впервые со времени независимости обращается и к индейскому большинству, в духе «консервативной

утопии» защищая айлью, и к предпринимателям, пытаясь протекционистскими мерами укрепить местную промышленность (с. 218–247). В 1850 г. министр финансов при Бельсу Рафаэль Бустильо назвал айлью «удивительным экономическим институтом» и добавил: «... если бы во Франции были институты подобного рода, там не было бы безработицы, а народные массы не увлекались бы столь стремительно распространяющимися доктринами социализма» (с. 237). Разве не знакомо? – Ведь ровно тогда же Август фон Гакстгаузен и А. И. Герцен увидели в русской общине спасение от разрушительных социальных последствий современного им капитализма: для консерватора Гакстгаузена община как институт общественной и государственной стабильности сохраняла страну от революции, а для радикала Герцена – вела напрямую к социализму.

В 1876–1877 гг. в Санта-Кресе широкие массы поддержали «революцию равенства» креола Андреса Ибаньеса, вдохновленного Прудоном и выступившего против частной собственности на землю (с. 296–302). Здесь перед читателем встают по меньшей мере три важных вопроса. Как сочеталась в бельсизме и «революции равенства» заимствованная в первую очередь из французских книг идеология с тем, как она преобразалась в сознании простых боливийцев? В какой степени мир индейцев, метисов и бедных креолов напоминал наблюдения, сделанные Э. П. Томпсоном в своих исследованиях низших слоев английского общества конца XVIII – первой трети XIX в. (*Thompson* 1971:

76–136; 1968; 1991 (со сравнительными примерами); ср.: *Scott* 1976)? Наконец, как менялось традиционное индейское общество в XX в. и как осмыслить хорошо известные слова Че Гевары, что боливийские крестьяне его не понимают (с. 528)?

Революция 1952–1953 гг. и порожденный ею левый однопартийный режим 1954–1964 гг. (с. 470–502, 503–522) предприняли ряд действительно серьезных преобразований: были национализированы горная отрасль и самые крупные латифундии, земли которых были розданы крестьянам. К успеху реформы не привели, и в условиях гиперинфляции от окончательного хозяйственного краха Боливию спасла помощь США (с. 501), очевидно, опасавшихся анархии и дальнейшей радикализации в центре Южной Америки.

Итак, государственные эксперименты разного рода в конечном итоге скорее были неудачны, что ярче всего показывают поражения в войнах, а во второй половине XX в. — постоянно тяжелое экономическое положение подавляющего большинства боливийцев, устойчивое место Боливии среди бедных стран мира. Неудачами завершались мероприятия и военных режимов 1964–1982 гг. (с. 523–546), и пришедших им на смену левых социалистов, и неолибералов середины 1980-х — 1990-х гг. (с. 547–568). С 1970-х гг. заметную роль в обществе начинает играть наркоторговля (с. 545, 552, 565–567, 575).

Потому особенно интересны сегодня события нашего времени, «левый поворот» президента с 2006 г. Эво Моралеса — первого индейца

во главе государства (с. 587–607). Курс Моралеса привлекает еще большее внимание после краха венесуэльского «боливарианского социализма» Уго Чавеса и кризиса левых в Бразилии в 2016–2017 гг. Люди, вышедшие из профсоюзов и левых партизанских групп (министром юстиции одно время была трудившаяся «в людях» с 13 лет индианка-кечуа Казимира Родригес, создательница профсоюза домашней прислуги), оказались, в частности, в состоянии по всем меркам успешно справиться с поддержанным государственным департаментом США опасным автономистским движением на богатом равнинном «полумесяце» и надежно заручиться поддержкой его населения (с. 595–597, 600). Согласно новой конституции 2009 г., страна была объявлена «многонациональным государством» (*estado plurinacional*), 36 языков стали государственными (с. 598), а значит — индейцы получили возможность учиться и на родных языках. «Социалистическая политика при макроэкономическом равновесии» (с. 591) позволила увеличить расходы бюджета в 3,3 раза и вести активную социальную политику, не разогнав инфляцию и сокращая внешний долг. От себя заметим, что ВВП Боливии при Моралесе растет со скоростью от 3,4 (2009 г.) до 6,5 (2013) процентов в год, и его не остановили даже столь хорошо знакомые отечественному читателю спады цен на газ в 2009 и конце 2014–2016 гг. Впрочем, страна пока остается бедной, все еще уступая по экономическим показателям Парагваю, Перу, Эквадору. В определенном смысле правительству Моралеса удастся

решать проблемы преодоления нищеты и создания базовой системы социального вспомоществования, которые европейские левые решали в первой половине XX в. Каким станет будущее Боливии? Связаны ли ее успехи исключительно с рациональным управлением газовой промышленностью и доходами от ее деятельности? Или нынешним властям страны (подчеркну, левым по убеждениям) удастся создать предпосылки для долгосрочного экономического роста? Преодолет ли Боливия зависимость от экспорта природного сырья (с середины XVI в. — серебро, с середины XIX в. — олово и одно время каучук, а затем также ртуть, вольфрам и нефть, с 1990-х гг. — газ) и сможет ли создать очаги новой экономики? Эти вопросы было бы интересно подробнее обсудить в книге.

В книге встречаются истории, будто бы взятые со страниц Габриэля Гарсиа Маркеса: например, о генералах Хосе Балвианине (президент в 1841–1847 гг.) и упомянутом выше Мануэле Исидоре Бельсу, своего рода библейский рассказ о Давиде, Урии и Вирсавии, только с иным концом. Балвианин влюбился в жену Бельсу, дочь аргентинского генерала, писательницу Хуану Мануэлу Горрители и отослал Бельсу в пограничный гарнизон. Подозревая неладное, Бельсу неожиданно вернулся домой, и после резкого объяснения Балвианин разжаловал Бельсу в солдаты, но последний, затаив гнев и обиду, вскоре поднял восстание и в конечном итоге, после года запутанного, но хотя бы не кровопролитного противостояния, пришел к высшей власти в стране (с. 219).

Высказанные в этой рецензии замечания говорят скорее не о недостатках, а о задачах, которые можно было поставить, например, при развитии замысла односторонних историй стран Латинской Америки. Том снабжен иллюстрациями, но, к сожалению, содержит только две карты: показана территория страны «с птичьего полета», но детально представлен территориальный спор в Гран-Чако (с. 13, 409). Следует отдельно отметить труд бессменных сотрудников издательства «Наука» — редактора В. М. Черемных и художника В. Ю. Яковлева: читатель не встретит в «Истории Боливии» привычные в современном отечественном научном книгоиздании редакторские просчеты, она снабжена подробным именованным указателем, выпущена в красивом переплете, но, увы, маленьким тиражом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Альперович, Лавров 1960 — *Альперович М. С., Лавров Н. М.* Очерки новой и новейшей истории Мексики, 1810–1945. М.: Соцэкгиз, 1960. 511 с.

Зайцев 2016 — *Зайцев Д. Т.* Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева. М.: АНФ, 2016. 712 с.

История Перу 2000 — История Перу с древнейших времен до конца XX века / отв. ред. С. А. Созина, И. И. Янчук. М.: Наука, 2000. 476 с.

Латинская Америка в советской печати 1964–2011 — Латинская Америка в советской печати. Вып. 1–20 (с вып. 16 — Латинская Америка в российской печати; с вып. 19 — Латинская Америка, Испания и Португалия в российской печати). М.: ИЛА РАН, 1964–2011 [лит. с 1946 г.].

Очерки истории Аргентины 1961 — Очерки истории Аргентины / отв. ред. В. И. Ермолаев. М.: Соцэкгиз, 1961. 573 с.

- Очерки истории Бразилии 1962 —
Очерки истории Бразилии / отв. ред.
В. И. Ермолаев. М., 1962. 569 с.
- Очерки истории Чили 1967 — Очерки
истории Чили / отв. ред. Н. М. Лавров.
М.: Наука, 1967. 530 с.
- Очерки истории Кубы 1978 — Очерки
истории Кубы / отв. ред. Н. М. Лавров.
М., 1978. 603 с.
- Чудинов 2007 — Чудинов А. В. Француз-
ская революция: история и мифы. М.:
Наука, 2007. 307 с.
- Arguedas 1991 — Arguedas A. Historia de
Bolivia. T. 1–5. La Paz: Juventud, 1991
[1922–1929].
- Cañizares-Esguerra 2017 — Cañizares-Esguerra
J. On Ignored Global “Scientific Revolu-
tions” // Journal of Early Modern His-
tory. Vol. 21 (2017). P. 420–432.
- Dupâquier 1979 — Dupâquier J. La Popula-
tion française aux XVIIe et XVIIIe siècles.
P.: PUF, 1979. 128 p.
- Finot 1946 — Finot E. Nueva historia de Bo-
livia: ensayo de interpretación sociológica
de Tiwanaku a 1930. Buenos Aires: Funda-
ción Universitaria Patiño, 1946. 382 p.
- Histoire mondiale de la France 2017 —
Histoire mondiale de la France / dir. par
P. Boucheron. Paris: Seuil, 2017. 800 p.
- Jessop 2015 — Jessop B. The State: Past, Pre-
sent, Future. L.: Polity, 2015. 248 p.
- Klein 1982 — Klein H. S. Bolivia: The Evo-
lution of a Multi-Ethnic Society. N.Y.:
Oxford University Press, 1982. 368 p.
- Klein 2011 — Klein H. S. A Concise History
of Bolivia. Rev. ed. Cambridge: Cambridge
University Press, 2011. 376 p.
- Mann 2013 — Mann M. The Sources of
Social Power. Vol. 4. Globalizations, 1945–
2011. N.Y.: Cambridge University Press,
2013. 496 p.
- Meza, Mesa 2012 — Meza J., Gisbert T., Mesa
C. Historia de Bolivia. 8a. ed., actualizada
y aumentada. La Paz: Gisbert, 2012. 792 p.
- Platt 1984 — Platt T. Liberalism and Eth-
nocide in the Southern Andes // History
Workshop Journal. Vol. 17. № 1 (March
1984). P. 3–18.
- Scott 1976 — Scott J. C. The Moral Economy
of the Peasant: Rebellion and Subsistence
in Southeast Asia. New Haven (Ct.): Yale
University Press, 1976. 254 p.
- Thompson 1991 — Thompson E. P. Customs
in Common: Studies in Traditional Popu-
lar Culture. L.: New Press, 1991. 592 p.
- Thompson 1968 — Thompson E. P. The Ma-
king of the English Working Class. Rev. ed.
L.: Penguin, 1968. 676 p.
- Thompson 1971 — Thompson E. P. The Moral
Economy of the English Crowd in the 18th
Century // Past & Present. № 50 (Feb.
1971). P. 76–136.
- Tyrrell 2007 — Tyrrell I. Transnational Na-
tion: United States History in Global Per-
spective since 1789. Basingstoke: Palgrave,
2007. 288 p.
- Valencia Vega 1984–1988 — Valencia Vega A.
Historia política de Bolivia. Vol. 1–7. La
Paz: Juventud, 1984–1988.

ANDEAN LESSONS

Rev.: Istorii Boliviï s drevneishikh vremen do nachala XXI veka / отв. ред. Е. А. Ларин, А. А. Шchelchkov. Moscow: Nauka, 2015. 699 p.

Isserov Andrey A. — Ph.D. in history, associate professor, National Research Uni-
versity “Higher School of Economics”; senior research fellow, Institute of World
History, RAS (Moscow)

Key words: Bolivia, Latin America, Andes, Simon Bolivar.

Abstract. A review of a recent synthesis on the history of Bolivia published by the Russian Academy of Sciences.

REFERENCES

- Al'perovich M.S., Lavrov N.M. *Ocherki novoi i noveishei istorii Meksiki*, 1810–1945. Moscow: Sotsekiz, 1960. 511 p.
- Arguedas A. *Historia de Bolivia*. T. 1–5. La Paz: Juventud, 1991 [1922–1929].
- Cañizares-Esguerra J. On Ignored Global “Scientific Revolutions”. *Journal of Early Modern History*, vol. 21 (2017), p. 420–432.
- Chudinov A.V. *Frantsuzskaia revoliutsiia: istoriia i mify*. Moscow: Nauka, 2007. 307 p.
- Dupâquier J. *La Population française aux XVIIe et XVIIIe siècles*, Paris: PUF, 1979. 128 p.
- Finot E. *Nueva historia de Bolivia: ensayo de interpretación sociológica de Tiwanaku a 1930*. Buenos Aires: Fundación Universitaria Patíño, 1946. 382 p.
- Histoire mondiale de la France*, dir. par P. Boucheron, Paris: Seuil, 2017. 800 p.
- Istoriia Peru s drevneishikh vremen do kontsa XX veka*, otv. red. S.A. Sozina, I.I. Ianchuk. Moscow: Nauka, 2000. 476 p.
- Jessop B. *The State: Past, Present, Future*. London: Polity, 2015. 248 p.
- Klein H.S. *Bolivia: The Evolution of a Multi-Ethnic Society*. N.Y.: Oxford University Press, 1982. 368 p.
- Klein H.S. *A Concise History of Bolivia*. Rev. ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 376 p.
- Latinskaia Amerika v sovetskoï pechati*. Vyp. 1–20 (s vyp. 16 – Latinskaia Amerika v rossiiskoi pechati; s vyp. 19 – Latinskaia Amerika, Ispaniia i Portugaliia v rossiiskoi pechati). Moscow: ILA RAN, 1964–2011 [lit. s 1946 g.].
- Mann M. *The Sources of Social Power, vol. 4. Globalizations, 1945–2011*. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. 496 p.
- Meza J., Gisbert T., Mesa C. *Historia de Bolivia*. 8a. ed., actualizada y aumentada. La Paz: Gisbert, 2012. 792 p.
- Ocherki istorii Argentiny*, otv. red. V.I. Ermolaev. Moscow: Sotsekiz, 1961. 573 p.
- Ocherki istorii Braziliï*, otv. red. V.I. Ermolaev. Moscow, 1962. 569 p.
- Ocherki istorii Chili*, otv. red. N.M. Lavrov. Moscow: Nauka, 1967. 530 p.
- Ocherki istorii Kuby*, otv. red. N.M. Lavrov. Moscow, 1978. 603 p.
- Platt T. Liberalism and Ethnocide in the Southern Andes. *History Workshop Journal*, vol. 17. № 1 (March 1984), p. 3–18.
- Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven (Ct.): Yale University Press, 1976. 254 p.
- Thompson E.P. *Customs in Common: Studies in Traditional Popular Culture*. London: New Press, 1991. 592 p.
- Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. Rev. ed. London: Penguin, 1968. 676 p.
- Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century. *Past & Present*, no. 50 (Feb. 1971), p. 76–136.
- Tyrrell I. *Transnational Nation: United States History in Global Perspective since 1789*. Basingstoke: Palgrave, 2007. 288 p.
- Valencia Vega A. *Historia política de Bolivia*, vol. 1–7. La Paz: Juventud, 1984–1988.
- Zaitsev D.T. *Povest' i zhitie Danily Terent'evicha Zaitseva*. Moscow: ANF, 2016. 712 p.

А. А. Солдатов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ: СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1945–1964 гг.

Рец.: *Szumski J.* Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Instytut Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birkenmajerów Polskiej Akademii Nauk, 2016. 429 s.

Ключевые слова: Польша, СССР, советско-польские отношения, советский фактор, историческая наука.

Аннотация. Рецензируется монография, посвященная влиянию советского фактора на развитие исторической науки в Польше первых послевоенных десятилетий.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-155-162

В монографии «Политика и история. Влияние СССР на историческую науку в Польше в 1945–1964 годах» адъюнкт Института истории им. Л. и А. Биркенмайеров Польской академии наук Ян Шумский рассматривает особенности развития польской исторической науки в контексте послевоенной советизации Польши и ее зависимости от СССР. Работа удачно дополняет существующие исследования по данной теме (*Rutkowski 2007; Stobiecki 2007; Romek 2010*), глубже

освещая, как пишет автор, «влияние восточного соседа на состояние польской исторической науки, в чем и как оно проявлялось, а также то, насколько содержание и положение польской историографии были результатом политического воздействия Москвы» (s. 17).

Центральное место в работе отведено польско-советским научным отношениям на институциональном уровне. Автор так обозначает свою задачу: «Выявление основных направлений политики, которую проводил высший орган власти в СССР – Центральный комитет ВКП(б)/КПСС – в отношении институтов, занимавшихся наукой

© Солдатов А. А., 2018

Солдатов Антон Анатольевич – ассистент кафедры истории Калининградского государственного технического университета (Калининград); antn.soldatov@gmail.com

в Польше в 1945–1964 гг., и ее практической реализации» (s. 17). Хронологические рамки исследования обусловлены доступностью источников (s. 17)¹ и научными интересами автора, предыдущие работы которого посвящены преимущественно вопросам сталинизма (*Szumski* 2010; *Musiak, Szumski* 2012). Исследование проведено на широкой базе источников из российских архивов, часть которых ранее не были введены в научный оборот. При этом практически не используются материалы польских архивов, не считая уже опубликованных и документов из Архива новых дел, касающихся деятельности историка Жанны Кормановой. Автор косвенно и не вполне удачно объясняет это обстоятельство тем, что польские исследования по схожей тематике «в большей мере опираются на материалы, доступные в Польше» (s. 23). Соответственно, для углубления понимания политики СССР в сфере науки, необходимо охватывать больший круг источников, а именно российских. Однако при таком подходе возникает вероятность односторонней оценки событий.

Структура исследования обусловлена проблемно-хронологическим принципом. В 11 разделах Шумский рассматривает разные аспекты влияния СССР на науку в Польше и деятельность определенных институтов в этом вопросе. В первой главе монографии автор анализиру-

¹ Шумский обращает внимание, что в российских архивах до сих пор нет доступа к некоторым материалам, в основном это личные дела членов ЦК и Политбюро, Секретариата и некоторых отделов ЦК ВКП(б)/КПСС (s. 25).

ет систему управления наукой в Советском Союзе и Польше в первые послевоенные годы. Наверху этой пирамиды стояла ВКП(б)/КПСС, определявшая и контролировавшая общественные и научные институты (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Институт славяноведения Академии наук СССР, Институт марксизма-ленинизма и др.), а также дипломатические представительства СССР в Польше. Подробный, местами даже щепетильный, разбор бюрократических механизмов управления показывает, как использовались разные каналы контроля. Важно, что исследователь подчеркивает значение в этом вопросе не только официальных (и очевидных) форм влияния через государственные органы, но и скрытых, завуалированных — через учреждения науки и культуры. Таким образом, Шумский поддерживает образ тоталитарной советской бюрократии, показывая, что ничто не могло ускользнуть от ее надзора. Эта идея красной нитью проходит через всю работу — иногда явно, в случаях, когда автор остро критикует советскую власть; иногда имплицитно — в конце первого раздела автор указывает на необходимость анализа документов разного уровня, без чего невозможно «понять сущность взаимодействия “машины” и “винтиков”» (s. 59), отсылая тем самым читателя к критике советской власти в работе историка-диссидента М. Я. Геллера «Машина и винтики. История формирования советского человека» (*Геллер* 1994).

Особенно заметно личное отношение автора к советской политике. В моментах, когда текст напрямую

касаясь вопросов идеологии, его стилистика меняется с академической на скорее публицистическую. Так, партийные деятели, ответственные за советизацию польской науки, пропаганду коммунистической идеологии, насаждение марксизма-ленинизма, установление зависимости польской науки от Москвы, в особенности А.А. Жданов и М.А. Суслов, характеризуются как «идеологические церберы» (s. 127, 150, 286, 384). Используя подобные обороты, Шумский обращается скорее не к разуму, а к чувствам читателя.

Во второй главе автор продолжает анализировать влияние СССР в Польше, реформирование науки по советскому образцу, польско-советские научные контакты в первые послевоенные годы, но уже на другом уровне, не институциональном, а межличностном. Шумский рассматривает, как проходила адаптация польских историков к новым реалиям, сравнивает положение ученых в двух государствах. Научные контакты не могли быть установлены без согласия советской власти (s. 61–62), которая контролировала переписку между учеными, цензурировала их доклады и даже определяла списки литературы для обмена, причем в последних было больше агитационно-пропагандистских материалов, чем научных работ по истории и философии (s. 95). Автор подчеркивает, что в среде польских исследователей было не так много сторонников нового устройства, «за исключением группки политически ангажированных историков» (s. 62–63). Обращаясь к деятельности советских коллег, Шумский

не снимает с них ответственности за участие в советизации польской науки, но особо обращает внимание (на примере биографий Б.Д. Грекова и В.И. Пичеты), что многие были вынуждены сотрудничать с властью, отыскивая «собственный путь между Сциллой и Харибдой, между честью и достоинством ученого и восхвалением “партии, правительства и любимого вождя”, между научным объективизмом и страхом перед обвинениями, например в отсутствии патриотизма» (s. 64). В этом контексте автор продолжает критику советской власти и представляет многих историков жертвами тоталитарной системы. Советские исследователи, ощутившие на себе репрессивность сталинского режима, хоть и были вынуждены участвовать в очевидно пропагандистских мероприятиях (например, съезды историков), делали это весьма пассивно, не производя тех эффектов, «которых ожидали варшавские должностные лица» (s. 97). В первые послевоенные годы польско-советские научные отношения были нерегулярными, а инициатором выступала партия. В результате назрел вопрос о создании научной организации в СССР, которая координировала бы работу ученых в обеих странах и следила за содержательной стороной проводимых исследований, чем и стал заниматься открытый в 1947 г. Институт славяноведения.

Деятельности института посвящен третий раздел. Шумский стремится рассмотреть его работу с двух сторон: как научно-исследовательского центра по вопросам славяноведения и как организации,

оказывавшей непосредственное влияние на развитие исторической науки в странах народной демократии. В этой части монографии автор выходит за пределы польско-советских отношений, уделяя больше внимания вопросам балканистики. Смена оптики позволяет читателям рассмотреть советскую историческую политику в более широком контексте возрождения идеи панславизма и ее использование в пропаганде. Непосредственно влиянию идеологии на историческую науку посвящена следующая часть.

В четвертом разделе автор показывает зависимость советской исторической науки от сталинской интерпретации прошлого и непосредственное влияние Сталина на работу ученых, формирование официального дискурса понимания прошлого (издание брошюры «Фальсификация истории», борьба с «буржуазным объективизмом и космополитизмом») и отражение этих процессов в польской науке. В частности, эти процессы рассмотрены на примере Первой методологической конференции в Отвоцке в декабре 1951 – январе 1952 г., результатом которой стало закрепление новой советской модели науки в ПНР и открытие Польской академии наук. Историки-марксисты традиционно считали Отвоцк своей победой, однако Шумский вслед за современными польскими (Romek 1999; Rutkowski 2007; Stobiecki 2007) и российскими историками (Горизонтов 1997) обосновывает неоднозначность такой оценки. Особое внимание автор уделяет роли советских ученых в переустрой-

стве науки ПНР, подчеркнув, что среди них не было единого мнения по этому вопросу (s. 165–166). Руководитель советской делегации историк Б. Д. Греков (собственно, эта позиция была близка и Е. А. Косминскому) стремился «не допустить до победы догматиков, зная на основе собственного горького опыта, какие могут быть результаты», а, отдавая должное высокому уровню развития польской науки, сохранить положение историков «старой школы» при перестройке науки в ПНР на советский лад (s. 165–166). Зато поддержку польским ортодоксальным историкам-марксистам оказывали П. Н. Третьяков, занявший в 1951 г. пост директора Института славяноведения после снятия с этой должности Б. Д. Грекова, и А. Л. Сидоров.

В выводе к четвертой главе Шумский отмечает неоднозначность оценки сталинизации исторической науки в Польше. Он не отрицает ее зависимость от партийной политики, негативное влияние цензуры и идеологии, но подчеркивает, что наиболее радикальные историки-марксисты (Ц. Бобиньская, Ж. Корманова) реально представляли меньшинство в научной среде, не пользовались авторитетом среди историков и не смогли стать опорой для проведения наиболее радикальных перемен (s. 168–169). «В отчетах партийным руководителям по вопросам науки в ЦК ВКП(б) Греков, Косминский и Третьяков указывали на “слабый теоретический уровень” и “левацкий” характер этого крыла, подчеркивая необходимость опор на старые кадры» (s. 169).

Автор, отметив еще в начале монографии, что за советизацию польской науки ответственна лишь небольшая группа партийных историков, рассматривает их деятельность подробнее в пятой части работы. При этом Шумский вписывает биографии польских историков-коммунистов в контекст подготовки партийных научных кадров в СССР. Собственно, основные рдетели советизации Польши еще в 1930–1940-х гг. начинали свое обучение и пропагандистскую работу в СССР (например, Ц. Бобиньская, Т. Данишевский и Ж. Корманова и др.).

Вторая половина монографии посвящена развитию науки в период десталинизации и «оттепели». В этих главах автор больше обращается к частным вопросам и непосредственно научным контактам, чем к политическим процессам и управлению академической сферой. Шестой раздел охватывает 1953–1956 гг., когда происходит постепенное ослабление – по сравнению со сталинским периодом – партийного и государственного контроля над наукой: были ликвидированы кафедры марксизма-ленинизма в польских университетах, а в польско-советских проектах стали больше принимать участие беспартийные историки.

Интересным примером изменившихся польско-советских научных связей на фоне десталинизации стало издание в обеих странах обобщающих трудов по истории Польши (*История Польши 1954–1958*; *Historia Polski 1957–1969*), целью которых было представить марксистское видение прошлого (сечь-

мой раздел). Работа над очерками началась еще до политических изменений середины 1950-х гг., что, соответственно, не могло не отразиться на содержательной части, к тому же наблюдались принципиальные различия в польской и советской версиях. Шумский, правда, мало внимания уделяет польской работе, рассматривая советскую версию как попытку насаждения нового взгляда на историю Польши. Автор подробно разбирает все перипетии отношений между учеными, подчеркивает, что даже польские партийные историки стали отходить от прежних «ортодоксальных взглядов, лежащих в ключе сталинско-марксистской концепции истории Польши, в пользу патристически-национальных понятий» (s. 264). Это препятствовало переводу советской «Истории Польши», а ее распространение было ограничено. Автор преимущественно рассмотрел то, как велась работа над очерками, оставив вопрос об их содержании в стороне. Были лишь обозначены некоторые спорные вопросы, которые, однако, не до конца объясняют вывод об «истоках черного видения истории Польши» (s. 271).

В следующей части работы, восьмой, Шумский обращается к вопросу доступа исследователей к архивам в СССР. Как известно, советская власть жестко контролировала доступ к источникам, а предоставление разрешения на работу в архиве еще не означало, что будут выданы все документы. Так, материалы по некоторым темам (история коммунистического и рабочего движений, польско-советских отношений

в XX в. и пр.) особо тщательно охранялись. Автор справедливо отмечает, что «в Москву не попадали случайные исследователи, только скорее проверенные и просеянные через сито контроля отечественных (советских. — А. С.) идеологических церберов, в основном партийные историки» (s. 286).

Архивная тема продолжается в девятом разделе, посвященном совместным проектам издания источников: документов Январского восстания и польско-советских отношений. Автор подчеркивает, что первое издание в большей степени носило научный характер (s. 314), в отличие от второго, находившегося «под значительным контролем ЦК КПСС» (s. 315). Причина кроется в том, что события, освещенные во втором издании, были непосредственно связаны с историей СССР, что, конечно, вызывало более пристальное внимание властей.

В последних разделах Шумский обращается к хрущевскому периоду советско-польских отношений, обращая внимание, что либерализация в политической сфере, которую обещала оттепель, не принесла долгожданной свободы польским ученым в полной мере, а с начала 1960-х гг. произошло «усиление политического контроля» (s. 376).

В рамках общих замечаний стоит выделить обозначение автором советских названий политических и научных учреждений, имен деятелей на языке оригинала и в переводе на польский. Такое решение позволяет избежать неточностей

в переводах и транслитерации. В монографии также опубликованы фотокопии некоторых архивных документов и фотографии ученых и политиков. Такие вставки удачно дополняют текст, хотя читателю, пожалуй, удобнее пользоваться таким материалом, когда он оформлен в приложении. В тексте встречаются немногочисленные опечатки и неточности. Так, работа Ю. В. Бернова «Записки дипломата» была издана в 1995, а не 2005 г. (s. 42), а на с. 77 допущена ошибка в аббревиатуре НКВД (NKID).

Монография Шумского — это качественное исследование как научной политики СССР, так и польско-советских отношений. Достоинством является привлечение обширной источниковой базы, на основе которой ученый подробно разъясняет механизмы контроля власти над наукой и представляет примеры способов адаптации ученых. При этом автор, вопреки достаточно распространенному в Польше мнению, указывает, что советские историки не всегда были послушными проводниками советской идеологии, а польские исследователи, страдая от значительных ограничений в эти годы, все же могли проводить научные исследования на основе принципа объективизма, сохраняя нормальные человеческие отношения с советскими коллегами. Данная монография является существенным шагом в углублении понимания развития гуманитарных наук и политических механизмов управления ими в СССР и Польше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Геллер 1994 — Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

Горизонтов 1997 — Горизонтов Л.Е. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая школа // W kręgu historii historiografii i polityki. Łódź, 1997. S. 103–126.

История Польши 1954–1958 — *История Польши*: в 3 т. М., 1954–1958. Т. 1–3.

Historia Polski 1957–1969 — *Historia Polski*: в 4 т. / opracowanie zbiorowe pod. red. S. Arnolda, T. Manteuffla. Warszawa, 1957–1969.

Musiak, Szumski 2012 — *Musiak B., Szumski J.* Geneza paktu Hitler-Stalin. Fakty i propaganda. Warszawa, 2012.

Rutkowski 2007 — *Rutkowski T.P.* Nauki historyczne w Polsce 1944–1970. Zagadnie-

nia polityczne i organizacyjne. Warszawa, 2007.

Romek 2010 — *Romek Z.* Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970. Warszawa, 2010.

Romek 1999 — *Romek Z.* Historyccy radieccy o historykach polskich. Uwagi o zjeździe wrocławskim (1948) i konferencji Otwockiej (1951/1952) // *Polska 1944/1945–1989. Studia i materiały*. 1999. T. 4. Warszawa. S. 177–203.

Stobiecki 2007 — *Stobiecki R.* Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. *Studia i szkice*. Warszawa, 2007.

Szumski 2010 — *Szumski J.* Sowietyzacja Zachodniej Białorusi 1944–1953. Propaganda i edukacja w służbie ideologii. Kraków, 2010.

Szumski J. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016.

HISTORICAL SCIENCE BETWEEN SCYLLA AND CHARYBDIS: THE POLISH-SOVIET SCIENTIFIC RELATIONS IN 1945–1964

Rev.: Szumski J. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Instytut Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birkenmajerów Polskiej Akademii Nauk, 2016. 429 p.

Soldatov Anton A. — assistant of the Department of History of Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad)

Key words: Poland, the USSR, the Soviet-Polish relations, the Soviet factor, the Historical Studies.

Abstract. A monograph devoted to the influence of the Soviet factor on the development of historical science in Poland of the first post-war decades is reviewed.

REFERENCES

Geller M.Ya. *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka*. Moscow, 1994.

Gorizontov L. E. «Metodologicheskiy perevorot» v polskoy istoriografii rubezha

40–50-kh gg. i sovetskaya istoricheskaya shkola. *W kręgu historii historiografii i polityki*. Łódź, 1997, s. 103–126.

Historia Polski: v 4 t., opracowanie zbiorowe pod. red. S. Arnolda, T. Manteuffla. Warszawa, 1957–1969.

Istoriya Polshi: v 3 t. Moscow. 1954–1958. Vol. 1–3.

Musiał B., Szumski J. *Geneza paktu Hitler-Stalin. Fakty i propaganda*. Warszawa, 2012.

Rutkowski T.P. *Nauki historyczne w Polsce 1944–1970. Zagadnienia polityczne i organizacyjne*. Warszawa, 2007.

Romek Z. *Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970*. Warszawa, 2010.

Romek Z. Historycy radziecy o historykach polskich. Uwagi o zjeździe wro-

cławskim (1948) i konferencji Otwockiej (1951/1952). *Polska 1944/1945–1989. Studia i materiały*. 1999. T. 4. Warszawa. S. 177–203.

Stobiecki R. *Historiografia PRL*. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. Studia i szkice. Warszawa, 2007.

Szumski J. *Sowietyzacja Zachodniej Białorusi 1944–1953*. Propaganda i edukacja w służbie ideologii. Kraków, 2010.

Szumski J. *Polityka a historia*. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016.

Т. М. Симонова

Rec.: Dymitri Filozofow. Pisma wybrane / Wybór i opracowanie: P. Mitzner. T. 1: Trudna Rosja (1902–1916). 299 s.; T. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936). 510 s. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015.

Ключевые слова: Д. В. Философов, «Мир искусства», Русское зарубежье, эмиграция в Польше, «активизм».

Аннотация. Рецензия посвящена изданию избранных статей и очерков Д. В. Философова периода 1902–1936 гг. в 2-х томах, в переводе на польский язык.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-163-182

Актуальность расширения российско-польских и польско-российских связей по линии взаимного культурного обогащения в настоящее время чрезвычайно высока. Сильное охлаждение межгосударственных отношений в последние 10 лет, развернувшаяся на этом негативном фоне в польском интеллектуальном и социальном пространстве «польско-польская война», сворачивание культурных и сокращение научных связей между Польской Республикой и РФ — все эти явления напоминают те времена, когда, по словам Е. Стемповского, советские граждане не знакомились с Польшей посредством «Известий» и других советских газет, а поляки узнавали о России только из своих газет (1, с. 8).

В 2015 г. в издательстве университета кардинала Стефана Вышинского под руководством профессора, известного специалиста по истории русской эмиграции в Польше и исследователя жизни и творчества

Дмитрия Владимировича Философова Петра Митцнера вышел двухтомник избранных произведений публициста в переводе на польский язык. Издание осуществлено по линии Национальной программы развития гуманитарных наук министра науки и высшей школы Польской Республики в 2013–2017 гг. в рамках проекта «В поисках миссии эмиграции. Польско-российские литературные контакты 1919–1989».

Библиографическую обработку статей осуществила С. Кузюр (2, с. 449–481). Первый том содержит подборку статей 1902–1916 гг. (перевод Х. Дубик), второй — работы Философова в «польский период» его жизни (1920–1936 гг.) (перевод Х. Дубик, Э. Скалинской и Р. Шченсны). На четвертую полосу обложки обоих томов вынесены эпитафии — цитаты из статей Философова и его современников, наиболее полно раскрывающие замысел каждого тома. Там же содержится короткое резюме о «выдающемся русском критике, модернисте», с января 1920 г. пребывавшем в эмиграции в Польше, когда в его публицистике, наря-

© Симонова Т. М., 2018

Симонова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, независимый исследователь; ivansimo@ua.ru

ду с российской и общеевропейской тематикой, важное место заняла Польша и ее культура.

Первый том издания под названием «Трудная Россия: 1902–1916» открывают два предисловия: П. Митцнера и О. Р. Демидовой (Санкт-Петербург). В первом внимание читателя акцентируется на особой значимости личности русского эмигранта в польской истории и культуре межвоенного периода как человека-«легенды», который часами вел долгие беседы в Бельведере с Ю. Пилсудским; мастера, направлявшего по жизненной дороге известного польского писателя и художника Ю. Чапского; создателя российско-польского дискуссионного клуба «Домик в Коломне» (1, с. 7).

Составители при выборе публикаций полагались на принцип универсальности и разнообразия тематики, которая стала объектом исследования русского публициста и составила его интеллектуальный портрет: особенности его личности, пристрастия, симпатии и антипатии. Исследуя личность Философова, издатели сборника рассматривают его работы как своего рода дневник, позволяющий в хронологическом порядке выявить эволюцию взглядов, зафиксировать как польский, так и европейский культурно-политический фон его жизни и творчества. Сам Философов единственной свободной русской территорией считал «территорию культуры», ощущая себя в эмиграции независимым от политической деятельности: «и от монархической, и от социалистической». Более охотно, по мне-

нию Митцнера, он писал о литературе и театре, осторожно относился к оценкам внутренней политики государства и национальному вопросу в многонациональной Польше (1, с. 10).

Составители почти обошли вниманием статьи Философова периода его сотрудничества с Б. Савинковым, но справедливости ради следует отметить, что до сентября 1924 г. (признание Савинковым советской власти) Философов был его верным сторонником и активным помощником, но скорее в сфере практической, чем политической. Важны в публицистике Философова и статьи в защиту прав русского беженства и национального меньшинства в Польше периода 1920-х гг.; они вызвали широкий резонанс в польском обществе и негативную реакцию польских чиновников.

Во втором предисловии – самостоятельном эссе о жизни и творчестве Философова в дореволюционный период – профессор О. Р. Демидова описывает его творческий путь в России, утверждая, что значение личности публициста в истории русской культуры рубежа XIX–XX вв. (театр, критика, публицистика) недооценено. Он был участником всех важнейших интеллектуальных дискуссий своего времени, одной из центральных фигур нескольких экспериментальных, хотя и утопичных, «культурных проектов»: от «Мира искусства» – до «тройственного союза» в браке.

Характеристика творчества и личности публициста основана на его работах этого периода, переписке

и воспоминаниях современников, прежде всего — А. Н. Бенуа, основателя и идеолога «Мира искусства»; П. П. Перцева, редактора журнала «Новый путь»; М. В. Добужинского, художника и критика; З. Н. Гиппиус, В. А. Злобина и др. По словам Бенуа, Философов стремился расширить философское и философско-религиозное направление деятельности мирискусников, что не встретило понимания со стороны его кузина С. П. Дягилева и привело к сближению, «интеллектуальному союзу» с Мережковскими после 1905 г., когда он почувствовал импульс к активному воплощению своих эстетических идеалов (1, с. 22). В 1906–1908 гг. втроем они отправились во Францию, по словам Гиппиус, с целью «возвращения к Богу» (1, с. 25); итогом духовных поисков стал совместный сборник «Царь и революция» (1908 г.), в котором отразилось некоторое влияние эсеров и Б. В. Савинкова, с которыми они сблизились во Франции. Философов много публиковался в русских изданиях, но в период 1909–1912 гг. из нескольких сотен статей он смог издать лишь 64 свои работы в трех сборниках (1, с. 13).

Длительный период забвения Философова и его творчества в советской и российской истории и культуре, причиной чему, на наш взгляд, была его активная антисоветская позиция в эмиграции в Польше, закончился лишь в начале нулевых годов. В 2004 г. вышел тематический сборник «Загадки русской культуры», в который Т. Ф. Прокопова включила работы, посвященные творчеству русских писателей Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевско-

го, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького и др. (Философов 2004). В 2010 г. усилиями О. А. Коростелева и с его комментариями читателю были возвращены 88 работ Философова (Философов 2010).

В первом томе польского издания «Трудная Россия (1902–1916)» материал расположен по тематическому принципу, с выделением четырех рубрик: «Слова и жизнь» (1909), «Неугасимая лампада» (1912), «Старое и новое» (1912), «Отдельные статьи». Цель подборки: познакомить польского читателя с диапазоном интересов публициста, открыть ему проблемы и особенности русской культуры этого периода сквозь призму взглядов Философова. Для решения этой непростой задачи составители тома в каждую выделенную рубрику выбрали наиболее яркие и глубокие работы, отражающие сложность и многогранность мировоззрения публициста.

Рубрику «Слова и жизнь» открывает очерк «Весенний ветер» (1907) о значении первой русской революции, показавшей «взрыв сил народа» и незнакомого, дикого и пугающего интеллигентов русского человека: «весна не возродила нас, а уничтожила» (1, с. 30). Новые явления в русской литературе и «стирание границ» между литературными направлениями объединил «мистический анархизм» (1, с. 35). Первое место в ряду новых русских писателей Философов отводил Л. Андрееву — в тот период «трезвому реалисту» из круга М. Горького; полемизировал с «пленником мистицизма» А. Блоком в вопросе о «старой западной культуре» с ее

уважением к личности, представленном в России лишь в высшем социальном слое «при полном варварстве в низшем» (1, с. 36–38). Выделял молодежь (А. Ремизов, С. Городницкий, М. Кузьмин), отвергающую латинский Запад и призывающую к дохристианской и варварской России (1, с. 39–41). Соглашался с А. Белым в том, что гражданская зрелость и культура отделяют человека от зверя, что мифотворчество мистиков выросло на почве индивидуализма (1, с. 43). Находясь под сильным интеллектуальным влиянием Мережковских, Философов провозглашал «новый взгляд на христианство», связанный с поисками «абсолютной правды» о Христе и «новых ответов» на «старые вопросы» (1, с. 56).

Интересны замечания публициста о ведущей теме «мистического анархизма» – вопросе о признании своего «я» как Бога, поставленном Ф. М. Достоевским, М. Штирнером, Ф. Ницше. Изгоняя любую мысль о Боге, личность начинает обожествлять самое себя, впадая в «наивное безбожие» или богоборчество (1, с. 61); человечество (в переводе – *ludskość*) переходит к самопоклонению, возникает «культ человечества», в основе которого – идея будущего «счастливого устройства человечества на земле»; человечество объявляется «бессмертным». Эта идея, как Молох, «беспощадно пожирает своих детей»: индивидуальность исчезает; поэтому только на почве религиозного сознания, по убеждению публициста, возможны поиски новой соборности, религиозной общности, основанной не на власти, а на любви (1, с. 73).

Философов вместе с Мережковскими были зачинателями Религиозно-философских собраний, которые в 1907 г. переросли в одноименное общество. Поиски соотношения светского и церковного в будущей России он изложил на исходе первой русской революции и под ее влиянием в статье «Царь-Папа»; она вошла в совместный с Мережковскими антимонархический сборник «Царь и революция» (*Filosofov 1907: 17–87*). Философов не принимал «лукавые, недосказанные статьи» В. В. Розанова, где «христология подменялась православием», «личность Христа – историческим христианством», а нападки на православие прикрывали «жестокую борьбу» с Христом (1, с. 82–83).

Не дал ответа о пути развития России «великий мятежник» и теоретик анархизма М. А. Бакунин, между «сладостью мировоззрения» которого и «горечью жизни» была такая пропасть, что его ученикам оставалось «на выбор или замереть в сладостном упокоении, или в последнем отчаянии... кидать бомбы» (1, с. 88). Не принимал Философов идеала Толстого: его «столь страшный для русской цензуры анархизм – величайшая реакция»; ограничивая «дело человека одной личной жизнью», Толстой «уперся» в отрицание не только мирского зла, но и добра, в отрицание мира и истории, в мертвый и мертвящий буддизм или в ницшеанское самообожествление (1, с. 92).

«Трезвую, сознательную любовь к западной, чисто человеческой культуре с непоколебимой верой в истину христианства» Философов

находил у П. Чаадаева, «самого умного человека России», который стоял за единую, общечеловеческую культуру в форме христианства. Чаадаев, как и Вл. Соловьев («христиане вселенские») пережил период тяготения к католицизму, но не перешел в него (1, с. 101). Дореволюционный очерк «Современное искусство и колокольня св. Марка» (1902) позитивно завершает первый раздел: «жизненность, своевременность и свобода – великое дело для искусства», оно живет и «проявляет свою силу» только тогда, когда «попадает в толпу», иначе, «как устрица и сигары, рискует стать предметом наслаждения для самого безнадёжного класса – для денежной буржуазии» (1, с. 109).

Раздел «*Неугасимая лампада*» (1912) открывает очень важная для публициста одноименная статья 1910 г., написанная в Светлое Воскресенье; мечта о прекрасном обновленном будущем России переплетена с констатацией ее неприглядной реальности¹. «В светлую ночь, когда по всей России, по всем ее градам и весям неугасимые лампы разгораются ярким пламенем веры и надежды, когда радостный колокол призывает людей к жизни и обновлению, царство призраков и теней исчезает... И, может быть, при зареве этого праздничного света проясняются наши серые, тусклые будни, с нищетой, пьянством, непролазными дорогами, невежеством и беспорядком» (1, с. 113).

¹ Статья была перепечатана в одноименном сборнике, изданном в Москве в издательстве Сытина в 1912 г., и в газете «За свободу» 2 мая 1926 г. (№ 101).

О. Коростелев называет публициста этого периода «по преимуществу даже не журналистом, а именно газетчиком» (Философов 2010: 11), обращая внимание на его особую интеллектуальную мобильность: любое событие культурной и литературной жизни России и даже Европы могло стать поводом к статье, блестяще поданной высоким литературным стилем и сочным русским языком. Обращает внимание текст публичной лекции «Друзья или враги?» (Философов 1909) – мы видим не только газетчика и журналиста, но и глубокого исследователя истории идеи «прогресса», начиная с преддверия Буржуазной революции во Франции; и идеи социализма: от первых утопистов 20–30-х гг. XIX в. до марксизма и ее возрождения «в идеях Луначарского и Горького». Предмет рассмотрения – революция как акт веры в чудо; ее итоги «ничтожны по сравнению с тем, чего от нее ждали сами революционеры». Вывод Философова очевиден: вне связи с христианством социализм, как религия, непонятен и полярно противоположен христианству: сделать людей счастливыми не на небе, а на земле. Из утопии он превращается в научное знание в форме марксизма, «порывая всякую связь» с христианством; религия марксизма – атеизм и «борьба с христианством»; в философском смысле это «борьба между человекобожеством социализма и богочеловечеством христианства». Пророчествуя, что «в далеком будущем с развитием религий человекобожества ее приверженцы могут дойти до самой предельной, непримиримой вражды к христианству», Философов ошибся лишь

в сроках (1, с. 128–129). В русской литературе «два божества русской интеллигенции» (М. Горький и Л. Андреев) «впервые натолкнулись на Бога», создавая нового «бога»; их «богостроительство» закончится великим крушением, поскольку «подлинного христианства они не знают» (1, с. 142).

Раздел «Старое и новое» (1912) включает статьи о новых направлениях в русской литературе. В поле зрения Философова «среды» В. Иванова; С. Городецкий, которому «тесно среди кликуш, истеричных, бледнолицых людей», как Васька Буслаев он — символ «возрождающегося национализма»; А. Ремизов, который выразил «скорбь современной души». Важны размышления о «загадках русской культуры», в связи с 30-летней годовщиной со дня смерти Ф. Достоевского, которому «было дано увидеть всю сложность русской и всечеловеческой культуры, почувствовать всю трагичность противоречий, заключенных в сердце человеческом» (1, с. 168–169). «Мы до Достоевского еще не доросли. Он как-то моложе нас. С бесстрашной искренностью, почти с цинизмом выворотил он перед нами свою душу, поставил ребром самые мучительные вопросы, вопросы его вечны» (1, с. 175).

«Национальность, создавшая Толстого», по мнению публициста, — «совесть современного человечества», жила даром, если создала «величайшую культурную ценность — самого Льва Толстого» (1, с. 184). Только А. П. Чехов из всех русских писателей, которые «занимались политикой, философствовали», бы-

ли «учителями жизни», оставался художником, «врачом, который помогает не столько своими знаниями, правильной постановкой диагноза, сколько совсем особенным, душевным отношением к пациенту»; «нежно любил людей» и «ничего от них не требовал». Афористичность и точность оценок Философова удивляет и восхищает — кто точнее сказал о Чехове до сих пор? В первый том вошли две статьи о Чехове: к 5-летней годовщине со дня его смерти и по поводу статей о самом Чехове, после кончины которого поднялась волна поэтических и прозаических признаний в его адрес, дискуссий и споров о его творчестве (*Букшанец* 2010). В этих спорах «вытравили его самого», сделали его произведения «социологическим материалом»; заменили живого Чехова — «чеховщиной», «вместо того, чтобы наряду с Гоголем и Тургеневым избрать его в вечные спутники» (1, с. 196).

Четвертую часть: «Отдельные статьи» («Artykuły rozproszone») составили обобщающие статьи; ее открывает статья «Национализм и декадентство» (1900), в которой поставлен вопрос о специфике национального самосознания России в то время, когда философский «восток» славянофилов догорел, а «запад» (в лице марксистов и декадентов) «еще мерцает». Ответ на этот вопрос афористичен: «России без религии — нет и быть не может»; а пока она утопает в эстетизме и индивидуализме декадентства — «болезни, которую надо перенести» (1, с. 204–205). Эту мысль продолжает рецензия на постановку пьесы Горького «На дне» (1903): борьба с Бо-

гом «есть величайшая трагедия истории человечества» (1, с. 207).

Первая русская революция обострила вопрос «искусства для искусства», вывела на сцену русской культуры молодежь. «Мир искусства» был кружком дилетантов, объединенных не программой, а темпераментом, он преследовал задачи общекультурные, интересовался и литературой, и философией, и музыкой. В полемике с А. Блоком о знаке равенства «*между поэтом и человеком*» Философов заключал: «*гений* всегда всенароден, только *талант* музеев»; для гения значителен каждый человек, поскольку «потенциально всякий человек гениален», «гениальность есть высшая точка человека» (1, с. 222). В русской литературе послереволюционных лет «все перемешалось, сбилось в один клубок, все бродит и ищет» (1, с. 228–229); социализм был «религией интеллигенции», а две господствующие социалистические партии — двумя «церквями» этой религии. В этих поисках сформировалось «беспочвенничество», отказавшееся от проповеди и критики, как это было у Белинского, Михайловского, Аполлона Григорьева. Сформировалась «шестовщина»², она «ничего не хочет», отрицает всякие ценности, «не критикует, а разлагает, не творит, а уничтожает всякое бытие» (1, с. 236).

Новым явлением в русской литературе и культуре стал сборник памфлетов с резкой критикой русской интеллигенции П. И. Карпова, «со-

знательного» крестьянина Курской губернии. «Одна из лучших вещей последнего времени» — повесть «Человек из ресторана» молодого и ироничного, с «безупречным вкусом и развитым чутьем» И. Шмелева, читать которого «в высшей степени отраднo и успокоительно» (1, с. 268). Высоко оценен Саша Черный с артистично написанным «Первым знакомством» (1912) и Д. Сологуб с пьесой «Заложники жизни», которая, как его же «Мелкий бес» и стихи, «навсегда останутся в истории русской литературы» (1, с. 277).

Новым явлением стали эго- и кубофутуристы — петербургские (И. Северянин) и московские (А. Крученых); сокрушительный анализ русского футуризма дал К. Чуковский (1, с. 283). В 1915 г. в статье «Разложение футуризма» Философов констатировал окончание его «героического периода» (1, с. 289).

Особое внимание в исторической ретроспективе в этом разделе может привлечь рецензия на книгу В. Ропшина (Б. Савинкова) «Конь бледный», «первого литературного произведения на тему революции». В 1909 г. Философов предвидел, что «автору принадлежит большое будущее»; сила романа — «в необычайном спокойствии и объективности, на которую способны только люди великой воли и большого сознания». Философов еще не знает, какую значительную роль Савинков сыграет в его жизни в первой половине 20-х гг. и какое разочарование в этом человеке его постигнет (1, с. 243–252). В целом психологическое состояние русской литературы

² Л. И. Шестов — философ, автор книги «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)». СПб., 1905.

выражено следующим афоризмом: «у нас все спорят о смысле жизни, но никто не любит ее самой по себе» (1, с. 255); оценка Философовым состояния русского искусства еще печальнее: «нет ни художественной школы, ни традиции», ни «серьезного, трезвого, культурного руководителя», только — «ребяческие выкрики»-швыркули³ (1, с. 260).

С началом Первой мировой войны «все хорошие добрые люди как-то оцепенели», в условиях одной из самых кровопролитных битв на полях Галиции Философов не видел психологической возможности «заниматься высшей критикой», но оставался оптимистом и был уверен, что «в теперешние тяжкие дни выковывается булат русской общественности, русской государственности», что «в крови и муках сегодняшней войны рождается новая Россия» (1, с. 288). Первый том завершает статья по поводу «Сборника по теории поэтического языка» (1916), все авторы которого были учениками А. А. Потебни, выдающегося лингвиста, автора многих работ о русском языке и малорусском наречии, одним из первых приступившего к изучению связи поэтического языка и мышления.

В сравнении с отечественным изданием дореволюционных работ Философова² в первом томе польского издания содержится вдвое меньше его очерков и статей, но несмотря на это, польский читатель получает возможность проследить развитие

³ «Швыркулями» в XVII в. называли штукатурные завитки на фасадах зданий. Перевод на польский язык дан метафорически: «gruzmoły» («каракули»).

литературы и духовных поисков интеллигенции Российской империи периода от Первой русской революции до начала Первой мировой войны; осознать социальные и культурологические проблемы развития русской культуры; познакомиться с комплексом взглядов незаурядного публициста.

Второй том издания — «Русский в Польше (1920–1936)», содержит 127 статей и очерков Философова в хронологическом порядке, начиная со статьи «Простые слова», опубликованной 6 августа 1920 г. в газете «Свобода», и заканчивая его последней статьей, опубликованной в журнале «Меч» 20 октября 1936 г. («Нейтральное государство и нейтральность»). Перед читателем проходят 16 лет жизни публициста, истории русской эмиграции в Польше, советско-польских отношений, истории покинутой России; это статьи, опубликованные в русских изданиях («Свобода», «За свободу», «Молва», «Меч»), польском литературно-общественном журнале «Вядомощчи Литерацке» («Wiadomości Literackie»), опубликована рукопись незаконченной статьи из личного собрания Б. Микуловской.

Задача этой подборки: «посмотреть глазами Философова на повседневную жизнь русских беженцев из советской России», понять созданный им образ русской эмиграции, основанный на опыте Великой польской эмиграции XIX века». За 16 лет (1920–1936) он написал около 600 статей на политические темы, по проблемам эмиграции, церкви, литературы и театра, опубли-

ликовал статьи мемуарного характера. В качестве Приложения дана статья Философова о Мицкевиче («Вядомошчыце літэрацке») с предисловием, в переводе и обработке Э. Скалиньской (2, с. 417–448). Даны обширный библиографический раздел, подготовленной С. Кузюр (2, с. 449–481), и именной указатель.

В Варшаве, по словам его сестры, Зинаиды Ратковой-Рожновой, родился другой Философов, но «идеалист» остался «идеалистом» (1, с. 27). Жизнь публициста тесно сплелась с жизнью Польской Республики, а в период советско-польской войны он имел все основания сказать: «у нас один враг — большевики!» (2, с. 9). К личности Ю. Пилсудского, «главе нации», начальнику государства, Философов был искренне неравнодушен, видел в нем носителя идеи возрождения польской нации. После заключения договора о перемирии, 14 октября 1920 г. в «Свободе» прозвучала от имени публициста здравница в честь «предводителя нации и польского народа» (2, с. 11).

Когда в начале 1921 г. стало ясно, что «крымская трагедия» станет окончанием Гражданской войны, или «русской Вандеи», понимая, что места в современной России белым нет, Философов считал необходимым сложить оружие. «Романтиков-монархистов» в среде военной эмиграции было немного, подавляющее большинство понимало, что возрождение старой России невозможно, как невозможно возрождение барщины; достижение единства на белом фронте было невозможно: «в одну телегу впрячь

не можно коня и трепетную лань». Русская эмиграция быстро расслоилась на группы со своими целями и идеалами. Основную часть изгнанников составляли беженцы; эмигрантов было немного, и именно они должны вести «великую и трудную культурную работу». Образцом для эмигрантов должна стать старая царская эмиграция, которая выступала против царизма, была слугой русского народа (2, с. 14–15).

Замысел составителей не предполагал включение статей Философова в русскоязычных газетах других государств Русского зарубежья и статей периода создания и последующего интернирования антисоветских формирований в Польше (1920–1922), которые могли бы расширить его образ как практического сотрудника Российского Политического комитета (РПК) и «правой руки» Б. Савинкова. Депортация видных савинковцев, включая младшего брата Бориса — Виктора, из Польши по требованию советского правительства и на основании постановления польского сейма стала сильным ударом для Философова. Последовавшая вслед за этим депортация самого Б. Савинкова, перемены в советско-польских отношениях после заключения Рижского мира в условиях политической и социальной нестабильности в Польше существенно изменили направление деятельности всех эмигрантских структур и изданий.

В новых условиях, после завершения «самого трудного и трагичного» периода для русской эмиграции, Философов заявил о «несокрушимости связи с Россией» (*Философов*

1921); проблемы русской эмиграции («вторая» Россия) и Россия советская привлекали его пристальное внимание. Как глубоко верующий человек, «бесов большевистских» и «бесов монархических» он считал явлениями одного порядка. Отсутствие общего «демократического фронта» и единой «общеевропейской политики» в отношении большевистской России можно было бы компенсировать формированием единства на платформе «третьей России», идею которой развивали Б. Савинков, ряд российских писателей и Ю. Пилсудский (2, с. 21).

В поле зрения русской эмиграции был и сложнейший национальный вопрос в молодом многонациональном государстве, и национальная политика правительств республики. Философов тактично отстранялся от оценок «внутренних дел» Польши, т.к. «поляки — хозяева в своем доме», их политика на национальных окраинах (прежде всего — в Восточной Галиции, статус которой еще не был определен. — Т. С.) «вредит им самим» (2, с. 33). Однако считал своим правом и обязанностью «отстаивать идею польско-русского сближения», поскольку Россия жива и будет жить, а власть в ней — переменная величина (2, с. 32).

Политические проблемы не отвлекли Философова от пристального слежения за развитием русской литературы, переместившейся в эмиграцию, и русскими писателями, оставшимися в России. Его эссе наполнены воспоминаниями о Белом, Блоке, Горьком, Мережковских, Брюсове и др. — всех, кого он

знал в доэмигрантский период. Эта связь времен отчетливо видна в его статьях, как путеводная нить в истории русской литературы первой трети XX в. Размышления о вопросах религии, православия в России первого десятилетия XX в., положения православия и духовенства в советской «обезумевшей» России, которую пророчил Мережковский в «Грядущем хаме», — приводили его к выводу о ее «двух душах»: западной и восточной, объединенной в своего рода «евразийской форме» (2, с. 37). Философов-западник ироничен в отношении как евразийских взглядов об особенностях ее развития, так и правого политического крыла русской эмиграции, не принявшей Рижский мир с его территориальными потерями и автокефалией Польской православной церкви. Будущее России зависит от того, сможет ли она освободиться от холопского преклонения перед Западом; лучше иметь меньшую территорию, но собственную культуру (2, с. 45). О чем бы он ни писал, он писал о России — ностальгически и проникновенно: новая книжка А. Ремизова «пахнет Россией», «сладко и приятно», как «дым Отечества» (по Грибоедову) (2, с. 41–42). Каким бы вопросом он ни занимался (смена старой орфографии на новую и т.п.), был уверен, что власть в России может смениться (2, с. 47).

В многонациональной Польской Республике вопрос о правах и культуре национальных меньшинств сохранял актуальность на протяжении всего межвоенного двадцатилетия. Философов в 1920-е гг. не мог пройти мимо этих тем, о чем свидетель-

ствуют эссе о «народе-мечтателе», создавшем «Ветхий завет», и его мечте — сионизме (2, с. 53), которая, как «неугасимая лампада» освещает многотысячелетнюю историю еврейского народа (2, с. 57–59). Публицисту очевидна и трагедия восточных земель (кресов), с ее переплетением взаимоисключающих национальных интересов, уходящих в исторические традиции; он сострадает простому народу, оказавшемуся у разбитого корыта на территории военных действий мировой войны с полностью уничтоженным народным хозяйством, которое не на что восстанавливать. Эти потери, по мнению Философова, можно возместить хотя бы улучшением правового и морального положения нацменьшинств, чтобы они стали равноправными и лояльными власти гражданами государства (2, с. 61–62).

Положение русского национального меньшинства и эмиграции он оценивает как наиболее трудное в правовом отношении, поскольку официально оно не было признано польской властью, не имело возможности формировать культурную жизнь и участвовать в становлении польского государства (2, с. 77–78). К сожалению, взвешенная национальная политика в первой половине 20-х гг. не была для польских государственных деятелей приоритетной задачей; крайние националисты в спорах с эндеками забывали об интересах самих нацменьшинств. У последних не было возможности репрезентовать свои требования в силу отсутствия единых программ и убедительного представительства в сейме. «Воинственный», «крайний» на-

ционализм, «польский шовинизм» правых националистических партий — такие термины применяет Философов, описывая эту сложную ситуацию, угрожающую «мирному развитию страны» (2, с. 62–63).

Тревога за Россию вследствие кровавого террора, развязанного комиссарами, не могла не отразиться в творчестве Философова; эта боль проступает даже в рецензиях на научное издание профессора Ш. Ашкенази «Записки» (1924). Он описывает казнь большевиками великих князей, включая Николая Михайловича, собирателя раритетов периода Александра I, издателя «Русских исторических портретов». Перечисляет имена выдающихся собирателей документов и их издателей, по терминологии Ашкенази — «великокняжеских ученых», — таких, как В. И. Семевский («Русская старина»), П. И. Бартнев («Русский архив»), С. Н. Шубинский («Исторический вестник»), директоров Императорской публичной библиотеки Н. К. Шильдера и Д. Ф. Кобеко и др.

Изучение истории в Российской империи было строго цензурировано: нельзя было писать о второй семье Александра II; Петр III и Павел I не были убиты, но скончались «внезапно»; воспоминания И. Г. Корба о путешествии в Московское княжество к Петру I были запрещены, восстание декабристов «официально не существовало» (2, с. 68–69). Мережковский за трагедию «Павел I» был привлечен к уголовной ответственности по статье 128 УК Российской империи за оказание «дерзостного неуважения к верховной власти, выраженного публично»,

ему грозила ссылка на поселение. Спас его от ссылки лишь выход в свет накануне суда книги великого князя Николая Михайловича «Александр I» (2, с. 71).

В сборник не вошли интереснейшие статьи Философова периода 1925–1926 гг., когда он во всеуслышание заявил о предательстве Б. Савинкова; искренне восторгался маршалом Пилсудским в мае 1926 г. в надежде на новый курс и процветание Польши; отстаивал интересы национальных меньшинств, включая русское. Особый интерес могли бы представить его размышления о «славянской душе», «ее сложной простоте, целомудренной стыдливости, ее страданиях» (Философов 1925а; 1925б).

Блок статей периода 1927–1932 гг., когда Философов много и ярко писал о русской и польской культуре, наполняя свои эссе воспоминаниями, открывает речь на вечере памяти «писателя-борца» М. П. Арцыбашева в мае 1927 г. с призывом не рассыпаться на «правых» и «левых», «монархистов» и «республиканцев». Статья стала предисловием к сборнику писателя «Черемуха» (2, с. 82–87); как и многие русские писатели, Арцыбашев «заболевал» то поисками Бога, то борьбой с ним; как «человек совести», был одним из немногих, кто в эмиграции не отсекся от матери-родины (2, с. 87–90). Читателю будут интересны статьи о К. Д. Бальмонте, родившемся с собственным «внутренним голосом» (2, с. 91); о творчестве Ф. К. Сологуба, в котором Философов выделил три периода: его «тихой сестры», «шумной Чеботаревской» и большевиков (2, с. 98–99); очерк-воспоминание

о Дягилеве с картинками провинциального быта Перми начала 80-х гг. XIX в. (2, с. 138–139); литературная зарисовка светского Петербурга о матери Дягилева, Е. В. Панаевой (2, с. 140–147) и др.

«Записки старого театрала» стали одной из популярных рубрик русской газеты: Философов обладал высоким художественным вкусом и чувством меры, был не просто обозревателем культурной жизни Польши, не боялся поднимать социальные и национальные проблемы. В 1924 г. был открыт восстановленный после Первой мировой войны Театр Народовы, где одной из ярких постановок стала драма польского романтика Ю. Словацкого «Мазепа» в постановке В. Драбика (2, с. 79–82). «Старый театрала» задавался вопросом о популярности произведений 30-летней давности Г. Запольской по поводу постановки ее трагифарса «Мораль пани Дульской» в постановке Е. Лещинского; рецензировал постановки в других театрах.

К личности и творчеству В. В. Розанова, с которым он тесно общался в 1896–1911 гг. — «или любил, или ненавидел» (2, с. 199), Философов возвращался не раз, в том числе — в дискуссии с переводчиком и публицистом В. Роговичем (2, с. 160–163) и по поводу доклада Ю. Чапского о Розанове в декабре 1931 г. Интересны «впечатления голя» в очерке Философова «Кантор» по поводу концерта религиозной музыки в Варшавской главной синагоге в последний день Хануки 1927 г. Первое место среди варшавских канторов Философов отводил «европейскому Шаляпину», Гершону Сироте, ко-

торый обучался в Вене, как кантор Виленской синагоги выступал перед императорской семьей. Философов отмечает в канторном пении эмоциональность, широту музыкальной интерпретации текстов и длительность молитв (2, с. 101–102).

Польша и Россия тесно связаны историческим прошлым, многие российские общественные деятели польского происхождения уехали на родину или были высланы, как А. Ледницкий — депутат Госдумы первого созыва, член ЦК партии кадетов, представитель Гражданского комитета Регентского совета в России. В Польше он стал активным публицистом, «выдающимся общественно-политическим деятелем»; в период подготовки 26-го Международного конгресса в защиту мира (Варшава) поставил вопрос о национальной идее и ее развитии (*Lednicki* 1928). Рецензируя эту книгу, Философов разделяет мысль автора о том, что разделы Польши лишили человечество того культурного наследия, которое могло быть создано польским народом; что возрождение Польши имеет общеевропейское значение (2, с. 124–125).

В сборник не вошли яркие статьи публициста о правовом положении русской эмиграции в конце 20-х гг., о «бесподданных безгосударственниках» (*Симонова* 2007); но читатель получает представление о сути и остроте споров о путях решения национального вопроса (2, с. 149–151); так, Т. Голувко, публицист, соратник Ю. Пилсудского и прометеист, считал национальную проблему более важной, чем проблему социальной справедливости (2, с. 198).

В этих условиях обострялся вопрос о бережном отношении и сохранении «духовного арсенала русской культуры» (2, с. 187), тем более что молодое поколение («дети эмиграции») в Русском зарубежье встало перед проблемой денационализации в связи с переходом к обучению на язык страны пребывания; «старикам» задумались о «сохранении кадров эмиграции», поддержке талантливой молодежи (2, с. 230).

Газета «За свободу» была закрыта 5 апреля 1932 г. в атмосфере подготовки к подписанию 25 июля польско-советского договора о ненападении. В последнем номере Философов дал своего рода отчет за все 3 717 номеров издания, сравнив себя с «рулевым на утлой лодчонке» (2, с. 204–205). С 6 апреля 1932 по 31 января 1934 г. он стоял во главе ежедневной газеты «Молва», в состав ее редколлегии входили А.И. Федоров, В.В. Бранд, С.Л. Войцеховский, Г.Г. Соколов, Е.С. Вебер-Хирьякова.

В новом издании тема правового положения эмиграции и ее культурной миссии была продолжена на основе духовного опыта Великой польской эмиграции. Для Философова стихотворение «Пилигрим» Ц. Норвида⁴ приобретало особый смысл: имея «волчий билет» (Нансеновский паспорт), с графой о «российском происхождении» и неприятием «иногo подданства» (*innej narodowości*), русский эмигрант не имел бóльшей

⁴ Философов приводит строфу из стихотворения: «Przecież i ja — ziemi tyle mam, ile jej stopa ma pokrywa, dopokąd idę...» («Однако и я — имею столько земли, сколько земли покрывает стопа моя, покада я иду!»).

земли, чем «покрывала его стопа», и, как Норвид, должен был «неустанно идти вперед, подниматься вверх», даже не будучи уверенным в том, дойдет ли до Земли Обетованной. «Почетный статус эмигранта», по Философову, необходимо было заслужить (2, с. 266–267).

Тема о роли Философова в исследовании творчества Мицкевича поставлена в специальном Приложении Э. Скалиньской (*Skalińska* 2015: 417) и требует дальнейшей разработки. Состоявшаяся 24–25 мая этого года конференция в Институте русистики Варшавского университета на тему «Мицкевич и русские» выявила ряд направлений ее развития. По словам Философова, в возрожденной Польше возрождался и Мицкевич: в декабре 1920 г. по решению сейма началось издание его собрания сочинений, благодаря чему он из божества превращался в живого человека, которому не чуждо ничто человеческое; но его имя остается знаменем свободных нации и Польши (2, с. 272–273). Нельзя исключать, что именно активная позиция польских эмигрантов давала пример активистской деятельности Российского общественного комитета и эмигрантов круга Философова (активистов); в противовес пассивистам они организовали политическую акцию «День непримиримости», считая своей «главной обязанностью» веру в будущее России и неустанный труд для его приближения (2, с. 282).

Философова глубоко ранили все проявления русофобии в польском обществе и печати; «нездорового и очень старомодного шовинизма»

(2, с. 152) в отношении русских, выброшенных в эмиграцию и раздираемых идеологическими, партийными, тактическими и личностными противоречиями. День российского инвалида Первой мировой войны (22/9 мая), по его убеждению, должен стать днем единства, когда не должно быть ни грека, ни еврея, ни правых, ни левых, ни активистов, ни пассивистов (2, с. 158).

К середине 30-х гг. произошли кардинальные перемены в Польше, в Европе, в СССР; уходила эпоха, уходило поколение Философова. Кончина сына М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде стала поводом для размышлений о творчестве забытого сатирика, близкого Свифту и Вольтеру, Толстому и Достоевскому. Его историю «Города Глупова» Философов оценил выше «Гулливера» Свифта и «Кандида» Вольтера; его язык – необыкновенно богатый, сочный, искусный и оригинальный; он будет жить, пока живет русский язык и великая русская литература (2, с. 215). С абсолютной «рыцарской» бескомпромиссностью Философов ставит на место «обвинителей» ушедшего М. Волошина – И. А. Бунина, А. Н. Бенуа, припомнив одному – службу в Осваге у А. И. Деникина; другому – службу в «Новой жизни» М. Горького. (2, с. 245–246).

Оставаясь «русским в Польше», он внимательно отслеживал события в политике и культуре России. Изучив статьи о путешествии А. Слонимского в 1932 г. в СССР («*Moja podróż do Rosji*»), с глубокой грустью пишет: «нигде так сильно не господствует ложь, насилие, тупость,

самодовольство и двуличие, как в большевистском королевстве» (2, с. 219–220). Слонимский увидел не образованную «абсолютную власть» и «новую аристократию», но просмотрел, что судьба большевиков решается в деревне с 80 % населения страны. В Ленинграде, встретившись со своим родственником, членом Союза писателей СССР, М.Л. Слонимским, основателем «Серапионовых братьев», он увидел людей «с грустными глазами» и «потухшим взглядом» (2, с. 236).

В 1933 г., когда мир разделился на две половины: «против коммунистов или с ними», «против фашистов или с ними», Филозофов предчувствовал приближение «последней борьбы». Война 1914–1918 гг. была страшной, но люди ошибаются, думая, что она закончилась, она лишь приняла новые формы; «в подземелье» уходят такие понятия, как «свобода слова» (2, с. 259); закончились 25 лет футуризма, провозглашенного в Манифесте Филиппо Томазо Маринетти в феврале 1909 г. (2, с. 263).

«Молва» была закрыта после ключевых перемен в германо- и советско-польских отношениях: 26 января 1934 г. была подписана германо-польская декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы, воспринятая в Варшаве как основа безопасности страны. В феврале-марте Польша под руководством министра иностранных дел Ю. Бека отказалась от подписания совместной с СССР декларации по Прибалтике. СССР заключил двусторонние соглашения с прибалтийскими государствами, что вынудило

Варшаву в мае продлить соглашение с СССР до 31 декабря 1945 г. В течение последующих пяти лет (с 20 мая 1934 по 27 августа 1939 г.) выходил литературно-политический еженедельник (с 21 номера – еженедельная газета) «Меч». Некоторое время должность главного редактора делили Филозофов и Мережковский; Филозофов был председателем политического отдела (В.В. Бранд, Е.С. Вебер, Г.Г. Соколов), затем передал редакторские обязанности молодежи – Бранду и Соколову. В первом номере журнала редакторы разместили программную статью «Чего хотим» с призывом к «пробуждению» и «возрождению» эмиграции, к «борьбе на широком фронте» «с коммунизмом и большевизмом» («антикоммунизм, антиматериализм, антимарксизм» (Симонова 2014). «Подготовка грядущего польско-русского сближения» отступала на второй план (2, с. 292–293). «Возрождение эмиграции» с «ослепшими и оглохшими старичками» зависело от самой эмиграции, от активной позиции молодежи в условиях катастрофического снижения культурного уровня эмиграции, уважения к русскому языку в эмигрантской печати. Как и Мицкевич в свое время, Филозофов провозгласил необходимость создания Ордена рыцарей – бескомпромиссных служителей Богу, глашатаев правды, врагов «оффенбаховщины» и «кабарежного юмора» (2, с. 305–308). В 1936 г. он провозгласит себя рыцарем «спящей царевны» – России (2, с. 410–411).

Филозофов осмысливал и психологию эмиграции: «каждый эмигрант» – «раненый человек» и имеет свою духовную травму; в этом

аспекте польским специалистам-филологам и историкам будет интересен спор публициста с Мережковским о духовном и культурном состоянии русской эмиграции, рассыпавшейся по странам: «парижская», «пражская», «варшавская». И чем ближе к границам России — тем выше требования «активизма», которые почти не слышны в Париже. Философов мечтал об идеологическом возрождении и активизации эмиграции, которая научилась бы объективно оценивать происходящее в России после поражения Белой борьбы. Русская эмиграция первой волны стремилась сохранить признаки национальной идентичности и национального единства, создавая общеэмигрантские проекты: Дни русской культуры, Татьянин день (День русских студентов); празднования юбилеев Петра Первого, Л. Толстого, А. Пушкина и др. деятелей истории и культуры; другие акции. Философов уделял им много внимания, предлагал меры по развитию этих мероприятий на новом уровне: выставки старообрядческих и икон нового письма, собранных в Польше, и пр. (2, с. 385).

Религиозное состояние современной ему России и русских за рубежом, состояние церквей и их взаимные претензии — все вызывало его тревогу и грусть (2, с. 315). «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. заставила Философова, как эмигранта «на обочине жизни» и потому — объективно воспринимающего действительность, поставить в один ряд рост антисемитизма в Европе и польском обществе с последствиями коллективизации в России, где миллионы остались «голы, босы и голодны».

Наступало время смещения нравственных ценностей: «категорический императив» И. Канта исчезал, ему на смену шли «грабь награбленное» и «все позволено». Большевики, по его убеждению, уничтожают «буржуазную интеллигенцию» теми же методами, как немецкие расисты — евреев; все это неизбежно приведет к уничтожению прав человека и гражданина (2, с. 348).

Убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. стало предметом для размышлений о характере власти в СССР, о психологии старшего поколения, не выдерживающего «17-летнего сверхнапряжения сил», и молодого поколения, «разочарованного» в «режиме» (2, с. 358–359). Философов видит ослабление власти в СССР, попытки «затянуть гайки», растущее «чувство поражения»; задается вопросом: «почему так плачевны результаты коммунистического строя?» Россия, ранее кормившая Европу, теперь не в состоянии прокормить сама себя: введены карточки на продукты питания. Ссылаясь на авторитетных русских экономистов-эмигрантов, таких, как С. Прокопович, издатель «Русского экономического вестника» и других экономических изданий⁵, повторяет, что «народ устал», а власть призывает к дальнейшему героизму, поэтому «старый плут и лицемер» Горький пишет о «состоянии войны», что «врага нужно обнаруживать сразу» (2, с. 362). В мечтах публицист видел пост-

⁵ Автор статьи, изданной в СССР с предисловием советского экономиста С. Струмилина в 1930 г.: *Прокопович С. Н.* Народный доход в западноевропейских странах. М.; Л., 1930.

большевистскую Россию «Божьим Царством» с мирным и дружным сосуществованием всех народов, объединенных культурным единством — «идеей Пушкина», вопреки идеям «народа-Богоносца» или «Св. Владимира» (2, с. 390–391).

В Европе вырос новый «Тамерлан, вооруженный танками и боевыми газами», очень далекий от духовной культуры, опирающийся на «болезненный национализм Германии». Новое поколение сформировалось в условиях неуважения к закону, государственного диктата во всех сферах общественной, экономической и человеческой жизни. Человек нового поколения верит в силу, а не в закон; вожди и диктаторы ему более понятны, чем т.н. «правовое государство», для них — фантазматория (2, с. 402). Как христианин, Философов не видит в такой ситуации ничего нового: Св. Августин скончался в V в. во время набега вандалов на Северную Африку, и каталог человеческих несчастий с того момента не расширился; однако общее «одичание» мира крайне небезопасно, поскольку без Бога человек становится «животным» (2, с. 403–404).

В последних статьях 1936 г. Философов задумался о возможности «золотой середины» между фашизмом и коммунизмом: «святом праве» нейтральности, «правде третьего фронта», «как пожарить телячью котлету, не забывая телянку» (2, с. 414–415). Государственный переворот в Испании в июле 1936 г. и начавшаяся там гражданская война показали современникам неизбежным итогом хрупкого Версальского

мира, угрожавшим всей Европе; «классическая военная» война тогда еще казалась маловероятной (2, с. 416). Следующий разговор Философова с читателем не состоялся...

Значение наследия Философова для польской культуры выходит за рамки истории межвоенного периода; по мнению П. Митцнера, основание и деятельность послевоенного польского издательства «Литературный Институт» и ежемесячного эмигрантского польскоязычного журнала «Культура» их создателем Е. Гедройцем, входившим в круг общения Философова, было вдохновлено и идеями русского эмигранта (1, с. 9).

«Избранные сочинения» Философова представляют собой первое издание наиболее важных для польского читателя работ в разделе «Польская литература и культура», аналогов которым пока нет в российской историографии. Его личность многогранна и неотделима от истории советско-польских отношений межвоенного периода, истории русской эмиграции и культуры. Творчество и жизнь публициста значительно глубже исследовано в польской историографии; отечественная историография межвоенного периода пока не приняла русского эмигранта в качестве любимого героя; его жизнь и творчество требуют дополнительного исследования с привлечением документов российских архивов. Польское издание, несомненно, подтолкнет полонистов — историков, культурологов, эмигрантологов к мысли о создании полного собрания работ Философова периода его эмиграции.

Издание осуществлено с большим профессиональным мастерством и любовью к личности Философова, уважением к его культурно-исторической концепции. Польский читатель снабжен отличным инструментарием: большим количеством комментариев, разъясняющих особенности исторического фона и публицистики автора; ссылками на использованные Философовым и его современниками работы и исследования; биографическими и библиографическими ссылками. Все это насыщает пространство издания ароматом эпохи, делает его многомерным и многозвучным.

Переводить Философова на иностранный язык чрезвычайно сложно: его речь афористична, образна, насыщена прямыми и скрытыми цитатами из классиков и современников – историков, философов, социологов, литераторов, писателей и поэтов... Оставаясь русским публицистом, Философов щедро дарит читателю пословицы и поговорки, специальные термины и жаргонные слова, отсутствующие в польском языке. Удачно, на наш взгляд, переведено слово «соборность» оборотом «społeczeństwo wspólnotowe» (1, с. 66.), или «общество сообщества»; выражение «соборная связь» как «związek wspólnotowy» (1, с. 66); «религиозная соборность» – «wspólnotowość religijna» (1, с. 70); «истинная соборность» – «prawdziwa wspólnotowość» (1, с. 73).

Не обошлось без некоторого смещения смыслов: словосочетание «культ человечества» (как «один из самых жестоких культов», который имеет «своих мучеников», «своих святых»

(1, с. 60)) переведено термином «człowieczeństwo» (как комплекс позитивных человеческих черт, «гуманность», «человечность»⁶). Неточность перевода искажает мысль Философова, указавшего на анти-святых и антимучеников «культы человечества», устранившего всякую мысль о Боге; в польском переводе антисвятые превратились в истинных святых культа «гуманности» и «человечества».

Трудности перевода привели к непониманию словосочетания «белое духовенство», которое в сноске объяснено как «духовное лицо, не заключающее брак» (1, с. 77), что прямо противоположно действительности. В том же предложении упомянуто выражение «черное духовенство» (монахи), которое не получило никакого объяснения и которое в последнем словаре Е. Федюкиной обозначено как «duchowieństwo zakonne» (Fedjukina 2014: 257). Есть неточные переводы со старославянского, в частности, слово «трус» (землетрясение) переведено медицинским термином «febra» (лихорадка).

По непонятной причине из перевода статьи о книге Розанова исчезает остроумный поэт, герой комедии Ж.-Б. Мольера «Ученые женщины» («Смешные жеманницы») Трисотэн: «Трисотэны всех толков, конечно, найдут много “ошибок” и неловкостей в стиле Розанова...» (1, с. 74). Вместо имени читателю оставлено

⁶ Człowieczeństwo: «naturaludzka, istotniepozytywnecechyczłowieka» // Słownikjęzykapolskiego. URL: sjp.pwn.pl/sjp/czlowieczestwo;2450622.html (дата обращения: 16.03.2018).

лишь наречие «wielu» — «многие». Невозможно пройти мимо фигуры репрессированного наркома земледелия и первого заместителя председателя Совнаркома в 1923–1928 гг. Алексея Петровича Смирнова, о трагической судьбе которого пишет Философов. Составители ошибочно дают биографическую ссылку на также репрессированного, но Петра Алексеевича Смирнова⁷ (2, с. 357).

Несмотря на некоторые недочеты, настоящее издание возмещает потерю от утраты переведенного на польский язык сборника статей русского публициста по проекту Е. Стемповского почти 80 лет назад; скорее всего, он был утрачен во время Варшавского восстания в 1944 г. (1, с. 9). Издание двухтомника стало значительным событием на пути польско-российского культурного сотрудничества. 1 ноября 1921 г., почти 97 лет назад, Философов предвидел, что исчезнут коммунисты и в России, и в Польше, и тогда «друзья-поляки», может быть, вспомнят о нас и поймут, что польско-российская дружба — необходимое условие благополучия двух народов (1, с. 18).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Букшанец 2010 — *Букшанец Л. Е.* Чехов — писатель русского Апокалипсиса? // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4. С. 162–172.

Симонова 2007 — *Симонова Т. М.* «Мы бесподанные безгосударственники...»:

⁷ Участник Гражданской войны, член РВС с 1931 г., начальник политуправления Ленинградского военного округа (1935–1937), заместитель наркома обороны СССР, член правительства с 1937 г., расстрелян в 1938 г.

россияне в межвоенной Польше // *Родина*. 2007. № 2. С. 75–81.

Симонова 2014 — *Симонова Т. М.* Дмитрий Философов в эмиграции: диалог культур и практика борьбы // *Sztuka Europy Wschodniej / Искусство Восточной Европы: Polska — Rosja. Sztuka i Historia / Польша — Россия. Искусство и История*. Т. 2. *Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX–XXI wieku / Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты XX–XXI веков*. Т. 2. Торунь, Варшава (Toruń, Warszawa), 2014. С. 381–390.

Философов 1909 — *Философов Д. В.* Друзья или враги? Лекция, прочитанная в пользу «Общества народных университетов» // *Русская мысль*. 1909. № 8. С. 120–147.

Философов 1921 — *Философов Д. В.* Небольшие итоги // *Свобода*. 1921. 30 октября. № 258.

Философов 1925а — *Философов Д. В.* Славянская душа. О комедии С. Жеромского «Улетела моя пташечка» в Национальном театре // *За свободу*. 08 марта. 1925. № 63.

Философов 1925б — *Философов Д. В.* Славянская душа. Профессор Марьян Здзеховский // *За свободу*. 1925. 06 апреля. № 93.

Философов 2004 — *Философов Д. В.* Загадки русской культуры / сост. и примеч. Т. Ф. Прокопова. М., 2004.

Философов 2010 — *Философов Д. В.* Критические статьи и заметки (1899–1916) / предисл., сост. и примеч. О. А. Коростелева. М., 2010.

Fediukina 2014 — *Fediukina H.* Leksykon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski. Z cytatami z tekstów Biblijnych. Warszawa, 2014.

Filosofov 1907 — *Filosofov D.* Le Tsar Pape // *Merejkovski D., Hippus Z., Philosophoff D.* Le Tzaret et Revolution. Paris, 1907.

Lednicki 1928 — *Lednicki A.* L'idée nationale et son évolution: à l'occasion du 26-ème

Congrès International de la Paix réuni à Varsovie le juin 1928. Warszawa, 1928.

Skalińska²⁰¹⁵ — Skalińska E. Filozofow jako mickiewiczolog? // Dymitr Filozofow.

Pisma wybrane / Wybór i opracowanie: P. Mitzner. T. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936). Warszawa, 2015. S. 417–421.

Rev: Dymitri Filozofow. Pisma wybrane / Wybór i opracowanie: P. Mitzner. Vol. 1: Trudna Rosja (1902–1916). 299 p.; Vol. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936). 510 p. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015.

Simonova Tat'yana M. — Ph.D. in history, independent researcher (Moscow)

Key words: D. V. Filozofov, “Mir iskusstva”, Russian emigration, emigration in Poland, “activism”.

Abstract. The review is devoted to the publication of selected articles and essays by D. V. Filozofov of the period 1902–1936 in 2 volumes, translated into Polish.

REFERENCES

Bukshanets L. E. Chekhov — pisatel' ruskogo Apokalipsisa? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 4, p. 162–172.

Fediukina H. *Leksykon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski. Z cytarami z tekstów Biblijnych.* Warszawa, 2014.

Filozofov D. V. Druz'ia ili vragi? Lektsiia, pročitannaia v pol'zu “Obshchestva narodnykh universitetov”. *Russkaia mysl'*, 1909, no. 8, p. 120–147.

Filozofov D. V. *Kriticheskie stat'i i zametki (1899–1916)*, predisl., sost. i primech. O. A. Korosteleva. Moscow, 2010.

Filozofov D. V. Nebol'shie itogi. *Svoboda*, 1921, 30 oktjabria, no. 258.

Filozofov D. V. Slavianskaia dusha. O komedii S. Zheromskogo “Uletela moia ptashechka” v Natsional'nom teatre. *Za svobodu*, 08 marta, 1925, no. 63.

Filozofov D. V. Slavianskaia dusha. Professor Mar'ian Zdzekhovskii. *Za svobodu*, 1925, 06 aprelia, no. 93.

Filozofov D. V. *Zagadki russoi kul'tury*, sost. i primech. T. F. Prokopova. Moscow, 2004.

Filozofov D. Le Tsar Pape. Merejkovski D., Hippus Z., Philosophoff D. *Le Tzaret et Revolution.* Paris, 1907.

Lednicki A. *Lidée nationale et son évolution: à l'occasion du 26-ème Congrès International de la Paix réuni à Varsovie le juin 1928.* Warszawa, 1928.

Simonova T. M. Dmitrii Filozofov v emigratsii: dialog kul'tur i praktika bor'by. *Sztuka Europy Wschodniej / Iskustvo Vostochnoi Evropy: Polska — Rosja. Sztukai Historia / Pol'sha — Rossiia. Iskustvo i Istoriia.* Vol. 2. Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX–XXI wieku / Pol'skoe iskustvo, rossiiskoe iskustvo i pol'sko-rossiiskie khudozhestvennye kontakty XX–XXI vekov. Vol. 2. Torun', Varshava (Toruń, Warszawa), 2014, p. 381–390.

Simonova T. M. “My bespodannye bezgosudarstvenniki...”: rossiiane v mezhvoennoi Pol'she. *Rodina*, 2007, no. 2, p. 75–81.

Skalińska E. Filozofow jako mickiewiczolog? *Dymitr Filozofow. Pisma wybrane, Wybór i opracowanie: P. Mitzner.* Vol. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936). Warszawa, 2015, p. 417–421.

А. А. Тесля

ЛИЦА И НОРМЫ: РОССИЙСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ И СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ

Рец.: *Почекаев Р. Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Туркестан, национальные окраины, местная власть, методы управления, правовые основы управления.

Аннотация. Рецензируется работа о методах управления властями Российской империи Центральной Азией.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-183-187

Рассматриваемая работа фактически представляет из себя серию очерков по истории политики Российской империи в Центральной Азии в XVIII — начале XX в., причем сконцентрированность внимания на фигурах наиболее деятельных

и (или) долговременных губернаторов (генерал-губернаторов и военных губернаторов) позволяет автору сосредоточиться на интересующих его аспектах, без претензий на полноту. Хронологические рамки работы охватывают очень широкий период начиная с момента удовлетворения в 1731 г. прошения хана Младшего жуза (союза племен Западного Казахстана) Абулхайра о принятии его в российское подданство и вплоть до событий, развернувшихся в Центральной Азии в ближайшие

© Тесля А. А., 2018

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

месяцы, последовавшие за крушением Российской империи. Акцент на «личном факторе», помещение его в фокус рассмотрения в длинной исторической перспективе весьма плодотворен и призван восполнить существующую в современной имперской историографии лауну. Ведь одной из характерных особенностей «старого режима» являлась именно роль личного фактора в политике и управлении. На протяжении XIX – начала XX вв. значение этого фактора снижалось, в особенности в центральных областях империи, по мере того, как возникал и развивался бюрократический аппарат и управление все более институционализировалось, т.е. на смену персонифицированному господству (и роли губернатора как представителя монарха) приходило господство анонимное. Но для периферийных районов империи и областей колониальной экспансии личностный фактор оставался весьма значимым вплоть до последних десятилетий империи, поскольку здесь институциональные формы господства выстраиваются позднее и носят гораздо более ограниченный характер. В данном отношении автор рассматриваемого исследования вполне последователен, сосредотачиваясь на деятельности тех из первых лиц провинциальной администрации, что находились на «переднем рубеже», и двигаясь при этом от генерал-губернаторства к генерал-губернаторству по мере того, как империя продвигалась на юг – от Западной Сибири к Туркестану. Такой подход кажется обоснованным, поскольку именно эти администраторы наделялись наибольшей шириной полномочий, юридически или фактически,

по условиям своей деятельности, и, с другой стороны, на эти посты назначались преимущественно лица, способные к личной инициативе, поскольку последняя являлась в данном случае необходимым условием удовлетворительного исполнения своих должностных обязанностей.

В то же время историческое описание, предпринятое автором, в целом демонстрирует большую зависимость от дореволюционной и – в меньшей степени – от советской (начиная с 1940-х гг.) историографии – Почекаев, как правило, обращается к логике «государственного интереса», оценивает деятельность своих героев (с российской, а иногда и с иных сторон, участвовавших в событиях) с позиций достижения имперских целей и задач, при этом далеко не всегда историзируя последние. Примером такого рода служит оценка автором политики как центральных, так и местных властей в отношении поощрения распространения ислама в степи. Так, Почекаев пишет: «...как и в случае с реформой системы высших органов власти, здесь следует видеть поэтапные преобразования правовой сферы: сначала традиционное казахское право постепенно вытеснялось чуждым (однако не незнакомым казахам) мусульманским правом, когда же в результате этой деятельности позиции обычного права и суда биев на его основе оказались существенно поколебленными, российская администрация ввела в Казахстане в действие уже нормы имперского права, еще больше сблизив казахов с населением “европейских” регионов России» (с. 135). Нам представляется, что данное суждение сомнительно

по своей конструкции, ведь остается непонятым, что именно описывается: «объективная логика» процесса или же логика самих властей, однако предположить первый вариант интерпретации не дает то обстоятельство, что свое суждение Почекаев противопоставляет приводимым им выше (с. 134–135) суждениям предшествующих исследователей, отмечавших недостаточную информированность российских властей, в особенности центральных, о степени проникновения норм шариата в казахское общество. Причем, имея в качестве собственных информантов в первую очередь представителей мусульманского духовенства, власти во многом воспринимали оптику последних.

Собственно, мы бы не сочли нужным столь подробно останавливаться на данном сюжете, если бы он не характеризовал, на наш взгляд, работу в целом. Поскольку последняя, согласно заглавию, сосредоточена на выявлении роли личностного фактора в правовой политике, то присущее автору последовательное неотделение роли губернатора от его администрации, довольно слабое внимание к личностям самих губернаторов и ханов, характеризующих лишь самым кратким образом, вызывает некоторое недоумение. Работа оказывается в неудобном промежутке — между систематическим описанием истории российского овладения Центральной Азией и серией очерков, посвященных конкретным персонажам, и именно эта промежуточность становится ее слабостью: в итоге она оказывается слишком отрывочной для систематического описания и лишенной конкретно-

сти, «плотности» действующих лиц, если оценивать ее по другим меркам. Так, неоднократно отзываясь о большом, принципиальном для последующей истории Казахстана значении преобразований О.А. Игельстрома второй половины 1780-х, автор не только не дает сколько-нибудь подробной характеристики последних, но и подчеркивает их неудачу, преждевременность подобного рода реформ — со всеми этими суждениями можно согласиться, но без знания читателем контекста они «повисают в воздухе», более того, остается без рассмотрения весьма любопытный с исторической точки зрения вопрос — о преобразующем характере реформ, не достигших поставленных целей, и о том, насколько процесс реформирования, который можно охарактеризовать как неудачный, оказывается преобразующим для данного общества.

Уже отмеченная выше «очерковость» работы имеет, однако, и свои большие достоинства — так, особый интерес представляет § 2 гл. IV, посвященный взаимоотношениям оренбургского военного губернатора и в дальнейшем генерал-губернатора В.А. Перовского с ханом Букеевского ханства Джангиром и его наследством. Согласно анализу, проведенному Почекаевым, перед нами в имперском плане предстает ситуация, отличающаяся любопытной симметрией: и Перовский, и Джангир во многом являются «исключением из правил», пользуясь личным покровительством императора Николая Павловича; и при этом они оказываются конкурентами, поскольку логика осуществляемой каждым из них политики

прямо противоречила логике действий второго. Перовский, стремившийся к осуществлению активной колониальной политики и распространению современного российского управления на казахские территории, противостоял хану Джангиру, европеизированному правителю, пользовавшемуся личной симпатией государя — и за счет своей европеизированности добивавшегося достаточно широкой автономии в управлении своим ханством, первоначально созданным с прямо противоположными целями, а именно призванным скорее стать «опытным пространством» по включению казахов в относительно единообразные управленческие структуры империи. В конечном счете Перовскому удается взять верх — если не над самим Джангиром, скончавшимся в 1845 г., то над его наследником, которого фактически не допустили до вступления на престол, и автономное ханство в скором времени было интегрировано в существовавшую общую имперскую администрацию. Сам случай весьма показателен, в том числе и потому, что позволяет выявить роль т. н. «исламизации» как другого пути в современность: хотя автор специально не останавливается на этом, но все же отмечает, например, что хан Младшего жуза Арингази (не признанный Российской империей) укреплял свою власть, демонстрируя «ревностное следование нормам шариата» (с. 158), вводя мусульманское налогообложение и т. д.; хан Джангир, стремясь обеспечить прочность своего автономного ханства, аналогично оказывается деятельным проводником мусульманских норм в жизнь своих подданных — при этом он пытался выстроить новые основа-

ния для ханской власти, приблизить ее к государственной.

Весьма любопытно и неоднократно отмечаемое автором влияние практик управляемого населения на административные практики вопреки их модернизаторской логике — так, если губернское управление было построено на принципах территориальности власти, то конфликт между астраханским и оренбургским генерал-губернаторствами из-за Букеевской орды продемонстрировал всю сложность применения этого принципа. Ведь, проживая территориально в границах полномочий астраханского генерал-губернатора, казахи этой орды считались и считали сами себя частью Младшего жуза, находившегося под контролем оренбургского генерал-губернаторства, при этом хан Букей в течение десяти лет оставался председателем ханского совета Младшего жуза. Исходя из такого положения вещей, оренбургские губернские власти настаивали на своих административных правах в отношении Букеевской орды, и этот вопрос неоднократно становился предметом их конфронтации с астраханской администрацией, получая на протяжении десятилетий разнообразные, но неизменно компромиссные решения (с. 177 и сл.).

Правовая политика Российской империи в Центральной Азии находит свое яркое проявление в статусе Бухарского эмирата и Хивинского ханства после их завоевания в 1873 г. — в юридическом плане положение этих государств относительно империи оставалось практически не оформленным, в том числе и с целью

избежать дипломатических осложнений с европейскими державами, в первую очередь — с Великобританией, обеспокоенной российской экспансией на юг. В подобном положении эмират и ханство пребывали вплоть до 1917 г. — однако, что еще более любопытно, неясность правового статуса теперь уже местного населения всего Туркестана оказалась в фокусе внимания после крушения империи и установления власти Временного правительства. Хотя в первых же актах Временного правительства были заявлены многочисленные реформы в империи, оно, как отмечает исследователь, «совершенно не планировало реализовывать их на национальных окраинах» (с. 316). Однако существующий юридический инструментарий не позволял эффективно ограничить сферу действия этих деклараций — так что последнему генерал-губернатору Туркестана генералу А.Н. Куропаткину пришлось импровизировать в данном им «разъяснении», указывая, что «заявление Временного прави-

тельства “о даровании гражданского равноправия” не имеет отношения к местному мусульманскому населению», поскольку последнее «не несет воинской повинности» (с. 317); тем самым приходят на память античные принципы гражданства.

Таким образом, новое исследование Р.Ю. Почекаева представляет существенный интерес не только с точки зрения исследований политики Российской империи на ее окраинах и вопросов взаимодействия местных центров власти с имперской администрацией, но и для понимания общих проблем устройства российского политического и правового пространства, соотношения юридических норм и реальных практик, а также специфического статуса юридических норм, далеко не всегда предназначенных для непосредственного осуществления, равно как и обращенных отнюдь не в каждом случае к тем лицам, которые формально подпадали под их действие.

PERSONS AND NORMS: THE RUSSIAN GENERAL-GOVERNORS IN THE IMPERIAL POLICY AND THE MANAGEMENT SYSTEM OF CENTRAL ASIA

Rev.: Pochekaev R.Iu. Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII — nachalo XX v. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017. 384 p.

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

Key words: Russian Empire, Central Asia, Turkestan, national areas, local authorities, management methods, legal bases of management.

Abstract. The study on the methods of governing of Central Asia by the authorities of the Russian Empire is reviewed.

С. Ф. Ударцев

АНАРХИЗМ В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рец.: *Талеров П. И.* Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860–1920-е гг. СПб.: Институт иностранных языков, 2016. 460 с.

Ключевые слова: Российская империя, революционное движение, анархизм, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин.

Аннотация. Рецензируемая работа посвящена идеологии и политической практике классического анархизма в российском революционном движении.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-188-197

Монография П. И. Талерова – результат его многолетнего изучения истории российского анархизма, его видных деятелей и идеологов. Автор широко известен в России и за ее пределами как исследователь, подготовивший и издавший в последние полтора десятилетия серию крупных фундаментальных работ, создающих источниковую основу для более углубленного и всестороннего исследования анархизма как неоднозначного социально-политического явления. К таким крупным предшествующим работам можно отнести: подготовленную им совместно с доктором исторических наук В. Д. Ермаковым наиболее полную на сегодня библиографию по анархизму, включающую 8 350 единиц литературы (с дополнениями – больше) и ряд ценных указателей (*Ермаков, Талеров 2007*); состав-

ленные и изданные им совместно с доктором политических наук А. А. Ширинянцем избранные труды М. А. Бакунина (*Бакунин 2010*) и П. А. Кропоткина (*Кропоткин 2010*) (с его обширными комментариями); составленные и изданные им антологии, посвященные осмыслению деятельности и творчества М. А. Бакунина (*М. А. Бакунин 2015*) и феномена анархизма (*Анархизм 2016*) в литературе. Как большой знаток истории анархизма и литературы о нем, П. И. Талеров, естественно, поставил себе крупные задачи по обобщению истории этого направления освободительного движения в России и его идеологии.

Феномен анархизма, и прежде всего движение анархизма, его идеи в различных сферах общественной жизни, его СМИ рассмотрены в работе многоаспектно. Сам автор признается, что книга «явилась плодом длительных исследований и долгих размышлений о смысле нашего бытия» (с. 9). Иначе и невозможно осмыс-

© Ударцев С. Ф., 2018

Ударцев Сергей Федорович – доктор юридических наук, профессор, Университет КАЗГЮУ им. М. С. Нарикбаева (г. Астана, Республика Казахстан); sudartsev@mail.ru

ливать явление, которое существует тысячелетия, при этом эволюционируя, развиваясь и приспосабливаясь к новым историческим условиям. Учитывая многогранность анархизма, его эволюцию, часто нетождественность идеологии анархизма его практике, маскировку под идеи анархизма порой лиц и групп, не имеющих к его идеям отношения, автор справедливо замечает, что «анархизм трудно определить однозначно и раз и навсегда» (с. 215).

Хотелось бы обратить внимание на фундаментальный характер идей и теорий, затрагиваемых в рецензируемой работе, связанных с государством, властью и собственностью, для эволюции общественного сознания.

Явление анархизма не менее двух с половиной тысяч лет инициирует и воспроизводит в общественном сознании определенные темы, теории, идеи, которые так или иначе воспроизводят и отражают определенные черты реальности. Критика анархизмом государственности демонстрирует не только заблуждения отдельных представителей этого типа сознания, но и вскрывает реальные проблемы в политике, политической жизни, в государстве, его формах и проявлениях, незащищенность и нарушение в различных ситуациях прав и свобод человека.

Государство, как и все социально-политические институты, — форма организации общественных сил и интересов, концентрации и перераспределения общественных ресурсов, средство ускорения или торможения определенных общественных про-

цессов и форм жизни, деятельность которого может быть наполнена разным содержанием и способна служить разным политическим целям. В истории государство творило мир и вело войны, защищало людей и уничтожало их в газовых камерах и крематориях концлагерей, организовывало здравоохранение и уничтожало людей в массовых репрессиях и огне атомных и иных бомбардировок. Однако в ходе исторического развития человечество создавало ряд механизмов и доктрин для сдерживания негативного потенциала государства, для ограничения возможности попадания государства в руки представителей зла, а также для стимулирования позитивного потенциала в деятельности государства и сближения этого института с силами добра. Однако до решения всех этих проблем еще очень далеко.

Как составная часть критического мышления разных периодов, анархическая критика, накапливая в общественном сознании определенный критический материал, проверяемый и фильтруемый из поколения в поколение, предупреждала о некоторых проблемах и опасностях бесконтрольной неограниченной власти и объективно содействовала ее эволюции в сторону более цивилизованных, гуманных форм, расширению защиты прав человека и гражданина.

Анархизм как система идей и определенной политической психологии подпитывается социально-экономическими, политическими, правовыми и культурными условиями жизни прежде всего неустойчивых социальных групп, носителей этих идей.

Этому сложному объекту исследования и посвящена работа П. И. Талерова. Несовершенство общества, по мнению автора, определяет то, что «нереально в ближайшей перспективе говорить об исчерпанности или банкротстве анархистских идей (даже при известной их несбыточности)...» (с. 11). Видимо, учитывая тысячелетия существования и эволюции этих идей, о полном их исчезновении нереально говорить и в более отдаленной перспективе. При этом автор обращает внимание и на то, что в России громадная территория страны, исторически затруднявшая государственное управление и контроль, издревле создавала объективные предпосылки для развития самоуправления и самодеятельности для отдаленных регионов (см. с. 11). Это же предопределяло необходимость более сильной власти и более жесткого политического режима для сохранения управляемости и защиты громадной территории. А это, в свою очередь, опять же подпитывало критическую политическую мысль и ее радикальные формы.

Автор обращает внимание на некоторые трудности исследования анархизма до 1917 г.: почти полное отсутствие делопроизводства (чтобы не создавать обязательных для исполнения документов, ограничивающих, по их мнению, свободный обмен суждениями, взглядами); первоначальная расплывчатость идей анархизма по разным оппозиционным течениям и их дальнейшая эволюция; гонения, конфискации тиражей изданий, цензура в условиях царской России; нередкое смешение идеологии анархизма

с анархистствующими, хулиганствующими лицами и группами; наличие двух постоянно пересекающихся потоков в российском анархизме — отечественного и эмигрантского; противоречия между мотивацией практических действий анархистов и анархической доктриной, что нередко создавало личностные коллизии в анархистском движении (с. 15–16). Подробно рассматриваются и трудности изучения, фальсификации, деформации восприятия критических идей в условиях тоталитарного государства и репрессий в отношении всех оппозиционных течений. При этом выделяются глубокие и творческие работы исследователей, в том числе в советский период, особенно критическое переосмысление истории революционного движения и анархизма в последнее десятилетие существования СССР. Что касается современных исследователей, автор справедливо отмечает, что, наряду с интересными, глубокими работами, нередко появляются поверхностные статьи и диссертации, свидетельствующие о незнакомстве их авторов с содержательной частью исследований предшественников, архивами, многими первоисточниками, не использующие специализированные научные справочные и обобщающие издания (см. с. 18–19). «Вместе с тем, — справедливо замечает П. И. Талеров, — изучение такого колоритного социально-политического и культурологического явления, каким является анархизм, в современной России должно быть не просто увлечением отдельных дилетантов и энтузиастов, а вполне *последовательной, систематизированной, напряженной* работой ученых

и научных коллективов разносторонней профессиональной специализации» (с. 20). Это необходимо не только потому, что без данного компонента не будет полной история освободительного движения и история мысли в России и в мире, но и потому, что «вопросы взаимоотношения государства и общества, социума и личности, власти и свободы, порядка и хаоса, которых так или иначе касаются анархистские теории, продолжают оставаться *актуальными*, создают известные трудности на пути развития цивилизации, и вряд ли есть легкие, простые и быстрые рецепты их перспективного решения» (с. 20). Автор отмечает в последнее время возрастание интереса к изучению феномена российского анархизма (с. 20–21).

Касаясь влияния анархизма на народническое движение в России, автор отмечает, что к причинам антиэтатизма первых народников можно отнести: национальные корни, влияние революционных западноевропейских стран, проникновение в Россию анархистских теорий Прудона, Штирнера и Бакунина, а также нарастание внутри страны социально-политического кризиса и недовольства половинчатыми и непоследовательными реформами российского самодержавия (с. 33).

Проследивая противодействие царского правительства распространению анархистских идей, П.И. Талеров отмечает, что в построении и эволюции цензуры, а также в отношениях власти и печатных изданий Россия во многом повторила с некоторым опоздани-

ем путь, пройденный европейскими странами: от ответственности цензора к ответственности издателя (к карательной цензуре) (с. 37, 49). При этом «правительство самодержавия, крайне чувствительное в отношении *экспрессивной* (оценочной) функции печати, было очень заинтересовано в позитивной оценке своей деятельности и потому, используя цензуру и другие способы подавления, пыталось наряду с устранением негативных оценок всячески преувеличивать свое положительное значение, создавая льготный режим лояльной прессе, учреждая официозную печать, прибегая к отдельным *инспирациям*» (с. 49).

В книге имеется содержательный очерк эволюции воззрений М.А. Бакунина. Автор отмечает ряд важных биографических моментов этой эволюции, подчеркивая позитивную роль знакомства с А.И. Герценом, а также «неизгладимый след» в судьбе революционера от конфликта в 1848 г. с К. Марксом в связи с публикацией тем ложного слуха о Бакунине как шпионе царского правительства (см. с. 56, 85).

На основании обширной библиографии воспоминаний о Бакунине, которую начинали составлять еще его биографы Н.М. Пирумова и В.И. Сысоев, продолженной автором книги и включающей около ста авторов воспоминаний, П.И. Талеров обращает внимание на некоторые малоизвестные или забытые страницы истории жизни великого бунтаря. Приводится много интересных и оригинальных суждений современников

об этой выдающейся личности. В частности, интересные воспоминания Н. Г. Чернышевского о создании и переписывании И. С. Тургеневым образа главного героя в романе «Рудин», который должен был воссоздать образ М. А. Бакунина — его друга юности (с. 107–108). Приводятся интересные высказывания первого президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика (см. с. 127–131), обратившего внимание, в частности, на важный компонент воззрений Бакунина — на убеждение, что ключ к общественным изменениям во многом лежит в общественном сознании, в общественном мнении и вере. Отсюда, чтобы изменить общество, в первую очередь необходимо изменить и разрушить институты, которые обеспечивают сохранение и воспроизводство конкретного общественного сознания, к которым в основном он относил государство и церковь.

Однако оказалось, что изменение сознания, закрепление измененного, его воспроизводство и развитие, а также трансляция на его основе вовне новых принципов и форм организации жизни и их поддержка убеждением в их необходимости и легитимности — наиболее тонкая и сложная сфера общественной жизни. Позднее, в теории постклассического анархизма А. А. Боровой более глубоко пытался объяснить эти процессы и механизмы, развивая психологическую теорию власти, интегрируя в теорию анархизма новейшие для начала XX в. психологические теории государства и права профессоров Л. И. Петражицкого и М. А. Рейснера.

Автор замечает, что «первое серьезное столкновение взглядов произошло у Бакунина с Марксом в оценке Парижской Коммуны» (с. 88) 1871 г. Действительно, идейный бой по поводу данного события имел существенное значение для развития воззрений обоих мыслителей и для окончательного их расхождения и раскола Интернационала. Было бы полезно также обратить внимание на более ранний эпизод идейного противоборства бакунистов и марксистов в период подготовки и проведения Базельского конгресса Интернационала (1869 г.), где произошло ожесточенное столкновение по вопросу о наследственном праве. Бакунин, который перевел к этому времени Манифест Коммунистической партии на русский язык, и его последователи видели в наследственном праве сохранение своего рода генетического кода частной собственности и выступили против него. К. Маркс и его сторонники, отошедшие к тому времени от идеи отмены наследственного права, были против его полной ликвидации, допуская определенное его регулирование и ограничение. Эта дискуссия фактически по вопросу о пределах ликвидации и сохранения в будущем обществе частной собственности обнаружила серьезную трещину в Интернационале, которая затем углубилась в период Парижской Коммуны 1871 г. и завершилась окончательным расколом на Гаагском конгрессе в 1872 г. Очевидно, приводимая в книге цитируемая Д. Гильомом переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1869 г. об их планах «обезвредить» Бакунина связана с указанными событиями (с. 88).

Интересные наблюдения сделаны П.И. Талеровым в результате текстологического анализа работ М.А. Бакунина: об элементах эмоциональности и образности его политических текстов, об «эволюции политических текстов философско-умозрительных, с логической аргументацией, к практическим эмоциональным, с мобилизующей риторикой, воздействующей на подсознание» (с. 146).

С этими выводами автора о политических текстах Бакунина нельзя не согласиться. Действительно, эта тенденция прослеживается в произведениях мыслителя и революционера и нарастает удельный вес в его творчестве практико-политических текстов. В то же время можно добавить, что в текстах крупных его философских произведений, рукописи которых относятся к концу 1860-х — началу 1870-х гг. и опубликованы почти столетие спустя, можно найти все основные особенности философских текстов. Но и они включают фрагменты критических, политически острых и точных суждений, основанных на новом уровне осмысления исторической практики и многогранном личном опыте мыслителя.

Обстоятельно исследуются в книге и воззрения другого классика российского и мирового анархизма крупного ученого-энциклопедиста П.А. Кропоткина. Заслуживает особого внимания суждение автора о том, что «центральная идея анархизма Кропоткина — отрицание насилия — явилась основным вкладом анархо-коммунизма в общественное развитие и культуру России» (с. 148).

Вместе с близким к идеям анархизма писателем Л.Н. Толстым П.А. Кропоткин много сделал для теоретического и нравственного обоснования и продвижения в общественном сознании идей и этики ненасилия, гуманизма. В идеи не только Л.Н. Толстого, но и П.А. Кропоткина, видимо, «прорастают» корни идей Махатмы Ганди — идеолога ненасильственного самоосвобождения Индии в конце 1940-х гг.

Автор рассматривает биографию, деятельность и основные идеи мыслителя, специально останавливается на заочной полемике его с главой Святейшего Синода (с. 167 и др.), на суждениях теоретика анархизма о роли сектантства в общественном движении (с. 181 и др.), о значении Кропоткина в российской культуре, о взглядах мыслителя на войну. При этом отмечается, что хотя Кропоткин признавал войну «величайшим злом» и предлагал всеми средствами против нее бороться, «но с учетом реально складывающейся геополитической ситуации». Мыслитель был против призывов «к поражению» своего народа, даже если в результате произойдет падение правительства и юридическое освобождение народа, «поскольку последующие жертвы и бедствия поставят под сомнение все возможные грядущие преобразования» (с. 195–196). Кропоткин выступал против агрессивных войн, допускал возможность освободительной войны, которая поможет освободить народ страны-агрессора и, сломав планы завоевателей, создаст предпосылки для дальнейшего умственного и социального развития народов (с. 196).

В ряде глав монографии (гл. 21, 22, 24) рассматриваются развитие анархической прессы, изменение содержания публикаций, условия, в которых происходила эта эволюция. Выделяются шесть периодов эволюции российской анархистской прессы: 1) зарождение анархистской прессы и начальный этап ее развития (1860-х гг. — до конца XIX в.); 2) период становления и кризисного развития до Февральской революции (начало XX в. — начало 1917 г.); 3) период активного развития, пик расцвета российской анархистской прессы с дальнейшим ее ограничением и запретом укрепившейся новой властью (1917 г. — начало 1920-х гг.); 4) нелегальный и эмигрантский период деятельности анархистской прессы в советский период (середина 1920-х — конец 1980-х гг.); 5) возрождение российской анархистской прессы в конце периода перестройки (конец 1980-х — 1991 г.); 6) новейший период анархической прессы в России, совпадающий с «периодом социально-экономических реформ в эпоху буржуазной реставрации» (с. 239).

Как большой знаток и издатель литературы по анархизму — и произведений самих анархистов (основных теоретиков, публицистов, практиков), и работ исследователей анархизма — П. И. Талеров представляет подробный обзор истории анархической прессы и работ о творческом наследии М. А. Бакунина (гл. 35) и П. А. Кропоткина (гл. 36) более чем за столетие. Вся обширная информация об исследованиях деятельности и творчества двух классиков анархизма в монографии представлена еще и в виде таблиц публикаций разных авторов по годам и основным

группам проблем (см. с. 399–410, 428–443). Эти разделы книги будут полезны не только современным исследователям, но и будущим, как своего рода авторский путеводитель, систематизация и обобщенный анализ обширной литературы по теме исследования, который будет значительно экономить время будущих ученых и содействовать более всесторонним их разработкам.

Автор отмечает в истории исследования темы работы, которым была свойственны дискредитация и опошление идей анархизма и их авторов, работы анархистов, для которых характерна определенная апологетика идей данного типа сознания, а также исследования истории движения и идеологии анархизма, которые прошли на протяжении столетия сложную и противоречивую эволюцию. «Более взвешенный подход, — пишет автор, — у исследователей постсоветского периода. Категоричность суждений уступает место более обдуманным оценкам, привлечению и анализу разносторонних, порой диаметрально противоположных, мнений, текст носит полемический характер. Тем самым достигается более глубокое *системное понимание* сложных социальных процессов с учетом конкретно-исторических условий, в которых создавались те или иные анархистские теории» (с. 308–309). В то же время, как отмечено выше, автор монографии достаточно дифференцированно подходит и к современным исследованиям разного уровня ценности.

Исследователь справедливо отмечает значительную роль работ док-

тора исторических наук Н. М. Пирумовой в переходе к объективному углубленному исследованию в 1970-х — начале 1990-х гг. роли российского анархизма в истории революции. Благодаря ее усилиям, при активном содействии доктора экономических наук Н. К. Фигуровской, академика АН СССР Л. И. Абалкина и некоторых других ученых, была создана в 1989 г. Кропоткинская комиссия при Институте экономики АН СССР (затем при Институте экономики АН РАН). Эта комиссия в конце перестройки и в первые годы постсоветского периода много сделала для поиска и исследования архивных материалов, проведения междисциплинарных международных научных конференций, объединения исследователей анархизма разных стран и специальностей.

Книга содержит много новых материалов и затрагивает немало неисследованных до работ автора вопросов. К таким новым материалам, обобщениям можно отнести, в частности, исследование вопросов о воспитании и образовании, культуре в работах теоретиков анархизма, об аграрном вопросе, о роли женщин, о педагогических воззрениях идеологов анархизма, об их взглядах на научно-технический прогресс, на науку и ее роль в обществе, изложение истории анархической прессы, обширные аналитические историографические обзоры.

В книге П. И. Талерова обобщены более чем двадцатилетние исследования автора, которые предварительно частично были отражены в его многочисленных публикациях по теме монографии. В конце книги

приведена избранная библиография опубликованных трудов ученого, некоторые из которых значительно дополняют материал, представленный в рецензируемой монографии, еще более расширяя и углубляя предмет исследования (с. 450–462).

По подсчетам автора монографии, начиная с советского периода истории науки в СССР и в постсоветских странах до 2012 г. различным аспектам исследования анархизма посвящены около 330 диссертаций (с. 415). Из них 79 диссертаций, по данным автора, непосредственно (в названии) или в значительной степени, хотя и были посвящены более широким темам, затрагивали воззрения или деятельность П. А. Кропоткина. Из этих 79 работ на соискание ученой степени кандидатов или докторов наук: по философским наукам — 32 (40,5%), включая 5 докторов наук; по историческим наукам — 27 (34,2%), из них 6 докторов наук; юридических — 7 (8,9%), из них 1 доктор наук; политических — 6 (7,6%), социологических — 4 (5,1%), культурологических, педагогических и экономических — по 1 (по 1, 3%) (см. с. 416). Кроме того, автор на основе доступной информации выявил еще 43 диссертационные работы зарубежных ученых (с. 416).

В заключении автор делает некоторые интересные выводы о современном состоянии анархистского движения, зарождении в нем крайне критического и скептического отношения части молодежи к классикам анархизма; об особенностях современных бунтарских и нигилистических настроений и распространенных в анархическом

движении традиционных идей и установок, ограничивающих его организационные возможности и поддерживающих определенную аморфность мышления; об актуальности «вопроса о *корректности* и *эффективности* использования творческого наследия классиков российского анархизма в новой конкретно-исторической обстановке» (с. 448–449).

В целом монография П. И. Талерова обобщает многолетние исследования автора, основана на огромном объеме исторического материала, научной литературе, затрагивает немало новых аспектов и подходов к изучению роли анархизма в истории российской революции начала XX в., содержит интересные наблюдения и выводы, будет полезной для исследователей истории освободительного движения в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анархизм 2016 — Анархизм: pro et contra, антология. Социально-полити-

ческое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей / сост., вступ. статья, коммент. П. И. Талерова. [2-е изд., доп. и исправл.]. СПб.: РХГА (Русская христианская гуманитарная академия), 2016. 1144 с.

Бакунин 2010 — Бакунин М. А. Избранные труды / сост.: П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авт. вступ. ст.: А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров (с. 5–47); коммент., указ. имен П. И. Талеров (с. 697–814). М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 816 с.

Ермаков, Талеров 2007 — Ермаков В. Д., Талеров П. И. Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник. СПб.: Соларт, 2007. 724 с.

Кропоткин 2010 — Кропоткин П. А. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. (с. 5–50); П. И. Талеров, А. А. Ширинянц (с. 5–47); автор коммент. П. И. Талеров (с. 677–875). М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 896 с.

М. А. Бакунин 2015 — М. А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / сост., вступ. статья, коммент. П. И. Талерова. СПб.: Издательство РХГА, 2015. 1050 с.

ANARCHISM IN THE RUSSIAN REVOLUTION

Rev.: Talerov P. I. Klassicheskii anarkhizm v teorii i praktike rossiiskogo revoliutsionnogo dvizheniia. 1860–1920-e gg. St. Petersburg: Institut inostrannykh iazykov, 2016. 460 p.

Udartsev Sergey F. — doctor of law, professor, M. Narikbayev KAZGUU University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Key words: Russian Empire, revolutionary movement, anarchism, M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin.

Abstract. The study on the ideology and political practice of classical anarchism in Russian revolutionary movement is reviewed.

REFERENCES

Anarkhizm: pro et contra, antologïia. Sotsial'no-politicheskoe iavlenie glazami ego rossiiskikh storonnikov, kritikov i otechestvennykh uchenykh-issledovatelei, sost., vstup. stat'ia, komment. P.I. Talerova. [2-e izd., dop. i ispravl.]. St. Petersburg: RKhGA (Russkaia khristianskaia gumanitarniaia akademiia), 2016. 1144 p.

Bakunin M.A. *Izbrannye trudy*, sost.: P.I. Talerov, A.A. Shiriniants; avt. vstup. st.: A.A. Shiriniants, Iu.A. Matveeva, P.I. Talerov (p. 5–47); komment., ukaz. imen P.I. Talerov (p. 697–814). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), 2010. 816 p.

Ermakov V.D., Talerov P.I. *Anarkhizm v istorii Rossii: ot istokov k sovremennosti*: bibliograficheskii slovar'-spravochnik. St. Petersburg: Solart, 2007. 724 p.

Kropotkin P.A. *Izbrannye trudy*, sost., avt. vstup. st. (p. 5–50); P.I. Talerov, A.A. Shiriniants (p. 5–47); avtor komment. P.I. Talerov (p. 677–875). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), 2010. 896 p.

M.A. Bakunin: pro et contra, antologïia. 2-e izd., ispr., sost., vstup. stat'ia, koment. P.I. Talerova. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2015. 1050 s.

В. Венглевич

Рец.: Бенуа С. Александр Александров. Ансамбль и жизнь. М.: Алгоритм, 2017. 110 с.

Ключевые слова: Ансамбль песни и пляски Советской Армии, Красная Армия, Александр Александров.

Аннотация. Настоящая статья является рецензией на книгу С. Бенуа «Александр Александров. Ансамбль и жизнь». Рассказывает она про жизнь и деятельность выдающегося композитора и дирижера Александра Васильевича Александрова, а также про созданный им ансамбль песни и пляски Советской Армии. Автор рецензии рассмотрел содержание книги, подходя к нему критически.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-198-203

В истории Ансамбля им. Александрова одной из переломных дат, которая подвела черту определенному периоду его существования, стала катастрофа самолета Ту-154, произошедшая 25 декабря 2016 г. во время командировки ансамбля в Сирию. Тогда погибло 64 артиста (большинство артистов хора, весь балет и почти все солисты за исключением лишь трех, которые остались в Москве). Событие это вызвало множество откликов в России и во всем мире, став причиной появления многих публикаций, посвященных александровцам. Собственно, работу Софьи Бенуа можно рассматривать именно в этом контексте.

Ее книга является новейшей биографией основателя и первого художе-

© Венглевич В., 2018

Венглевич Виктор — аспирант, Ягеллонский Университет в Кракове (Польша); wik699@gmail.com

ственного руководителя ансамбля, композитора и выдающегося артиста — Александра Васильевича Александрова. Напомним, что книг и брошюр, ему посвященных, существует уже много (здесь надо перечислить работы Г.А. Поляновского (*Поляновский* 1945), Д.В. Житомирского (*Житомирский* 1947), А.В. Шилова (*Шилов* 1955), вторую биографию Поляновского (*Поляновский* 1983) и, наконец, две современные — В.И. Крылова (*Крылов* 2013) и С.В. Глушкова (*Глушков* 2014)). В связи с этим возникает вопрос: нужна ли новая книга о жизни Маэстро? На первый взгляд, многое уже известно, хотя есть и страницы его жизни, которые до сих пор еще не очень исследованы историками. Помимо биографий, огромный массив информации о нем можно найти в работах о руководимом им ансамбле (самые важные годы жизни он посвятил именно этому своему «детищу»).

Несмотря на вышесказанное, С. Бонуа решила написать свою авторскую книгу. Название ее: «Александр Александров. Ансамбль и жизнь». Она насчитывает 110 страниц, структурно разделена на 20 разделов — само собой разумеется, что при таком количестве они не очень развернуты. В этом можно увидеть первый недостаток книги: стоило бы, на наш взгляд, увеличить разделы за счет уменьшения их количества.

Судя по названию, книга должна быть посвящена прежде всего жизни и деятельности А. Александрова, композитора и руководителя ансамбля. Однако читателя сразу подстерегает определенный конфуз, потому что на ее страницах персона Александра Васильевича представлена не более чем как часть более широкого рассказа о Краснознаменном ансамбле. Из 20 разделов только 15 в той или иной мере посвящено основателю коллектива, остальные касаются периода уже после его смерти — с 1946 г. до настоящего времени. Да и в остальных анализ деятельности А. Александрова часто отходит на второй план. Понятно, что в связи с многолетней работой композитора в рамках Ансамбля песни и пляски Красной Армии невозможно иначе писать его биографии, но все-таки это сделано, на наш взгляд, недостаточно полно. Думаю, что стоило бы изменить название рецензируемой работы на более отвечающее ее содержанию.

Капелле (рассказу о самой капелле посвящено в работе большое внимание, отчасти, может быть, в ущерб описанию детских лет композитора), позднейшим студиям в Санкт-Петербургской консерватории, а также его педагогической работе в Бологом. Именно в этот период он сформировался как исполнитель и хоровой дирижер, и поэтому эти годы важны для реконструкции его мировоззрения и музыкальных интересов. Следующие разделы освещают работу А. Александрова в Твери, его учебу в Московской консерватории и жизнь композитора в 1918–1928 гг. Этот не менее важный этап его жизни рассмотрен достаточно фрагментарно, упущен, в частности, сюжет о регентуре А. В. в храме Христа Спасителя (кстати, этот период его жизни и деятельности вообще кажется наименее исследованным и еще ждет своего детального изучения).

Седьмой раздел представляет собой анализ начала большого пути — создания ансамбля красноармейской песни. Но начинается этот анализ с серьезной ошибки — автор утверждает, что Александров «именно тогда вместе с коллегами — Ф. Н. Даниловичем и режиссером П. И. Ильиным — задумал создание удивительного коллектива» (с. 27). На самом деле это произошло совершенно по-другому. Инициатива создания ансамбля принадлежала Феликсу Даниловичу, который пригласил своего знакомого, театрального режиссера Павла Ильина оказать ему помощь в этом деле. В поисках кандидатуры на музыкальное руководство коллективом обратились к трем известным в то время

в Москве дирижерам — Павлу Чеснокову, Николаю Данилину и Александру Александрову. Свое согласие дал только последний из них, и то не сразу, что автор книги должен бы знать, поскольку ниже цитирует беседу А. Александрова с К. Ворошиловым именно по этому вопросу (А. Александров благодарил наркома за настойчивость, а Климент Ефремович в свою очередь за то, что композитор согласился возглавить ансамбль).

С. Бенуа не обходит вопроса о религиозности руководителя красноармейского ансамбля (с. 28). Он действительно происходил из семьи, где почиталась вера, хотя в самый трудный период жизни это нужно было скрывать. Но все-таки я бы призвал к осторожности с цитированием воспоминаний К. Б. Птицы без сопоставления приводимых в них сведений с архивными документами, при том, что К. Птица действительно был близок к А. Александрову, относился к числу наиболее выдающихся учеников Маэстро. Вопрос о вступлении композитора в ВКП(б) также не до конца освещен в книге. Известно, что А. Александров сам написал заявление о вступлении в партию, и это произошло перед его предполагаемым отъездом на так и не состоявшийся из-за начала войны гастроль в США осенью 1939 г. Фактом является то, что он был принят в партию по ускоренной процедуре, без требуемого кандидатского стажа. Заметим здесь же, что С. Бенуа явно путается с датировкой некоторых фактов: А. Александров никак не мог быть регентом храма Христа Спасителя в то время, когда его

принимали в партию, потому что храм был закрыт для богослужений уже в 1922 г., а композитора приняли в ВКП(б) только в 1939 г.!

Надо подчеркнуть, что едва ли не на каждой второй странице книги встречаются разные ошибки. Так, К. Ворошилов не мог присутствовать на концерте 10 октября 1928 г. (с. 31), ибо первый концерт ансамбля состоялся на два дня позже! Автор некритично повторяет информацию о том, что программа о Кон-армии была первой в репертуаре ансамбля, тогда как на самом деле она была второй. Дальше (с. 34) — А. Александров стал начальником ансамбля (будучи его художественным руководителем) только в конце 1937 г., когда после возвращения из зарубежных гастролей Павел Ильин ушел с должности и вообще из коллектива. В период, описываемый на с. 36, это был еще, конечно, Ансамбль Красной Армии, а отнюдь не Советской. Далее: Беляев и Букреев пришли в хор уже после смерти Александра Васильевича (с. 74). Ошибочным является также подпись под фотографией на той же странице (там А. В. изображен со своим младшим сыном Александром, а не со старшим, Борисом). Не было в репертуаре коллектива песни «Встреча с начальником» (с. 86), но была «Встреча с Вождем».

Восьмой раздел содержит описание очень значительного в истории коллектива события — первых гастролей Краснознаменного ансамбля за рубежом, во Франции в 1937 г. Приезд коллектива и его выступления вызвали восторг среди французских зрителей и принесли заслу-

женную мировую славу советским артистам. Однако столь важный раздел насчитывает всего только 4 страницы, из которых одна — это большая фотография советского павильона Всемирной выставки в Париже, а другая — описание самой выставки. Что касается выступлений ансамбля, то они вообще почти не описаны. Автор по сути ограничивается цитатой из рецензии известного французского критика Жоржа Орика. Освещение в книге зарубежных гастролей коллектива вообще не выдерживает критики. Создается впечатление, что исследователь не знает, что сразу после Франции ансамбль выехал в Чехословакию (два эти тура были связаны между собой). Автор прав, утверждая, что к началу Всемирной выставки 1937 г. коллектив уже объездил весь Советский Союз, но совершенно не прав, когда пишет, что ансамбль к тому времени посетил и ряд зарубежных стран, среди которых Чехословакия, Польша, Монголия, Финляндия. Гастроли в Монголии состоялись в 1938 г., в Польшу первый раз александровцы приехали только в 1946 г., в Финляндию тоже после войны, годом раньше. Этот раздел можно было написать куда более детально, тем более что существует книга непосредственного участника гастролей 1937 г. (Шилов 1938).

Огромное недоумение вызывает девятый раздел книги: «Даже в годы “большой чистки” он входил к Сталину без доклада». С. Бенуа задается вопросом: «Как удалось бывшему регенту А.В. Александрову уцелеть в период “большой чистки”»? К сожалению, мы не найдем здесь

серьезных размышлений на эту тему. Зато найдем биографическую справку о Л.З. Мехлисе, его огромную фотографию, и — что самое удивительное — два анекдота о том, как у Сталина пропала трубка и Мехлис из-за этого арестовал несколько людей. Целесообразность размещения в книге таких довольно низкопробных и не имеющих прямого отношения к теме анекдотов вызывает явные сомнения, ведь ничего существенного в понимание сути описываемых событий они не вносят. При том что Мехлис действительно — роковая фигура для ансамбля, с ним был связан арест нескольких артистов во время гастролей на Дальнем Востоке в 1938 г. Но про этот трудный период в истории ансамбля фактически не сказано больше ничего.

В книге отсутствует описание периода 1939–1941 гг., на который пришлось довольно много событий и в жизни А. Александрова, и в истории Краснознаменного ансамбля: XVIII съезд партии (когда впервые прозвучали звуки «Гимна Партии Большевиков»), подготовка к гастролям в США, большая поездка в Западную Белоруссию и Украину в 1940 г., а также гастроли в Литве, Латвии и Эстонии в марте 1941 г.

В следующих разделах автор описывает период 1941–1945 гг., здесь также содержится целый ряд фактографических ошибок. Песня «Священная Война» была впервые исполнена не одной из готовившихся к выезду на фронт групп ансамбля (с. 45), а той группой под руководством Александра Васильевича, которая осталась в Москве.

Ошибочна информация под фотографией на с. 46 — там изображено не «Исполнение песни “Священная война” в здании Белорусского вокзала. 29 июня 1941», а гастроль в Финляндии уже в 1945 г.! И вообще эта песня (символ Великой Отечественной войны) была записана не до первого ее исполнения на публике (как гласит подпись под фотографией на с. 50), но уже после (28 июня).

Раздел 12 освещает историю песни «Смуглянка». Однако много места посвящено там фильму режиссера Л. Быкова «В бой идут одни старики», а вот о самом включении песни в репертуар ансамбля сказано очень мало, хотя источники об этом имеются.

Тринадцатая глава посвящена истории Гимна СССР. По моему мнению, это наиболее интересный фрагмент биографии А. Александрова. С. Бенуа ссылается на мемуары Д. Д. Шостаковича, который проиграл конкурс на создание гимна и был в силу этого, на наш взгляд, несколько субъективен. В этом описании А. Александров предстает как человек, который любой ценой хочет выиграть конкурс и, более того, в присутствии Сталина обвиняет своего аранжировщика в плохой оркестровке (что могло плохо закончиться для последнего). Как было на самом деле, вряд ли удастся установить. В целях создания более сбалансированной картины автор, к сожалению, не приводит другие источники, в том числе мемуары Кирилла Кондрашина и свидетельства создателей текста гимна — С. Михалкова и Г. Эль-Регистана.

Что удивительно, в книге вообще отсутствует какая-либо информация о музыкальных сочинениях Александра Васильевича, не говоря уже об их музыковедческом анализе. Разве можно так писать биографию композитора? Трудно определить, какие источники стали основой для книги, ведь это популярное издание вышло без библиографии. Но на некоторых страницах все-таки имеются ссылки на различные статьи в Интернете. Складывается впечатление, что С. Бенуа так и не заглянула в вышеупомянутую литературу как об ансамбле, так и о его создателе. И это жаль, поскольку можно было бы избежать многих ошибок и добавить в работу немало нового и нужного материала, тем более востребованного, что интерес читателя к истории Ансамбля Александрова велик и не ослабевает. И вообще жизнь замечательно-го композитора невозможно описать в работе объемом брошюры. В итоге мы имеем весьма сумбурную смесь фактов из жизни А. Александрова, истории Краснознаменного ансамбля и разного рода информации, не всегда относящейся к делу. Обилие фактографических ошибок снижает и ценность рецензируемой работы как сугубо научно-популярного издания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Житомирский 1947 — *Житомирский Д.* Александр Александров (1883–1946). М.: Союз советских композиторов, 1947. 20 с.

Глушков 2014 — *Глушков С. А.* В. Александров: на пути к Гимну России. Тверь: Издатель Алексей Ушаков, 2014. 96 с.

Крылов 2013 — Крылов В. Композитор Александров. Под небом Рязанским рожден. Документальные очерки об авторе музыки Гимна России. Рязань: Литера М, 2013. 195 с.

Поляновский 1945 — Поляновский Г. Александр Васильевич Александров: Очерк жизни и творчества. М.; Л.: Искусство, 1945. 130 с.

Поляновский 1983 — Поляновский Г. Александр Васильевич Александров. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1983. 68 с.

Шилов 1938 — Шилов А. В Париж и Прагу. М.; Л.: Искусство, 1938. 70 с.

Шилов 1955 — Шилов А.А. В. Александров: Популярный очерк жизни и деятельности. М.: Музгиз, 1955. 64 с.

Rev.: Benua S. Aleksandr Aleksandrov. Ansambl' i zhizn'. Moscow: Algoritm, 2017. 110 p.

Venglewicz Victor — postgraduate student, Jagiellonian University in Krakow (Poland)

Key words: about Song and Dance Ensemble of the Soviet Army, the Red Army, Alexander Alexandrov.

Abstract. This article is the review of S.Benoit's book "Alexander Alexandrov. Ensemble and life". It tells the story of life of prominent composer and conductor Alexander Vasiljevich Alexandrov, and also about Song and Dance Ensemble of the Soviet Army, created by him. The review author analyzed a book content by a critical approach to it.

REFERENCES

Glushkov S. A. V. *Aleksandrov: na puti k Gimnu Rossii*. Tver': Izdatel' Aleksei Ushakov, 2014. 96 p.

Krylov V. *Kompozitor Aleksandrov. Pod nebom Riazanskim rozhden. Dokumental'nye ocherki ob avtore muzyki Gimna Rossii*. Riazan': Literatura M, 2013. 195 p.

Polianovskii G. *Aleksandr Vasil'evich Aleksandrov*. Moscow: Vsesoiuznoe izdatel'stvo "Sovetskii kompozitor", 1983. 68 p.

Polianovskii G. *Aleksandr Vasil'evich Aleksandrov: Ocherk zhizni i tvorchestva*. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1945. 130 p.

Shilov A. A. V. *Aleksandrov: Populiarnyi ocherk zhizni i deiatel'nosti*. Moscow: Muzgiz, 1955. 64 p.

Shilov A. *V Parizh i Pragu*. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1938. 70 p.

Zhitomirskii D. *Aleksandr Aleksandrov (1883–1946)*. Moscow: Soiuz sovetskikh kompozitorov, 1947. 20 p.

О. Е. Зубко

ЭМИГРАНТЫ И РЕПАТРИАНТЫ XX В.

Рец.: Слепухинские чтения — 2014: Труды международной научной конференции / [сост.: П. Н. Базанов, д. и. н.; ред.: Слепухина Н. А. (отв. ред.) и др.; вступ. ст. к. и. н. Владимира Юрьевича Черняева]. СПб.: Фонд Слепухина. ИД «Петрополис», 2015. 718 с.: ил.

Ключевые слова: русская эмиграция, культура русского зарубежья, репатриация, Ю. Г. Слепухин, Д. И. Чижевский.

Аннотация. Вниманию читателей предлагается обзор материалов очередных Слепухинских чтений – конференции по проблемам истории и культуры русской эмиграции и репатриации в XX в.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-204-213

Это уже пятая авторская попытка рецензирования «Эмигрантов и репатриантов...» за последние два года. Имелось слишком много препятствующих факторов и причин, сводящихся в основном к тому, что следовало лично познакомиться с творчеством Юрия Григорьевича Слепухина. И вот, наконец, три месяца назад, ценой невероятнейших усилий, удалось раздобыть «Не подводя итогов». Незавершенный роман просто потряс! История жизни Николая Болотова заставила задуматься о многих обычных жизненных вещах и сделать несколько ценных выводов. Например, болотовское осмысление собственного жизненного пути происходило на фоне стойкого личностного убеждения о неизбежности

всего происходящего в судьбе его родной страны. И вот эта, собственно, параллельность неизбежности собственной судьбы и неизбежности исторического пути Родины ассоциировалась у автора рецензии с темой слишком длительного социалистического эксперимента в XX–XXI вв. Социалистический эксперимент в различных своих вариациях, 1920-х, 1930-х, 1940-х, 1980-х, 1990-х и даже 2010-х, во-первых, попытка моделирования не столько государства, сколько общества с помощью государства. Во-вторых, социалистический эксперимент подразумевает исключительно прогресс и счастливую «новую жизнь», но, увы, без учета каких-либо негативных последствий. И главное – социалистический эксперимент выступает в качестве «индикатора ненормальности» общества, эдакой вынужденной необходимости, которая для большинства простых смертных сопровождалась и сопровождается немалыми потерями.

© Зубко О. Е., 2018

Зубко Ольга Евгеньевна – кандидат исторических наук, специалист Центра международных связей и деятельности Винницкого национального аграрного университета (Винница, Украина); zubko1975@rambler.ru

Прочтение романа, повторю, стало очень ценным авторским приобретением. Оно (прочтение) помогло в дальнейшем не только более тщательно перепрочесть и переосмыслить многие материалы сборника, но и разобраться в некоторых перипетиях эмигрантской жизни, вынужденно «переместившейся» с довоенного периода в послевоенный.

С первых же своих строчек подкупило предисловие кандидата исторических наук Владимира Юрьевича Черняева, акцентирующего внимание на том, что теме эмиграции и репатриации «надолго суждено оставаться на острие научных и политических споров» (с. 7). И это, действительно, так. В условиях современных реалий (для Украины, в частности, безвиза), речь пойдет не столько о четвертой, сколько уже о пятой эмиграционной волне, как очередной попытке «поиска лучших миров».

Первый раздел книги посвящен теме деятельности и творчества Ю.Г. Слепухина в эмиграции и на родине. В раздел вошли доклады Н.А. Слепухиной, А.В. Антошина, В.В. Агеносова, М.Ф. Ершова. Так, генеральный директор Фонда имени Юрия Слепухина «Лучшие книги –библиотекам» Наталья Александровна Слепухина сосредоточилась в своем докладе на вопросе возвращения писателя, акцентировав внимание на чувстве ностальгии и даже необходимости эмиграции с реэмиграцией, приведя цитату из статьи Ю.Г. Слепухина «Писатель и Отечество»: «...жить на чужбине тяжело. Даже тогда тяжело, когда есть работа, хороший заработок и вообще

все вроде благополучно. Ошибкой было бы думать, что иностранцам незнакома ностальгия. Но если для англичанина или француза она – всего лишь элегические воспоминания о родных краях, меланхолическая грусть, которую легко утолить, послушав старую пластинку или полистав альбом с открытками, – то в душе нашего экспатрианта она становится медленно действующим ядом...» (с. 40). «В случае с Ю. Слепухиным, – утверждает автор далее, – ностальгия явилась и тем фактором, который побудил к литературной деятельности, и именно на Родине» (с. 40).

Стоит отметить, что вопросы возвращения для эмиграции любой волны и ее (эмиграции-реэмиграции) роли всегда актуальны и всегда вневременны. Почему? Отвечу на своем примере. Так получилось, что написание этой рецензии совпало с авторскими поисками книги (по просьбе словацких коллег) одного из винницких славистов о известном профессоре Микулаше (Николае) Неврлом¹. Профессор-филолог Нервльый, знакомый со многими русскими, украинскими и белорусскими эмигрантами (как междувоенными, так и послевоенными) и их творчеством различных периодов, тоже, что интересно, отмечает чувство ностальгии как ведущий фактор эмигрантского бытия и просто необходимость существования

¹ Микулаш (Николай) Нервльый (15.11.1916, Ростов-на-Дону) – чешский, словацкий и украинский филолог (отец – чех, мать – украинка), литературный критик, библиограф. Доктор славистики с 1950 г. Иностраный член Национальной Академии наук Украины с 2003 г.

«граждан свободного мира». В частности, как пример, он указывает на личность эмигранта-философа и культуролога Дмитрия Чижевского и на его (Чижевского) письмо-ответ немецкому писателю Томасу Манну: «В Вашем письме меня, к сожалению, очень разочаровало иное: создается впечатление, что все то, что мы здесь пережили на протяжении 12 лет (1933–1945 гг. – О.З.), передумали и создали, и все то, чего мы достигли, почему-то Вами считается бессмысленным и даже вредительным... А ведь они (эмигранты) могут стать нынче посредниками, они просто необходимы как посредники в глубинном и серьезном значении этого слова, как люди, способствующие сотрудничеству Германии с окружающим ее миром...» (*Неврий* 2009: 709).

Дмитрий Чижевский был очень интересной личностью в кругу как междувоенной (в ЧСР в 1920-х гг.), так и послевоенной (в Германии и США в 1930–1970-х гг.) украинской эмиграции. Сын артиллериста Ивана Константиновича Чижевского, происходившего из польской шляхты, и русской дворянки Марии Дмитриевны Ершовой. Его мать была художницей, она училась живописи у Ильи Репина и Павла Чистякова. Отец принимал активное участие в революционном движении народников, а после увлек сына идеями меньшевиков. Мать революционные идеи мужа и сына не поддерживала. И хотя Дмитрий Иванович сочувствовал Украинскому социал-демократическому движению, и хотя признавался выдающимся украинским культурологом и философом, Украинскую Народ-

ную Республику не воспринял и не воспринимал. Подтверждением этому были не только его политические взгляды, но и отсутствие паспорта гражданина УНР. Еще в 1920-х гг. Чижевский получил так называемый «паспорт Нансена». С этим паспортом он в 1945 г. выехал из Германии в Гарвард (США), а затем в 1965 г. вернулся обратно в Гейдельберг. Не имел он и немецкого гражданства, умер в 1977 г. фактически как подданный бывшей Российской империи.

Но если у Юрия Григорьевича Слепухина ностальгия – причина возникновения именно писательской, а никакой иной судьбы, то у Чижевского ностальгия – это философия. Творчество эмигранта-реэмигранта Юрия Григорьевича – гуманистическая переработка того опыта его жизни, который гуманным никак не был. Творчество эмигранта Чижевского – это стойкое убеждение о том жизненном пути, «который привел его из России в Польшу, Германию, Чехословакию, Голландию, Швецию и т.д.; который помог ему убедиться, что те узкие рамки, в которые история поставила жизнь народов России, Польши, Германии, Чехословакии и Голландии, вредят этим странам и народам не только в экономическом, но и в культурном плане». Эти рамки, по его мнению, «будут и впредь тормозить развитие стран, если не преодолеть узкие рамки любым способом – не нарушая, однако, естественных прав этих больших и малых народов» (*Чижевский* 2008).

Хочется добавить вот еще что. Пытаясь найти информацию в украин-

ских поисковиках о писателе Слепухине и его литературном наследии, случайно выудила в обход небольшую заметку о нем, но не успела, к сожалению, вывести на печать автора заметки, поскольку включилась блокировка. Но из того, что удалось распечатать, почерпнуто о Юрие Григорьевиче немало. В частности то, что эмиграция и реэмиграция — это самобытность, эдакая изюминка личности, ее (личности) отличие. (Скорее всего, здесь сработало мое докторантское чутье поиска информации о эмиграционной повседневности как таковой.) «Неизвестный автор» (впоследствии выяснилось, что это фрагмент из статьи петербургского писателя М.С. Глинки «Несколько слов о незавершенном романе Юрия Слепухина») искренне повествовал: «Из того, что глубже всего (а, может, ярче?) осталось в памяти от непосредственного общения с Юрой — это то, как он очень прямо, но нисколько не назойливо смотрел тебе в лицо, внятно говорил, и ты понимал, что его внимание к тебе — это не фигура вежливости. А еще он удивительно смеялся. И, не знаю, как это отчетливо выразить — смеялся он иногда совершенно чарующе...» (Глинка).

Позволю себе сравнить самобытность Слепухина с самобытностью упомянутого уже Чижевского. За полгода до защиты своего кандидатского исследования об Украинском педагогическом институте имени М. Драгоманова в Праге (1923–1933), в котором я акцентировала внимание на преподавательском составе, случайно наткнулась на заметку о Чижевском как мистике. В Украинском педагогическом ин-

ституте им. М. Драгоманова в Праге в 1923–1932 гг. Дмитрий Иванович возглавлял кафедру философии. Украинским и белорусским студентам он запомнился в первую очередь не как философ, а скорее как этнолог и фольклорист. Каждая его лекция, каждое его практическое занятие обязательно включали в себя «чертовщину». Дмитрий Иванович считал, что нечистая сила — это реально черти: маленькие, злые, нахальные и зеленые. А так как черти зеленого цвета, профессор требовал от студенток и студентов избегать платьев, пиджаков, кофт, свитеров, брюк, юбок, шарфов зеленой палитры. Нарушавших запрет Дмитрий Иванович выгонял из аудитории. Мистиком считали Чижевского и коллеги. Однажды Чижевского по невнимательности закрыли в институтской библиотеке. Ему пришлось воспользоваться телефоном, чтобы избавиться «от плена». Когда же его открыли, он с огромным удовольствием серьезно, (чем сбивал с толку всех!) рассказывал, что в библиотеке были маленькие черти, которые специально переставляли книги на полках, чтобы их потом было невозможно найти.

Алексей Валерьевич Антошин, доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина в своем докладе обратил внимание на деятельность русских солидаристов в Южной Америке по источникам немецких и американских архивов. Юрий Григорьевич Слепухин и его сестра Ирина некоторое время были членами Национально-трудового союза в Буэнос-Айресе.

Тогда как заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (Москва), Пекинского университета иностранных языков (Китай) Владимир Вениаминович Агеносов поднял непростой вопрос о теме войны в произведениях писателей «ди-пи» и второй эмиграции. Военным произведением Юрия Григорьевича Слепухина в ряду иных представленных выступает тетралогия: «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000).

А вот Михаил Федорович Ершов, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, заведующий научно-исследовательским отделом истории, археологии и этнологии сосредоточился на ином произведении Юрия Григорьевича – повести «Пантократор» (1991) как авторской попытке понимания внутреннего мира диктатора И. Сталина.

Второй раздел книги охватывает различные аспекты жизни первой и второй волн эмиграции во многих странах мира.

Так, доклады И.В. Сабельниковой, Е.М. Мироновой, В.И. Косика и И.В. Щерблыгина затрагивают междувоенную эмиграцию. Ирина Вячеславовна Сабельникова, доктор исторических наук, заведующая Сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института до-

кументоведения и архивного дела, акцентирует внимание на обзоре архивов и архивного наследия русской диаспоры за рубежом, включая вопрос судьбы этих коллекций в XX в. Елена Михайловна Мирнова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук, анализирует деятельность дипломатического корпуса Российской империи по оказанию финансовой, трудовой, правовой, социальной помощи русским эмигрантам после Октябрьского переворота и Гражданской войны. Виктор Иванович Косик, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук, освещает некоторые сюжеты, связанные с темой Родины в поэзии и театральных постановках русских эмигрантов, поселившихся в балканских странах в 1920–1930-х гг. А вот Ирина Васильевна Щерблыгина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, затронула проблему сохранения и возвращения наследия русской эмиграции первой волны, а именно экспонатов Русского культурно-исторического музея в Праге. В центре рассмотрения доклада – самоотверженная работа директора музея Валентина Федоровича Булгакова (1866–1966) – последователя и последнего секретаря Л.Н. Толстого.

Доклады Н.А. Родионовой, М.Н. Толстого, Ли Иннань, М.Е. Бабичевой, Б.Н. Ковалева, О.К. Страшковой – доклады, охватывающие вторую волну эмиграции. Надежда Алексан-

дровна Родионова, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, раскрыла ностальгические размышления русской православной эмигрантки О.А. Бредиус-Субботиной о судьбе России и русском национальном характере, изложенные ею в переписке, которую она вела на протяжении более 10 лет (1939–1950) с духовно близким ей писателем И.С. Шмелевым. Доклад познавателен еще тем, что обращает внимание на существенные различия православия и протестантизма. Исходя из исторических реалий, при учете ментальных категорий становится понятным, что православие, как наиболее консервативная и ортодоксальная ветвь христианства, не пошло путем модернизации и рационализации, в отличие от протестантизма. Если протестантизм осуждает бедность (бедность – это болезнь), то в православной традиции бедность – антагонист духовному богатству. Для протестанта долг перед Богом и обществом – профессиональное обязательство. Тогда как для православного труд в первую очередь должен быть духовным, а вот материальная сторона – вторична, т.к. она в некоторой степени связана с гордыней. А с учетом еще и того, что православие – официальная религия бывшей Российской империи, а ныне Российской Федерации, Украины и Беларуси, то не удивителен, увы, факт определенного «вредительства» православия в экономике этих стран. К сожалению, ни РФ, ни РБ, ни Украина не являются мировыми экономическими лидерами. В «семерке лидеров» – страны-протестанты. И именно об этом упоминала

в переписке Ольга Александровна Бредиус-Субботина. Михаил Никитич Толстой, доктор физико-математических наук, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, повествует о найденных в городе Мерло Парк (Калифорния, США) неизвестных ранее и недатированных автографов на фотографиях и книге Александра Вертинского «Песни и стихи» (1937). Поиски адресатов этих посвящений привели к Нине и Марии Барсамовым, сестрам, проживавшим в 1930–1940-х гг. в Шанхае. Ли Иннань, профессор Пекинского университета иностранных языков, знакомит с некоторыми китайскими мотивами в творчестве поэтов русской эмиграции, живших в Китае. Майя Евгеньевна Бабичева, кандидат филологических наук, заведующая Сектором специальной библиографии Научно-исследовательского отдела библиографии Российской государственной библиотеки, раскрывает созидательный образ Родины в прозе второй русской эмиграции. Борис Николаевич Ковалев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, касается судьбы эмигранта второй волны, американского профессора Бориса Филиппова (настоящая фамилия последнего – Филистинский). Жизнь Филиппова сложилась вполне успешно, отмечает докладчик. Но вместе с тем интригует: в годы Второй мировой войны, проживая в оккупированном нацистами Новгороде, профессор Филиппов совершил преступления, не имеющие срока давности. Доклад Ковалева, отметим, очень актуальный в морально-этическом плане.

Очень часто в последнее время в российском, украинском и белорусском обществах ставится вопрос ребром: почему побежденные и предатели живут лучше победителей? А вот в докладе Ольги Константиновны Страшковой, доктора филологических наук, профессора кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета, рассмотрена трилогия современного ставропольского писателя В.П. Бутенка «Казачий алтарь».

Особняком среди докладов второй части Слепухинских чтений стоит доклад И.Н. Андрушкевича, общественного и политического деятеля Русского Зарубежья, политолога и журналиста, председателя «Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Аргентине», — историко-философское исследование эмиграции из России в XX и XXI вв. в течение восьми десятилетий. Автор «охватывает» российскую диаспору Аргентины и Югославии.

Третий раздел книги раскрывает проблемы репатриации из разных стран в СССР, иллюстрирует дискуссии о репатриации в эмигрантской среде и судьбах репатриантов в Советском Союзе.

Раздел состоит из 12 докладов: 10 отечественных и 2 зарубежных. Среди первых доклады: З.С. Бочаровой, доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, о проблемах репатриации на страницах эмигрантской печати (1920-е гг.); Е.И. Беловой, кандидата исторических наук,

доцента кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, о социально-политических взглядах высланного большевиками теоретика неонародничества А.В. Пешехонова (1867–1933); Е.Н. Наземцевой, кандидата исторических наук, научного сотрудника Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, об особенностях политическо-правового положения представителей российской диаспоры в Китае в 1920-е гг.; М.В. Кротовой, доктора исторических наук, доцента Санкт-Петербургского государственного экономического университета, о самих процессах репатриации и реэмиграции эмигрантов из Китая после Второй мировой войны; М.В. Шкаровского, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Центрального государственного архива Санкт-Петербурга о трагичном и сложном пути возвращения на Родину церковных эмигрантов из Югославии и Болгарии после окончания Второй мировой войны; О.Л. Лейкинда и Д.Я. Северюхина (Фонд имени Д.С. Лихачева) о биографиях и этапах творчества представителей некоторых групп художников и архитекторов — репатриантов в Советский Союз в 1930–1950-е гг.; Е.П. Яковлевой, доктора искусствоведения, профессора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, о биографии и творчестве русского художника В.И. Шухаева; М.Г. Литавриной, доктора искусствоведения, профессора Москов-

ского государственного университета им. М. В. Ломоносова, о жизненном и творческом пути актрисы Е. А. Полевицкой; М. С. Глинки, члена Союза писателей Санкт-Петербурга, члена Всемирного клуба петербуржцев, председателя Совета БФ им. Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам», о своих воспоминаниях о контактах и встречах с бывшими русскими эмигрантами, которые были принудительно возвращены в СССР или вернулись туда по своей воле; Е. П. Щегловой, литературного критика, члена Союза российских писателей, члена Союза писателей Санкт-Петербурга, председателя секции критики и литературоведения, главного редактора Российского института истории искусств, о творчестве прозаика, публициста и фельетониста Натальи Ильиной (1914–1994).

Среди зарубежных докладов – доклады: С. Е. Арро, писательницы и критика, члена Пушкинского общества Германии (Франкфурт-на-Майне, ФРГ), о практической деятельности Национально-трудового союза (солидаристах) в Европе по окончании Второй мировой войны; М. Г. Талалая, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника и представителя Института всеобщей истории РАН в Италии (Милан), о судьбах людей, оказавшихся в Италии после Второй мировой войны.

В четвертой части книги представлены доклады о петербуржцах-эмигрантах и жизни эмиграции на территории, входящей ныне в Ленинградскую область.

В этой части книги представлены 8 докладов. В первую очередь стоит отметить доклад Петра Николаевича Базанова, доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, члена Экспертного совета по вопросам Российского Зарубежья при Комитете по внешним связям Санкт-Петербурга, председателя оргкомитета Международной конференции «Слепухинские чтения – 2014», об обзоре материалов по истории русской эмиграции (культурная и издательская деятельность) на территории современной Ленинградской области. Доклад о русских эмигрантах-террористах в Финляндии по материалам своей книги «Курьер Маннергейма» предоставила писатель, публицист и переводчик, член Объединения научных писателей и союза переводчиков Финляндии, член Союза писателей Санкт-Петербурга Элеонора Иоффе (Хельсинки). Станислав Вячеславович Степанов – библиотекарь Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского – проинформировал о гатчинском писателе и публицисте Н. Н. Карпове. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра комплексного изучения российской эмиграции (Института научной информации по общественным наукам РАН) Виктория Геннадьевна Шаронова рассказала о петербуржцах в Шанхае. Соискатель ученой степени кандидата филологических наук Северо-Кавказского федерального университета Диана Евгеньевна Костенко продемонстрировала выявление характерных признаков экзистенциального самосознания

младшего поколения писателей-эмигрантов первой волны и попытки выхода из экзистенциального кризиса в творчестве В. Набокова и Г. Газданова. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного педагогического института Яна Всеволодовна Погребная сосредоточилась на структурном и мотивном анализе романа В. Набокова «Подвиг» (1932). Кандидат физико-математических наук, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов Алексей Анатольевич Бондаренко и кандидат культурологии, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов Владимир Леонидович Мельников акцентировали внимание на обзоре культурного наследия Рерихов в XX в.: в частности, на связях Н. К. Рериха с российской педагогической наукой в эмиграции, на жизни и трудах биолога В. К. Рериха, востоковеда Ю. Н. Рериха и художника С. В. Рериха. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов Марина Николаевна Мосейкина рассказала о петербуржцах-репатриантах из Южной Америки.

В заключительном слове Евгенией Щегловой справедливо отмечено, что материалы этой конференции дают возможность понять и почувствовать духовное состояние нашего общества, в истории которого эмиграция стала важнейшей нравственной составляющей.

Книга снабжена также приложениями и качественным иллюстративным материалом.

Если бы выпала возможность попросить автограф у Юрия Григорьевича Слепухина, я бы обязательно задала бы ему вопрос: «Количество вопросов, задаваемых Вам жизнью, равняется количеству ответов на эти вопросы?»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Глинка — *Глинка* М. С. «Несколько слов о незавершенном романе Юрия Слепухина». URL: www.yslepukhin.ru/cms_alexeiv1/news/upload-files/news/2013/26_07/glinka.pdf.

Неврлий 2009 — *Неврлий* М. Минуле і сучасне: Збірник слов'язнавчих праць / передм. І. Дзюби. Киев: Смолоскип, 2009. 956 с.

Чижевский 2008 — *Чижевский* Д. И. Материалы к биографии в трех томах. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. В. Янцена; коммент. В. В. Янцена и др. СПб.: Русский путь, 2008. 848 с.

EMIGRANTS AND REPATRIATES OF THE 20TH CENTURY

Rev.: Slepukhinskie chteniia — 2014: Trudy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, [sost.: P. N. Bazanov, d. i. n.; red.: Slepukhina N. A. (otv. red.) i dr.; vstup. st. k.i.n. Vladimira lur'evicha Cherniaeva]. St. Petersburg: Fond Slepukhina. ID "Petropolis", 2015. 718 p.: il.

Zubko Olga E. – PhD., specialist at the Centre of international relations and activities of Vinnytsia national agrarian University (Vinnytsia, Ukraine)

Key words: Russian emigration, culture of the Russian emigration, repatriation, Yu.G. Slepukhin, D. I. Chizhevsky.

Abstract. The published materials of the Slepukhin Readings – a conference on the history of Russian emigration and repatriation in the XX century are reviewed.

REFERENCES

Glinka M.S. “*Neskol’ko slov o nezavershennom romane Iuriiia Slepukhina*”. URL: www.yslepukhin.ru/cms_alexeiv1/news/upload-files/news/2013/26_07/glinka.pdf.

Nevrlii M. *Minule i suchasne: Zbirnik slo-v’ianoznavchikh prats’* / peredm. I. Dziubi. Kiev: Smoloskip, 2009. 956 p.

Chizhevskii D.I. *Materialy k biografii v trekh tomakh. T. 1: Materialy k biografii: (1894–1977)*, sost., vstup. st. V.V. Iantsena; koment. V.V. Iantsena i dr. St. Petersburg: Russkii put’, 2008. 848 p.

М. В. Батшев, А. А. Куницын

Рец.: *Понасенков Е. Н.* Первая научная история войны 1812 года. М.: АСТ, 2017. 800 с. (Скандалы истории)

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Наполеон, Александр I, Кутузов, Бородинское сражение.

Аннотация. Вниманию читателей предлагается критический отклик на новую книгу по истории войны 1812 г.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-214-228

В конце 2017 г. на книжных прилавках появилась книга с громким названием «Первая научная история войны 1812 года». Ее автор Евгений Понасенков дал несколько интервью в различных СМИ и устроил громкую рекламную кампанию своего произведения в социальных сетях. Подобной громкой рекламной кампании не имели даже те немногочисленные новые издания, которые вышли непосредственно к 200-летию Отечественной войны.

Активная рекламная кампания заставила обратить внимание на книгу многих читателей, которые раньше не удостаивали произведения данного автора своим вниманием. По-

вышенный читательский интерес к книге о важном периоде в истории нашей страны, который вместе с тем не часто в последнее время оказывается в сфере интересов массового читателя, вынудил и нас ознакомиться с трудом Понасенкова.

Рецензируемая книга насчитывает 22 главы, считая вместе с предисловием. Отметим только сразу, что слово «глава» в названии тех частей, на которые разбит текст книги, отсутствует, а каждая из них не пронумерована и имеет собственное название. Мы позволим себе использовать слово «глава» в нашем рассказе о книге как термин, всем понятный и привычный.

Обратим внимание на выходные данные издания. Не будем повторять уже сказанного в ходе имевшего место в социальных сетях обсуждения рецензентов работы, указанных в начале издания. Скажем про не часто встречающийся в книжных изданиях копирайт — «концепция макета

© Батшев М. В., Куницын А. А., 2018
Батшев Максим Владимирович — научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва); bmv@list.ru
Куницын Александр Александрович — аспирант института истории и политики МПГУ (Москва); alexandermartes@mail.ru

обложки», который автор закрепил за собой. Также особо бережно Понасенков относится к изобразительным материалам своего издания — публикация и распространение иллюстраций возможны только с письменного согласия его автора. В конце книги мы видим набранное курсивом сообщение от издательства: «Публикуется в авторской редакции». Вероятно, таким образом издательство постаралось несколько дистанцироваться от данного произведения, или же автор, профинансировав выход книги, сделал это с условием избежать вмешательства издательских редакторов в текст. Впрочем, лучше прекратить заниматься предположениями, а перейти к тексту.

Главный наш совет к читателям данной книги — просто пропускать места с напыщенными рассказами автора о его участии в многочисленных телевизионных передачах. Они, на наш взгляд, совершенно отвлекают от содержания книги.

В заключении предисловия, названного Понасенковым «От автора», он упоминает о «десятках опубликованных в научных изданиях ВАК статей» (с. 12). Обратимся к авторской библиографии, представленной на страницах 734–737. В ней есть разделы: книги, научные статьи, научно-популярные и публицистические статьи, интервью, Евгений Понасенков о войне 1812 г. в ресурсах Интернета. Раздел «Научные статьи» насчитывает 13 названий. Из них 5 названий — это публикации автора в сборниках тезисов докладов, издаваемых различными музеями, имеются также 3 публикации в сборниках материалов студенческих конфе-

ренций МГУ, одна статья в журнале «РОДИНА» (единственный журнал, действительно относящийся к списку ВАК. — А. К., М. Б.), 2 публикации в зарубежных изданиях. По одной статье опубликовано в Бюллетене Научного совета Российской Академии наук «История международных отношений и внешней политики России» и в журнале исторического факультета МГУ «Экономическая история: Обозрение». Очень хотелось бы спросить у автора, где же обещанные десятки статей?

Первая глава «Научной истории» с названием «Историография» намекает, что перед нами не сборник статей талантливого публициста, а научное исследование. Вместе с тем данный раздел щедро снабжен авторскими воспоминаниями о студенческих годах и поставленных им на различных театральных сценах спектаклях, что, как нам представляется, несколько снижает его научную ценность. Потому постараемся оставить эти пассажи в стороне и остановиться только на собственно историографии.

Автор пишет, что первым исследователем войны 1812 г. был Дмитрий Иванович Ахшарумов, который выпустил в 1819 г. «Описание войны 1812 года» (с. 15). Понасенков приписывает себе лавры первооткрывателя этой работы: «Как это не удивительно, но мои коллеги почему-то не сочли должным изучить сие первое из созданных русскоязычных описаний войны 1812 года. Я же нашел его и внимательно прочитал» (Там же). Не хотелось бы разочаровывать автора, но работа Ахшарумова давно известна в историографии

1812 г. Достаточно обратиться к ставшей уже классической работе А. Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика» (Тартаковский 1980). В ней на с. 152–156 подробно рассказана история создания Ахшарумовым его книги. Воссозданная Тартаковским история написания этой книги позволяет ответить и на другой вопрос, поставленный в историографической главе у Понасенкова: почему русские генералы не писали книг о кампании 1812 г.? Ответ на него довольно прост, как нам представляется. Им не надо было этого делать. Для описания хода войны и прославления подвигов отдельных военачальников существовали походная типография под началом Кайсарова и целая группа офицеров-литераторов, служивших в качестве адъютантов у высшего генералитета. Эти офицеры, и в том числе Д. И. Ахшарумов, и создали впоследствии первые произведения о войне 1812 г.

Еще одним любопытным моментом в той же связи является то обстоятельство, что упомянутая книга Тартаковского все же присутствует в списке литературы, приведенном автором в конце работы. Отмеченное нами очевидное несоответствие авторских построений проработанной им же историографии заставляет предположить, что ее включение в библиографический список было произведено автоматически, без ознакомления с содержанием книги.

В своем историографическом разделе Понасенков часто цитирует русского дореволюционного историка А. С. Трачевского, который

много писал о внутренней политике императора Наполеона I. Чем вызвано доверие к трудам именно этого специалиста, автор не посчитал нужным объяснить. В дальнейшем Понасенков включает в историографический обзор только тех авторов, которые негативно оценивали императора Александра I и всю его политику. Подбор и анализ последующей историографии раскрывает также и еще одну цель — показать, что при Бородино русская армия потерпела поражение, но стараниями пропагандистов от истории был создан миф о ее победе в этой битве. Много внимания Понасенковым уделяется в этом контексте Е. В. Тарле. Относительно него автор замечает, что в его самой известной книге, биографии Наполеона, вообще отсутствуют какие бы то ни было ссылки на источники и литературу. В дальнейшем, говоря о Тарле, он пишет о «культе и незаслуженной популярности работ сталинского историка» (с. 34). После этого обильно цитируется монография Б. С. Кагановича о Тарле, в которой были скрупулезно прослежены различия между разными прижизненными изданиями Е. В. Тарле.

Работе автора явно вредит излишняя публицистичность, которой он злоупотребляет при рассказе о своих научных контактах с академическим сообществом. Описывая свое выступление на Научном совете Российской академии наук (так в тексте. — А. К., М. Б.), он сравнивает это со спортивным забегом, и дальнейшее его изложение сделало бы честь публицистическому тексту, но не монографии. Приведем типичный пример такой публици-

стичности: «Кстати о беге и спорте: по заявлению министра образования и науки РФ, религиоведа, а в прошлом школьного преподавателя пения, О.Ю. Васильевой (1960, Бугульма, СССР), только в 2016 году на уроках физкультуры погибли 211 детей. Стоит подчеркнуть, что от Наполеона или, предположим, солдат НАТО ни один русский ребенок не пострадал» (с. 62). Авторское самолюбование столь же буйно расцветает на следующей странице: «Для того, чтобы объединить все эти разрозненные течения, изучающие войну 1812 года, я созвал еще в октябре 2002 года **Первую все-российскую межвузовскую конференцию**» (с. 63). Как мог студент 3–4-го курсов исторического факультета по своей инициативе один созвать межрегиональную конференцию — для нас большая загадка.

В начале второй главы своего труда, которая носит название «Российская империя — предыстория», автор пишет о расшифрованном недавно геноме неандертальца; какое это имеет отношение к «первой научной истории войны 1812 года» — понять затруднительно. Возможно, столь обширный заход объясняется отсутствием у автора диплома об окончании исторического факультета и, соответственно, отсутствием навыков и умения прорабатывать и организовывать большие массивы информации. Правда, иногда хорошими профессиональными историками становились и люди с другим базовым, но при этом не менее фундаментальным образованием.

Одной из любимых идей автора, проходящих через всю книгу, яв-

ляется утверждение о том, что в 1812 г. в России полыхала настоящая крестьянская война. Согласно гипотезе автора, в крестьянской войне готовы были принять участие и казаки, в том числе и казачьи полки, находившиеся в составе действующей армии под командованием М.И. Платова. Упомянув их командира, он приводит обширный фрагмент из письма Ф.В. Ростопчина к императору Александру I: «Я старался узнать образ мыслей Платова. Я жил рядом с ним. Он суетен, болтлив и отчасти пьяница. Я заключил, что теперь не следует раздражать этого человека. По неудовольствию Кутузов преследует его, а тот носится с вредными замыслами, говорит, что Бонапарт сделал ему и казакам предложение, что при дурном обороте дел, он знает, как ему поступить, что казаки за ним пойдут и пр.» (с. 105). Слепо доверяя свидетельствам Ростопчина, автор упускает из виду его характер и его положение в 1812 г. Московский генерал-губернатор, пользовавшийся одно время безграничным доверием императора, считал себя единственным честным человеком и патриотом России и периодически писал императору доносы на всех не угодивших ему генералов и сановников. Но вернемся к приведенной выше цитате. Приведя ее, Понасенков замечает: «Этот документ почему-то не любят использовать мои коллеги (или не знают о нем?)» (Там же). В данном случае, как нам представляется, автор опять демонстрирует свое незнание историографии. Достаточно обратиться к вышедшей недавно биографии Ф.В. Ростопчина (*Портной* 2017: 345), где мы находим эту

же цитату, которая прекрасно известна исследователям.

Описывая Россию начала XIX в., Понасенков много внимания уделяет личности императора Александра I. В описании императора преобладают исключительно негативные характеристики и оценки, даваемые ему современниками. Положительные оценки императора автором просто игнорируются. Особенно пристально им рассматривается его сексуальная жизнь. По мнению Понасенкова, император Александр на самом деле не интересовался женщинами, а лишь делал вид, что они его интересуют. Отсутствие интереса к противоположному полу, по мнению автора, было связано с проблемами с потенцией. История же о романе императора с Нарышкиной отмечается из-за отсутствия «репрезентативных документов» об этой связи, а про роман с фрейлиной княжной Туркестановой и вовсе не упоминается.

Мы уже привели выше примеры незнания автором историографии по теме его работы. В главе о России в 1812 г., в параграфе под названием «Украина, Литва и степь» он демонстрирует не менее глубокие познания в археографии. Так, на с. 156 приведена заметка из газеты «Литовский курьер», в которой рассказывается о некой украинской женщине, которая пришла к князю Чарторыйскому с просьбой дать ей оружие, чтобы она могла сражаться с русскими. Этой заметке предшествует самодовольный комментарий: «Сейчас я впервые опубликую **интереснейший документ эпохи**

(выделено в тексте книги, с. 156). Однако странная какая-то «первая публикация» получается. Если обратиться к ссылке, то оказывается, что эта заметка уже была напечатана в издании «Сборник императорского русского исторического общества. Т. 128. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Собранные и изданные К. А. Военским. СПб., 1909 Т. I. С. 275». Так что данная публикация в книге Понасенкова никак не может быть названа первой публикацией. Добавим к этому, что Понасенкову было лень указывать полное название сборника документов и в его сноске он значится так: «Военский К. А. Акты, документы и материалы для истории 1812 года» (с. 173).

Характеризуя Россию в начале XIX в., автор относит к современникам эпохи 1812 г. В. Г. Белинского (с. 163), забывая, что тот родился в 1811 г. Как годовалый младенец мог быть человеком эпохи 1812 г.?

Мы уже отмечали пробелы в общепрофессиональных знаниях у автора. Очередное подтверждение этому встречается в главе «Австрия между Россией и Францией»: «В настоящее время мы располагаем значительным комплексом первоисточников по теме, опубликованных как в России, так и за рубежом, а также находящихся в архивах» (с. 177). Все-таки авторы вузовских учебников по источниковедению нас учили тому, что в архивах хранятся не первоисточники. Архивы хранят документы, которые в процессе исследовательской деятельности становятся (или не становятся

ся) историческими источниками. Собственно говоря, это начальный курс источниковедения. Основы профессии. Позволим себе предположить, что эта очень важная в профессиональном смысле информация прошла мимо Понасенкова во время его незавершившейся учебы.

Впрочем, не лучше обстоят дела у автора и с другими научными дисциплинами. Стараясь блеснуть перед читателями своими глубинными «познаниями», он относит доминантность, зависть и ущемленное самолюбие, которые «известны еще палеоневрологам» (с. 210), к характерным чертам приматов. Палеоневрология изучает строение мозга по отливу внутренней полости черепа — эндокрану, и в этом смысле создает лишь материальную основу для изучения поведения древних гоминид, которым занимаются представители других наук, таких как палеопсихология, этология приматов и др. Автор также забывает азы школьного курса биологии: к отряду приматов принадлежат как «блистательный правитель и demi-ург» Наполеон Бонапарт, так и лично сам Понасенков. Это заявление заставляет усомниться и в научном понимании автором таких вещей, как макроистория, мегаистория, метаистория, антропология, семиотика и феноменология, при помощи которых он настоятельно пытается «возвыситься над днем, месяцем, годом» в нашу «эру полетов в космос и пересадки внутренних органов» (с. 298–299).

В начале четвертой главы «Причины войны, подготовка и планы

сторон» Понасенков вновь демонстрирует профессиональную некомпетентность. Теперь уже в области методологии. По его словам, необходимость видеть главное, суть явления — «важнейшая особенность, средство, и даже отчасти цель научного исторического анализа» (с. 209). За многочисленными метафорами автор скрывает свое непонимание различий между базовыми общенаучными понятиями «цель» и «методы». Вероятно, те исследователи, для которых эти понятия не являются непреодолимой стеной, по мнению Понасенкова, и «проигрывают этот интеллектуальный бой с кокетливо скрывающей свои секреты Историей», а то и вовсе являются фальсификаторами (Там же).

Вероятно, свой метод, увы, не новый в современной исторической науке, автор прекрасно показывает на примере цитирования работы Н. П. Михневича, «который уверенно писал, что в 1805–1807 гг. русские воевали в Европе: “не за свои интересы”» (с. 210). Четыре слова, так нужные Понасенкову, были грубо вырваны им из контекста. Михневич в своем труде не анализировал кампании русской армии 1805–1807 гг. и лишь одной фразой отметил различия в характере прошедших русско-французских войн и войны 1812 г. Позволим себе привести цитату Михневича полностью. «Наполеон готовился, как он говорил, ко второй Польской войне, а вышла первая Русская война, в которой с полным напряжением сил приняли участие и армия, и народ. В двух же предыдущих войнах с Наполеоном, в кампаниях 1805

и в 1806/07 г., участвовала только часть армии, да и боролась она скорее за чужие, а не за свои интересы; поэтому и настроение армии, и отношение русского народа к этим войнам было далеко не таким, как в 1812 г.» (Михневич 2003: 84–85). Целиком эта цитата полностью опровергает всю концепцию Понасенкова, но его это явно не смущает.

«Анализируя» причины войны, Понасенков заявляет, что экономические особенности процесса присоединения к блокаде Англии, прусские реваншисты, демарши Англии, борьба элит в России и пр. — все это «не должно нас обманывать и уводить от **подлинной, глубинной пружины** (выделено в тексте книги, с. 211), готовой разжаться и устроить новую страшную агрессию». То есть автор, заявляющий об истинной научности своей работы, в то же время предлагает нам игнорировать целый ряд важных исторических сюжетов и проблем. Потому что все это, по его мнению, не важно. А единственная истинная причина — **«изначальная конфликтность Александра»** (выделено в тексте книги, с. 212), а также последовавшее за этим его унижение вследствие Аустерлица.

В главе присутствует очередной самодовольный комментарий, который должен подчеркнуть необычайную прозорливость автора: «Я процитирую важный документ, который почему-то практически не попадал в область внимания моих коллег». Он цитирует письмо императрицы Елизаветы Алексеевны к своей матери по недавнему изданию «Елизавета и Александр.

Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826» (М., 2013). Однако это письмо, и, вероятно, Понасенков об этом не знает, было опубликовано и в журнале «Русский архив» (Русский архив 1909: 427–428). В другом, конечно же, переводе, но содержание остается прежним. Вообще это письмо хорошо известно исследователям. Его частично цитирует Анри Труайя в своей работе «Александр I, или Северный Сфинкс» (Труайя 1997: 97), впервые увидевшей свет во Франции еще за год до рождения Понасенкова. Цитирует это письмо, правда со ссылкой на работу Труайя, и «злостный плагиатор трудов Понасенкова» О. В. Соколов в монографии «Битва двух империй. 1805–1812» (Соколов 2012: 134). Но если для Труайя изменения в поведении императора Александра объясняются в первую очередь его личными переживаниями, зависят от полученного нового личного опыта, связанного прежде всего с предательством австрийцев, то у Понасенкова это переживание совсем другого рода — от унижения Наполеоном, месть за которое и станет причиной будущих русско-французских конфликтов. Тут хочется спросить у автора: если Александр так тяжело переживал унижение, то почему он не захотел отомстить и австрийцам за предательство в 1805 г., когда ему предоставлялся такой шанс, например, в 1809 г.? И почему не обрушил всю ярость своего «палеодоминирования» на вспомогательный корпус Шварценберга в 1812 г.?

Вторая часть главы посвящена проекту женитьбы Наполеона на сестре

русского императора. Понасенков указывает на несостоятельность мифа о том, что возможная свадьба была сорвана из-за нежелания Марии Федоровны, не готовой склониться перед волей сына и государственными интересами и выдать дочь замуж за французского выскочку и ищущие революции. При этом опять же в трактовке автора мотивом отказать от династического союза с Францией выступает «ущербность и жажда реванша Александра, чей организм требовал сублимации отсутствия половой жизни и требовал войны» (с. 214).

Понасенков старается составить, крайне неудачные на наш взгляд, психологические портреты глав государств и противопоставить их: 43-летний Наполеон, у которого красавица-жена и любимый сын, и обидчивый, бездетный (о количестве внебрачных детей автор при этом скромно умалчивает), якобы страдающий от импотенции «неудачник» Александр (Там же). Получается, что Наполеон, погруженный в семейные дела, вовсе не искал войны с Россией, а, наоборот, жаждал с ней крепкого союза, чтобы навредить своему главному противнику – Англии, спонсору антифранцузских коалиций, с которой, кстати, он тоже не желал воевать (с. 215).

Наполеон Понасенкова – это demi-ург, полубог, который по щедроте душевной и своему политическому гению постоянно протягивает русскому императору, которым оказался ущербный завистливый «примат», руку дружбы и мира. Наполеон Понасенкова – это не толь-

ко великий военный деятель, но и аналитик с элементами оракула! «В 1811 г., – пишет Понасенков, – Наполеон заявил: “Я полагаю, что Россия объявит мне войну в 1812 г.” Так и произошло: весной 1812 г. Российская империя объявила войну Франции» (с. 218).

Стоп! Все эти мегаистория и метаистория, семиотика и феноменология, возвысившие Понасенкова над днем, месяцем и годом, вероятно, перенесли его в абсолютно другую реальность. А как же воззвание Наполеона к солдатам от 22 июня 1812 г., где император обвинил Россию в нарушении Тильзитского соглашения и назвал нападение на нее второй польской войной? Как же переход Немана и начало наступательной войны? Бросив эту фразу, автор даже не считает нужным хоть как-то ее прокомментировать. Он сразу переключает внимание на противостояние Франции и Англии и на последствия континентальной блокады для Лондона.

После идет рассказ о поездке Наполеона в Дрезден в мае 1812 г., где собрались германские монархи и где он тратит почти две недели на светское общение, «чтобы продемонстрировать Александру единство союзников Наполеона, что могло бы остановить агрессивные намерения русского царя» (с. 219). Эта фраза вступает в логическое противоречие с вышесказанным: странницей ранее Россия уже объявила войну весной, а здесь во второй половине мая (в самом конце весны) Наполеон лишь принимает меры против намерений Александра. Не будем углубляться в историю

встречи монархов. Никакой речи о демонстрации единства, конечно же, не шло. Наполеон уже был готов вступить на территорию России, и ему требовалось лишь обеспечить надежный тыл, чтобы не ожидать от Австрии и Пруссии, питавших к нему определенное неприятие, удара в спину. И вообще, по мнению автора, открывающего нам доселе неизвестный факт, коварные замыслы Александра якобы сорвали **планы Наполеона о поездке в Италию — в Рим** (выделено в тексте книги, с. 222), с целью «символическим путешествием закрепить исторические свершения». Единственная ссылка здесь — на труд Е. Д. Федотовой, посвященный биографии замечательного итальянского скульптора Антонио Канова. Другим фактом, подтверждающим эту информацию, для автора стала подготовка мебели из дворцов Наполеона к отправке в Италию. Наверно, после открытия столь неоспоримого факта, все русские туристы должны быть особо благодарны Евгению Понасенкову, что лишь благодаря его заботе смотрители музея Наполеона в Риме показывают эту мебель россиянам сразу по их прибытии, о чем автор тоже не забыл рассказать (с. 223).

Далее автор рассматривает шпионаж стран накануне войны. Со стороны России это было, считает он, подлостью, которую терпел французский император, а французский шпионаж был малоэффективен лишь потому, что Наполеон не озаботился разведкой, потому что не планировал воевать с Россией (с. 225). Понасенков рассматривает введение в 1811 г. в России изуче-

ния Закона Божьего как подготовку народа к «религиозному терроризму», попытку царя «найти любые идеологические клещи, которыми можно вытянуть из невежественного населения энергию на совершенно ненужную войну» (Там же). Трудно представить, что менее чем за год такая пропаганда, в условиях затруднительной коммуникации, могла дать столь быстрый результат. Но опять же, автор лишь как кость бросает читателям факт, за чем-то приплетая сюда еще недавний скандал с фильмом «Матильда», не имеющий вообще никакой связи с обсуждаемой темой, и не пытается провести никакого исследования. Мол, и так все понятно, и затем продолжает свое бессвязное повествование.

И вот, наконец-то, мы видим объяснение тезиса, почему Россия объявила Наполеону войну весной 1812 г.! По мнению автора, **с юридической точки зрения война на территории Российской империи началась задолго до перехода Наполеоном Немана** (выделено в тексте книги, с. 227). А именно 28 апреля, с введением в западных губерниях чрезвычайного (что в то время означало: военного) положения. Однако исследователь не дает никакой ссылки на этот указ, а лишь отсылает к работе А. Е. Тараса «Трагедия Беларуси» (Минск, 2012), где мы тоже не находим никаких ссылок на первоисточник. Конечно же, именно с юридической точки зрения указ для внутреннего исполнения подданными империи никак не может автоматически обозначать начало войны с внешним противником, а лишь начало к ее

подготовке. Приводя так любимые автором аналогии, нельзя сказать, что ежегодный приказ президента РФ «О призыве граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе, на военные сборы» является объявлением войны всему миру.

Говоря об идейных истоках войны, Понасенков противопоставляет свободную в своем выборе Францию и «страну рабов, страну господ» — Россию. К тому же, как отмечает автор, несмотря на весьма невысокое мнение французов о России как о стране, «где боятся прогресса и просвещения», Наполеон лично публикует в газетах лестные статьи о России, чтобы поднять ее в глазах общественного мнения. Французский император был убежден, что при правильной системе управления Россия вполне может стать «фактором баланса европейских сил» (с. 229–230). Правда, все эти статьи императора относятся к далеким 1800–1801 гг., когда политический расклад на международной арене еще не был в пользу Франции и молодой первый консул Бонапарт активно искал поддержки России в лице Павла I, которому особенно льстили подобные публикации.

В следующей части перед читателями раскрываются планы русского командования. Сразу же Понасенков сетует, что **Николай I действительно уничтожил много документов, могущих пролить свет на вину России в агрессивном развязывании войны против Франции в 1812 г.** (выделено в тексте книги, с. 241) и способных тем

самым очернить императорскую семью и разрушить миф о войне как «Отечественной». Автор обвиняет Россию в подготовке агрессивной войны начиная с 1810 г., ссылаясь на многочисленные записки генералов о планах на возможную войну (с. 245). Однако план М. Б. Барклая де Толли, одобренный Александром I и принятый в 1810 г., носил сугубо оборонительный характер, предусматривая сдерживание противника на западных границах (Отечественная война 1900: 3–5). Эта записка является не продуктом агрессивных устремлений самого генерала, а только следствием исполнения им своих прямых обязанностей на посту военного министра, отвечавшего за стратегическую и тактическую подготовку страны к любому возможному конфликту. Понасенков должен знать этот документ, потому что этот сборник документов представлен в библиографии.

В качестве весомого аргумента в пользу проводимой точки зрения содержится ссылка на «похороненную автором в столе» неопубликованную ранее диссертацию советского историка В. В. Пугачева, которую Понасенкову удалось заполучить лишь благодаря Ч. Дарвину и провидению (с. 244–245). Однако отвечает ли элементарным принципам научности отсылка к неопубликованным материалам, доступ к которым есть только у одного человека? Понасенков не считает нужным привести каких-то значительных выдержек из работы.

Отдельно стоит отметить обилие иллюстраций в книге. Их количество

огромно, но большинство не несет никакой смысловой нагрузки для содержания труда. Здесь есть и открытки, и фотографии французских пуговиц, даже эполеты Понятовского. Все эти иллюстрации были размещены, что нам представляется очень вероятным, лишь с одной целью — показать размер личной коллекции Понасенкова, его обладание артефактами эпохи и связанными с ней вещами более позднего времени. Вероятно, по мнению автора, это должно придать больше научности его труду. Часть иллюстраций, по его уверению, публикуется впервые, как, например, изображение «Французы вспоминают свои приключения в России» (с. 352). Однако тут же автор упоминает, что это иллюстрация из книги Монтгомери Б. Гиббса 1895 г. Если эта иллюстрация была уже опубликована и в наш век продвинутых технологий книга Гиббса доступна для просмотра (благо она находится в свободном доступе), то причина, по которой Понасенков уверяет своих читателей в оригинальности ее публикации, — остается загадкой.

Далее автор ставит русским генералам в упрек, что они не атаковали французов во время переправы через Неман, полагая, что в этот момент они могли иметь двух-, а то и трехкратное преимущество (с. 268). Автор уверен, что его **«предшественники совершенно запутались в терминах»** (выделено в тексте книги), пытаясь разумно оценивать то неразумное, что совершалось царем (с. 265). Он предполагает, что психическая неадекватность Александра I (что Понасенков предлагает принять

как факт) и следующая за этим невозможность точной расшифровки его мыслей дают повод усомниться в том, что император знал и понимал, что такое «наступление» и «отступление» (Там же), и это вкупе с личной конфронтацией генералов и привело к сумятице на первом этапе войны.

В седьмой части книги Понасенков проявляет знание математического анализа, он рассказывает про новейшую **алгоритмическую систему предсказания рецидивизма** (выделено в тексте книги), которую автор называет непредвзятой «машиной», борющейся с нынешней тотально «политкорректной» западной системой. На самом деле это искусственный интеллект, который, по мнению многих специалистов, нельзя создать полностью объективным в силу субъективности самого его создателя — человека. С помощью нехитрой математической программы (предположительно калькулятора) Понасенков предлагает подсчитать, сколько раз Россия ходила войной на Францию со времен похода Суворова. Зачем ему понадобилась специальная программа, чтобы досчитать до трех (а при Александре и вовсе до двух), остается непонятным, а тем более неясно, зачем он упоминал про специальный алгоритм предсказания, которым не пользовался. Однако это сложное псевдоматематическое исследование приводит его к неожиданному выводу, что был вероятен рецидив агрессии со стороны Александра I (с. 270).

Следующая глава работы, озаглавленная как «От Немана до Москвы:

начало гражданской войны в России», начинается с сетования автора, что «чуть ли не главный бич исторической науки (на пути ее становления в этом качестве): описательность – вместо анализа, примитивное рефлекторное перечисление трафаретных событий – вместо понимания сути явления, феномена» (с. 298). Именно поэтому следующие страницы труда наполнены описанием архитектурных стилей, статуй и пр. Далее Понасенков обращается к междисциплинарному подходу и отмечает достижения нейрофизиологов, а также к своим познаниям в областях морфологии мозга (с. 303). Вывод его прост – Наполеон гений, и это «суровый диктат научной реальности». Однако весьма маловероятно, что автор обладает результатами электроэнцефалографии или снимками МРТ мозга Наполеона, чтобы делать такие непроверяемые научные доказательства гениальности французского императора. Его подтверждения – лишь слова И. В. Гете о Наполеоне.

Труд изобилует использованием большого числа мемуарных источников, но в каждом цитировании проглядывает полная избирательность и отсутствие даже намека на попытку их критического анализа автором.

За многочисленными красивыми фразами о несостоятельности других историков Понасенков скрывает, как нам представляется, свой дилетантизм и некомпетентность. Он объявляет себя одним из первых, кто обратился к такой теме, как численность противоборствующих

армий. При этом он бесцеремонно игнорирует почти 200 лет исследовательской традиции этого вопроса, которыми занимались такие специалисты, как Богданович, Бескровный, Тарле, Соколов, Шведов и др., возлагая на себя венок данного исследовательского ноу-хау (с. 307).

Говоря о характере армии Наполеона, автор указывает, что именно в этот момент **«Европа впервые в Истории была единой»** (выделено в тексте книги, с. 318). Но о каком единстве идет речь, если чуть ранее Понасенков писал, что 44,8% составляли иностранцы, которые еще совсем недавно воевали в составе антифранцузских коалиций, а Пруссия и Австрия уже в 1812–1813 гг. перейдут на сторону России (с. 316)?

В описаниях боевых действий Понасенков так же неоригинален. Бестолковые русские генералы, возглавляемые неадекватным русским царем, вели «скифскую» войну, которая в первую очередь вредила жителям России (с. 355). Вследствие этого, по мнению автора, война имела антиотечественный характер и была направлена против своего же народа (с. 363). Гений Бонапарта выиграл абсолютно все сражения в 1812 г., вопреки огромным небоевым потерям (с. 334). Оценивая Бородинское сражение, Понасенков пишет, что **«фактически поражение русских было предreshено»** (выделено в тексте книги, с. 387), а результат – полная безоговорочная победа французской армии (с. 401). Ссылаясь на письма офицеров французской армии, автор приходит к выводу о «полном разгроме

и разложении русской армии после Бородина», за которой последовала катастрофа — капитуляция Москвы (Там же). В контексте этих рассуждений не совсем ясны причины последующего бесславного окончания всей наполеоновской российской кампании 1812 г.

В своей работе Понасенков использует «один из любимых методологических приемов исследования прошлого — сопоставление исторического явления в развитии» (с. 330). Однако вроде бы похвальное желание автора следовать принципу историзма оборачивается его же полным игнорированием — постоянным и зачастую весьма неуместным сравнением войны 1812 г. с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Следующая глава «Наполеон в Москве: продолжение гражданской войны» начинается с обширного и бесполезного для содержания работы художественного описания Москвы 1812 г. Но это не мешает Понасенкову чуть ниже обвинить других исследователей в графомании (с. 480).

Стоит отметить любопытный момент, касающийся характера ссылок автора на архивные документы. «Отправляемся в архив ЦИАМ — и берем в руки документы, которые до сего момента не цитировал ни один из авторов исследований о войне 1812 года!» (выделено в тексте книги, с. 444). Однако приведенные им документы были опубликованы в сборнике: (Москва и Отечественная война 2011: 531–532). Примечательно, что цитирование документов автор

производит в том же порядке, в котором они приведены в сборнике. Это дает повод предположить, что господин Понасенков даже не держал эти документы в руках и, вероятно, даже не бывал в архиве. То же самое касается и других архивных документов, приведенных в труде.

В главе «От Москвы до перемирия 4 июня 1813 года — и гражданская война в России» автор дает оценку сражения под Малоярославцем. Сравнив силы и потери после боя, он приходит к заключению, что победа однозначно осталась за французами (с. 518), а Наполеон продолжил свой маневр к Смоленску. На основе мемуаров Понасенков сообщает, что сражение при Красном — великолепно выполненная маршалами и генералами Наполеона оперативно-стратегическая задача: они не позволили русской армии преградить путь (с. 533). Как о блестящей победе французского оружия он говорит и о тяжелой переправе через Березину. **«Наполеон покидал Россию не побежденным, ибо во всех сражениях, в которых руководил войсками Великой армии, он стяжал тактический и стратегический успех, еще раз подтвердив свои дарования полководца на берегах Березины»** (выделено в тексте книги, с. 554). Неудача русской кампании Наполеона Понасенков возлагает лишь на тот факт, что русский император был готов жертвовать чем угодно ради удовлетворения собственного честолюбия, что обернулось в конце концов катастрофой для самой России (с. 559).

Единственным победителем войны 1812 г. Понасенков называет Англию,

а точнее британских олигархов, неплохо нажившихся на поставках в Россию оружия (с. 593–594). Для России же она обернулась поражением и нравственным позором (с. 599).

Следующая глава «О целях и характере антифранцузских коалиций конца XVIII – начала XIX в.» представляет собой краткий обзор европейского конфликта начиная с 1792 г. Автор указывает, что Франция объявила войну Австрии и Пруссии в ответ на вмешательства в свои внутренние дела, следовательно, война имела исключительно оборонительный характер (с. 635). Франция, будь то революционная или наполеоновская, несла просвещение и антифеодальное устройство, которые ее соперники не могли оценить, либо вовсе им противились (с. 641).

Глава «Наполеон и Александр I: Европа между здравым смыслом и мракобесием» представляет собой попытку сравнить видение Европы двумя императорами. Нарушая принципы историзма, Понасенков анализирует проекты того времени «с позиции нашего опыта, живущих через 200 лет после описываемых событий» (с. 248). Он приходит к мысли, что именно из-за консерватизма взглядов Александра I Европа пошла по кровавому и долгому пути революций и страшных войн.

P.S. Мы не стали делать разбор всей книги. Нам представляется, что из проанализированных нами глав, которые уже составили почти целый печатный лист, читатель вполне может составить представление о всей работе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Михневич 2003 – *Михневич Н. П.* Отечественная война 1812 г. // История русской армии: В 7 т. Т. 2. СПб., 2003.

Москва и Отечественная война 2011 – Москва и Отечественная война 1812 г.: В 2 кн. / авт.-сост. Д. И. Горшков. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. Кн. 1.

Отечественная война 1900 – Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. I. Ч. 2. СПб., 1900.

Портной 2017 – *Портной Л. М.* Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М., 2017.

Русский архив 1909 – Русский архив. Вып. 9–12. М., 1909.

Соколов 2012 – *Соколов О. В.* Битва двух империй. 1805–1812. М., 2012.

Тартаковский 1980 – *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

Труайя 1997 – *Труайя А.* Александр I, или Северный Сфинкс. М., 1997.

Rev.: Ponasenkov E. N. Pervaia nauchnaia istoriia voiny 1812 goda. Moscow: AST, 2017. 800 p. (Skandaly istorii)

Batshev Maxim V. – researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D.S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Kunitsyn Alexander A. — postgraduate student of the Institute of history and policy, MPGU (Moscow)

Key words: the military campaign of 1812, Napoleon, Alexander I, Kutuzov, the Battle of Borodino.

Abstract. A critical response to a new book on the history of the Napoleon's Russian campaign of 1812 is published.

REFERENCES

Mikhnevich N.P. *Otechestvennaia voina 1812 g. Istoriiia russkoi armii: V 7 t. Vol. 2.* St. Petersburg, 2003.

Moskva i Otechestvennaia voina 1812 g.: V 2 kn., avt.-sost. D. I. Gorshkov. Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniia goroda Moskvy, 2011. Kn. 1.

Otechestvennaia voina 1812 goda. Materialy Voenno-uchenogo arkhiva. Otd. I. Vol. I. Ch. 2. St. Petersburg, 1900.

Portnoi L.M. *Graf Rostopchin. Istoriiia nezauriadnogo general-gubernatora Moskvy.* Moscow, 2017.

Russkii arkhiv. Vyp. 9–12. Moscow, 1909.

Sokolov O. V. *Bitva dvukh imperii. 1805–1812.* Moscow, 2012.

Tartakovskii A. G. *1812 god i russkaia memuaristika.* Moscow, 1980.

Truaiia A. *Aleksandr I, ili Severnyi Sfinks.* Moscow, 1997.

ОБ ОСВЕЩЕНИИ В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ ДЕСЯТОГО КЛАССА СОБЫТИЙ 2014 г. НА УКРАИНЕ И РЕАКЦИИ В СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ РФ. Комментарии для ИЭ

Ключевые слова: Крым, Украина, события 2014 г. на Украине, учебные пособия по истории.

Аннотация. Трактовка в российском учебнике присоединения Крыма к России в 2014 г. вызвала реакцию в Совете Федерации России.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-229-231

По сообщению агентства «Интерфакс», Минобрнауки РФ отправило на дополнительную экспертизу учебник по новейшей истории России для десятого класса, к которому возникли претензии у спикера Совета Федерации В.И. Матвиенко, в частности, из-за формулировки о присоединении Крыма к России.

Такое решение было принято на заседании научно-методического совета по учебникам Минобрнауки в конце декабря 2017 г., следует из протокола мероприятия, размещенного на сайте министерства. Председательствовала на заседании министр образования и науки, историк Ольга Васильева, 19 человек проголосовали «за», двое воздержались.

Речь идет об учебнике «История России: начало XX – начало XXI века» (авторы О.В. Волобуев, С.П. Карпачев, П.Н. Романов), выпущенном издательством «ДРОФА». Экспертизой учебника займется Российская Академия наук, как следует из протокола, причем результаты должны быть представлены в Минобрнауки до конца января.

К учебнику «История России» авторства Волобуева, Карпачева и Романова возникли вопросы в Совете Федерации. В октябре 2017 г. учебник в своем выступлении на пленарном заседании упомянул сенатор от Крыма Сергей Цеков, приведя из него цитату о событиях весны 2014 г.:

«Так, революция, начавшаяся в Киеве, стала явлением международной политики и на революционной волне выплеснула поплывший в другом направлении Крымский полуостров».

Такую подачу материала председатель верхней палаты Матвиенко назвала «провокационной» и предложила комитету Совета Федерации по образованию и науке «специально изучить разделы учебников по истории, посвященные присоединению Крыма».

Сам Цеков после заседания пояснил журналистам, что его возмутило, что события на Украине в 2014 г. в учебнике названы «революцией». «Как кровавый путч в Киеве можно называть революцией, как предлагается в этом учебнике? У меня как участника воссоединения Крыма с Россией такая оценка вызывает недоумение, если не сказать возмущение», — заявлял сенатор.

«Историческая экспертиза» попросила прокомментировать ситуацию авторитетных специалистов по истории и сегодняшнему состоянию российско-украинских отношений. Первыми откликнулись А. И. Миллер и В. И. Мироненко.

© Миллер А. И., Мироненко В. И., 2018
Миллер Алексей Ильич — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейского университета в Будапеште (Санкт-Петербург); millera2006@yandex.ru
Мироненко Виктор Иванович — кандидат исторических наук, руководитель центра украинских исследований Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа» (Москва); victor@mironenko.org

А. И. МИЛЛЕР

Возмущение сенатора Цекова связано с тем, что с советских времен он привык думать, будто «революция» есть слово с положительной коннотацией, а переворот или мятеж означают такие смены власти, которые нам «не нравятся». В действительности революцией называется насильственная смена власти. Реакция сенатора свидетельствует о таком уровне его квалификации, при котором ему следует рекомендовать воздержаться от оценок каких бы то ни было учебников.

Вместе с тем обсуждаемая фраза никак не может быть признана удачной, поскольку демонстрирует желание авторов учебника избежать внятной характеристики процесса, который привел к аннексии (т.е. «присоединению» в русском переводе) Крыма к России. Авторам стоит рекомендовать в этом случае внятно объяснить школьникам, какие оценки этого события используются различными участниками конфликта и почему, а затем предложить самим школьникам решить, какой термин лучше подходит для описания этого процесса.

В. И. МИРОНЕНКО

Я глубоко убежден в том, что в интересах российского общества и государства было бы такое положение вещей, когда каждый их институт занимался бы своим делом. В данном случае историки — своим, законодатели — своим. События 2014 г. и все последовавшее за ними еще слишком горячи, чтобы

по ним можно было бы сформулировать не то что единую, а даже преобладающую в академической среде, что, по-видимому, необходимо для какой-то их характеристики, точку зрения. Обращение в РАН в такой ситуации ровным счетом ничего не даст, потому что дискуссия по этой действительно очень сложной для объективной оценки проблеме в кругу историков, на мой взгляд, еще даже не начиналась. Она пока что происходит в СМИ

и в таких формах, которые не имеют никакого или почти никакого отношения к исторической науке. Вы спросите, как поступить в таком случае с учебником для школьников? Я полагаю, что надо поступить объективистски: констатировать происшедшее событие — фактически государственное управление в Крыму перешло к Российской Федерации, но переход этот не признан Украиной и большей частью мирового сообщества.

Miller Aleksei I. — doctor of historical sciences, professor of the European University in St. Petersburg and the Central European University in Budapest (St. Petersburg)

Mironenko Viktor I. — candidate of historical sciences, Head of Center for Ukrainian studies of Institute of Europe RAS, chief editor of the journal “Contemporary Europe” (Moscow)

THE COVERAGE IN TEXTBOOKS FOR THE 10TH GRADE OF THE EVENTS OF 2014 IN UKRAINE AND THE REACTION OF THE FEDERATION COUNCIL. COMMENTS FOR IE

Key words: Crimea, Ukraine, events of 2014 in Ukraine, textbooks on history.

Abstract. The interpretation in the Russian textbook on the accession of the Crimea to Russia in 2014 triggered a reaction in the Federation Council of Russia.

Н. А. Могилевский

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ 1990–2000-х гг.

Ключевые слова: Русская революция, 1917 год, преподавание, история, школа, школьный учебник, Владимир Ленин.

Аннотация. Статья посвящена проблеме Русской революции 1917 г. в российских школьных учебниках 1990–2000-х гг. Основное внимание уделено новым подходам и проблемам, поставленным после краха советской системы образования.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-232-239

Революционные события 1917 г. занимали центральное место в советских школьных учебниках по истории. Фактически Октябрь 1917 г. выступал в качестве главного водораздела: школьники учили сначала историю до Октября (освещенную в критическо-негативных тонах по отношению к самодержавию), а затем историю после победы революции (здесь речь уже шла в основном о достижениях партии и правительства). После крушения СССР эта стройная схема была уничтожена. Изменились подходы к преподаванию истории, были сделаны серьезные шаги по его деидеологизации и отрыву от политической конъюнктуры. Авторы учебников получили

практически неограниченную свободу творчества, освободившись от доктринального прессы. К тому же молодое российское государство постепенно и не без трудностей нащупывало свой идеологический фундамент: отказавшись от советских оценок прошлого, оно очень медленно вырабатывало собственные.

«Междоцарствие» не могло не отразиться в школьных учебниках, которых стало теперь гораздо больше: в 1995 г. Министерство образования начало формировать Федеральный комплект учебников, в который могли быть включены несколько пособий по одному и тому же курсу. Такая ситуация сохранялась до 2014 г., когда был утвержден новый учебно-методический комплекс (историко-культурный стандарт), задающий новый вектор в освещении истории России и, в частности, истории Русской революции. Характерно, что

© Могилевский Н.А., 2018

Могилевский Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории факультета Международных отношений МГИМО МИД РФ (Москва); melikrat@gmail.com

в соответствии с этим стандартом вопрос о «причинах, последствиях и оценках падения монархии в России, прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне» отнесен к разряду «трудных вопросов истории». В центре внимания статьи – учебники, вышедшие в период с 1995 до 2014 г.

При анализе учебников интересующего нас временного отрезка можно выделить 6 основных проблем, которые подавались авторами совершенно иначе, нежели это было принято в советской школе: 1. Понимание революционного процесса. 2. Проблема исторического выбора России в 1917 г. 3. Оценка роли Советов. 4. Феномен «маргинализации» общества. 5. Октябрьские события 1917 г. – «революция» или «восстание»? 6. Временные рамки Русской революции – включать ли в нее Гражданскую войну?

Прежде всего, по сравнению с советскими учебниками изменяется само понимание революционного процесса, приобретаемое в рассматриваемый нами период объемность и сложную структуру. В советских школьных учебниках авторы сводили суть кризиса 1917 г. к знаменитой ленинской формуле: «В стране незрел общереволюционный кризис. Налицо были все признаки революционной ситуации, которая обязательно предшествует революции. В России возник кризис “верхов”, т.е. создавалась такая обстановка, когда господствующие классы уже не могли по-старому управлять страной, а “низы”, т.е. трудящиеся массы, больше не хотели жить по-старому» (Берхин, Федосов 1975: 172).

В российских учебниках от подобного упрощенного подхода отказались, признав революцию многоуровневым явлением со сложными и не всегда очевидными взаимосвязями и взаимозависимостями. Революционный кризис стремились объяснить, обращаясь ко всему комплексу социальных, экономических, политических и даже психологических факторов. Например, интересную, сложную и объемную концепцию событий 1917 г. предлагают в своем учебнике В.П. Дмитренко, В.Д. Есаков и В.А. Шестаков. Авторы выделяют три уровня противоречий в России, существовавших к 1917 г.: глобальный (цивилизационный), общественный (социальный) и конъюнктурный. К цивилизационным относятся противоречия, обусловленные «необходимостью преодолеть ставшее опасным отставание страны от передовых индустриально развитых стран (в области технологии, производительности труда, квалификации кадров и общей культуры, вооружения армии, демократии)». В свою очередь, острейшие социальные противоречия наблюдались «между крестьянами и помещиками, рабочими и капиталистами, между городом и деревней, центром и окраинами, между разными народами и конфессиями». Наконец, противоречия конъюнктурные были порождены уже «тяготами и бедами империалистической войны» (Дмитренко и др. 1999: 79–80).

Кроме того, авторы подчеркивают, что одна «большая» революция при ближайшем рассмотрении распадается на ряд «относительно самостоятельных потоков (условно

назовем их малыми революциями). Они разворачивались в городе (пролетарско-бедняцкий поток), в деревне (аграрно-крестьянский), на национальных окраинах (национально-освободительный)». Особый революционный поток существовал, по их мнению, в армии (антивоенный). В основе каждого потока лежали специфические социальные и классовые интересы и, таким образом, «малые революции в совокупности создавали мозаичную картину гигантской по масштабам революции» (Там же: 81). Благодаря этой схеме авторам удалось показать события 1917 г. как масштабный кризис, поразивший все слои общества и все его уровни.

Революционный процесс приобрел глубину и новое измерение, что, соответственно, сделало 1917 г. для авторов школьных учебников своеобразным «перепутьем» для страны. Речь идет о мучительном выборе между либерально-буржуазным и социалистическим путями развития. Так, например, в учебнике А. А. Данилова и Л. Г. Косулиной говорится, что именно после Февральской революции «перед страной открывалась перспектива реализации либеральной буржуазной модели развития общества» (Данилов, Косулина 1995: 84). А в учебнике В. А. Шестакова содержится мысль о том, что «Февраль открыл перед страной несколько возможных путей развития, включая либерально-реформистский и пролетарско-революционный». И, по мнению автора, «выбор пути в условиях политической свободы зависел от предпочтений большинства российского населения и в конечном итоге определял

ся реальным уровнем его политической культуры, менталитетом народа» ((Шестаков 2008: 76). В учебнике А. А. Левандовского и Ю. А. Щетинова констатируется, что «Февраль 1917 г. поставил Россию перед несколькими альтернативами разрешения революционного кризиса: стабилизацией общества на демократической основе; углублением раскола общества, его социальных и политических сил с последующей стабилизацией на основе жесткой диктатуры — правоконсервативной или леворадикальной» (Левандовский, Щетинов 2002: 115).

Победа большевиков в октябре 1917 г. в учебниках указанного периода объясняется разными причинами. Одна из самых распространенных версий — большевизация Советов. В советских учебниках Советов — это «органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», обладающие «реальной властью», «союз рабочих и крестьян против царской власти», «органы такого союза» (Берхин, Федосов 1975: 137). И «без этого союза народ не мог бы свергнуть царя, и революция не могла бы победить» (Краткий курс 1937: 149).

В российских школьных учебниках роль Советов была кардинально пересмотрена. Они были подвергнуты резкой критике: как специфический орган самоуправления, не имевший аналогов в мировой истории и максимально упростивший партии большевиков приход к власти и ее удержание впоследствии. Так, по мнению В. П. Островского и А. И. Уткина, Советы стали лишь «политическим прикрытием про-

рыва большевиков к власти» (*Островский* 2004: 142). А в экспресс-курсе по отечественной истории для старшеклассников С.Т. и И.Г. Жуковских Советы и вовсе названы «корнем диктатуры большевиков». Именно в Советах, по мнению авторов, Ленин «увидел очень удобную форму диктатуры. Он правильно и дальновидно оценил особенность советской системы, которая основывалась на отрицании принципа разделения властей» (*Жуковский, Жуковская* 1999: 22).

Большевизация Советов во многом была отражением еще одного важного процесса, на который обратили внимание авторы российских учебников. Речь идет о феномене маргинализации значительной части общества. В учебнике Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной это явление объясняется влиянием войны. Из-за войны, утверждают авторы, в России к лету 1917 г. постепенно сворачивались многие политические права и свободы, а общество стремительно поляризовалось и в значительной степени «левело», именно маргиналы стали значимой силой. Маргиналы, по мнению авторов пособия, — это те, кто «склонны к простым решениям, редко задумываются над тем, насколько возможно в данных исторических условиях осуществление их требований» (*Жарова, Мишина* 1998: 202).

Еще более жестко о роли маргиналов в итоговой победе ленинской партии говорится в коллективном учебнике по отечественной истории 2007 г. под редакцией А.О. Чубарьяна (главу о революции 1917 г. в нем писал известный специалист

по этому вопросу А.В. Шубин). Автор подчеркивает роль РСДРП(б) как лидера и центра притяжения всех радикальных слоев: «Маргинальные слои населения (полукрестьяне-полурабочие, безработные, неустроенные городские жители, часть интеллигенции) были склонны к поддержке простейших лозунговых решений сложных проблем, стоявших перед страной. <...> Большевизм превратился в авангард наиболее радикальных слоев общества» (*Отечественная история* 2007: 56).

В учебнике Шестакова проблема массовой маргинализации рассматривается более глубоко. По мнению автора, главной проблемой России перед Первой мировой войной «становится несоответствие между модернизированным и традиционными укладами и структурами российского общества». Соответственно, «существовавший в российском обществе раскол разрешается радикальной революцией, последующим распадом единой государственности и деградацией общества. В результате наиболее радикальная часть левых партий, и прежде всего большевики, получают уникальный исторический шанс на власть, на реализацию своего проекта модернизации страны» (*Шестаков* 2008: 72, 75).

Невероятно острой остается проблема прихода к власти большевиков. Что же произошло в октябре 1917 г.: «революция» или «восстание»? Спор, разумеется, немислимый в советской школьной литературе. В целом ряде учебников, как 1990-х, так и 2000-х, это

противоречие решается однозначно: революция была только в феврале, а в октябре имело место «вооруженное восстание» (Островский, Уткин 1996: 59; Отечественная история 2007: 97). Впрочем, для большого числа авторов проблема не столь однозначна. Рассматривая исторические процессы 1917 г. как единое целое, они расценивают Февральскую революцию как попытку построения демократического строя, а октябрьские события – напротив, как переход к «леворадикальной диктатуре» (Островский, Уткин 1996: 129; Жарова, Мишина 1998: 182; Шестаков 2008: 104).

Здесь следует нарушить временные рамки нашей работы и обратиться к довольно нестандартной, на более современной точке зрения, высказанной А. В. Шубиным. Она сводится к тому, что «Октябрьский переворот в Петрограде положил начало новому этапу Великой российской революции, который традиционно называется Октябрьская революция. В ходе этого этапа, который занял более длительное время – до весны 1918 г., в России была установлена Советская власть и были проведены ее первые преобразования» (Шубин 2017: 25).

В рамках дилеммы «революция – восстание» в российских школьных учебниках пересматривается и тезис о тяжести боев в Петрограде (и по всей стране) 24–25 октября. В учебнике Островского и Уткина читаем: «Захват власти в Петрограде осуществлялся “ползучим” образом, в условиях, когда легальная пресса открыто обсуждала вопрос о такой возможности. Никаких

жертв в боях 24–25 октября не было, вопреки позднейшим сведениям. Разложение власти и общая апатия достигли такого уровня, что взятие власти в Петрограде произошло бескровно» (Островский, Уткин 1996: 143).

Эту же мысль Островский повторяет в вышедшем уже в 2004 г. собственном учебнике: «Советская власть распространилась по стране без серьезного сопротивления. Только в Москве была попытка оказать отпор большевикам. К концу февраля 1918 г. новая власть, вопреки прогнозам, укрепилась в большинстве губерний России» (Островский 2004: 137).

Согласен с ним и А. В. Шубин, утверждающий в главе коллективного учебника по отечественной истории, что «население в подавляющем большинстве не принимало участие в этих событиях. Апатия, наступившая у жителей столицы, сильно отличалась от того подъема, который был характерен для Февральской революции, когда восстание поддерживали широкие массы». Шубин, однако, делает из этого важный вывод: «Вооруженный захват власти большевиками ввел насилие в норму политической борьбы и значительно сузил социально-политическую базу новой власти» (Отечественная история 2007: 59). В. А. Шестаков подчеркивает, что «в отличие от Февраля все политические силы знали о готовящемся вооруженном восстании» (Шестаков 2008: 97).

Наконец, стало более сложным решение вопроса о временных рамках

Русской революции. В советской школе учащимся однозначно заявляли: революция окончилась победой большевиков в октябре 1917 г., а Гражданская война представляла собой уже новый, самостоятельный этап исторического процесса. Эта позиция нашла отражение и в ряде учебников, написанных уже для российской школы (*Левандовский и др.* 2013: 103). В других, принципиально от нее не отказываясь, авторы рисовали несколько более сложную картину, разделив восемь месяцев революции на внутренние периоды: «Март – апрель ушли на утверждение демократических порядков. В мае и июне революция замедлила свой бег, фактически остановилась. В июле – августе наметился крутой поворот назад. А в октябре она уже была готова растоптать собственные первые зеленые побеги демократии и подошла к воротам, ведущим к диктатуре. И Россия вошла в эти ворота» (*Дмитренко и др.* 1999: 104).

Однако целый ряд авторов школьных учебников настаивают: нельзя рассматривать события 1917 г. в отрыве от последовавших за ними потрясений Гражданской войны (*Островский* 2004: 122; *Шубин* 2017: 42). В учебнике В.П. Островского и А.И. Уткина читаем: «Мы убеждены в том, что революционный процесс 1917 г. следует рассматривать в теснейшей связи с гражданской войной и “военным коммунизмом”. Это звенья единой цепи, поэтапно раскручиваемой с катушки истории. Этапы логически обуславливают друг друга, следствия одного

являются причинами другого. Февраль – сентябрь 1917 г.: попытка утверждения в России демократического строя, нарастание хаоса. Октябрь 1917 г. – март 1918 г.: утверждение леворадикальной диктатуры в форме Советов. Март 1918 г. – март 1921 г.: гражданская война и “военный коммунизм”. Мы объединяем все эти события в единый революционный кризис» (*Островский, Уткин* 1996: 129).

Таким образом, в российских школьных учебниках 1990–2000-х гг. были пересмотрены многие тезисы советских учебников: было углублено и расширено понимание самого революционного процесса (комплекс социальных, экономических, политических и даже психологических факторов); события 1917 г. стали рассматриваться как своеобразное «перепутье» для страны (а не безальтернативная смена царского режима советским); была переосмыслена роль Советов; особое внимание стало уделяться стремительной маргинализации масс (и роли большевиков, как главного манипулятора активности маргиналов); был поставлен принципиальный вопрос о том, «революция» или «восстание» привели большевиков к власти в октябре 1917 г.; в связи с решением этой проблемы в пользу точки зрения о «перевороте» были поставлены под сомнение «тяжелые» бои в Петрограде 24–25 октября; Русскую революцию и последовавшую за ней Гражданскую войну стали рассматривать как единый исторический процесс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берхин, Федосов* 1975 — *Берхин И. Б., Федосов И. А.* История СССР. Учебное пособие для 9 класса. М., 1975. 382 с.
- Данилов, Косулина* 1995 — *Данилов А. А., Косулина Л. Г.* История России. XX век. Учебная книга для 9 классов общеобразовательных учреждений. М., 1995. 366 с.
- Дмитренко и др.* 1999 — *Дмитренко В. П., Есаков В. Д., Шестаков В. А.* История Отечества. XX век. 11 кл.: Пособие для общеобразовательных учебных заведений. М., 1999. 640 с.
- Жарова, Мишина* 1998 — *Жарова Л. Н., Мишина И. А.* История Отечества (1900–1940). Учебная книга для старших классов средних учебных заведений. СПб., 1998. 414 с.
- Жуковский, Жуковская* 1999 — *Жуковский С. Т., Жуковская И. Г.* История Отечества. XX век: Экспресс-курс. М., 1999. 110 с.
- Краткий курс 1937 — Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1937. 223 с.
- Левандовский и др.* 2013 — *Левандовский А. А., Мироненко С. В., Щетинов Ю. А.* История России, XX — начало XXI века, 11 класс. М., 2013. 424 с.
- Левандовский, Щетинов* 2002 — *Левандовский А. А., Щетинов Ю. А.* Россия в XX веке. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 2002. 368 с.
- Островский* 2004 — *Островский В. П.* История России. XX век. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2004. 460 с.
- Островский, Уткин* 1996 — *Островский В. П., Уткин А. И.* История России. XX век. 11 кл.: Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М., 1996. 496 с.
- Отечественная история 2007 — Отечественная история XX — начала XXI века: учебник для 11 классов общеобразовательных учреждений / под ред. А. О. Чубарьяна. М., 2007. 304 с.
- Шестаков* 2008 — *Шестаков В. А.* История России. XX — начало XXI века. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2008. 480 с.
- Шубин* 2017 — *Шубин А. В.* Великая Российская революция. 10 вопросов. М., 2017. 46 с.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIAN SCHOOL TEXTBOOKS OF THE 1990-2000

Mogilevsky Nikolay A. — candidate of historical sciences, associate professor of the world and national history Department of the International relations faculty of MGIMO (Moscow)

Key words: Russian revolution, 1917, teaching, history, school, school textbook, Vladimir Lenin.

Abstract. Author of the article analyzes the problem of the Russian revolution of 1917 in Russian school textbooks of the 1990-s–2000-s. The focus is on new approaches and problems posed after the collapse of the Soviet system of education.

REFERENCES

- Berkhin I.B., Fedosov I.A. *Istoriia SSSR. Uchebnoe posobie dlia 9 klassa*. Moscow, 1975. 382 p.
- Danilov A.A., Kosulina L.G. *Istoriia Rossii. XX vek. Uchebnaia kniga dlia 9 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Moscow, 1995. 366 p.
- Dmitrenko V.P., Esakov V.D., Shestakov V.A. *Istoriia Otechestva. XX vek. 11 kl.: Posobie dlia obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii*. Moscow, 1999. 640 p.
- Kratkii kurs istorii SSSR. Uchebnik dlia 3-go i 4-go klassov / pod red. prof. A.V. Shestakova*. Moscow, 1937. 223 p.
- Levandovskii A.A., Mironenko p.V., Shchetinov Iu.A. *Istoriia Rossii, XX – nachalo XXI veka*, 11 klass. Moscow, 2013. 424 p.
- Levandovskii A.A., Shchetinov Iu.A. *Rossia v XX veke. Uchebnik dlia 10–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Moscow, 2002. 368 p.
- Ostrovskii V.P. *Istoriia Rossii. XX vek. 11 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Moscow, 2004. 460 p.
- Ostrovskii V.P., Utkin A. I. *Istoriia Rossii. XX vek. 11 kl.: Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii*. Moscow, 1996. 496 p.
- Otechestvennaia istoriia XX – nachala XXI veka: uchebnik dlia 11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii / pod red. A.O. Chubar'iana*. Moscow, 2007. 304 p.
- Shestakov V.A. *Istoriia Rossii. XX – nachalo XXI veka. 11 klass. Uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii*. Moscow, 2008. 480 p.
- Shubin A.V. *Velikaia Rossiiskaia revoliutsiia. 10 voprosov*. Moscow, 2017. 46 p.
- Zharova L.N., Mishina I.A. *Istoriia Otechestva (1900–1940). Uchebnaia kniga dlia starshikh klassov srednikh uchebnykh zavedenii*. St. Petersburg, 1998. 414 p.
- Zhukovskii P.T., Zhukovskaia I.G. *Istoriia Otechestva. XX vek: Ekspress-kurs*. Moscow, 1999. 110 p.

Я. И. Мальцев

«СТРАННАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ»: НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, Первая мировая война, новейшая история Германии, нацизм, Германская демократическая республика, учебные пособия по истории.

Аннотация. Речь идет об освещении Ноябрьской революции 1918 г. в Германии в германской учебной литературе разных эпох и относящейся к разным политическим системам.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-240-257

Историк, пытающийся выстроить повествование об историографии Ноябрьской революции в Германии, сталкивается с двумя усложняющими задачу обстоятельствами. Первое, очевидно, заключается в том, что на протяжении сорока послевоенных лет два немецких государства радикально различались в своей идеологической политике и, следовательно, в трактовке ключевых исторических событий. Второе препятствие состоит в том, что, в отличие от Октябрьской революции в России, Ноябрьская революция могла служить «мифом основания» (и то в ограниченных масштабах) только лишь для Веймарской республики, не просуществовавшей долго. Для всех же

позднейших периодов германской истории и форм государственности (будь то Третий рейх, ФРГ или ГДР) она не знаменовала собой события, свою преемственность к которому они могли бы ощутить.

Веймарская республика была учреждена Национальным собранием, созданным в начале 1919 г., однако сама революция осуществлялась не теми силами, которые сначала, после отречения Вильгельма II, сформировали Совет народных уполномоченных, а затем приняли новую конституцию. Поэтому, согласно представлениям, характерным для Веймарского периода, сам переворот явился скорее крахом старой системы управления, на руинах которой была выстроена новая. Для национал-социалистов Ноябрь был началом «темных времен» Германии, из которых ее вывел только «гений» Гитлера. Правящая в ГДР

© Мальцев Я. И., 2018

Мальцев Ярослав Игоревич – студент магистерской программы «Политическая наука» Свободного университета Берлина (Москва – Берлин); yarmaltsev94@gmail.com

Социалистическая единая партия воспринимала Ноябрь как момент поражения подлинно рабочего движения и предательства со стороны социал-демократов. Ведь коммунисты пришли в Германии к власти позже и в связи с иными историческими событиями. Для Западной Германии Ноябрьская революция могла считаться моментом упущенных политических возможностей для создания по-настоящему демократической республики, хотя могла связываться и с успешной борьбой против большевистской угрозы, идущей из России. Такого рода трактовки также не позволяли использовать Ноябрьскую революцию как событие существенное в перспективе создания ФРГ (а тем более придать ей роль, которую применительно к СССР играли октябрьские события 1917 г.).

В 2018 г. немецкой революции предстоит отметить вековой юбилей, однако можно предполагать, что празднование, по всей вероятности, будет весьма скромным. Федеральное правительство планирует выделение миллиона евро на организацию юбилея не революции, но Веймарской республики в 2019 г.¹ Важным событием с точки зрения исторической памяти Ноябрьская революция является только для Килия, где произошло восстание матросов, ставшее ее началом. Сайт «*Kieler Nachrichten*» (Кильские новости) в статье, посвященной юбилейному году, называет свой город «ро-

диной демократии» (*Geburtsort der Demokratie*)². «Неприкаянность» Ноябрьской революции вела к тому, что и в западно-, и в восточногерманской учебной литературе преобладал акцент на допущенных в ее ходе политических ошибках или же угрозах, которых удалось избежать. К примеру, в дидактическом материале, изданном в Падерборне (ФРГ) в 1981 г., события Ноябрьской революции предполагалось анализировать в ходе урока «Веймарская республика: устройство и угрозы». Часть урока, специально посвященная им, была озаглавлена «Советское государство (имеется в виду любое государство, основанное на власти Советов, а не Россия после Революции. — Я. М.) или парламентская демократия». Задачей учителя, среди прочего, было подвести школьников к выводу о том, что:

Парламентская демократия основана на равном, всеобщем, тайном избирательном праве; правительство зависит от доверия парламента, оно может потерять власть только в связи с вотумом недоверия. В советском государстве политическое волеизъявление ограничено определенными органами, рабочими, солдатскими и крестьянскими советами, и доступно лишь части народа (домохозяйки, пенсионеры, студенты и предприниматели не имеют представительства); выборы иногда осуществляются просто путем аккламации, вдобавок к этому часто используется «императивный мандат», и отзыв депутатов возможен в любой момент на всех уровнях; хотя депутаты

¹ 100 Jahre Weimarer Republik: Eine Million für Jubiläum. Focus. URL: www.focus.de/regional/erfurt/finanzen-100-jahre-weimarer-republik-eine-million-fuer-jubilaeum_id_6195705.html (дата обращения: 03.10.2017).

² Kiel startet ins Jubiläumsjahr. Kieler Nachrichten. URL: www.kn-online.de/News/Nachrichten-aus-Kiel/Matrosenaufstand (дата обращения: 03.10.2017).

находятся гораздо ближе к избирателям, сама по себе такая система не гарантирует политическую стабильность (Tenbrock 1981: 39).

Таким образом, исторические события Ноябрьской революции должны были продемонстрировать позитивные стороны парламентской демократии в сравнении с организованной по советскому принципу политической системой. Детям объяснялось, что, хотя Германия в тот период и не выстроила надежную политическую систему, способную защитить страну от диктатуры, одной из ошибок ей все же удалось избежать.

Методический материал по преподаванию истории, изданный в ГДР в 1969 г., также ясно описывает политические выводы из событий 1918 г., которые ученики должны были сделать на уроке:

Историческая задача Ноябрьской революции осталась нерешенной, поскольку оппортунистически настроенные вожди социал-демократов, все еще имевшие большое влияние на рабочих, активно действовали на стороне контрреволюции, и поскольку в момент революции в Германии еще не было марксистско-ленинистской партии. Ноябрьская революция была буржуазно-демократической революцией, которая в значительной степени осуществлялась пролетарскими средствами и методами. Тем не менее она имела большое значение для истории нашего народа и для дальнейшей борьбы немецкого рабочего класса. Она показала значительной части народа, кто являлся ее истинным врагом и кто боролся на стороне всего немецкого народа. Рабочий

класс завоевал важные демократические права и более сильные позиции для осуществления своей исторической миссии (Deutschland 1969: 15)

Итак, вслед за немцами 1920-х восточногерманские дети конца 1960-х должны были увидеть важные политические тенденции: социал-демократы являются врагами революции, а народ должна вести осознанная свои исторические цели марксистско-ленинистская партия. В 1918 г. это в полной мере осознано не было. Ноябрьская революция вновь выступает негативным примером, призванным показать, что нынешнее руководство ГДР учитывает исторические ошибки.

В Ноябрьской революции каждое из немецких государств XX в. обнаружило событие, которому нельзя было дать однозначную политическую характеристику, но и обсуждать которое вне политического контекста было бы странно. При этом неизменно находился и демонстрировался свой подход к проблеме. Как это делалось в рамках того базового нарратива, с которым в соответствии с учебной программой следовало ознакомиться каждому школьнику, будет показано в настоящей статье.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Из-за незначительности временной дистанции для Веймарского периода германской истории (1919–1933 гг.) Ноябрьская революция была не историческим событием с ясными итогами, которые можно

было определенным образом трактовать. Она имела актуальное политическое звучание.

Одним из ранних описаний революции в учебниках истории является изложение, приведенное в учебнике истории 1922 г. за авторством Макса Райнигера. Райнигер рассматривает исключительно события, связанные с падением монархии, не рассказывая о Национальном собрании 1919 г. и принятии конституции. Для него конечной точкой, в которой заканчивается история Германии и начинается ее современность, является не революция, а поражение в войне и Версальский мир — его условия, а также объяснения, что они означают для Германии, составляют завершающую часть книги (*Reiniger* 1922: 265).

Описание причин падения монархии Гюгенцоллернов имеет явно полемический тон. Причины гибели империи Райнигер видит в усталости народа от войны и разочаровании ее итогами. Он полагает, что монархия сама виновата в том, что возложила на немцев громадное бремя, переоценив свои силы и не сумев услышать собственный народ:

Она (монархия) не понимала истощенный войной народ, но бесчисленным количеством способов принуждала его к исполнению своих военных планов. В тот момент, когда массы отвергали продолжение войны, когда на военных заводах разворачивались забастовки, все пригодные к военной службе бастующие были призваны в армию. Тем самым правительство само принесло разочарование войной в ряды армии (Ibid.: 242).

Необходимо обратить внимание и на следующий пассаж Райнигера:

Когда государство находится в конце проигранной войны, ответственные люди стараются спасти то, что еще можно спасти, и, таким образом, возникает общая смута, которую в состоянии преодолеть только сильная, господствующая над всем прочим воля. Такой воли не нашлось в немецком народе (Ibid.: 253).

Предположение, что Германия оказалась жертвой унижительного мира и послевоенной катастрофы вследствие отсутствия направляющей силы во главе государства, является одной из основных черт трактовки Ноябрьской революции в нацистский период. С этой точки зрения, в 1918 г. Германия не имела настоящего предводителя, но в 1933 г., наконец, обрела его. Таким образом, вождистское мышление отразилось в детском учебнике за десять лет до возвышения национал-социалистов.

Учебник 1926 г. Пауля Гребе содержит гораздо более сухое изложение. Его описание революции занимает всего две страницы и представляет собой перечисление событий без каких-либо оценок. По сравнению с Райнигером, впрочем, оно дает значительно более полную картину событий 1918–1919 гг. Рассказывается о формировании революционного правительства Эберта, возникновении рабочих и солдатских советов и конфликте между правительством и советами за власть. Очень интересно, что и «Совет народных уполномоченных», и «Советская республика» создавались,

согласно Гребе, по русскому образцу (Groebe 1926: 174). Если указание на возможное создание советской республики в Германии как на заимствование из России было общим местом в учебниках истории всего XX в., то связь правительства Эберта с Временным правительством проводится только здесь.

Начинает создаваться и концепция демократического правления как завоевания Ноябрьской революции. Раздел, посвященный подготовке Национального собрания и подавлению восстаний коммунистов, озаглавлен «Спасение демократии» (Ibid.). При этом подавление выступлений спартакистов характеризуется как «кровавое» (Ibid.: 175). Выбор таких критических терминов для описания подавления коммунистических движений отнюдь не очевиден: во многих более поздних учебниках об этом не сказано или сказано в нейтральных тонах.

Вышедший уже в следующем году учебник Гребе претерпел несколько важных изменений. В отличие от предыдущей книги, в этой Гребе выносит более конкретные суждения. Кайзер обвиняется в слишком поздней готовности допустить народ к определению судьбы государства и недостаточно быстром проведении реформ. Подчеркивается, что решение об отречении было принято во многом под влиянием требований президента США Вильсона.

В учебнике 1927 г. начинает формироваться и фигура Фридриха Эберта, социал-демократа и председате-

ля Совета народных уполномоченных, как главного героя событий Ноябрьской революции:

В первую очередь это заслуга Эберта, что Германия посреди всеобщего хаоса была спасена от большевизма и сохранила свое бесценное единство (Groebe 1927: 98).

В середине 1920-х начинает формироваться и представление о том, что действия правительства спасли Германию от диктатуры пролетариата, вдохновленной русским образцом. Наличие такого внешнего врага, безусловно, требовало и внимания к лексике: действия по подавлению восстания спартакистов в этом издании назывались уже не «кровавыми», а «энергичными».

Альфред Маурер в учебнике 1928 г. в целом следует линии, которой держался и Гребе. Он прямо пишет о том, что революция сняла все ограничения личной свободы, привела к введению восьмичасового рабочего дня и даровала всем мужчинам и женщинам старше 20 лет избирательные права (Maurer 1928: 172). Попытки учредить советскую республику проводились не просто по русскому образцу, а «в полном соответствии» с русским образцом, а их подавление являлось «победой демократии над диктатурой» (Ibid.).

Таким образом, Веймарский период осуществил постепенную выработку нарратива, в котором главным достижением Ноябрьской революции был отказ от тотальной социальной революции. Демократия становится доводом в пользу прави-

тельства, получившего власть после отречения Вильгельма II. Вместе с тем из учебника 1922 г. видно, что мнение о возможности сохранения положения Германии, в случае наличия у нее в решающий момент сильных вождей, присутствовало в учебной литературе. В будущем оно будет воспринято и развито национал-социалистической пропагандой.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Важность пропаганды через учебную литературу была осознана национал-социалистами очень быстро, но осуществлена далеко не сразу.

Так, в 1933 г. в Бамберге вышло приложение к учебникам истории под названием «Пробуждение немецкой нации». Оно было издано в соответствии с решением Министерства образования и культуры Баварии от 27 марта 1933 г. «Закон в целях устранения бедствий народа и государства», наделивший правительство национал-социалистов неограниченными полномочиями, был принят за три дня до этого, диктатура почти сформировалась, но резко переиздать все школьные учебники было невозможно. Однако невозможно было и оставлять историю вне политически верной трактовки, эту проблему в Баварии и должно было решить «Пробуждение немецкой нации».

Его идеологические акценты очевидны. Армия, в полном соответ-

ствии с «легендой об ударе в спину»³, представляется готовой сражаться до самого конца защитницей Германии. Правительство, сформированное после отречения кайзера, предательски упустило возможность заключить выгодный мир, хотя для него были все предпосылки. Принятие Версальского мира в том виде, в котором он был заключен, приписывается неустанной деятельности внутренних врагов. Провозгласивший республику в Мюнхене Курт Айзнер назван «евреем – врагом народа».

При этом подавление коммунистических выступлений названо «братской войной», что является отступлением от тенденций 1920-х гг., рассматривавших их в целом как победу демократии:

Трепали пулеметы, грохотали гранаты. С необыкновенным ожесточением сражались немцы друг с другом (Stoll 1933: 17).

Происходит и любопытное смещение внимания к историческим фигурам. В учебниках Веймарского периода главной в подавлении восстаний коммунистов фигурой назван социал-демократ Густав Носке. В «Пробуждении немецкой нации» героем этих событий предстает подавивший восстание в Баварии генерал фон Эпп, сторонник национал-социалистической партии

³ Легенда об ударе в спину (Dolchstoßlegende) – сформировавшаяся в Германии после Первой мировой войны концепция, согласно которой армия Германской империи не была побеждена на поле боя, но стала жертвой предательства со стороны внутренних врагов.

(Ibid.: 18). Между тем отправился в Баварию он именно по приказу Носке, о чем в учебнике умалчивается.

Несмотря на очевидную идеологизированность «Пробуждения немецкой нации», учебники начального этапа национал-социалистической диктатуры столь сильного влияния политической риторики не испытали. Учебник Шнабеля 1935 г. достаточно умерен в описании Ноябрьской революции. Он сухо увязывает ее с положением на фронте и описывает переход власти к правительству Эберта. Для него смена власти в Германии имеет значение как завершение Первой мировой войны и объяснение причин, по которым был заключен Версальский мирный договор (Schnabel 1935: 126–128). В целом в описании ноябрьских событий учебник достаточно нейтрален. Проникновение идеологии в школьные книжки тотальным еще не было.

Но уже в учебнике Пиннова 1936 г. Ноябрьская революция получает однозначно негативную трактовку. Главу об окончании Первой мировой, в которую включены события Ноября, завершает следующий абзац:

Классовая ненависть и партийные склоки выбили последнее оружие из рук немецкого народа. Ничем не сдерживаемые ненависть и страх врагов обрушились на побежденных. Ночь опустилась на Германию. Но, к счастью, из этого позора выросла несокрушимая воля к восстановлению немецкой чести. После 14 лет нужды и бесчестия Адольф Гитлер объединил в этой воле немецкий

народ крепче, чем когда-либо раньше... (Pinnow 1936: 140).

Ноябрьская революция становится, таким образом, моментом падения немецкого народа, возрождающегося благодаря правлению национал-социалистов. В учебнике Эдельманна и Грюнберга «Становление немецкой нации» 1942 г. сама революция преподносится как аморальное событие:

В этой «революции» не нашлось места идеализму и самоотверженности, героическому поступку или хотя бы порыву воли к нему. И так она с самого своего начала до своего скорого бессильного увядания несет характер бунта, порожденного страхом, ненавистью, завистью масс и безграничным эгоизмом собственных лидеров, бунта бесхарактерных и жалких. Ничем более она не являлась (Edelmann, Grünberg 1942: 169).

При этом учебник 1942 г. помещает революцию не в ряд событий, связанных с концом Первой мировой, а как момент основания «Ноябрьской республики» (Novemberrepublik). Негативный характер революции должен был послужить обоснованием уничтожения Ноябрьской республики:

Глубокая правда заключена в словах, что государства могут быть сохранены лишь теми силами, которыми они были созданы. Основанный на трусости и лжи, на лицемерии и предательстве Ноябрьский режим был принужден самим своим возникновением поддерживать свое существование теми же самыми средствами. Никто из тех, кто привык думать исторически и полити-

чески, не мог предречь ему долгую жизнь (Ibid.).

Таким образом, в нацистском изложении Ноябрьская революция становится учредительным моментом самого бесславного периода немецкой истории. Это закономерно подводило школьников к мысли о спасительной роли национал-социалистической партии, однако имело и другое, менее очевидное следствие. Такое описание Ноябрьской революции поднимало ее на более высокий уровень значимости, чем в более ранней литературе. Следовательно, усвоение ее как поворотного момента немецкой истории (в 1920-х гг. таким представало скорее поражение в войне) могло увеличить желание осмыслить революцию уже вне нацистской риторики.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФРГ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Неоднозначность Ноябрьской революции для исторического нарратива ФРГ можно показать на примере двух изданий западногерманских школьных учебников. В 1989 г. была издана работа Юргена Хааса «Развитие демократии в представлении школьных учебников истории ФРГ» (Haas 1989). Хаас проанализировал место понятия демократии в освещении различных исторических событий в немецкой учебной литературе. Революция в России нашла свое место в его исследовании, Ноябрьская революция – нет. Это не означает, разумеется, что ее не было в учебниках, однако Хаас

не считал ее важной для поднимаемой им проблемы.

Ранее, в 1973 г., была издана книга Райнхарда Кюньля (ФРГ), критически анализирующая представление истории в немецких учебниках того времени. В ней место Ноябрьской революции нашлось. Кюньль обвинял авторов учебников в неспособности видеть причины крупных исторических движений и событий во внутренних противоречиях общества. Авторы учебников, по его мнению, создавали картину, в которой революция была результатом недостаточно эффективных действий правительства по проведению политических реформ (Kühnl 1973: 109). Если бы политическое и военное руководство Германской империи совершило вовремя необходимые шаги, то свержения монархии и революции вполне было бы возможно избежать. Как мы увидим позже, такой подход – это в целом критика учебника истории ФРГ с позиций учебника истории ГДР. Особенно активно Кюньль атакует фигуру Фридриха Эберта, который, по его мнению, представлен в учебниках как «фигура отца», с которой школьники должны себя идентифицировать (Ibid.: 107). Он совершенно несправедливо наделяется качествами «стоящего над классами и партиями представителя буржуазно-парламентской демократии» и «человека центра» (Ibid.: 111), в то время как его действия были политически окрашены и направлены на борьбу с левым движением. В целом представление Ноябрьской революции в учебниках должно было служить следующим целям: надо признать, что:

– *Социал-демократическая партия во главе с Эбертом следовала последовательно демократическому курсу,*

– *возникновение советов и основание Коммунистической партии осуществлялись «по русскому образцу»,*

– *сложившийся в итоге союз Эберта с Рейхсвером и Фрайкорами⁴ был реакцией на действия Коммунистической партии, направленные на переворот (Ibid.: 112).*

Разделяя или отвергая оценку Кюнлем самой деятельности Эберта, можно отметить, что его наблюдения, касающиеся возвеличивания фигуры лидера социал-демократов в учебниках, имеют под собой определенные основания. Так, в учебнике 1958 г. «Основы истории» (*Grundriß der Geschichte*) Ханса Херцфельда говорится, что предотвращение диктатуры пролетариата и организованно проведенные выборы в Национальное собрание являются историческим достижением Эберта и ведомых им социалистов большинства (*Mehrheitssozialisten*). Вольфганг Нисс в своем исследовании историографии Ноябрьской революции отмечает, что Херцфельд был инициатором первой попытки создать немецкий нарратив

⁴ Фрайкоры (*Freikorps*) – в широком смысле – добровольные вооруженные организации в различных немецкоязычных государствах XVIII–XX вв. В узком – добровольные вооруженные группы, действовавшие в 1918–1923 гг. на территории бывшей Германской империи, отстаивавшие идеи единой Германии и принявшие активное участие в подавлении в январе 1919 г. выступлений немецких коммунистов и левых социал-демократов. Офицерами фрайкоров были убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

революции, представленной в его работе 1952 г. «Современный мир 1789–1945» (*Niess* 2012: 176). Херцфельд рассматривает Ноябрьскую революцию как следствие перенапряжения сил и стремления к миру, а не давно назревших противоречий. Политическая же борьба 1918/1919 гг. описывается им как сопротивление «Заимствованию русской системы советской власти и диктатуры пролетариата» (*Ibid.*: 177). Эта точка зрения, как можно видеть, перенесена и в учебник истории.

При этом в целом в учебнике 1958 г. Ноябрьской революции уделено совсем немного внимания. Суммарно описанию революции посвящена всего одна страница текста. Падение немецкой монархии тесно увязывается с неудачным ходом войны и действиями генерала Людендорфа: он, «совершенно потеряв голову», потребовал от правительства 28 сентября 1918 г. немедленно начать переговоры о перемирии, которые неизбежно были бы плохо подготовленными, сорвав тем самым план «революции сверху» по превращению Германии в парламентскую монархию (*Herzfeld, Bonwetsch* 1958: 101). Затем Людендорф вдобавок внезапно поменял курс и собирался бороться до победного конца (*Ibid.*). Важную роль в падении монархии, по версии этого учебника, сыграла переписка с президентом Вильсоном, создавшая у немецкого руководства впечатление, что он требует упразднения монархии. Описывается, как принц Макс Баденский пытался уговорить Вильгельма II отказаться от престола, чтобы по крайней ме-

ре спасти монархию, но последний проявил нерешительность. С началом восстания матросов в Киле революция захлестнула страну, и монархия потеряла шансы на выживание (Ibid.: 102). Провозглашение республики 9 ноября 1918 г. Филиппом Шайдеманном было вынужденной мерой по предотвращению революции слева «по большевистскому образцу» (Ibid.). При этом Карл Либкнехт упомянут в контексте революции один раз, Роза Люксембург – ни разу. Действия спартакистов не описаны, как не описано и подавление выступлений января 1919 г., окончившееся убийством Либкнехта и Люксембург. Херцфельд выстраивает повествование, в котором крах государства 1918 г. был результатом частных ошибок, компенсированных относительно успешными действиями Эберта. Он не избегает разговора о большевизме и русской революции – им посвящена целая глава, однако в том, что касается германских событий, схожие идеологические движения явно считаются скорее производными от русских движений, нежели следствием собственного политического развития.

Учебник 1978 г. «Зеркало времен» (Spiegel der Zeiten) уделяет Ноябрьской революции значительно больше внимания – почти целую главу. Ход революции получает детальное освещение, сравнительно простой нарратив военного истощения и национальной консолидации сменяется описанием политической борьбы и компромиссов, на которые было необходимо идти ее участникам. Деятельность Эберта и его сторонников помещается в контекст

политических дискуссий немецкой социал-демократии (Hoffmann 1978: 8–10). События показываются и с точки зрения левых социалистов (Независимой социал-демократической партии Германии) и спартакистов (Ibid.: 10).

«Зеркало времен» существенно отличается от других пособий описанием деятельности советов. Если для Херцфельда они были заимствованием из России, то здесь говорится об их возникновении во многих местах, в основном в качестве управляющих органов для контроля над правительством и полномочиями офицеров (Ibid.: 5). Особый интерес с историографической точки зрения представляют упомянутые в тексте «новые исследования», согласно которым численное превосходство в формировавшихся с началом революции и осуществлявших параллельное с правительством управление Советов имели силы, готовые поддерживать партии, обладавшие большинством в парламенте. В 1958 г. Петер фон Ортцен выпустил работу «Большие забастовки рурских шахтеров весной 1919 г.». В ней он отстаивал ту точку зрения, что между консервативной республикой и диктатурой пролетариата существовал третий путь – разумного сотрудничества с представленными в советах движениями. Создание фрайкоров было ненужным шагом, лишь ухудшившим политическую обстановку. И советы, и социал-демократия, по его мнению, были готовы к сотрудничеству (Niess 2012: 205). Последовавшие за этим работы немецких историков, посвященные проблематике Советов,

также способствовали выстраиванию более сложной картины этого феномена. Научная дискуссия постепенно проникла и в школьный учебник.

Основной задачей правительства и социал-демократов в революционный период представляется сохранение государственного аппарата (приводится соответствующая цитата Эберта) (*Hoffmann* 1978: 7) и армии (приводится соответствующая цитата генерала Гренера) (*Ibid.*: 8). Представлена и критика действий правительства со стороны левых (обвинения в предательстве рабочих) и правых (обвинения в предательстве страны). В целом учебник выходит за пределы дихотомии «парламентская демократия – советская республика». В нем описывается, что советы добровольно приняли решение поддержать выборы в Национальное собрание, поскольку только так возможно создать орган, представляющий не часть, а весь народ (приводится соответствующая цитата депутата от социал-демократов) (*Ibid.*). Однако одновременно дается и речь депутата от независимых социал-демократов, указывавшего, что советы подписали собственный смертный приговор (*Ibid.*).

Очень важно отметить, что в «Зеркале времен» описано восстание спартакистов в январе 1919 г. Более того, использованы термины «Белый» и «Красный террор» для описания столкновений спартакистов и фрайкоров (*Ibid.*: 10). Таким образом, «Зеркало времен» создает значительно более многогранную картину событий 1918–1919 гг. Учеб-

ник почти не выносит моральных оценок и оставляет возможность ассоциировать себя с любой из действующих сторон.

В 1981 г. был издан учебник «Времена и люди», имевший одно исключительно важное сходство с «Зеркалом времен». В обоих учебниках именно с Ноябрьской революции начиналось повествование о Веймарской республике. Процесс формирования новой немецкой государственности, так или иначе, логически связывался с революционными событиями. В более ранних «Основах истории» Ноябрьская революция завершала повествование о Первой мировой войне, а история Веймарской республики преподносилась в совершенно ином разделе («Период между мировыми войнами»). Таким образом, хотя Ноябрьская революция и не создала революционных героев (заслуга Эберта, по версии учебников, исключительно в сохранении государства), постепенно она все же утвердила свое место в качестве начального этапа развития современной Германии. В то же время во многом другом «Времена и люди» значительно ближе к трактовке «Основ истории».

В этом учебнике утверждается, что Ноябрьскую революцию можно считать революцией только в очень ограниченном смысле, ведь «государственное управление не прерывалось, и на месте остались почти все чиновники, судьи и офицеры» (*Immisch* 1983: 40). Это неожиданно радикальный взгляд, даже учебники ГДР признавали революционный характер событий,

пусть революция и называлась буржуазно-демократической. Вместе с тем повествование в целом носит гораздо более сжатый характер и оставляет значительно меньше пространства для неопределенности. Так, в этой работе указывается, что правительство Эберта выполнило все требования социал-демократов – «Зеркало времен» же отмечает, что многие социалисты ожидали передачи власти советам и национализации индустрии. Советская система однозначно описывается как цель малочисленной группы сторонников Либкнехта и Люксембург и российское заимствование. Говорится о том, что социал-демократы, десятилетиями стремившиеся к парламентаризму, остались верны этой цели и не согласились на единоличное правление рабочего класса. Отрывок из вышеупомянутого методического материала 1981 г. дополнял именно книгу «Времена и люди».

Вместе с тем именно этот учебник наиболее подробно описывает восстание января 1919 г. Указано на столкновения и убийство Либкнехта и Люксембург. Авторы указали на неоднозначный характер союза правительства с фрайкорами:

Правительство полагало, что могло преодолеть угрозу государственному порядку со стороны радикальных левых только с опорой на силы правых, которые, впрочем, в большинстве своем так же, как и левые, не были настроены демократически (Ibid.).

Учебник «Времена и люди», таким образом, конструирует нарратив немецкой демократии, которая ис-

пытала угрозу со стороны левых и начала подвергаться ей со стороны правых. Заслуга Эберта в этой трактовке – не в сохранении государства, но в попытке обеспечить стране демократический, представляющий все население характер власти.

Таким образом, в ФРГ центральной фигурой революционных событий окончательно становится Фридрих Эберт. Остальные деятели представлены эпизодически, и им придан значительно меньший масштаб. Это может объясняться, с одной стороны, желанием наделить личным измерением абстрактную идею преодоления политических противоречий ради сохранения страны и утверждения демократии – Эберт при этом оставался представителем «умеренного» крыла немецкой социал-демократии. С другой стороны, такие фигуры, как Шайдеманн или Носке, были активно связаны с подавлением коммунистических восстаний, что делало их слишком противоречивыми. При этом созыв Национального собрания представляется в целом позитивным исходом. Дальнейшая нестабильность республики выводится скорее из общей слабости государства, чем из ошибок периода революции. Несмотря на попытки сделать трактовку деятельности Советов менее однозначной, нарратив «русского образца» оказался удобной моделью для осознания этого феномена. Спартакисты представляли, таким образом, небольшой идеологически мотивированной группой, не имевшей серьезной опоры в немецком обществе.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГДР

В учебнике истории ГДР Ноябрьская революция получает более подробное описание, чем в любом из учебников ФРГ, — глава, посвященная ей, почти в три раза больше соответствующей главы «Зеркала времен», наиболее детального западного изложения. Если трактовка ФРГ — это история провала государства и попыток выхода из кризиса, то история, преподаваемая в ГДР, — это повествование о революции, которую готовили, которая сражалась и проиграла.

Очевидно, что трактовка революции является марксистско-ленинистской. Говорится о том, что в Германии «созревали предпосылки революции», произраставшие из «объективных закономерностей общественного развития, прежде всего, из исключительно обострившихся во время войны экономических, социальных, политических и военных противоречий немецкого империализма» (*Paterna et al.* 1984: 40). Военное истощение, как и на Западе, становится важным фактором в развитии революционной обстановки. При этом описание экономического упадка, вызванного войной, в восточногерманском учебнике детализированы и приводятся на основе конкретных данных о состоянии экономики Германской империи (*Ibid.*: 41), в отличие от общих характеристик ФРГ. История Ноябрьской революции в школьных учебниках ГДР — это, по сути, история Союза Спартака. Можно сказать, что революция в Германии в повествовании ГДР

остается ноябрьской, но речь идет о ноябре 1917 г. Случившиеся тогда массовые акции, вдохновленные Октябрем, преподносятся в качестве начала революционного процесса. Деятельность спартакистов на протяжении 1918 г. получает достаточно подробное освещение, и, таким образом, восстание матросов в Киле становится не точкой слома немецкой готовности сражаться, а кульминацией долгой революционной работы. Учебники ФРГ эту сторону не освещают или отмечают, что спартакисты ограничились выпуском нескольких тысяч листовок.

Если западная литература по возможности избегала моральных оценок («совершенно потерявший голову» Людендорф и «нерешительный» Вильгельм II — наиболее жесткие характеристики), то ГДР выстраивает явно антагонистическую картину. Положительными героями представляли деятели Спартаковского союза, отрицательными — «правые вожди социал-демократии» Эберт и Носке. «Правые вожди социал-демократии» характеризуются как предатели рабочего движения, пошедшие на союз с монополистическим капиталом. Учебник приводит знаменитую фразу Носке, произнесенную перед подавлением под его руководством январских выступлений: «Кто-то должен стать кровавой собакой! Я не уклоняюсь от ответственности!»

Огромное значение в освещении революции придавалось созданию в 1919 г. Коммунистической партии Германии, ставшей направляющей силой немецкого народа, которой

он был лишен в решающие дни 1918 г. Программа КПГ обосновывала, почему только социализм способен принести «угнетенным людям свободу и настоящую культуру» (Ibid.: 56). Таким образом, революционные события 1918 г. становились частью общего нарратива социалистической борьбы, связывавшего ГДР 1980-х гг. и Германию 1919 г.

Дихотомия «Национальное собрание – советская республика» нашла свое место и в восточногерманском учебнике. Там она получала недвусмысленную трактовку:

Речь шла только об одном: какой класс должен осуществлять власть в новой немецкой республике: рабочий класс через власть советов и ради построения социалистической Германии или империалистическая буржуазия через Национальное собрание и ради поддержания капиталистического угнетения (Ibid.: 48)?

«Третий путь» между господством монополистической буржуазии и властью рабочего класса решительно отвергался.

В учебной литературе ГДР Ноябрьская революция была безусловно историей поражения, из которой было необходимо вынести уроки и продолжать борьбу против империализма. Если западногерманские учебники, подразумевая формирование верных политических взглядов, все же не декларировали их открыто, то восточногерманский учебник заканчивает повествование о Ноябрьской революции секцией «Уроки Ноябрьской револю-

ции». Среди уроков – отсутствие третьего пути, необходимость полного разрушения буржуазного государства, опасность оппортунизма со стороны социал-демократов, используемого буржуазией, необходимость наличия марксистско-ленинистской партии во главе государства и союз с СССР. Таким образом, учебник ГДР, очевидно, более открыто политизирован, чем учебник ФРГ. В качестве идеала для Германии, за который боролись революционеры, по сути, предстает сама ГДР. Ноябрьская революция не является учредительным моментом германского социалистического государства, но одной из его предпосылок.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ

Учитывая, что ГДР в 1990 г. стала частью ФРГ, стоит ожидать, что традиция учебников нынешнего периода будет вытекать из западногерманской. Однако представляет интерес и вопрос, играют ли сегодня свою роль мотивы, присутствовавшие в Восточной Германии. На некоторые из современных книг трактовка Ноябрьской революции в ГДР влияния не оказала. Характерен пример учебника 2001 г. «История плюс» (Funken, Koltrowitz 2001), выпущенного, по иронии, издательством «Народ и знание», успешно пережившим исчезновение ГДР. Все мотивы, присутствовавшие в ранее проанализированных учебниках ФРГ: выбор между советами и Национальным собранием, русское влияние на левых

радикалов, важная и в целом позитивная роль Эберта — присутствуют и в новых книгах.

Вместе с тем происходят и изменения. Учебник «Открытие и понимание» 2015 г., в отличие от более ранних книг, почти не уделяет большого внимания падению монархии и взаимоотношениям политического и военного руководства в ее последние дни (*Berger u.d. Heide*, 2015: 70). Для сегодняшней литературы значительно более важен сам факт учреждения республики.

В этой книге значительно раньше, чем в предыдущих, начинают играть свою роль радикальные социалисты — Либкнехт, Люксембург и введомый ими Союз Спартака. Так, провозглашение республики Филиппом Шайдеманном прямо объясняется страхом, что Карл Либкнехт успеет сделать это раньше (*Ibid.*: 71). При этом сразу за речью Шайдеманна следует отрывок из речи Либкнехта. Причастность крайних левых к провозглашению республики — значительный отход от описаний 1950–1980-х гг., в которых коммунисты причастны республике не были, но пытались вести дальнейшую революцию. Из этого учебника исчезает «русское влияние», приведшее к созданию советов, что тоже, несомненно, важно. В этом учебнике приводится фраза Носке о том, что он берет ответственность за подавление восстаний января — марта 1919 г., до этого присутствовавшая только в литературе ГДР. При этом завершается глава о Ноябрьской революции предложением провести сравнительный анализ конституций совет-

ской республики и парламентской демократии. Плюсы и минусы обеих систем в целом соответствуют тем, что приводились в учебниках 1970-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ноябрьская революция не была для Германии столь же основополагающим событием, как для России — Октябрьская, однако ее описания, конечно, политизированы. Из учебников Веймарской республики просматривается будущий нацистский вождизм, нацисты не упускают возможности приписать падение монархии евреям и предателям. Западная Германия строит на основе революции идею важности демократии, одновременно показывая, как Советская Россия уже в 1919 г. представляла собой угрозу. Восточная же Германия превращает ее в очередную главу в процессе классовой борьбы, связывающем 1918 г. с буднями школьника. Можно сказать, что именно неоднозначность Ноябрьской революции сделала ее удобным экраном для проекции необходимых смыслов.

Сегодня Ноябрьскую революцию не предполагается считать решающим для современной Германии историческим моментом, однако она была использована для того, чтобы выстроить нарративы ценности демократического строя. В отсутствие холодной войны русское влияние на советы уже не может выступать столь же компрометирующим обстоятельством, как в 1970-е гг. (при всей переменчивости политических тенденций), но клю-

чевую дихотомию Национального собрания и советов оказалось возможно успешно использовать в политическом и историческом повествовании. При этом революция сама по себе не представляется моментом упущенных политических возможностей, заложившим основы будущей диктатуры. Учитывая, что в Германии действует доктрина «Готовой к бою демократии» (Streitbare Demokratie), допускающая ограничение гражданских свобод ради борьбы с противниками конституции, не должно вызывать удивления, что разгром левых выступлений 1919 г. представляется решением по защите республики, а не дефектом в самом основании нового государства. Враги свободы должны быть побеждены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Berger u.d. Heide, 2015 – *Berger u.d. Heide T.* Entdecken und Verstehen 9/10. Würzburg: Stütz, 2015.

Edelmann, Grünberg 1942 – *Edelmann M., Grünberg L.* Volkswerden der Deutschen. Leipzig/Berlin: B. G. Teubner, 1942.

Deutschland 1969 – Deutschland (DDR) Ministerium für Volksbildung. Lehrplan für Geschichte Klasse 9. Volk und Wissen, Berlin, 1969.

Funken, Koltrowitz 2001 – *Funken W., Koltrowitz B.* Geschichte Plus. Berlin: Volk und Wissen, 2001

Groebe 1926 – *Groebe P.* Lehrbuch der Geschichte für höhere Lehranstalten. Oberstufe/Teil IV. Die Neueste Zeit (1789–1926). Leipzig: Quelle & Meyer, 1926.

Groebe 1927 – *Groebe P.* Lehrbuch der Geschichte für höhere Lehranstalten. Leipzig: Quelle & Meyer, 1927.

Haas 1989 – *Haas J.* Die Entwicklung der Demokratie in der Darstellung von Schulgeschichtsbüchern der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1989.

Herzfeld, Bonwetsch 1958 – *Herzfeld H., Bonwetsch G.* Grundriss der Geschichte. Ausg. B. 3, Von 1850 bis zur Gegenwart. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1958.

Hoffmann 1978 – *Hoffmann J.* Spiegel der Zeiten. Band 4. Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg, 1978.

Immisch 1983 – *Immisch J.* Zeiten und Menschen. Neue Ausgabe A. Band 4. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1983.

Kühnl 1973 – *Kühnl R.* Geschichte und Ideologie. Kritische Analyse bundesdeutscher Geschichtsbücher. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1973.

Maurer 1928 – *Maurer A.* Lehrbuch der Geschichte für höhere Schulen. Weltgeschichte von 1815 bis 1926. Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg, 1928.

Niess 2012 – *Niess W.* Die Revolution von 1918/19 in der deutschen Geschichtsschreibung. Deutungen von der Weimarer Republik bis ins 21. Jahrhundert. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. URL: www.degruyter.com/view/product/182629 (дата обращения: 03.10.2017).

Paterna et al. 1984 – *Paterna E., Bleyer W., Jander E.* Geschichte. Lehrbuch für Klasse 9. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1984.

Pinnow 1936 – *Pinnow H.* Geschichte des deutschen Volkes von 1648 bis zur Gegenwart. Leipzig/Berlin: B. G. Teubner, 1936.

Reiniger 1922 – *Reiniger M.* Der Geschichtsunterricht. Methodisches Handbuch zur deutschen Volks- und Kulturgeschichte. Julius Beltz, Langenfalza, 1922.

Schnabel 1935 – *Schnabel F.* Grundriß der Geschichte für die Oberstufe. Geschichte der neuesten Zeit. Leipzig/Berlin: Teubner, 1935.

Stoll 1933 — Stoll M. Aufbruch der deutschen Nation 1914–1933. Bamberg: Buchners Verlag, 1933.

Tenbrock 1981 — Tenbrock R.H. Didaktischer Grundriß für den Geschichtsunterricht (zu Zeiten und Menschen Ausgabe B. Band 4). Schöningh, Paderborn, 1981.

“STRANGE POLITICIZATION”: THE NOVEMBER REVOLUTION IN THE EDUCATIONAL LITERATURE OF GERMANY

Maltsev Yaroslav I. — student of the master’s program “Political science” of the Free University of Berlin (Moscow — Berlin)

Key words: the November revolution of 1918 in Germany, the First World War, the modern and contemporary history of Germany, Nazism, the German Democratic Republic, textbooks on history.

Abstract. The article refers to the image of the November Revolution of 1918 in Germany in the German educational literature of different epochs and relating to different political systems.

REFERENCES

Berger v.d. Heide T. *Entdecken und Verstehen* 9/10. Würzburg: Stütz, 2015.

Edelmann M., Grünberg L. *Volkswerden der Deutschen*. Leipzig/Berlin: B.G. Teubner, 1942.

Deutschland (DDR) *Ministerium für Volksbildung*. Lehrplan für Geschichte Klasse 9. Volk und Wissen, Berlin, 1969.

Funken W., Koltrowitz B. *Geschichte Plus*. Berlin: Volk und Wissen, 2001

Groebe P. *Lehrbuch der Geschichte für höhere Lehranstalten*. Oberstufe/Teil IV. Die Neueste Zeit (1789–1926). Leipzig: Quelle & Meyer, 1926.

Groebe P. *Lehrbuch der Geschichte für höhere Lehranstalten*. Leipzig: Quelle & Meyer, 1927.

Haas J. *Die Entwicklung der Demokratie in der Darstellung von Schulgeschichtsbüchern der Bundesrepublik Deutschland*. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1989.

Herzfeld H., Bonwetsch G. *Grundriss der Geschichte*. Ausg. B. 3, Von 1850 bis zur

Gegenwart. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1958.

Hoffmann J. *Spiegel der Zeiten*. Band 4. Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg, 1978.

Immisch J. *Zeiten und Menschen*. Neue Ausgabe A. Band 4. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1983.

Kühnl R. *Geschichte und Ideologie*. Kritische Analyse bundesdeutscher Geschichtsbücher. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1973.

Maurer A. *Lehrbuch der Geschichte für höhere Schulen*. Weltgeschichte von 1815 bis 1926. Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg, 1928.

Niess W. *Die Revolution von 1918/19 in der deutschen Geschichtsschreibung*. Deutungen von der Weimarer Republik bis ins 21. Jahrhundert. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. URL: www.degruyter.com/view/product/182629 (дата обращения: 03.10.2017).

Paterna E., Bleyer W., Jander E. *Geschichte*. Lehrbuch für Klasse 9. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1984.

Pinnow H. *Geschichte des deutschen Volkes von 1648 bis zur Gegenwart*. Leipzig/Berlin: B.G. Teubner, 1936.

Reiniger M. *Der Geschichtsunterricht*. Methodisches Handbuch zur deutschen Volks- und Kulturgeschichte. Julius Beltz, Langenfalza, 1922.

Schnabel F. *Grundriß der Geschichte für die Oberstufe*. Geschichte der neuesten Zeit. Leipzig/Berlin: Teubner, 1935.

Stoll M. *Aufbruch der deutschen Nation 1914–1933*. Bamberg: Buchners Verlag, 1933.

Tenbrock R. H. *Didaktischer Grundriß für den Geschichtsunterricht* (zu Zeiten und Menschen Ausgabe B. Band 4). Schöningh, Paderborn, 1981.

Ключевые слова: историческая память, международное сотрудничество историков, Холокост, российско-украинские отношения.

Аннотация. В подборке «Самоорганизация науки» речь идет о деятельности новых международных институций, призванных активизировать диалог историков разных стран в интересах улучшения взаимопонимания.

«АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТИ НАДЕЕТСЯ СТАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВСЕМИРНЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ, СПОСОБСТВУЮЩИМ ВЫДАЮЩИМСЯ ИССЛЕДОВАНИЯМ И НАУЧНОМУ ОБМЕНУ». Интервью с А. Зирп

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-258-267

Беседовал С. Е. Эрлих

Алин Зирп (Aline Sierp) защитила докторскую диссертацию в области сравнительного изучения европейской политики и истории в Сиенском университете.

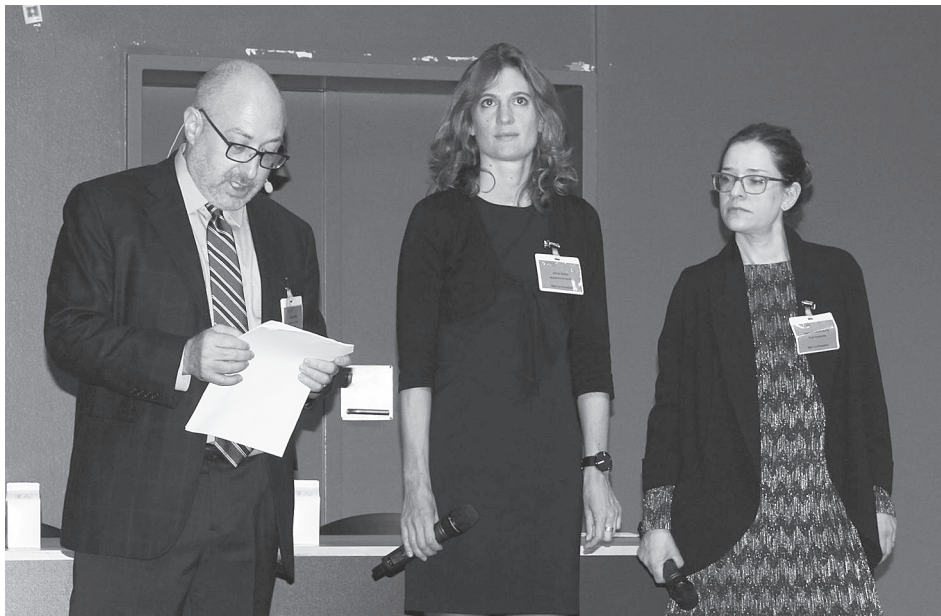
До перехода в Маастрихтский университет была научным сотруд-

© Историческая Экспертиза, 2018
Зирп Алин – профессор Европейских исследований в Маастрихтском университете, соучредитель и сопредседатель Ассоциации исследований памяти и Европейского совета исследований в области транснациональной памяти и идентичности в Европе (Германия – Нидерланды); aline.sierp@maastrichtuniversity.nl

ником мемориального комплекса концентрационного лагеря Дахау. Исследовательские интересы включают коллективную память в обществах, переживших нарушение прав человека, а также вопросы идентичности и европейской интеграции. Автор монографии «History, Memory and Transeuropean Identity: Unifying Divisions» (Routledge, 2014, 2017).

С.Э. Почему вы решили стать исследователем памяти?

А.З. Частично это связано с моим происхождением. Я выросла в Гер-

Соучредители Ассоциации исследователей памяти (Memory Studies Association) Джеффри Олик (Jeffrey Olick), Алин Зирп (Aline Sierp), Дженни Вюстенберг (Jenny Wüstenberg)

мании, где, как известно, память играет огромную роль. Я всегда интересовалась историей и коммеморацией Второй мировой войны. Когда я переехала в Италию, то убедилась, что итальянцы вспоминают о войне не так, как немцы. Различие подходов к памяти о войне в Италии и Германии стало темой моей магистерской диссертации. В докторской диссертации я собиралась исследовать тему евроскептицизма, попытаться ответить на вопрос, почему молодые граждане Евросоюза во все большей мере становятся евроскептиками. В процессе исследования мне пришлось вернуться к теме моей магистерской диссертации, и я поняла, что именно эта область исследований увлекает меня по-настоящему. Тогда я поменяла тему и стала писать докторскую диссертацию по проблемам коллективной

памяти. С тех пор я продолжаю специализироваться в этой области.

С.Э. Я тоже поразились специфике итальянской памяти о Второй мировой войне. Например, в Вероне довелось видеть лишь несколько памятников, посвященных партизанам-антифашистам и жертвам Холокоста. Множество памятников, поставленных после войны, посвящены представителям различных родов войск: морякам, летчикам, танкистам и т.д. Большинство из них сопровождается «нейтральными» надписями: «Военным водителям», например. Но дизайн памятников очевидным образом отсылает к реалиям времен Муссолини. На этом фоне выделяется мемориальная доска, посвященная «Итальянским героям Эль-Аламейна». Особенно

меня возмутил памятник саперам, снабженный списком рек, форсированных этими мужественными солдатами, в котором фигурировали Днепр и Дон. Известно, что в североафриканской и русской кампаниях фашистская Италия была верным союзником нацистской Германии. В современной Германии подобные памятники невозможны. Не могли бы вы рассказать о причинах, по которым итальянская память о войне столь разительным образом отличается от памяти в других странах — лидерах Евросоюза?

А.З. Чтобы раскрыть этот сложный вопрос, мне бы потребовалось несколько часов. Вкратце могу сказать, что специфика итальянской памяти определяется тем, что в 1943 г. страна разорвала союз с нацистской Германией и перешла на сторону ее противников. Это позволило сосредоточиться исключительно на последних двух годах войны и изображать себя исключительно в качестве жертв нацистской оккупации и борцов сопротивления, которые освободили страну собственными руками. Вторая причина — специфика политической ситуации в Италии, где на протяжении почти 50 лет у власти находилась Христианско-демократическая партия, которая «заморозила» рамки памяти.

С.Э. **Могли бы вы рассказать, как возникла Ассоциация исследователей памяти (Memory Studies Association)?**

А.З. Ассоциация возникла в Филадельфии в 2016 г. в ходе дискуссий Европейского совета исследований

в области транснациональной памяти и идентичности, заседания которого возглавляли мы с Дженни Вюстенберг (Jenny Wüstenberg) и в которых участвовал Джеффри Олик (Jeffrey Olick). Но идея зародилась намного раньше, около десяти лет назад, во время товарищеского ужина в Гессене Джеффри Олика, Астрид Эрл (Astrid Erll) и Энн Ригни (Anne Rigney). Эти десять лет вместили множество дискуссий. Многие исследователи, участвуя в них, помогали сформировать наш проект. Прежде всего обсуждалась проблема в значительной мере пересекающихся многочисленных организаций и исследовательских сетей, возникших за последние два десятилетия, в центре внимания которых находятся либо региональные темы, либо различные аспекты коллективной памяти. Эти сети в значительной мере содействуют научному диалогу. В то же время их разобщенность и порой временный характер часто приводят к фрагментации дискуссий. Более того, в ходе развития исследований памяти, как особой дисциплины с дебатами по ключевым вопросам, общей литературой и пересекающимися концепциями, возникло ощущение, что происходит «умножение сущностей без необходимости». С одной стороны, растет число концепций и понятий. С другой стороны, одни и те же термины наделяются сильно различающимися смыслами. Кроме того, постоянно приходится сталкиваться с «изобретением колеса». Можно ли найти способ, чтобы превратить эти разрозненные беседы в общий диалог, не стремясь при этом к единообразию?

Цель нашей Ассоциации — протянуть руку существующим

и достаточно часто исчезающим сетям и малым исследовательским группам, работающим над проблемами памяти, а также «обеспечить жилплощадью» практиков и политических функционеров, ориентированных на исследовательскую работу. Создание сетей и научный обмен будут ключевыми вопросами наших ежегодных конференций, воркшопов и других встреч исследователей. Мы надеемся, что люди, которые прежде не работали вместе, смогут начать сотрудничать. По крайней мере, может возникнуть «перекрестное опыление» и интеллектуальная дружба поверх дисциплин, регионов и направлений исследований. Наша Ассоциация надеется стать главным мировым междисциплинарным форумом для тех, кто интересуется исследованиями памяти. Ее цель — дальнейшее упрочение и расширение статуса исследований памяти, их институционализация как направления, позволяющего предоставить фундаментальное знание о значимости и функциях публичной и приватной сфер памяти. Разумеется, существуют и другие близкие исследовательские проекты, в том числе и с давней историей. Среди них ассоциации по изучению культурного наследия, устной истории, архивов, музеологии, исторических травм и тому подобные объединения. Не стоит забывать также об историографии, не говоря уже об исследованиях памяти в рамках биологии и психологии. Нашей целью не является конкуренция и подавление подобных ассоциаций. Мы также не собираемся конкурировать с действующими сетями и центрами социальной и культурной

памяти. Мы стремимся умножить и согласовать сильно отличающиеся подходы и сети, существующие в их рамках. Наше глубочайшее убеждение состоит в том, что различные проекты не только в ряде случаев радикально отличаются между собой по форме, месту, средствам осмысления и репрезентации нашего существования во времени. Мы можем достичь многого, спрашивая себя, когда, где и каким образом разнообразные мнемонические продукты и практики, собранные под «зонтичным брендом» памяти, влияют друг на друга. Мы надеемся, что Ассоциация обнаружит многие подобия и прояснит важные различия этих продуктов и практик. В одних случаях это приведет к продуктивным слияниям, а в других — к обоснованному и, мы надеемся, уважительному размежеванию. Начало деятельности Ассоциации было символизировано конференцией в Амстердаме, на которой присутствовали более 200 исследователей и практиков. Наша организация была зарегистрирована в качестве научной ассоциации в Нидерландах. Получение юридического статуса произошло при поддержке Маастрихтского университета, сотрудником которого я являюсь. Мы создали веб-сайт (www.memorystudiesassociation.org), который должен стать главным хранилищем, обеспечивающим доступ к информации, ресурсам и возможностям для дебатов по проблемам памяти. Ассоциация объявила о приеме членов, которым мы признательны за многочисленные вопросы, внимание и финансовую поддержку. Вторая конференция уже официально

зарегистрированной Ассоциации состоялась в Копенгагене 14–16 декабря 2017 г. Мы надеемся, что будущие конференции будут более доступны для коллег из-за пределов Европы. Ассоциация исследований памяти (MSA) надеется стать по-настоящему всемирным объединением, способствующим выдающимся исследованиям и научному обмену.

С.Э. Назовите, пожалуйста, основные задачи Ассоциации?

А.З. В число наших основных задач, которые мы предлагаем «подвергнуть ревизии» и список которых мы предлагаем расширить, входят:

1. Выход за пределы европо- и англоцентризма, с точки зрения которых, хотя и не исключительно, происходит развитие проблемного поля нашей дисциплины. Мы нацелены на то, чтобы пригласить к общему столу представителей различных регионов. Одним из механизмов для этого должно стать проведение наших конференций в разных частях света. Мы также надеемся, что членство в Ассоциации с помощью онлайн-ресурсов и с доступом к специальным рабочим межрегиональным группам станет средством для установления контактов между учеными со всех концов света и для новых возможностей интеллектуального обмена, независящего от физического сопребывания.

2. Вовлечение практиков памяти, представителей искусства и политических функционеров. Превращение Ассоциации не только в форум для научных дебатов, но и в ме-

сто, с помощью которого ученые могут взаимодействовать со сферой практики, а практики и производители памяти могут получать информацию о современном состоянии исследований памяти.

3. Изучение возможностей и ограничений междисциплинарной работы и обмена. На наших ежегодных конференциях мы предложим серию учебных семинаров (например, о передовых практиках методологии и о плодотворном взаимодействии мнемонических подходов гуманитарных, социальных и естественных наук), а также соберем круглые столы с участием ведущих ученых — представителей разных дисциплин для дебатов по поводу поиска точек соприкосновения и сотрудничества.

4. Продолжение исследования границ между социальными/культурными и психологическими/нейрологическими концепциями памяти. Мы будем сотрудничать с академическими сообществами, которые каждые пять лет проводят Международную конференцию по памяти на базе журнала «Memory». Наша цель перейти от пустых слов о междисциплинарности к практическим мероприятиям по взаимному обмену и обучению, не предоставляя привилегированного положения ни одной из дисциплинарных точек зрения.

5. Привлечение к сотрудничеству, строя мосты и предоставляя «жилоплощадь» таким направлениям-«сетям», как исследования культурного наследия, устной истории, переходной юстиции, архивов,

и другим дисциплинам, которые внесли столь важный вклад в нюансированное понимание прошлого.

6. Представление интересов исследований памяти как профессионального сообщества, включая вопросы профессионального развития и сервисы для карьерного роста. Активное развитие дисциплины путем институционального строительства и обучения новых поколений исследователей посредством программ наставничества для студентов, специализирующихся в исследованиях памяти, и учебных аспирантских тренингов в ходе ежегодных конференций.

7. Увеличение привлекательность исследований памяти как для государственных, так и для частных фондов, поддерживающих академические исследования и деятельность по их популяризации, а также для издательств. Этот шаг является ключевым не только для повышения институционализации и устойчивости нашей научной отрасли. Он также приведет к увеличению карьерных возможностей молодых исследователей памяти. Многие из них сталкиваются с тем, что занятие исследованиями памяти требует намного больших усилий для успешной академической карьеры в сравнении с исследованиями в рамках давно устоявшихся дисциплин. Увеличение популярности исследований памяти повысит перспективы получения университетских позиций и карьерного роста для представителей нашей дисциплины и в итоге приведет к тому, что они смогут вносить больший вклад как в ее развитие, так и в прак-

тически ориентированные направления коммеморации.

8. Осуществление экспертизы по затрагивающим политику вопросам памяти, которые поднимаются в публичном пространстве и в этических дебатах. Мы считаем, что память в широком смысле — это проблема, которая приобретает все большее значение во внешней и внутренней политике и заслуживает нашего участия в обсуждениях в качестве публичных интеллектуалов. Исследовательская перспектива с ее способностью видеть события в их долговременном развитии позволяет вносить уникальный вклад как в осмысление, так и в ход современных дебатов.

9. Превращение Ассоциации в организацию, которая остается открытой для участия всех заинтересованных сторон и сохраняет восприимчивость ко всем существенным изменениям, позволяющим развивать и расширять сферу исследований памяти.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о последней конференции Ассоциации, которая состоялась 14–16 декабря в Копенгагене. Как вы оцениваете ее результаты?

А.З. В Копенгагене собрались более 600 участников из более чем 40 стран. Были представлены все пять континентов. Участвовали опытные и начинающие ученые, исследователи и практики, представители университетов и те, кто не принадлежат к их числу. Программа включала 77 исследовательских панелей и круглых столов ([№ 2 2018](http://www.memorystud-</p></div><div data-bbox=)

iesassociation.org/copenhagen-conference-2017-program/). Кроме того, было восемь «турбо-сессий», на которых выступили порядка 80 человек. Пять «постер-сессий» включали 69 презентаций. У нас также были практикумы по методологии, преподаванию и карьере в сфере исследований памяти. Были организованы кинофестиваль и книжная ярмарка. И, конечно, было много возможностей для общения в ходе обедов, перерывов на кофе и двух вечерних приемов. Такие ключевые фигуры в исследованиях памяти, как Мариан Хирш (Marianne Hirsh) и Ян Гросс (Jan Gross), а также режиссер Джошуа Оппенхаймер (Joshua Oppenheimer) выступали со специальными лекциями. Астрид Эрл, Анн Ригни, Кэрол Глак (Carol Gluck), Патрик Хаттон (Patrick Hutton) и Пако Фернандиз (Paco Ferrandiz) участвовали в круглом столе «Горизонты исследований памяти». В работе конференции участвовали такие ведущие ученые в области исследований памяти, как Дэниэль Леви (Daniel Levy), Ян Кубик (Jan Kubik), Уильям Хирст (William Hirst), Шиобан Каттаго (Siobhan Kattago), Джеффри Олик и Вульф Канштайнер (Wulf Kansteiner). Об успехе конференции мы можем судить по огромному числу отзывов и благодарностей, полученных после окончания ее работы. В ходе конференции многие участники подходили к нам с восторженными восклицаниями: «Я никогда не был на такой огромной конференции, посвященной памяти!» Я думаю, что главный итог конференции состоит в том, что люди, представляющие разные научные дисциплины (социологию, психологию, политоло-

гию и т. д.), почувствовали, что наша Ассоциация предоставляет общий дом для всех исследований памяти.

С. Э. Когда планируется провести следующую конференцию Ассоциации?

А. З. Следующая конференция состоится в Мадриде в июне 2019 г., т. е. через полтора года. Мы перенесли ее на лето, потому что складывается впечатление, что нашим коллегам проще найти время для участия в конференции в июне, чем в декабре, да и погода в июне лучше. Это дает нам больше времени на подготовку. Это особенно важно в связи с тем, что мы ожидаем намного больше участников, чем собралось в Копенгагене, хотя и там их было очень много. Уже создан местный организационный комитет. 27–29 января мы встречались с ними в Мадриде, чтобы подготовиться, проверить места сбора участников будущей конференции и посмотреть, что мы сможем им там предложить. Для этого необходимо будет учесть опыт организации конференций в Амстердаме и Копенгагене. Мы стараемся получить больше административной поддержки на этот раз, т. к. наша команда в Копенгагене была слишком мала и это создало большие сложности при организации конференции. Надеемся, что в июне 2019 г. к нам присоединится больше народу для участия в подготовке. Также надеемся, что наш бюджет позволит отдать на аутсорсинг многие из тех задач, которые мы решали сами в ходе последней конференции.

С. Э. «Манифест» Ассоциации был опубликован в «Memory Studies

Journal». Каким образом Ассоциация сотрудничает с этим журналом?

А.З. У нас есть специальное соглашение с издательством SAGE, которое издает «Memory Studies Journal». Согласно ему, члены Ассоциации получают бесплатный доступ к публикациям журнала. Кроме того, первый выпуск каждого года будет издаваться под редакцией членов Ассоциации. Мы уже решили, что следующий выпуск будет редактироваться двумя местными организаторами конференции в Копенгагене Tea Синдбек Андерсен (Tea Sindb k Andersen) и Джессикой Ортнер (Jessica Ortner). Мы бы хотели поблагодарить их за самоотверженную волонтерскую работу, и я уверена, что они подготовят специальный выпуск «Memory Studies Journal» наилучшим образом. Кроме того, SAGE собирается финансировать премии за лучшую книгу и за лучший доклад членов Ассоциации. Мы запустим премиальные процедуры в этом году, и я надеюсь, что церемония награждения состоится в ходе конференции в Мадриде.

С.Э. В ходе недавней конференции Ассоциации мы обсуждали проблемы многоязычия в ее деятельности. Что вы могли бы сказать по поводу этого важного для любой международной организации вопроса?

А.З. Мы прекрасно осведомлены, что не все владеют английским и что на других языках публикуются важные исследования. Мы бы хотели включать в свои ряды как можно больше исследователей. Для этого

не надо отталкивать их тем, что вся информация у нас представлена только на английском. Эта важная проблема подразделяется на две задачи. Прежде чем переводить на другие языки, надо определиться с их, так сказать, иерархией. Мы опасаемся, что, выбрав один или два языка, мы оставим другие языки не представленными. Прежде чем тратить деньги на перевод, необходимо убедиться, что ни одна большая языковая группа не была проигнорирована. Эта тема обсуждалась в Копенгагене, и я думаю, что мы нашли оптимальное решение охватить по меньшей мере те языки, на которых говорит много народу: испанский, французский и русский. Эти три языка покрывают значительную часть языкового пространства. Вторая проблема — это ресурсы. У нас очень ограниченный бюджет. Проблема осложняется тем, что материалы для нашего веб-сайта надо не только перевести один раз, но и необходимо переводить все обновления. Я думаю, что мы начнем постепенно переводить те части нашего сайта, которые не подвержены постоянным обновлениям. Я надеюсь, что в ближайшем будущем мы сможем представить информацию на большем числе языков, чтобы люди, не владеющие английским, могли участвовать в нашей работе.

С.Э. Я должен подтвердить, что команда «Исторической экспертизы» берет переводить информацию веб-сайта Ассоциации бесплатно.

А.З. Это замечательная идея! Мы будем очень признательны за это.

Надеюсь, что русский раздел веб-сайта нашей Ассоциации появится очень быстро.

С.Э. Каким образом российские ученые могут принять участие в деятельности Ассоциации? Какие преимущества они приобретут, став членами Ассоциации?

А.З. Прежде всего, члены Ассоциации получают доступ к ресурсам различного типа. На нашем сайте есть разделы, доступные только членам Ассоциации. Среди них рекомендации для чтения специальной литературы. У нас есть лист рабочих вакансий в сфере исследований памяти. Действуют несколько дискуссионных форумов. Создан раздел рекомендаций по поводу карьерного роста, который особенно важен для молодых исследователей.

У нас есть и раздел обучающих ресурсов, где желающие могут разместить свои учебные планы. Мы даем возможность приобрести многие книги со скидкой, в том числе все серии исследований памяти издательства «Palgrave». Я уже говорила про свободный доступ к публикациям «Memory Studies Journal». Мы предлагаем гранты на транспортные расходы для желающих участвовать в ежегодных конференциях. Есть награды за лучшую книгу и лучший доклад, представленный на конференции Ассоциации. Это все материальные «бонусы». Я думаю, что намного важнее этого — возможность получить доступ к огромной сети. В Копенгагене в нашей конференции участвовали более 600 исследователей. В Мадриде ожидается более тысячи. У нас уже более 500

участников, оплативших членские взносы, данные о которых внесены в справочник членов Ассоциации. Например, если вы хотите начать проект или семинар по поводу травмы и ее коммеморации в Аргентине, то вы сможете найти на нашем сайте людей, занимающихся этой темой. Я думаю, главное преимущество членства в нашей Ассоциации состоит в участии в сети, которая дает возможность контактировать и взаимодействовать.

С.Э. Большинство российских исследователей памяти не получают финансовой поддержки от своих учреждений для участия в конференциях, и путешествие за границу для них является слишком дорогостоящим. Есть ли у Ассоциации возможности для предоставления грантов этим исследователям?

А.З. Мы знаем, что такая проблема существует. С ней сталкиваются многие исследователи и не только из России, Центральной и Восточной Европы и глобального Юга. Я сама должна была оплачивать участие в конференции в Копенгагене из своего кармана, несмотря на то, что являюсь одним из ее организаторов. Поэтому мы очень хорошо понимаем, с какими сложностями сталкиваются те исследователи, у кого нет доступа к фондам и кто получает относительно низкие зарплаты. Существует большая разница между исследователями, не получившими финансирование для участия в конференции, из Германии и, скажем, из Африки. Для участия в конференции в Копенгагене мы смогли выделить более трех тысяч евро на такие гранты. Любой мог

обратиться к нам с заявкой, и мы предоставили эти гранты, прежде всего, молодым ученым, которые не получают зарплаты. Наш бюджет очень ограничен. Мы начинали с нуля. У нас нет оплачиваемых сотрудников. Все делается на волонтерской основе. Наш бюджет зависит от числа членов. Если число членов Ассоциации будет расти, если мы сможем вовлечь в наши ряды большее число «поддерживающих членов», которые платят немного больше других, если мы найдем больше людей, способных помочь нам в поиске грантов, тогда мы сможем выделить большее число грантов для участия в конференции в Мадриде в следующем году.

С.Э. Планирует ли Ассоциация открывать свои национальные отделения? Журнал «Историческая экспертиза» объединяет более двухсот авторов. Как вы считаете, возможно ли создать российское отделение на базе нашего журнала? И что мы должны делать для этого?

А.З. Я считаю, что это замечательная идея. Я думаю, что подобные пред-

ложения поступят из многих стран. Мы уже получили запросы от коллег из Великобритании и Польши. Мы приветствуем подобный путь развития Ассоциации. Я думаю, что национальные и региональные отделения несомненно получат нашу поддержку. Местные и другие подразделения должны помочь исследователям из разных регионов установить контакты между собой и позволить им участвовать в различных локальных мероприятиях: конференциях, воркшопах и т.д. Я считаю, что если есть запрос и желание российских исследователей создать свое отделение, они, конечно, могут рассчитывать на нашу поддержку. Мы сейчас думаем, каким образом это организовать наилучшим образом, и приветствуем любые идеи в этом направлении. Я думаю, что если «Историческая экспертиза» сможет способствовать этому, например, предоставляя слово и содействуя сотрудничеству, мы, конечно, будем это горячо приветствовать.

С.Э. Спасибо огромное за насыщенное информацией интервью.

“THE ASSOCIATION OF MEMORY STUDIES HOPES TO BECOME A TRULY GLOBAL ASSOCIATION PROMOTING OUTSTANDING RESEARCH AND SCIENTIFIC EXCHANGE”

Sierp Aline – professor of European studies at the University of Maastricht, co-founder and co-chair of the Association for memory studies and the European Council for transnational memory and identity studies

С. В. Журавлев

МИССИЯ «ИСТОРИКОВ БЕЗ ГРАНИЦ»: О ЗАДАЧАХ, ПЕРВЫХ ШАГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-268-275

«ИСТОРИКИ ВСЕХ СТРАН,
ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Идея создания международной неправительственной организации «Историки без границ» (Historians without Borders: www.historianswithoutborders.fi) родилась в Финляндии, которая считает своей особой ответственностью сохранение наследия Хельсинкского акта 1975 г. Летом 2015 г. здесь была образована первоначально ограниченная национальными рамками организация «Историки без границ в Финляндии». А в мае 2016 г., когда она находилась, по существу, еще в стадии формирования, в Хельсинки прошла учредительная конференция международной организации «Историки без границ». На ней была принята Декларация

(www.historianswithoutborders.fi/en/the-historians-without-borders-declaration) и избран Координационный комитет в составе: председатель Эрки Туомиоя (Финляндия), члены – Ян Берендс (Германия), Карл Бильдт (Швеция), Васу Гадден (ЮАР), Маргарет МакМиллан (Канада, Великобритания), Кристина Твойи (Австралия) и Сергей Журавлев (Россия) (www.historianswithoutborders.fi/en/coordinating-committee).

Инициаторами создания и первыми членами «Историков без границ» выступили ученые-историки, бывшие и действующие университетские преподаватели, отставные дипломаты и политики, активисты неправительственных организаций в сфере разрешения международных конфликтов, интересующиеся историческими сюжетами журналисты. Ключевыми фигурами движения в Финляндии стали депутат финского парламента от социал-демократической партии, в недавнем

© Журавлев С. В., 2018

Журавлев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН, член Координационного комитета международной организации «Историки без границ» (Москва); novistiran@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

прошлом дважды — в 2000–2007 и в 2011–2015 гг. — министр иностранных дел Финляндии Эрkki Туомиоя (Erkki Tuomioja); профессора Хельсинкского университета Киммо Рентола (Kimmo Rentola) и Хенрик Мейнандер (Henrik Meinander), бывший посол Финляндии в СССР и в России Хейкки Талвитие (Heikki Talvitie) и др. Организация эта добровольная, членство в ней не предусматривает уплаты взносов. Оно лишь предполагает, что человек разделяет задачи и ценности «Историки без границ».

Деятельность финской и международной организаций «Историки без границ» на практике трудно разделить. Эрkki Туомиоя стал руководителем обеих структур, а основную организационную и информационную работу на сегодняшний день ведут сотрудники и актив финской национальной организации. В том числе и потому, что у международной организации пока что нет своего штата и бюджета.

Появление «Историки без границ» стало ответом на вызовы времени. Не секрет, что многие затяжные, кровопролитные конфликты, в том числе на национальной и религиозной почве, уходят своими корнями в прошлое. Вряд ли кто станет спорить и по поводу того, что история все чаще используется политиками разных стран в своих не всегда благовидных целях, что она становится в начале XXI в. мощным средством пропаганды, инструментом трансформации исторической памяти, а нередко и формирования образа врага.

Поэтому основные цели «Историки без границ» более чем актуаль-

ны. Это предотвращение попыток злоупотребления историей в политических целях, продвижение идеи о более активном использовании профессионального знания об истории, культуре и традициях стран и народов для лучшего взаимопонимания между ними, для разрешения существующих и предотвращения назревающих конфликтов в разных регионах мира; инициирование диалога между учеными и политиками, придерживающимися разных позиций и трактовок прошлого, как начального условия для последующего снижения градусы противостояния и разрешения конфликтных ситуаций и т. д. По справедливому мнению «Историки без границ», ресурс международной исторической науки, ее экспертного знания, как и интеллектуальный потенциал самих историков, должны быть в большей мере востребованы в современном мире, в частности, для профилактики и урегулирования конфликтных ситуаций.

Все эти идеи были восприняты исключительно позитивно и в финском обществе, и во время многочисленных встреч членов Координационного комитета с историками разных стран. Первые полтора года деятельности «Историки без границ» были посвящены не только поиску спонсоров (без финансирования по-настоящему развернуть работу невозможно), но и популяризации задач организации в международном научном сообществе, привлечению в нее новых членов. Достаточно сказать, что только Эрkki Туомиоя за короткий срок исколесил несколько десятков

стран, включая Россию, где выступал перед национальными сообществами ученых. «Историки без границ» провели встречи и заручились поддержкой историков в Афинах, Белграде, Берлине, Вашингтоне, Вене, Дели, Женеве, Загребе, Киеве, Копенгагене, Лондоне, Львове, Мадриде, Москве, Нью-Йорке, Осло, Париже, Риме, Стокгольме, Таллине и других городах.

К концу 2017 г. самой многочисленной структурой являются «Историки без границ в Финляндии» с более чем тремя сотнями членов. Хельсинкский университет, а также Министерство иностранных дел Финляндии активно поддерживают это начинание. Финская организация уже успела организовать целый ряд мероприятий публичного и экспертного плана, относящихся к острым историческим проблемам, имеющим выход на современность. В частности, выдвинуто предложение об организации рабочей группы, которая должна помочь финскому правительству в изучении истории вопроса об обращении в Финляндии с представителями национального меньшинства саамов.

Формы деятельности «Историков без границ» могут быть самыми разнообразными, здесь не должно быть бюрократических шаблонов. Тем не менее видится как минимум несколько основных направлений.

Первое – это работа внутри исторического сообщества с целью нахождения взаимопонимания и налаживания диалога в профессиональной среде. Это могут быть разовые

мероприятия или серия мероприятий – официальные и неофициальные встречи историков, семинары, конференции двустороннего и многостороннего уровня. В наиболее сложных случаях (Балканы, палестино-израильский конфликт, дискуссия о геноциде армян 1915 г. и др.) было бы целесообразно создавать постоянно действующие экспертные группы. По конкретным спорным вопросам истории, выходящим на современную «большую политику», стоило бы инициировать специальные исследовательские проекты, выполняемые международными коллективами с привлечением авторитетных ученых, с предоставлением им доступа к архивам любых стран.

Второе. Очевидно, что деятельность «Историков без границ» не должна ограничиваться профессиональным научным сообществом. Сверхзадача заключается в том, чтобы в позитивном плане повлиять на международную политику и дипломатию, на освещение истории в СМИ, на более объективный, деполитизированный подход к формированию исторической политики. В этой связи обсуждается вопрос о формировании списка профессиональных историков, имеющих международную репутацию и готовых в случае необходимости применить свой опыт и знания в деятельности «Историков без границ», в работе ЮНЕСКО, других международных организаций, которые занимаются вопросами предотвращения и разрешения конфликтов, в качестве экспертов, консультантов, посредников, членов комиссий и т. д.

ПЛАНЫ И ПРОЕКТЫ

На сегодняшний день началось создание рабочих групп по актуальным международным темам, в том числе — по крайне сложной и противоречивой проблеме под условным названием «Колониализм и развитие». Идет подготовка международной конференции на эту тему, инициированной «Историками без границ», которая пройдет весной 2018 г. в ЮАР. Эта конференция, как предполагается, даст старт серии международных исследовательских проектов, нацеленных на сближение позиций и сотрудничество историков из стран — бывших колоний и их метрополий. До сих пор «колониальная история» — удел почти исключительно национальных историографий, которые зачастую противоречат друг другу, что в негативном ключе влияет на современную политику. Поэтому задача «Историков без границ» — через диалог и кооперацию историков разных стран подняться над национальными нарративами, поощрять разработку международной истории колониализма. Это будет способствовать созданию более объективной «колониальной истории» и, как мы надеемся, приведет к предотвращению потенциальных конфликтов, уходящих корнями в прошлое.

Другой «проблемный» регион современного мира с точки зрения тлеющих конфликтов, в котором «Историки без границ» планируют в ближайшее время организовать диалог историков, — это Балканы, в особенности — бывшая Югославия. Представители «Историков

без границ» уже побывали в регионе и прозондировали возможность диалога. Почва для него в значительной степени подготовлена благодаря реализации в последние годы совместных проектов с участием международных научных коллективов, в которых принимали участие специалисты из разных балканских стран. В связи с этим «Историки без границ» видят свою задачу в том, чтобы укрепить такого рода кооперацию ученых на уровне наднациональных историй. Параллельно с диалогом историков непосредственно на Балканах «Историки без границ в Финляндии» инициируют диалог на исторические темы между эмигрантскими диаспорами из бывшей Югославии, ныне живущими в Финляндии.

Еще одной перспективной идеей является организация конструктивного диалога о совместном прошлом между историками из Польши и стран Балтии, с одной стороны, и России — с другой. В этом отношении можно было бы использовать успешный опыт научного сотрудничества и сближения позиций в оценке событий прошлого, который наработан в последние десятилетия российскими и финскими, а также российскими и германскими учеными.

Неудивительно, что Россия и «постсоветское пространство», конфликты на котором по понятным причинам весьма тревожат соседнюю Финляндию, считаются одними из главных потенциальных адресатов «Историков без границ». Не выглядит случайным и то, что юридический адрес «Историков без границ

в Финляндии» — Александровский институт Хельсинкского университета, который, как известно, специализируется на изучении новейшей истории России и на анализе современной политической и социально-экономической ситуации на постсоветском пространстве.

ДИАЛОГ ИСТОРИКОВ РОССИИ И УКРАИНЫ — ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ «ИСТОРИКОВ БЕЗ ГРАНИЦ»

При посредничестве «Историков без границ» в Хельсинки в январе и в сентябре 2017 г. прошли две неформальные встречи российских и украинских историков, вызвавшие значительный резонанс. Как известно, после 2014 г. официальные контакты российских и украинских историков были практически свернуты, что делало данную инициативу крайне актуальной. Организация такого диалога стала пилотным проектом «Историков без границ».

Первая встреча, в которой участвовало по пять известных ученых с российской и украинской стороны¹ при посредничестве финских коллег, была нацелена на начало

¹ С украинской стороны во встрече в Хельсинки 30 января 2017 г. участвовали: руководитель делегации — Владимир Огрызко (к.и.н., Центр российских исследований, министр иностранных дел Украины в 2007–2009 гг.), Владимир Сергейчук (д.и.н., Киевский национальный университет им. Т. Шевченко), Виктор Даниленко (д.и.н., Институт истории Украины НАН Украины), Богдан Андрусисин (д.и.н., Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова), Игорь Гирич (к.и.н., Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины).

диалога. Накануне встречи, состоявшейся 30 января 2017 г., настраивая стороны на конструктивный лад, Э. Туомиоя отмечал исключительную важность очного общения: в качестве первого шага должна быть готовность встретиться и узнать аргументацию оппонента. Его позиция может быть в ходе обсуждения подвергнута критике, но нельзя заранее отвергать то, что ты не выслушал и не постарался понять.

В одном из писем, адресованном руководителям российской и украинской делегаций С. Журавлеву и В. Огрызко, Туомиоя от имени «Историков без границ в Финляндии» писал: «Мы <...> сделаем все, что в наших силах, чтобы убедиться в том, что встреча будет успешной и поспособствует объединению историков в реальном и конструктивном диалоге. Мы понимаем, что первоначальные исходные позиции и интерпретации истории участниками встречи могут быть очень разными и трудно совместимыми. Мы не ожидаем, что эта встреча приведет к единству взглядов, но надеемся, что она станет началом процесса диалога, который позволит сблизить взгляды и интерпретации сторон...».

Подготовка встречи оказалась непростым делом. Для начала потребовалось согласовать предмет дискуссии. Российская сторона пред-

С российской стороны участвовали: руководитель делегации — Сергей Журавлев (д.и.н., Институт российской истории РАН), Рудольф Пихоя (д.и.н., Институт российской истории РАН), Елена Зубкова (д.и.н., Институт российской истории РАН), Олег Хлевнюк (д.и.н., НИУ Высшая школа экономики), Сергей Кудряшов (к.и.н., Германский исторический институт в Москве).

ложила исключить политическую составляющую и сосредоточиться на сравнительном анализе российской и украинской историографии по истории XX в. как периода, вызывающего наибольшие споры. Украинская сторона предложила тему для обсуждения: «Борьба Украины за независимость в XX веке: правда истории». В результате посредничества организаторов удалось согласовать общую тему под названием: «Анализ истории XX века в современной украинской и российской историографии».

В соответствии с этим, С. Журавлев от имени российской делегации выступил с докладом «Новейшая история России и СССР в современной российской историографии». После подробной характеристики основных историографических тенденций он отметил, что конструктивный диалог с украинскими коллегами вполне реален, но только в историографическом, а не в политическом поле и за узкими рамками национального дискурса. «Исходным моментом для диалога должно быть согласие, что у нас одни корни, многовековая история жизни в одном государстве, что у граждан России и Украины значительно больше того, что нас объединяет, чем того, что разъединяет», — говорил Журавлев. Далее он предложил инициировать совместные с украинскими историками и с западными коллегами исследовательские и публикаторские проекты, а также провести конференции под эгидой «Историков без границ». Среди возможных тем: «Россия и Украина в исторической и культурной ретроспективе: что нас сближает,

а что разъединяет», «Территории Украины, Белоруссии, Прибалтики и РСФСР в условиях нацистской оккупации, 1941–1944 гг.», «Союзный центр и Украинская ССР в послевоенный период», написание научных биографий С. Бандеры и Р. Шухевича и др. Украинская сторона не выразила заинтересованности в обсуждении этих предложений.

В. Сергейчук от имени украинской делегации зачитал текст под названием «И через сто лет — один к одному: о развитии российско-украинских отношений в XX столетии». «Главная задача, которую выполняет современная российская идеологическая машина <...>, — это утверждение, что украинцы и русские — один народ, а потому, мол, нужно возвращаться в единое славянское государство», — начинал Сергейчук. Далее в докладе он предпринял попытку обосновать, что современное противостояние России и Украины — не случайность, что оно имеет исторические корни, связанные с тем, что Россия якобы всегда стремились подавить стремление украинцев к независимости. К сожалению, анализ современной украинской историографии в докладе Сергейчука отсутствовал. Его выступление завершилось реверансом в сторону организаторов семинара: «В Украине помнят, что Финляндия всегда оказывала поддержку независимым устремлениям украинского народа... Организованная финской стороной эта встреча, как мне кажется, также в числе актов поддержки украинского народа, который сегодня противостоит агрессии России на своих восточных землях и в Крыму».

Призыв к финнам «дружить против России» остался без ответа. «Историки без границ» посчитали встречу успешной уже хотя бы потому, что она состоялась, что ученые из Украины и России дискутировали за общим столом и довольно миролюбиво общались в кулуарах семинара. По его итогам стороны согласовали размещенный на сайте текст сдержанно оптимистичного заявления: «Хотя существуют значительные различия в интерпретациях общей истории двух стран, участники встречи согласились с тем, что это подчеркивает необходимость продолжения диалога между историками России и Украины в целях содействия лучшему взаимопониманию и предотвращению злоупотребления историей...» (www.historianswithoutborders.fi/en/hwb-hosts-prominent-ukrainian-and-russian-historians-in-finland/).

Однако сразу по возвращении в Киев идея продолжения диалога была деавуирована. Делегация украинских историков во главе с В. Огрызко 3 февраля 2017 г. собрала пресс-конференцию в Укринформе, на которой представила свое видение встречи в Хельсинки. Конструктивная позиция российских историков была воспринята как стремление «сделать вид, что ничего плохого в украинско-российских отношениях не происходит, и начать сотрудничать как историки нейтральные, неполитические и т.д.». «Дорогие друзья, – заключил Огрызко, обращаясь к российским историкам, – оставьте эти ваши надежды, что так мы будем размывать этот общий конфликт, возникший в результате агрессии России, так не получится».

По словам Огрызко: «Мы четко и ясно сказали [на встрече в Хельсинки], что до тех пор, пока Россия будет проводить в отношении Украины агрессивную политику, пока все то, что продолжается в Крыму и на Донбассе, не завершится, никаких шансов на какие-либо совместные проекты нет» (www.ukrinform.ru/rubric-society/2169393-istoriki-bez-granic-ogryzko-poasnil-pocemu-pokane-mozet-byt-sovmestnyh-proektov-sf.html).

Пресс-конференция в Укринформе вызвала полемику среди украинских историков, часть из которых выступила в Интернете с критикой позиции В. Огрызко и его команды, которая содержала официальную точку зрения украинских властей. К «Историкам без границ» поступили предложения об участии в диалоге с российскими коллегами.

На этом фоне шла подготовка ко второй встрече историков России и Украины, которая состоялась в Хельсинки в начале сентября 2017 г. Она была более многочисленной и оказалась конструктивнее первой. В ней, помимо историков из Украины и России, в дискуссиях о проблемных точках общей истории участвовали ученые из Финляндии, Германии и Австрии². Многосторонний, а не двусторонний, как на первой встрече, формат, а также следование научному курсу – вот тот позитивный опыт, который был накоплен в рамках но-

² Программу второй встречи в Хельсинки украинских и российских историков в международном формате см.: www.historianswithoutborders.fi/en/uaguprogramme.

вого раунда российско-украинского диалога.

Немаловажным оказалось и то, что в сентябре 2017 г. полностью обновился состав участников: в Хельсинки не приехали те украинские и российские ученые, которые были здесь в январе. Теперь преобладали молодые историки, уже зарекомендовавшие себя в международных проектах (например, с Германским историческим институтом в Москве, выступившим одним из организаторов второй встречи). Неформальным лидером украинской делегации проявил себя сотрудник Института истории Украины НАН Украины, д.и.н. Георгий Касьянов, вопреки политическим ветрам

продолжающий сотрудничество с российским историком Алексеем Миллером. «Историки без границ» планируют продолжение российско-украинского диалога с акцентом на обсуждение конкретных «трудных» вопросов совместного прошлого.

Подводя итоги вышесказанному, можно сказать, что за полтора года работы «Историки без границ» развили активную и многообещающую деятельность, в значительной степени основанную на добровольческих началах. В случае открытия серьезного финансирования проекты этой организации могут превратить научное историческое знание во влиятельный фактор мировой политики.

MISSION OF "HISTORIANS WITHOUT BORDERS": AIMS, FIRST STEPS AND PROSPECTS OF THE INTERNATIONAL ORGANIZATION

Zhuravlev Sergey V. — doctor of historical sciences, deputy director of the Institute of Russian history, member of the coordination Committee of the international organization "Historians without borders" (Moscow)

Key words: historical memory, international cooperation of historians, the Holocaust, Russian-Ukrainian relations.

Abstract. The section "Self-organization of science" refers to the activities of new international institutions designed to intensify the dialogue of historians of different countries in the interests of improving mutual understanding.

И. А. Гринько, А. А. Шевцова

«ДЯТЕЛ ДОКЛАДОДОЛБЯЩИЙ» И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ: НАУКА В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ

Ключевые слова: советская история, история науки, карикатура, наука, научное сообщество, антропология академической жизни, визиотип, СССР, журнал «Крокодил».

Аннотация. В массовом и, что гораздо более важно, в корпоративном сознании до сих пор существует убеждение, что советская наука, особенно в послевоенный период, была идеальным образцом научного сообщества. В этой модели полностью отсутствуют какие-либо негативные черты, ассоциирующиеся с современной научной жизнью: плагиат, низкое качество диссертаций, карьеризм, имитация научной деятельности, бесполезность и отрыв от реальности и т. д.

Все это, согласно такому нарративу, — приметы исключительно постсоветского периода. Подобная идеализация вряд ли способствует анализу и пониманию базовых проблем, мешающих развитию и консолидации научного сообщества сегодня.

В данной статье мы хотели бы показать те проблемы советской науки 1950–1980-е гг., которые оказывались в публичном дискурсе, и сопоставить их с актуальными темами. Цели статьи: а) показать преемственность проблем в советской и российской науке, б) обсудить отношение власти к науке через призму сатирической печати. Визуальными источниками стали иллюстрации партийной печати, опубликованные в «Крокодиле» — подведомственном журнале газеты «Правда».

Для решения этих целей мы проследили основные сюжеты советской карикатуры в динамике, выявили сквозные темы и лакуны.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-276-291

© Гринько И. А., Шевцова А. А., 2018

Гринько Иван Александрович — кандидат исторических наук, Master of Arts in Cultural Management, доцент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭ) (Москва); IAGrinko@yandex.ru

Шевцова Анна Александровна — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный педагогический университет (МГПУ) (Москва); ash@inbox.ru

Базовым источником для нашего исследования послужат архив журнала «Крокодил» и сборники «Библиотечка «Крокодила» серии «Мастера советской карикатуры» издательств «Правда» и «Советский художник» за 1950–1980-е гг.: мы проанализировали 729 номеров журнала, изданных с 1950 по 1991 г., и 97 сборников серии «Мастера советской карикатуры».

Именно в послевоенный период наука в нашей стране перешла в разряд наиболее важных отраслей советского хозяйства. Социальный статус ученого, по сравнению с 1920–1930-ми гг., кардинально изменился: ученый, наряду с партийными функционерами, спортсменами и делегированными в советы народных депутатов передовиками производства, стал одной из наиболее популярных ролевых моделей советского общества, а сама наука — одним из наиболее продвигаемых государством социальным лифтов.

Более того, классический советский нарратив определял коммунизм не просто как идеологию, но как науку (Ковалев 1983), а институционализация научного коммунизма и введение обязательного курса по этому предмету в вузах пришлось как раз на 1950-е — начало 1960-х гг.

Кроме того, ряд исследователей (Поповский 1978) считают именно этот период началом именно «советской науки» в чистом виде. Как сформулировал это Арон Гуревич: «То, чего не достигли репрессии 30-х годов, <...> было довершено в конце 40-х — начале 50-х годов. Старики были отстранены от влияния на мо-

лодежь, руководство стало подбирать других, молодых, по другим критериям, и преемственность — то, что составляет основу научной школы, — оказалась подорванной» (Гуревич 2004). Тогда же обозначился и прямой интерес властей к науке, вылившийся в целый ряд разнообразных форм (Kojevnikov 1998).

Выбор источника был обусловлен проблематикой исследования. Одно из ведущих советских СМИ с тиражом, достигавшим 6,5 млн экземпляров, «Крокодил» успешно способствовало формированию у советских граждан различных стереотипов, многие из которых существуют до сих пор. При этом нельзя забывать, что начиная с 1933 г., когда по решению Политбюро журнал был передан газете «Правда», он и по сути, и по содержанию был не столько сатирическим, сколько идеологическим и пропагандистским изданием всесоюзного масштаба. По меткому выражению писателя Дмитрия Петрова, «журнал “Крокодил” во всей его истории — это гибридное издание, это сочетание народности с антинародностью» (Толстой 2015).

В любом иллюстрированном издании ключевым элементом является изображение, а если человек, взявший в руки журнал, умеет читать, то первым делом он прочтет подпись в рисунке или под рисунком. Своим обаянием и успехом у читателей «Крокодил», несомненно, обязан тому, что в нем работали лучшие иллюстраторы и карикатуристы своего времени: Кукрыниксы, Борис Ефимов, Леонид Сойфертис, Виктор Чижиков, Генрих Вальк, Эдгар

Вальтер и множество других мгновенно узнаваемых мастеров.

Не требующий почти никаких усилий для восприятия (Голубев 2008) карикатурный образ легко усваивался и тиражировался на местах, в сатирических журналах национальных и некоторых автономных республик, заводских многотиражках, стенгазетах. Старейший «крокодилец» Борис Ефимов, автор тысяч рисунков, писал: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов» (Ефимов 1961: 90).

Иллюстративный ряд в «Крокодиле» не исчерпывался сатирической карикатурой. Почти в каждом номере присутствовали совершенно разные жанры иллюстрации: изощренные, изорепортажи, иллюстрации к фельетонам и очеркам, шаржи, виньетки, плакаты, комиксы. Эмоциональный градус также сильно различается: от сочувственно-юмористического изображения экзаменационных страстей в разных институтах или истории науки в анекдотах до довольно ядовитой сатиры. В то же время изображения туповатых спортсменов, зачисленных в институт явно не за знания, а авансом за будущие спортивные достижения, или многочисленные карикатуры, высмеивающие блат при поступлении в вуз, — это именно жесткая сатира. Но обширную тему высшего образования в целом

авторы оставляют за рамками данной статьи.

Тот факт, что «Крокодил» официально являлся печатным органом партии, естественно, напрямую влиял на редакционную политику и круг разрешенных тем. Суть работы этого органа «карательной юмористики» можно оценить по воспоминаниям Людмилы Петрушевской, проходившей там практику: «...это были трудяги, со скрежетом сочиняющие шутки, прибаутки и фельетоны, которые, будучи опубликованы, плавно переходили в оргвыводы с последующим приговором. Такая прокуратура с присвистом и вприсядку. <...> По фельетонам назначались цеховские проверки, героев журнала сажали, выгоняли из партии. Они (в основном мелкие начальники) не сдавались, жаловались». Главный редактор казахской франшизы «Крокодила» — сатирического журнала «Ара» («Шмель») Н. Шакеев писал в 1979 г.: «Нередки случаи, когда рисунок срabатывает как фельетон. И приходят ответы: “По рисунку меры приняты”» (Мастера 1979).

В случае с визуальными образами науки и ученых следует учитывать несколько ключевых факторов.

Традиционно, начиная еще с Вальтера и Жюль Верна, ученых часто изображали юмористически. Однако в данном случае имелась вполне конкретная специфика. С одной стороны, наука в послевоенный период стала одним из главных предметов гордости советского правительства: «Коммунистическая партия, Советское государство <...>

высоко ценят и, как вы знаете, достойно отмечают труд выдающихся ученых <...>. Более миллиона человек трудятся у нас в различных областях науки. Это великая сила, и очень важно правильно ее использовать» (Речь Л. И. Брежнева 1975). Наука воспринималась как предмет пропаганды (Поповский 1978).

В науку действительно вливались серьезные средства, а представители научных кругов входили в номенклатуру ЦК КПСС (Восленский 1991), а представители номенклатуры не менее охотно входили в научное сообщество.

Одновременно с этим научные институты необходимо было держать в постоянном подчинении (Поповский 1978; Романовский 2004; Шноль 2010; Сарданашвили 2014), и сатира была одним из важных инструментов подобного контроля. Рассмотрим, какие именно проблемы советской науки выводились в общественный дискурс.

Одной из самых устойчивых была тема бесполезности и имитационности научного знания: она стабильно появлялась и в 1950-е гг., и в разгар перестройки. Ученые могли исследовать рыбное хозяйство в аквариуме (56/3)², скрещивать зайца с черепахой в «НИИкому не нужно» (68/4) или в бане собирать материал для диссертации на тему «Пар костей не ломит» (69/14). Однако если в 1950–1960-е это были образы отдельных чудаковатых ученых и лабораторий, то к концу советско-

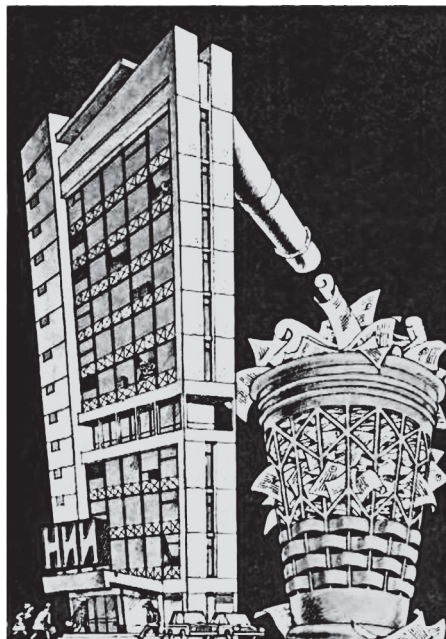

Рис. 1. «Работает в корзину». Рис. В. Уборевича-Боровского (Владимир Уборевич-Боровский 1991)

го периода формируется устойчивый визуальный образ абстрактного бесполезного НИИ, изобретающего колесо (86/18) или просто работающего в корзину (рис. 1). Карикатура Е. Гурова «Первобытные методы скрещивания» на биологов из НИИ, скрестивших свинью с динозавром (Евгений Гуров 1969) напоминает об отзвуках борьбы с «лженаукой» генетикой.

Раздутые научные кадры, занимающиеся малоинтересными народному хозяйству проблемами, – устойчивый визуальный штамп нескольких десятилетий (рис. 2).

Помимо бесполезности исследовательской работы, не менее часто критике подвергалась и эффективность научной коммуникации. «Дятел докладодолблящий»

² Здесь и далее в круглых скобках ссылка на иллюстрацию дается в формате год издания / номер.

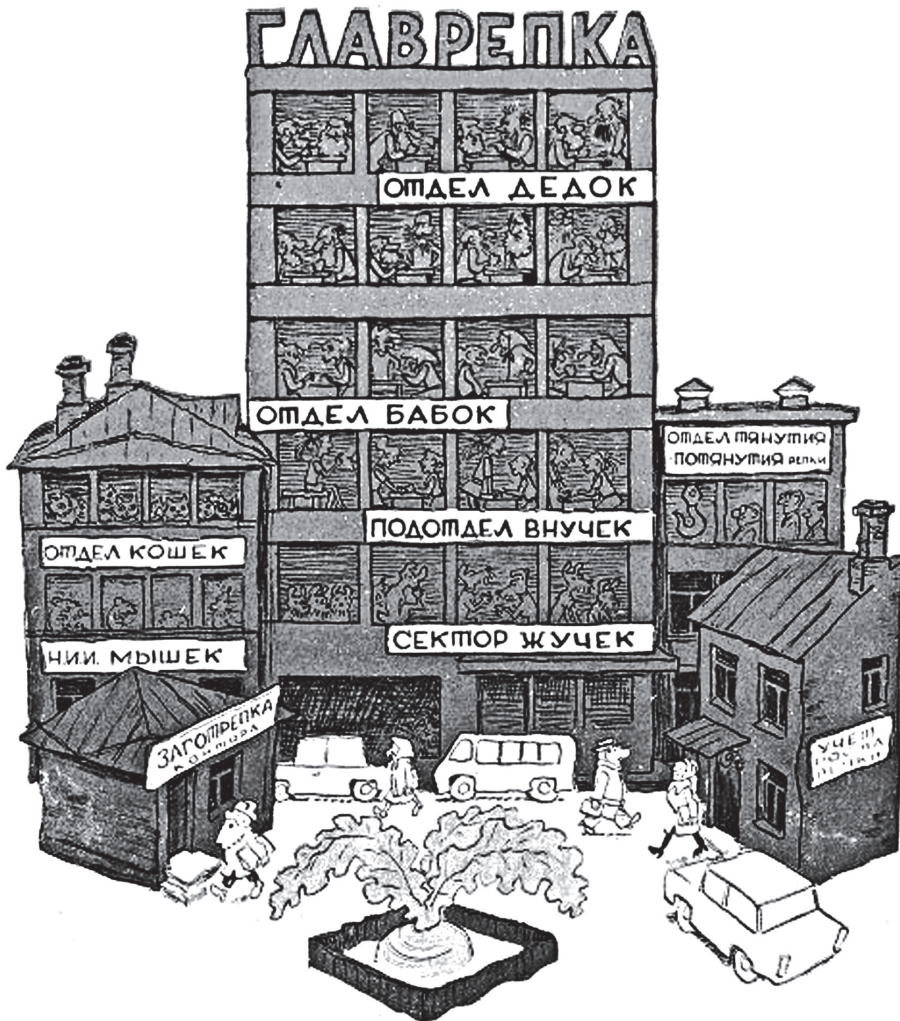

Рис. 2. «Вокруг репки...». Рис. Е. Ведерникова («Крокодил». 1970. №6)

в исполнении Бориса Ефимова (рис. 3) стал символом ядовитой серии карикатур, в которых критиковалось качество научных выступлений. Несмотря на единую тему, они отличались редкостным разнообразием. Об используемых художественных приемах дают представление, например, вилы как основной инструмент соблюдения регламента доклада (63/6); ученый, не реагирующий на отсутствие пуб-

лики (76/21); доклад с работающего телевизора, чтобы хоть как-то привлечь внимание (Евгений Мигунов 1987); и просто пустословие без комментариев (71/20).

Близкая сюжетная линия – бесполезная популяризация науки, оторванной от реальности, например, лекция по разведению северных оленей на Кавказе (67/3). Соотношение оторванной от реальности

научной теории и рабоче-крестьянской практики художники пародировали часто и разнообразно: здесь и лекция для доярок, где им при помощи перчатки демонстрировали коровье вымя (Борис Старчиков 1982), и расположение НИИ птицеводства вдали от мест, где можно разводить птиц (57/10). Иногда подобная сатира уступала место снисходительному юмору, как в случае с лекцией о весне для влюбленных пар (75/12), но в целом тональность изображений чаще всего была именно сатирической. Не случайно образ лектора как «Товарища снотворного» (Евгений Гуров 1986) напрямую пересекается с карикатурами из «Крокодила» еще 1920-х гг. (26/10).

Удивительно, что в эти сюжеты иногда вплетались и религиозные мотивы, например, на антирелигиозной лекции могли изобразить бога (70/04) или ангелов, которым лектор пытался объяснить принципы полета (89/22).

Косвенно с темой околонучного «просветительства» связана тема совместительства, причем в самых различных аспектах, от написания статей («На все ручки мастер» (Борис Лео 1964)) до круглосуточного чтения лекций («Время — деньги», (87/4)).

В самом конце описываемого периода в карикатурах появляются актуальные и сегодня сюжеты про рентабельность исследований, например, вопросы на отчетном докладе к Н.Н. Миклухо-Маклаю: «Вы хоть поездку-то оправдали?» (89/26).

Рис. 3. «Дятел докладодолблящий». Из серии «Крокодильская зоология». Рис. Б. Ефимова («Крокодил». 1974. № 3)

Из этих тем плавно вытекала и тема бесполезности ученого сообщества, которая часто переплеталась и с темой его нахлебничества/дармоедства. Образ ученых, весело проводящих время за банкетным столом, был широко распространен в 1970-х (73/06, 79/03). Естественно, что и защита диссертаций ассоциировалась прежде всего с банкетом для членов диссертационного совета (Геннадий Андрианов 1976). Подобному пиршеству в честь диссертанта неизменно сопутствовали неумеренные возлияния (73/17, 82/38).

На этом фоне неудивительно, что при отчете научного института из всех открытий упоминаются только открытия филиалов (64/4).

Рис. 4. «Институт Востока за работой». «Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день (Оживление, смех в зале). Из речи тов. А. И. Микояна на XX съезде КПСС». Рис. И. Семенова («Крокодил». 1956. № 7)

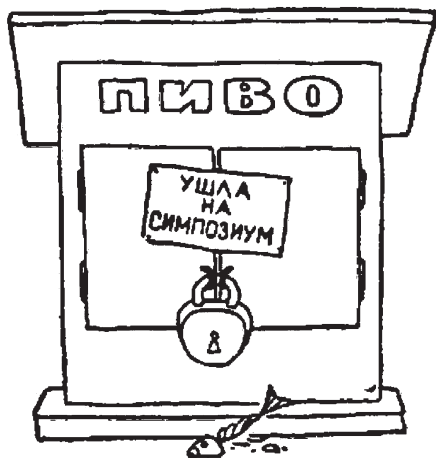

Рис. 5. Без слов («Ушла на симпозиум»). Рис. А. Будилова (Без слов 1977)

В данном случае упреки карикатуристов полностью совпадали с официальными замечаниями: «На сегодня с эффективностью труда в науке не все благополучно. Возрастание численности ученых сопровождается понижением их творческой активности <...>. Причем эта закономерность имеет повсеместный характер» (Волгин 1971: 37). А карикатура на «тематическое» безделье Института Востока (56/07) напрямую сопровождалась цитатой из критического выступления Анастаса Микояна (рис. 4).

Характерно, что подобные претензии к неэффективности науки шли не только от официальных лиц, но и от условной оппозиции — можно вспомнить образ научного сотрудника Вадима Дрожжина из повести Василия Аксенова «Затоваренная бочкотара».

Еще одной темой, подчеркивающей «эффективность» советской науки, конечно, были поездки «на картошку». Как ни странно, сюжеты с профессорами на овощебазах в карикатуре фигурировали не так часто (81/6, 90/8), хотя они нашли отражение даже в кинематографе, например в картине Эльдара Рязанова «Гараж» (1979). В указанных сюжетах подчеркивалось не просто нецелевое использование ученых, но и претензии на научную организацию труда. Позднее карикатура зафиксировала еще одну характерную тенденцию: отток научных кадров в другие, более прибыльные области, например торговлю (90/9). Впрочем, движение кадров могло быть разновекторным (рис. 5).

Не слишком широко освещалась на страницах «Крокодила» одна из причин подобной тотальной неэффективности – бюрократия. Характерно, что и коллеги по соцлагерю также обращали внимание на эту тему. Болгарский карикатурист Георгий Анастасов, чьи работы часто печатались в «Крокодиле», изобразил «Золотой век болгарской письменности»: ряд ученых, смиренно строчащих бесконечные доклады, заявки, отчеты (Георгий Анастасов 1984).

Узнаваемы и сегодня образы научных сотрудников, погребенных под отчетами и докладами (63/7), заблудившихся в лабиринте регламентирующих постановлений (Владимир Шкарбан 1990), или археологов, собирающихся найти «сверх плана одну гробницу с золотом, серебром и слоновой костью V века до н.э.» (Без слов 1976).

Иногда подчеркивалось, что в таких условиях формальные рекомендации становятся ключевым критерием для приема на работу в научное учреждение (74/36). В данном случае стоит обратить внимание и на гендерный аспект: на рисунке М. Битного предпочтение при «зачислении на научную работу в НИИ шуки» отдается мужчине (Емеле глупому), а Василисе премудрой «придется подождать».

Гендерная тема в карикатурах, связанных с наукой, дает очень много материала для размышлений. Несмотря на то, что к концу 1980-х гг. численность женщин, занятых в научной сфере, составила более 40% от общего количества сотрудников

(Научные кадры 1991), образ ученого традиционно оставался мужским.

Женщины чаще всего изображались лаборантками (Эдгар Вальтер 1965; «Крокодилу» – 60 1982), что отчасти отражало реальную диспропорцию: так, в 1937 г. среди кандидатов наук женщины составляли 20,5%, а среди докторов – всего 9,6%; к концу 1950-х гг. показатели выросли в полтора раза, но диспропорция сохранялась (Научные кадры 1991).

Диплом о высшем образовании для девушки зачастую становился всего лишь пропуском к замужеству или к необременительной работе (Эдгар Вальтер 1965; Юмор молодых 1964). Иногда подчеркивалось, что именно брак с ученым высокого ранга в обществе воспринимается как выгодная партия (Евгений Шукаев 1965). В праздничных мартовских выпусках журнала женщины-ученые упоминались через запятую вместе с доярками, сталеварами, милиционерами и матерями-героинями.

Иногда именно женский образ использовался для того, чтобы подчеркнуть бесполезность и ничегонеделание ученых – например, в сцене, где сотрудницы НИИ, зевая, «все вяжут шапочки для зим» посреди новейшей кибернетической техники (Галина и Валентин Караваевы 1989). Характерен их диалог: «Сколько осталось до конца работы? – Полрукава и спинка».

Но чаще всего дамы-ученые в визуальном контексте советской науки не упоминались вовсе: так,

Рис. 6. «Дутьиш псевдоученый: И при труде своем раздутым он остается лилипутом». Из серии «Крокодильская зоология». Рис. Б. Ефимова, стихи Ю. Благова («Крокодил». 1974. № 3)

в «Колонне ученых» на демонстрации (71/30) нет ни одной женщины. Парадоксально, что студенток в изображениях, посвященных вузам, никак не меньше, чем студентов, иногда даже больше. Но, видимо, с точки зрения карикатуристов-мужчин (а карикатура — это почти сугубо мужская сфера с редчайшими исключениями), после получения диплома большинство из них выходят замуж, «распределяются» и/или занимаются более полезными и осмысленными вещами, чем наука.

«Диссеромания» — еще одна яркая примета научной жизни. Тяга к получению ученого звания и тезис о том, что «ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан», неоднократно обыгрывались

отечественными карикатуристами. Это и высосанный из пальца текст в карикатуре 1958 г. (Владимир Гальба 1971); и «Дутьиш псевдоученый» (рис. 6), и стрижка купонов с диссертации (87/7), когда ученая степень становится единственным плодом некоего научного труда. Созвучный этим визуальным типам образ недоучки-карьериста Гордея Кабачкова, блистательно сыгранный Георгием Бурковым в фильме «Добряки» (1979, реж. К. Шаханазаров), интересен не только своими талантами афериста. Он защищает диссертацию и затем стремительно делает карьеру в Институте античной культуры при попустительстве «добряков» — бесхребетных членов диссовета.

Отдельно стоит сказать о проблемах плагиата в науке, которые тоже не были редкостью. В последние годы благодаря активной деятельности сетевого сообщества «Диссернет» тема фальшивых диссертаций стала одной из самых медийных. Подчеркнем, что данная традиция не столь нова, как хотелось бы думать. Тема «соавторства», то есть по сути завуалированного плагиата, была сквозной практически весь послевоенный период (52/14, 63/04, 76/28), (У нас в гостях... 1979); ей посвящено множество едких карикатур.

Иногда прямо показывалась традиция «диссертационных негров» (65/6, 73/3, 79/18), когда молодой специалист вынужден работать на диссертацию начальства, о чем писали в мемуарах и отечественные исследователи (Клейн 2017). Порой вещи назывались своими именами,

как в случае с памятником плагиатору (73/17), или чуть более застенчиво, как в шарже «Копиисты» (рис. 7) или в целой рубрике «Следы чужой музыки» (79/18). Тему иерархичности науки затрагивают множество изображений, где диссертацию раздувшемуся от важности чиновнику от науки пишут его консультанты, референты и младшие научные сотрудники. Характерный пример – рисунок М. Битного, где зав. лабораторией с улыбкой говорит интеллигентному юному очкарику: «Рано вам, молодой человек, писать кандидатскую диссертацию: напишите сначала мне докторскую!» (79/18). Плагиат и «соавторство» – один из самых частотных научных сюжетов в сатирической печати, это не менее 15 % всех изображений, посвященных науке.

В период перестройки авторы стали показывать и негативные результаты подобного рода вмешательств в реальную жизнь: «Вот, телегу изобрел. – А пятое колесо зачем? – Соавторы настояли...» (Святослав Спасский 1989). Еще одна острая работа Г. Анастасова критикует традицию «братских могил», когда из восьми членов так называемого творческого коллектива реально работал только один, самый скромный «соавтор» (Георгий Анастасов 1984).

С темой «охоты на диссертации» тесно переплетались многочисленные сюжеты кумовства и местничества в науке. В начале 1950-х напрямую говорилось о получении диссертаций по наследству (52/19, 52/24), позже подобные сюжеты появлялись применительно к те-

Рис. 7. «Копиисты».
Рис. Г. и В. Караваевых («Крокодил».
1976. № 23)

ме высшего образования (64/10, 74/36), устройству «по благу» в институт, сдаче сессии или удачному распределению.

Особо хотелось бы остановиться на образе ученого. В визуальных рядах «Крокодила» ученый, в подавляющем большинстве случаев, – мужчина, преклонных лет, в очках и ермолке, темном старомодном костюме (64/10, 74/36) (Юмор молодых 1976) с портфелем и множеством бумаг. В целом его можно вполне совместить с традиционным для европейской культуры образом взлохмаченного безумного профессора, прототипом которого чаще всего был Альберт Эйнштейн. При этом изредка встречаются лекторы, которые «дивно танцуют» (Евгений Шукаев 1965), женолюбивые философы (Георгий Анастасов 1984), молодые химики (Эдгар Вальтер 1965), археологи и этнографы (69/16, 75/22), а также изображение множества людей без возраста

Рис. 8. «Лужу, паяю, ЭВМ починая!»
Рис. Г. Андрианова («Крокодилу» — 60
1982)

в белых лабораторных халатах, что отчасти отражает омоложение науки за счет колоссального расширения научных кадров.

Что касается знаменитого спора шестидесятых о физиках и лириках, авторы вынуждены признать, что численный перевес в сюжетах карикатур — у первых. Однако еще больше среди ученых тех, чью ведомственную или дисциплинарную принадлежность определить не удалось. Это абстрактные ученые: на точные и естественнонаучные дисциплины прозрачно намекают белые халаты. Но для художников и редакторов важнее не то, чем конкретно они занимаются, а сама их принадлежность к научному сообществу, зачастую не оправдывающему ожиданий. Сам сюжет спора «физики vs лирики» в карикатуре отчетливо не зафиксирован. Возможно, потому что был надуман и «завершился трогательным примирением сторон под сахаринowym лозунгом

«И в космосе нужна ветка сирени»
(Кенжеев, Образцов 2015).

Чуть ли не единственные гуманитарии, время от времени все же появляющиеся в карикатурах, — это археологи. Происходило это не столько в силу романтического флера профессии в массовом сознании, сколько потому, что сопутствующий антураж позволял высмеивать бытовые и этические сюжеты, далекие от науки (63/01, 69/16).

Научная отрасль не может обойтись без обслуживающего персонала. Недаром на НИИ красуется гигантская вывеска «Требуется уборщица» (Без слов 1978), а «неостепененный» умелец на все руки стал героем не только шаржа Г. Андрианова (рис. 8), но и трагикомедии В. Меньшова «Москва слезам не верит» (1979).

Приметой конца 1970-х — 1980-х стало появление в карикатурах новых героев — роботов. Победы искусственного интеллекта, впрочем, не произошло: робот становится одним из атлантов, поддерживающих портик НИИ, робот деловито выбирает человеческий мозг в некоем подобии булочной (Николай Капуста 1989), роботы убивают время за столами в учреждении (Без слов 1977).

Пересечения этнических и научных сюжетов крайне редки. Исключения — знаменитая карикатура в январском номере «Крокодила» за 1953 г. «Убийцы в белых халатах», разоблачающая «врачей-вредителей, наемников иностранных разведок», а также некоторое тяготение

сюжетов о благе, кумовстве, принудительном соавторстве в науке и высшей школе к Кавказу и Средней Азии.

Отдельного упоминания заслуживают изображения в советской сатирической печати ученых «капиталистического мира». В отличие от своего советского коллеги, на котором, даже критикуемом, все же лежала тень элитарности и достатка, ученый в западных странах изображался маргиналом, постоянно озабоченным поиском работы (71/20, 75/11).

В конце советского периода неожиданно актуализировалась тема устаревания научного знания и технического отставания СССР (87/5, 89/04, 89/7, 90/5). Но если раньше карикатуристы под наукой подразумевали в первую очередь точные дисциплины, то в начале 1990-х речь зашла и об очевидном кризисе в гуманитарном, прежде всего историческом, знании. Яркие примеры – надгробный памятник Краткому курсу истории ВКП(б) (88/19) и упреки («Много белых пятен») учебнику по Истории СССР (91/25) на одной из первых известных работ знаменитого карикатуриста Сергея Елкина.

Очевидно, что многие стереотипы, а значит, и медийные темы были заданы еще в советскую эпоху и по своей сути мало трансформировались и сегодня. Советская пропаганда сделала много, чтобы создать не только позитивный, но и негативный образ ученого, последствия чего до сих пор ощутимы в массо-

вом сознании по отношению к ученым и науке в обществе.

С другой стороны, многие реальные недостатки советской научной системы в круг обозначенных проблем не попали (идеологизированность, контролируемость, иерархичность, изолированность, милитаризованность и секретность). Прицел советской сатиры сфокусирован не на проблемах науки и научных институтов, а на их проявлениях, которые можно было объяснить не качеством системы в целом, а отдельными человеческими недостатками.

Все изображения являются иллюстративными цитатами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Без слов 1976 – Без слов. Мастера советской карикатуры. Выпуск 1. М.: Советский художник, 1976. Б/с.

Без слов 1977 – Без слов. Мастера советской карикатуры. Выпуск 2. М.: Советский художник, 1977. Б/с.

Без слов 1978 – Без слов. Мастера советской карикатуры. Выпуск 4. М.: Советский художник, 1978. Б/с.

Борис Лео 1964 – Борис Лео. Карикатуры. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Издание «Крокодила», 1964. Б/с.

Борис Старчиков 1982 – Борис Старчиков. Мастера советской карикатуры. Юмористический альбом. М.: Советский художник, 1982. Б/с.

Владимир Гальба 1971 – Владимир Гальба. Карикатуры. Иллюстрации. Зарисовки. Шаржи. Альбом «Крокодила». Мастера советской карикатуры. М.: Советский художник, 1971. Б/с.

- Владимир Уборевич-Боровский 1991 — Владимир Уборевич-Боровский. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1991. Б/с.
- Владимир Шкарбан 1990 — Владимир Шкарбан. Мастера советской карикатуры. Альбом сатирических рисунков. М.: Советский художник, 1990. Б/с.
- Волгин 1971 — Волгин Б. Н. Молодежь в науке. М.: Знание, 1971. 65 с.
- Восленский 1991 — Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия — Октябрь, 1991. 624 с.
- Галина и Валентин Караваевы 1989 — Галина и Валентин Караваевы. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1989. Б/с.
- Геннадий Андрианов 1976 — Геннадий Андрианов. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1976. Б/с.
- Георгий Анастасов 1984 — Георгий Анастасов (Народная Республика Болгария). Мастера карикатуры социалистических стран. Альбом. М.: Советский художник, 1984. Б/с.
- Голубев 2008 — Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. 384 с.
- Гуревич 2004 — Гуревич А. Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
- Евгений Гуров 1969 — Евгений Гуров. Карикатуры. Мастера советской карикатуры. Альбом «Крокодила». М.: Правда, 1969. Б/с.
- Евгений Гуров 1986 — Евгений Гуров. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1986. Б/с.
- Евгений Мигунов 1987 — Евгений Мигунов. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1987. Б/с.
- Евгений Шукаев 1965 — Евгений Шукаев. Карикатуры. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Издание «Крокодила», 1965. Б/с.
- Ефимов 1961 — Ефимов Б. Е. Сорок лет. Записки художника-сатирика. М.: Советский художник, 1961. 208 с.
- Кенжеев, Образцов 2015 — Кенжеев Б. Ш., Образцов П. А. Удивительные истории о веществах самых разных. Тайны тех, что составляют землю, воду, воздух... и поэзию. М.: Ломоносов, 2015. 264 с.
- «Крокодилу» — 60 1982 — «Крокодилу» — 60. У нас в гостях «Крокодил». Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1982. Б/с.
- Клейн 2017 — Клейн Л. С. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: НЛО, 2017. 576 с.
- Ковалев 1983 — Ковалев А. М. Научный коммунизм // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с. С. 411–413.
- Мастера 1979 — Мастера советской карикатуры. У нас в гостях казахский журнал политической сатиры «Ара» («Шмель»). М.: Советский художник, 1979. 32 с.
- Научные кадры 1991 — Научные кадры СССР / ред. В. Ж. Келле, С. А. Кугель. М.: Мысль, 1991. 284 с.
- Николай Капустя 1989 — Николай Капустя. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1989. Б/с.
- Поповский 1978 — Поповский М. Управляемая наука. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1978. 320 с.
- Речь Л. И. Брежнева 1975 — Речь Л. И. Брежнева на заседании по поводу 250-летия Академии наук СССР // Правда. 1975. 8 октября.
- Романовский 2004 — Романовский С. И. «Пригашенная» наука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 372 с.

Сарданавили 2014 — *Сарданавили* Г.А. Между рассветом и закатом: Советская физика в 1950–1979 гг. М.: ЛЕ-НАНД, 2014. 232 с.

Святослав Спасский 1989 — Святослав Спасский. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1989. Б/с.

Толстой 2015 — *Толстой И.* Старая злоба и свежая падаль. История «Крокодила», рассказанная им самим // Радио Свобода. URL: www.svoboda.org/a/27414439.html (дата публикации: 08.11.2015).

У нас в гостях... 1979 — У нас в гостях азербайджанский журнал политической сатиры «Кириш». Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1979. Б/с.

Шноль 2010 — *Шноль С. Э.* Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: Либроком, 2010. 890 с.

Эдгар Вальтер 1965 — Эдгар Вальтер. Карикатуры. М.: Издание «Крокодила», 1965. Сер. «Мастера советской карикатуры». Б/с.

Юмор молодых 1964 — Юмор молодых. Альбом. М.: Издание «Крокодила», 1964. Б/с.

Юмор молодых 1976 — Юмор молодых. Вып. I. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1976. Б/с.

Kojevnikov 1998 — *Kojevnikov A.* Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948 // *The Russian Review*. Vol. 57. January 1998. P. 25–52.

“WOODPECKER REPORTSHAD” AND OTHER ANIMALS: SCIENCE IN THE MIRROR OF THE SOVIET CARICATURE

Grinko Ivan A. — PhD in history, MA in cultural management, Associate Professor, The Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES) (Moscow)

Shevtsova Anna A. — doctor of history, professor, Moscow State Pedagogical University (MSPU) (Moscow)

Key words: cartoon, history of science, USSR, “Crocodile”, Soviet history, vi-siotype.

Abstract. In the mass and, more importantly, in the corporate minds there is still a belief that Soviet science, especially in the post-war period, was an ideal model of the scientific community. This model completely lacks any negative features associated with modern scientific life: plagiarism, low quality of dissertations, careerism, imitation of scientific activity, uselessness and separation from reality, etc.

All this, according to this narrative, is a sign of the post-Soviet period. Such an idealization hardly contributes to the analysis and understanding of the basic problems that hamper the development and consolidation of the scientific community today.

In this article, we would like to show those problems of Soviet science in the 1950s–1980s that turned out to be in public discourse, and compare them with current topics. The objectives of the article: a) show the continuity of problems in Soviet and Russian science, b) discuss the relationship of power to science through the prism of the satirical press.

REFERENCES

- Bez slov. *Mastera sovetsoi karikatury*. Vypusk 1. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1976. B/s.
- Bez slov. *Mastera sovetsoi karikatury*. Vypusk 2. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1977. B/s.
- Bez slov. *Mastera sovetsoi karikatury*. Vypusk 4. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1978. B/s.
- Boris Leo. *Karikatury. Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Izdanie "Krokodila", 1964. B/s.
- Boris Starchikov. *Mastera sovetsoi karikatury*. Iumoristicheskii al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1982. B/s.
- Edgar Val'ter. *Karikatury*. Moscow: Izdanie "Krokodila", 1965. Ser. "Mastera sovetsoi karikatury". B/s.
- Efimov B.E. *Sorok let. Zapiski khudozhnika-satirika*. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1961. 208 p.
- Evgenii Gurov. *Karikatury. Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom "Krokodila". Moscow: Pravda, 1969. B/s.
- Evgenii Gurov. *Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1986. B/s.
- Evgenii Migunov. *Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1987. B/s.
- Evgenii Shukaev. *Karikatury. Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Izdanie "Krokodila", 1965. B/s.
- Galina i Valentin Karavaevy. *Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1989. B/s.
- Gennadii Andrianov. *Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1976. B/s.
- Georgii Anastasov (Narodnaia Respublika Bolgariia). *Mastera karikatury sotsialisticheskikh stran*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1984. B/s.
- Golubev A.V. "Esli mir obrushitsia na nashu Respubliku": *Sovetskoe obshchestvo i vneshniaia ugroza v 1920–1940-e gg*. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 384 p.
- Gurevich A.Ia. *Istoriia istorika*. Moscow: ROSSPEN, 2004. 288 p.
- Iumor molodykh*. Al'bom. Moscow: Izdanie "Krokodila", 1964. B/s.
- Iumor molodykh*. Vyp. I. *Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1976. B/s.
- Kenzheev B.Sh., Obratstov P.A. *Udivitel'nye istorii o veshchestvakh samykh raznykh. Tainy tekhn, chto sostavliaiut zemliu, vodu, vozdukh... i poeziiu*. Moscow: Lomonosov, 2015. 264 p.
- Klein L.S. *Muki nauki: uchenyi i vlast', uchenyi i den'gi, uchenyi i moral'*. Moscow: NLO, 2017. 576 p.
- Kojevnikov A. Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948. *The Russian Review*, vol. 57, january 1998, p. 25–52.
- Kovalev A. Moscow Nauchnyi kommunizm. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'*, gl. redaktsiia: L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.Moscow Kovalev, V.G. Panov. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1983. 840 p., p. 411–413.
- "Krokodilu" – 60. U nas v gostiakh "Krokodil". *Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1982. B/s.
- Mastera sovetsoi karikatury*. U nas v gostiakh kazakhskii zhurnal politicheskoi satiry "Ara" ("Shmel"). Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1979. 32 p.
- Nauchnye kadry SSSR*, red. V.Zh. Kelle, S.A. Kugel'. Moscow: Mysl', 1991. 284 p.
- Nikolai Kapusta. *Mastera sovetsoi karikatury*. Al'bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1989. B/s.
- Popovskiy M.A. *Upravlyaemaya nauka*. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1978. 320 p.
- Rech' L.I. Brezhneva na zasedanii po povodu 250-letii Akademii nauk SSSR. *Prauda*, 1975, 8 oktiabria.

- Romanovskiy S.I. *“Pritaschennaya” nauka*. St. Petersburg: SPBGU Publ., 2004. 372 p.
- Sardanashvili G.A. *Mezhdru rassvetom i zakatom: Sovetskaia fizika v 1950–1979 gg.* Moscow: LENAND, 2014. 232 p.
- Shnol’ S.E. *Geroi, zlodei, konformisty otechestvennoi nauki*. Moscow: Librokom, 2010. 890 p.
- Sviatoslav Spasskii. *Mastera sovetskoi karikatury*. Al’bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1989. B/s.
- Tolstoj I. Staraya zloba i svezhaya padal’. Istoriya «Krokodila», rasskazannaya im samim. *Radio Svoboda*. URL: www.svoboda.org/a/27414439.html (08.11.2015).
- U nas v gostiakh azerbaidzhanskii zhurnal politicheskoi satiry “Kirpi”. *Mastera sovetskoi karikatury*. Al’bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1979. B/s.
- Vladimir Gal’ba. Karikatury. Illiustratsii. Zarisovki. Sharzhi. Al’bom “Krokodila”. *Mastera sovetskoi karikatury*. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1971. B/s.
- Vladimir Shkarban. *Mastera sovetskoi karikatury*. Al’bom satiricheskikh risunkov. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1990. B/s.
- Vladimir Uborevich-Borovskii. *Mastera sovetskoi karikatury*. Al’bom. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1991. B/s.
- Volgin B.N. *Molodezh’ v nauke*. Moscow: Znanie, 1971. 65 p.
- Voslenskii M.S. *Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuza*. Moscow: Sovetskaia Rossiia – Oktiabr’, 1991. 624 p.

Ключевые слова: институциональные проблемы; научная репутация; научная экспертиза, Диссернет.

Аннотация. «Казус Мединского» демонстрирует кризис научных репутаций в России, компрометируемых наплывом некомпетентных людей с учеными степенями. Для преодоления кризиса необходим более или менее широкий пересмотр репутаций, в статье С. Зенкина и тематически связанных с ней интервью рассматриваются некоторые практические вопросы такой процедуры, раскрываются также некоторые механизмы деятельности Диссернета.

«“ДИССЕРНЕТ” — ЭТО СВОЕГО РОДА СОЦИОЛОГИЯ ПОТЕРИ РЕПУТАЦИИ В РОССИИ».

Интервью с А. А. Ростовцевым

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-292-302

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. В публичном пространстве не раз высказывалось подозрение, что «Диссернет» — это диверсия врагов России с целью подорвать нашу политическую систему. Напомните нам, пожалуйста, когда и кем он был создан, на каких принципах действует, каковы его цели?

© Историческая Экспертиза, 2018
Ростовцев Андрей Африканович — доктор физико-математических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН, один из основателей сетевого сообщества «Диссернет» (Москва); dissernet@gmail.com

А.Р. «Диссернет» был создан весной 2013 г. У него четыре отца-основателя — Сергей Пархоменко, Михаил Гельфанд, Андрей Заякин и я. Еще с нами был тогда Кирилл Михайлов, но он потом как-то отошел от дел. Мы просто хотели проверить несколько резонансных диссертаций чиновников, десять-пятнадцать, посмотреть, какой будет результат. Дело было абсолютно новое. Посмотрели. Потом, со временем, выяснилось, что не в чиновниках дело. Дело в самой нашей образовательной системе. Основные

«липовые» диссертации — это диссертации работников вузов, людей из администрации вузов, профессоров, доцентов. Это подавляющее большинство, более 50%. Чиновники составляют 10–15%, и то с натяжкой. Им, в общем-то, бояться нечего. Не они здесь главная беда. Со временем «Диссернет» превратился в машину, которая работает автоматически. На начальном этапе задействовано мало людей. Машина выбирает авторефераты, проверяет их друг за другом в автоматическом режиме, семь дней в неделю, 24 часа в сутки. Дальше программа находит те, в которых есть серьезные признаки плагиата. Там выставляется красный флажок, и волонтеры рассматривают уже диссертации, а не авторефераты. С помощью этого механизма находится по несколько липовых диссертаций в день. Одна из них каждый день публикуется на сайте. То есть очередь на публикацию растет ежедневно: у нас опубликовано около 1500 «кейсов», а всего в коллекции уже 7500. То есть 6000 еще не опубликованы. Даже если «Диссернет» перестанет работать вообще, то еще 20 лет можно выкладывать по одному кейсу.

С.Э. А с чем связано ограничение — одна диссертация в день?

А.Р. Полученную информацию надо переваривать. Сайт ориентирован не на то, чтобы стать каким-то большим складом, а на то, чтобы люди знакомились с текстами, с «кейсами», как-то реагировали на это. В Фейсбуке есть отображение этих результатов, есть аудитория, которая заходит, смотрит и видит, что, вот, в таком-то университете рабо-

тают липовые ученые. Не нужно создавать такую ситуацию, чтобы в информации можно было утонуть. Мы преднамеренно выкладываем лишь одну диссертацию в день. Надо различать витрину и большую «базу данных» — она скорее для социологических исследований. Вообще, «Диссернет» — это большой социологический эксперимент. Это не охота, не травля, ничего подобного давно уже нет. Если изначально и были такие мысли, мол, «давайте потроллим вот этого товарища», то сейчас от этого и следа не осталось. С нами работают социологи, у них есть доступ к этой базе, есть механизм, как разбить эти данные на группы — по специальностям, например, или по регионам. Например, изучалась такая группа, как все директора московских школ, или все ректоры вузов. Депутаты, губернаторы, члены Академии наук и так далее — разные группы. Они могут быть распределены по географии, по специальности, по годам защит. Это своего рода социология потери репутации в России, я бы так сказал.

С.Э. Эти социологические исследования выложены на сайте?

А.Р. Они не выложены, но это фигурирует в наших презентациях. Есть публикации социологов из Европейского университета, например Михаила Соколова. Сейчас социологи заинтересовались, как обстоит дело с диссертациями у экспертов Рособнадзора, которые закрывают их университет. Оказалось, там совсем все плохо. Было замечено, что в такие контролирующие органы часто стремятся попасть люди с плохой репутацией.

С.Э. Сколько сейчас человек сотрудничают с «Диссернетом»?

А.Р. Это тот вопрос, на который нет ответа. Не потому, что я что-то скрываю, просто это совершенно «плоская» организация, как группа в Фейсбуке. Понятно, сколько человек в группе ФБ, но вы никогда не можете знать, сколько из них активных. В «Диссернете» есть разные функции. Есть люди, которые плотно сотрудничают с «Диссернетом» в плане публикаций. Есть люди в регионах, которые берут материалы, касающиеся какого-то региона, обрабатывают их и публикуют. В «Диссернете» они или нет? Я думаю, что они тоже в «Диссернете». Они отслеживают диссертации своего региона, обрабатывают, склеивают, из этого получается целая история региона. Кто-то из библиотек достает какую-то литературу в каких-то университетах. Это вроде вспомогательная функция, но очень важная. Часто бывают нужны и монографии, и журналы. В последний год как раз по журналам мы очень сильно продвинулись. То есть существуют самые разные функции. Причем человек мог быть в активной фазе, потом, видимо, происходит выгорание — и он уходит в тень. Потом снова возвращается. А иногда и не возвращается, такое тоже бывает. То есть это динамичная организация, не как в армии. Есть кластеры. Я знаю, что есть кластер в Берлине. Я общаюсь с одним человеком, но у него точно есть помощники, которых я вообще не знаю. Сколько их, я тоже не знаю. Думаю, что я знаю примерно три десятка человек.

С.Э. Это люди, выполняющие самые разные функции — и те, кто

публикуют результаты в регионах, и те, кто сканирует журналы?

А.Р. Да, но опять же, это не все, а лишь какая-то часть людей. Я не знаю всех.

С.Э. Есть ли некое руководящее ядро, которое получает зарплату, или это добровольная организация?

А.Р. Нет! У нас нет никаких зарплат, это абсолютно добровольное дело. Более того, существуют эксперты, которые на последнем этапе проверяют, нет ли ошибок в автоматической обработке диссертаций, и эти эксперты тоже принципиально работают без оплаты. Так было решено изначально.

С.Э. Они тоже входят в те три десятка человек, которых вы знаете?

А.Р. Да. Их не меньше десятка. Но, опять же, я знаю больше экспертов, например, по экономике. А по медицине я знаю одного человека, и знаю, что с ним работает еще кто-то.

С.Э. В любом случае, активно вовлечены меньше ста человек?

А.Р. Да, меньше ста человек. В активной фазе — несколько десятков человек.

С.Э. В наше время, к сожалению, мало кто готов проявлять инициативу и делать что-то без оплаты. Поэтому интересно узнать, каковы ваши мотивы заниматься «Диссернетом»?

А. Р. «Диссернет» для меня — это тот инструмент, который позволяет взглянуть на научный мир с высоты птичьего полета, даже в специальностях, отдаленных от сферы моей непосредственной научной деятельности. Может быть, это внутренняя потребность коллекционировать. В детстве я собирал марки, монеты, потом какие-то антикварные вещи. Интересно покопаться: а как это устроено? А что будет, если дернуть вот за эту ниточку? Это для меня такой большой социологический эксперимент.

С. Э. Можно назвать это наукометрией?

А. Р. Если хотите, да, наукометрия, но, правда, с размытой шкалой. Она не очень хорошо определена, но очень иллюстративна. Сразу видно, как все работает, например, в Москве, в Питере или на Кавказе, в Ростове-на-Дону.

С. Э. То есть вы сделали специальную программу? А где находите авторефераты?

А. Р. В целом есть открытая база авторефератов условно за пятнадцать лет. Они абсолютно доступны. Мы этой обширной базой пользуемся. У нас есть границы видимости — это 2001–2003 гг. Для более ранних случаев оцифрованных текстов-источников очень-очень мало. То есть мы просто не можем установить тогда, с чего списывали. Автореферат — это лишь лакмусовая бумажка, по которой мы судим, насколько хороша диссертация. Машина проверяет авторефераты, потому что они легко доступны, они лежат в сети Интер-

нет. Машина берет их один за другим в автоматическом режиме.

С. Э. А если нужно достать диссертацию, то каким образом это делается?

А. Р. Если нужно, диссертации достают из библиотек. Либо покупают, либо как-то еще достают. У нас много своего рода «пособников» в рамках университетов, они просто присылают копии из библиотек.

С. Э. Они сканируют их?

А. Р. Да, конечно. У «Диссернета» нет цели всех проверить. Мы проверяем выборочно, причем там, где легко проверить. Сейчас стали применять всяческие методы, чтобы замаскировать плагиат. Ну, мы проверяем диссертации за чуть более ранний период, в основном до 2014 г. Пройдет немного времени — мы «подкрутим», усовершенствуем наши инструменты и будем дальше проверять.

С. Э. А как стали маскировать этот плагиат? Через словарь синонимов пропускают?

А. Р. А просто переписывают от себя, что-то дописывают. Может, и программы какие-то есть. Но наши лингвисты говорят, что обычно видно, что это человек писал, не программа. Это интересное явление: обычно в диссертации есть что-то, что совпадает с текстами, находящимися в публичном пространстве, например, в публикациях автора по теме диссертации. Они обязаны быть в журналах из перечня ВАК. То есть такие совпадения со своими

текстами — это вполне законно. И вдруг пошли диссертации, в которых ничего такого нет. Нет никаких пересечений ни с какими текстами, которые находятся в обозримом публичном пространстве. Стали смотреть и увидели: вот тут якобы цитата, но неточная, переделанная. Люди переписывают все сплошняком. Видимо, есть такие услуги по подчистке вот этого плагиата. Соискатели, возможно, не сами это делают. И таких диссертаций сейчас от 30 до 50 %.

С.Э. То есть формально к ним нельзя предъявить претензию в плагиате?

А.Р. Да, юридически над этим еще нужно поработать. Потому что любой юрист скажет: «Ну, смотрите, это же два разных текста». Здесь нужны уже эксперты. «Диссернет» не может заменить собой научное сообщество. Его цель, с моей точки зрения, — помочь научному сообществу консолидироваться. И в этом мы за четыре года, как я считаю, достигли определенных успехов. В 2013 г. ни у кого и в мыслях не было написать заявление о лишении ученой степени Мединского. А сейчас это возникло, потому что сегодня ученые-историки чувствуют себя более уверенно. И очень много из разных университетов общаются, если какой-то ужас случается — увольняют хорошего ученого, появляется кандидат в ректоры с сомнительной академической историей или появился диссертационный совет, где за деньги принимают диссертации к защите. Все это стекается к нам, люди стараются не молчать. Мир стал, как принято говорить, транспарентным.

С.Э. Вы стали центром, куда такие сигналы стали поступать?

А.Р. Дело даже не в этом. Просто люди перестают бояться об этом говорить, вот что важно.

С.Э. А если к вам поступает такая информация, вы ее публикуете?

А.Р. Нет, не публикуем, но анализируем, смотрим, какие меры мы можем принять. В разных случаях бывает по-разному. Иногда и до судебных процессов доходит. Плотнo работаем и с ВАКом, и с министерством налаживаем контакты.

С.Э. У вас есть список заявлений на лишение ученой степени, которые вы подали. Сколько их всего, и сколько по ним было положительных решений?

А.Р. Всего подали таких заявлений примерно 300. На сайте есть инфографика, сколько положительных и отрицательных решений в том совете, который присуждал степень, и сколько — в альтернативном совете. Потому что иногда во время рассмотрения диссертацию направляют в другой совет, не тот, который присуждал ученую степень. Так вот, если заявление попадает в «родной» совет, где человек защищался, то в 90 % случаев наше заявление отклоняют. А если рассмотрение идет в альтернативном совете, то в 90 % случаев наше заявление принимается. Это о многом говорит.

С.Э. Да, вижу, 11 человек лишили в «своем» совете и 74 — в альтернативном. То есть 85 случаев лишения степени?

А.Р. Сейчас — да. Но если посмотреть общую таблицу, сколько заявлений подано — их много. В последнее время скорость подачи увеличилась. Сейчас в сумме это около трехсот заявлений.

С.Э. Это меньше 1% всех диссертаций. По какому критерию вы отбираете диссертации для того, чтобы подать по ним заявление о лишении степени?

А.Р. Прежде всего, срок давности. Диссертации, защищенные ранее 2011 г., все по определению «белые и пушистые». У нас ограниченное поле для действия здесь. Дальше — у нас нет возможности подавать больше 50 заявлений в месяц.

С.Э. Нет возможности исходя из ваших сил или из-за того, что вы не имеете права больше подавать?

А.Р. Исходя из наших сил. Ведь каждое заявление — это иногда до 50 страниц текста. Текст каждого заявления тщательно выверяется. Готовят их волонтеры, специалисты по «золусописанию», а проверяют текст юристы. Так вот, очередь туда, на написание ЗОЛУС — Заявления о лишении ученой степени — примерно 1000 диссертаций.

С.Э. А как вы отобрали эту тысячу?

А.Р. Простой критерий — все диссертации, защищенные после 2010 г., в которых почти все списано. Таких сейчас восемьсот-девятьсот в очереди стоит. Это ориентировочно, плюс-минус сто. Цифры такого порядка. Семь с половиной тысяч — это

все диссертации, попавшие к нам в базу данных и защищенные за последние 15 лет. А около тысячи — это диссертации, защищенные после 2010 г., в которых явно есть плагиат. Они выбираются совершенно случайным образом. Там нет никакого злого умысла. Иногда, правда, есть дополнительный аргумент в выборке: если совет, в котором была присуждена ученая степень, уже закрыт по какой-то причине, то диссертация автоматически будет посылаться в альтернативный совет. Такие диссертации обладают преимуществом в очереди на «золусописание» потому, что не хочется играть в игру, в которой тебя заведомо обыграют. Если ее пошлют в тот же совет, где она защищалась ранее, там опять, скорее всего, ее «защитят».

С.Э. Вы подробно описали механизм работы «Диссернета». А если обратиться к социологии науки: вот, например, в естественных науках есть плагиат?

А.Р. В биологии больше, а в химии, физике, математике таких диссертаций практически нет. Там на уровне шума, единицы.

С.Э. А по биологии уже есть?

А.Р. По биологии есть, потому что биология, к сожалению, очень тесно соседствует с сельскохозяйственными науками, и, видимо, это заразно. У нас есть целая отдельная специальность: сельскохозяйственные науки.

С.Э. А как у гуманитариев?

А.Р. Я могу прислать Вам график, на котором видно, что, например,

40 % — это экономика, следующей идет педагогика, потом юристы и далее — медики, техника, история. Всего понемногу, но вот эти три области — основные — экономика, педагогика, юридические науки. Всегда, когда я показываю эту круговую диаграмму, то говорю: «Обратите внимание, это то же самое, что вокруг нас происходит: экономика провалилась, образование продолжает деградировать, судебная система серьезно больна, юриспруденция тоже далеко не на высоте». По сути, эти вещи очень тесно связаны друг с другом, потому что, с одной стороны, в этих областях знания не существует экспертного сообщества, ставящего диссертационным жуликам барьер, а с другой стороны, это дутое сообщество якобы ученых не способно предложить какой-то дельный рецепт в жизни. Оно заводит нас как Сусанин в болото в каждой из этих специальностей: в экономике, педагогике и праве, с единственной лишь разницей: Иван Сусанин делал это сознательно, а наши так называемые ученые — по собственной глупости, выдавая себя не за тех, кем они являются.

С. Э. Я бы не стал историю отделять от этой группы.

А. Р. Там тоже не все в порядке, Вам это лучше знать, но все-таки не в такой степени.

С. Э. Ну, к тому же от истории наша жизнь все же меньше зависит, чем от экономики, педагогики и права.

А. Р. У меня есть замечательная картинка, которая Вам может тоже по-

нравиться по своей идее. Когда-то мы с библиометристами из Scopus разделили российские публикации по специальностям ВАК и дальше отложили на одной оси процент российских публикаций по этой специальности в Scopus, а по другой — количество липовых диссертаций по этой специальности, находящихся в базе «Диссернета». Получилось: у физиков, математиков это где-то 5 % (это вклад в мировую науку по библиометрии Scopus) и практически нулевой вклад в копилку «Диссернета». А дальше все специальности выстраиваются по нисходящей, и в самом конце — экономика, у которой практически нулевой вклад в копилку мировой науки, если мерить по Scopus, и огромнейшее количество липовых диссертаций. Это очень взаимосвязанные вещи: дутая наука и вклад в реальную науку находятся в обратной пропорциональности друг к другу. Причем количество докторов наук в экономике превосходит сейчас количество докторов наук в физике и математике в России. В экономике мы просто наблюдаем мыльный пузырь.

С. Э. Есть ли данные, например, сколько людей имеет экономические, юридические степени?

А. Р. Есть такая статистика по докторам наук, но у меня сейчас, к сожалению, ее под рукой нет. Не уверен, что найду ее сейчас, т. к. занимался этим года два назад. Статистика такова, что больших выбросов, особенно на таких больших специальностях, в ней нет, т. е. сейчас имеем примерно столько же, в экономике чуть больше, чем в точных науках.

С.Э. По вашим данным, у историков есть четыреста пятьдесят диссертаций со случаями плагиата. Это где-то около 7% от общего числа (от 7 500). Но историков, я думаю, все-таки гораздо меньше, чем 7% научных работников, т.е. уровень плагиата в исторической науке, получается, повыше?

А.Р. Мы не смотрели уровень плагиата у историков, надо посмотреть, сколько есть исторических диссертаций.

С.Э. Если у вас есть такая возможность, было бы интересно посмотреть, сколько диссертаций всего и сколько из них с плагиатом, чтобы посмотреть, насколько выше уровень плагиата в истории, чем в других специальностях.

А.Р. Дело еще в том, что мы к плагиату относим очень специфическую вещь: мы берем только те диссертации, в которых списано практически все. Мы не считаем за плагиат те диссертации, когда человек, чтобы подкрепить какие-то свои мысли, исследования, чуть-чуть своровал, у кого-то что-то взял, позаимствовал. В нашу статистику попадают, как правило, те, кто не то что не писал, не читал, он часто просто никогда не видел своей диссертации. Такие диссертации часто представляют собой забитое бессмысленными текстами пространство между двумя обложками. Это даже не плагиат, тут речь вообще не идет ни о каком содержании. Если взять случайную диссертацию по экономике или по юриспруденции, то вероятность того, что попадешь на такую диссертацию, 3–4%,

причем в этих областях наук эта вероятность приблизительно одинаковая. И в педагогике она до 5%. Я не думаю, что мы увидим большую разницу в случае историков. Это скорее мера масштаба торговли.

С.Э. Вы говорили, что есть коллективы, которые по заказу такие диссертации готовят. Можете что-то рассказать о них? Как работают такие «фабрики»?

А.Р. Одна из этих «фабрик» Вам хорошо известна — это «даниловский» совет в МПГУ, который уже закрыт. Это была самая большая и самая продуктивная «фабрика» по историческим наукам. А так, в Москве недавно закрылась самая крупная «фабрика» по экономике. Точнее, она еще не закрылась, но уже приказ есть: закрыть с 25 декабря.

С.Э. Где она находится?

А.Р. Есть такая странная организация «Стандартинформ», это дочерняя организация Росстандарта. При этой организации был всего один диссертационный совет, и это совет по экономике. С ними ничего нельзя было сделать, потому что председатель этого совета одновременно является заместителем председателя экспертного совета ВАК по экономике, и какие бы жалобы мы не писали, они их просто отклоняли и все. Ну вот, слава Богу, наконец их удалось прикрыть.

С.Э. Когда распустили совет у Данилова, «Диссернета» еще не было?

А.Р. «Диссернет» тогда еще только формировался. Тогда еще была такая

комиссия при Минобрнауке, ее называли Комиссия Игоря Федюкина. Если помните, был такой заместитель министра, который возглавил эту комиссию по разбору дел Даниловского совета. «Диссернет» тогда только-только сформировался, мы помогали в работе этой комиссии.

С. Э. Сколько случаев там было обнаружено?

А. Р. Около двухсот.

С. Э. По истории?

А. Р. Да, по истории. В этом совете ведь только по истории и защищались.

С. Э. Какова география таких диссертаций, просматривается ли она в ваших исследованиях?

А. Р. География таких диссертаций хорошо исследована, но статистика по ней общая, т. е. пока нет отдельной статистики по каждой специальности, например, по истории. Эта статистика показывает, что основной гадюшник — это Москва и Питер, даже не Кавказ. Кавказ в общий интеграл дает относительно небольшой вклад. Там, конечно, тоже все жутко, есть своеобразие, но основные места — это Москва и Питер. Если посмотреть картинку вкладов разных городов и даже если нормировать это на количество университетов, то очевидно: главные — это Москва и Питер. Это говорит о том, что сама эта система, рынок липовых ученых степеней — это не маргинальное явление, существующее где-то скромно на периферии, а явление, встроенное в го-

сударственную систему, это такая государствообразующая вертикаль.

С. Э. Получается, что в Москве и в Питере степень что-то дает, поэтому за нее и бьются.

А. Р. Она везде что-то дает, просто в Москве и в Питере ее продают больше, более масштабно ею торгуют.

С. Э. Но если больше торгуют, значит на нее и спрос больше?

А. Р. Спрос, наверное, везде есть, вопрос в масштабе предложения.

С. Э. Это не связано с тем, что в Москве и в Питере больше академических институтов?

А. Р. Нет-нет, несмотря на то, что их больше, с этим связано только частично. Связь не пропорциональная. Основная кузница здесь, в столице. От этого никуда не деться.

С. Э. А новые тенденции в липовых диссертациях, о которых вы говорили, например переписывание другими словами, — кто конкретно этим занимается? Это делают какие-то коллективы? Есть ли у вас информация по этому вопросу?

А. Р. Честно говоря, не знаю. Видно, что это массовое явление. Почему? Я легко объясню причину. Потому что примерно с 2014 г. Минобрнауки обязал все аттестационные работы, и диссертации в том числе, проверять по системе «антиплагиат», т. е. навязал такую проверку. И диссертационные советы элементарно боятся, вдруг в отчете будет

отражено, что оригинальность работы не очень высокая. Они не пропускают работы по формальным причинам, они говорят: «Вы принесли отчет, где будет написано, что оригинальность работы высокая, тогда мы пропустим диссертацию». Собственно говоря, так сейчас разговор в большинстве советов и строится. Люди, для того чтобы получить высокую оригинальность, не долго думая, переписывают текст диссертации еще раз своими словами. Но если они их переписывают, это не значит, что все диссертации плохие. Просто даже нормальный человек в такой ситуации будет страховаться. Если переписать от себя, своими словами, займет это, может быть, всего несколько дней.

С.Э. Но это все-таки тяжелый труд.

А.Р. Все равно это несоизмеримо с теми потерями, когда отложат защиту на год, два, три, а потом вообще не найдешь совет, который примет диссертацию снова к защите. Риски большие, а цена всего несколько дней.

С.Э. Еще такой вопрос: долгое время шли разговоры, что Академия наук чиста от плагиата, но я посмотрел вашу статистику, и в Институте всеобщей истории есть академик Урилов и доктор исторических наук Телицын, которые участвовали в защите диссертаций с плагиатом.

А.Р. Они как раз защищали диссертации своих подопечных в МПГУ у Данилова. У нас было исследование на тему того, куда «рассосались» эти люди, но оно не завер-

шилось, к сожалению. Не знаю окончательных выводов. Это большая проблема: советы, которые серьезно засветились, сейчас разгоняют, а они заново собираются в новом месте под другим названием. Мы их называем «Советы-фениксы». И ничего с этим пока сделать нельзя.

С.Э. Вы упомянули закрытие диссертационных советов. Заявления на их закрытие тоже вы подаете?

А.Р. Нет, мы не подаем заявления. В Минобрнауки есть такая практика, что если совет два раза принял неоправданное решение, то это является причиной для того, чтобы его закрыть.

С.Э. Значит, этим вопросом занимается ВАК?

А.Р. ВАК, а точнее — департамент Минобрнауки, который курирует ВАК. Он занимается закрытием этих советов, готовит приказы.

С.Э. Насколько уменьшилось количество защищаемых диссертаций, в результате в том числе и вашей деятельности?

А.Р. Количество защищаемых диссертаций за последние несколько лет упало в два раза. Если раньше их было 25–30 тысяч в год, то сейчас это где-то 14–15 тысяч в год. Это результат не только нашей деятельности, но я считаю, что мы все-таки подогреваем атмосферу, вот это именно то, что мы делаем. Мы создаем общественное мнение. Это важная функция.

С.Э. С какими экспертными советами ВАК у вас установились хорошие отношения, а с какими не установились?

А.Р. С проблемными советами, конечно, отношения не установились. А вот, скажем, с советом по истории у нас неплохие были отношения. С естественнонаучными советами тоже. Нас иногда просят в сложных случаях помочь, проверить что-то. Когда совет сам не может оперативно разобраться в принятой диссертации, то обращаются за помощью к нам. По личным каналам, неофициально. Вообще, «Диссернет» — это как группа в Фейсбуке, у нас нет ни физического лица, ни юридического лица, ни бюджета, ничего нет, и поэтому «официально» обратиться в Диссернет невозможно.

С.Э. Вы говорили, что ваша задача — создать такую корпоративную этику, чтобы не вы, а сами ученые занимались этой проблемой. Скажите, пожалуйста, какие-то обнадеживающие вещи произошли в этом направлении, и если да, то в каких специальностях?

А.Р. Да, конечно. В основном это происходит в тех случаях, когда имеет место что-то безобразное. Например, назначенный ректор, который к университету не имеет никакого отношения. Такое было, например,

в Бурятском государственном университете, где назначили ректора, а местные ученые против этого воюют, они объединяют свои усилия, и «Диссернет» им в этом деле оказывает техническую поддержку. Они получают поддержку даже в судебных процессах.

Был какой-то Физкультурный университет, который к нам обращался. Там тоже назначили ректора, и несмотря на то, что у него была крупная поддержка от Государственной думы, не без нашей помощи удалось его снять. Есть случаи безобразий и в диссертационных советах, к нам оттуда обращаются ученые, которые тоже чувствуют нашу поддержку, защищая свои права. Это мы тоже наблюдаем.

С.Э. Очень интересное получилось интервью. У нас в журнале есть рубрика «Самоорганизация науки». «Диссернет» — это один из успешных примеров самоорганизации науки.

А.Р. Да, конечно, это пример самоорганизации. Надо сказать спасибо Мединскому, между прочим. Он ведь сыграл свою роль в консолидации научного и, в частности, исторического сообщества, помог расставить точки над «i».

С.Э. Спасибо большое, Андрей!

“THE “DISSERNET” — A KIND OF SOCIOLOGY OF LOSS OF REPUTATION IN RUSSIA”

Rostovtsev Andrey A. — doctor of physics and mathematics, professor, leading researcher, Institute for Information Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences (Kharkevich Institute), one of the founders of the network community “Dissernet” (Moscow)

С. Н. Зенкин

САНАЦИЯ НАУКИ

Расширенная версия выступления на круглом столе «Казус Мединского», Санкт-Петербург, 24 ноября 2017 г.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-303-310

«Казус Мединского» продемонстрировал общую проблему — кризис научных репутаций, которые обесцениваются наплывом некомпетентных людей с дипломами, разлагающих профессиональное сообщество. Пропагандист, не имеющий даже понятия о науке, получил обманом степень доктора исторических наук и вопреки общему мнению специалистов продолжает утверждать, что он ученый. На его стороне — не только чиновничья круговая порука, но и массовая распространенность, типичность его случая: таких, как он, много, научное самозванство вошло в порядок вещей, отчего опускаются руки даже у некоторых профессионалов, не знающих, как с этим быть. Симптомом растерянности являются звучащие то тут, то там слова о «ящике Пандоры», который-де откроется при переоценке научных репутаций по содержательным критериям: замучаемся, мол, друг друга переоценивать и друг с другом ссориться.

© Зенкин С. Н., 2018

Зенкин Сергей Николаевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ (Москва); sergezenkine@hotmail.com

Масштаб кризиса действительно велик, и для его преодоления недостаточно ужесточить текущую научную аттестацию (чем пытается заниматься набравшийся строгости ВАК). Придется еще и так или иначе пересматривать прошлое — буквально «переписывать историю»! — потому что в этом прошлом накопился, как выражаются экономисты, инфляционный навес дутых, необеспеченных репутаций, в основе которых безнаказанная халтура или прямые фальсификации.

По статистике присуждения ученых степеней в России (она взята с сайта, спонсируемого Минобром, ВАКом и Рособрнадзором) видно, как в 1999–2013 гг. кривая графика образует отчетливый «горб», показатели числа присужденных степеней подсакивают в два раза и выше.

Такова картина по всем наукам в целом; сходная динамика прослеживается и по отдельным гуманитарным дисциплинам, в частности по историческим (в таблицах ниже соответствующие строки выделены).

Здесь не место подробно анализировать эту временную динамику.

**Лица, утвержденные ВАК Министерства образования
Доктора наук**

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Всего	3185	2760	3022	3312	3716	4044	4592	3662	4293
из них по отраслям наук									
физико-математические	430	344	351	383	439	402	391	329	426
химические	143	101	115	119	112	131	127	99	156
биологические	230	174	194	251	261	268	278	182	248
технические	761	702	732	799	871	952	1092	785	937
сельскохозяйственные	87	92	106	132	133	148	131	120	131
исторические	124	122	133	120	149	156	191	163	210
экономические	185	156	176	203	226	234	366	328	346
философские	101	86	91	103	106	134	161	134	155
филологические	112	97	138	121	124	181	224	149	206
юридические	62	52	42	72	83	82	109	111	113
педагогические	99	103	126	144	189	247	257	249	221
медицинские	597	510	576	590	713	737	855	726	859
фармацевтические	17	4	10	14	8	19	13	21	11
ветеринарные	16	26	23	52	41	55	41	27	40
искусствоведение	22	21	31	18	18	29	21	31	27
архитектура	11	5	3	1	5	1	9	6	8
психологические	32	31	27	22	35	47	64	42	43
социологические	30	15	23	29	48	41	62	48	27
политические	13	17	26	25	30	27	43	19	5
науки о земле	103	79	78	84	96	110	104	63	103
прочие	10	23	21	30	29	43	53	30	21

Кандидаты наук

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Всего	12964	11553	12032	13151	14560	18100	23075	18976	22094
из них по отраслям наук									
физико-математические	1242	1059	993	1078	1208	1338	1354	952	1175
химические	548	462	417	460	451	541	664	636	506
биологические	865	811	833	873	865	1106	1333	1009	1216
технические	3271	2563	2609	2706	2881	3409	4781	3177	3819
сельскохозяйственные	405	354	326	413	406	518	674	596	727
исторические	539	502	509	549	597	608	829	762	817
экономические	940	870	924	1123	1336	2069	2709	2635	2586
философские	331	301	307	330	380	443	550	487	511
филологические	535	506	604	637	673	991	1115	867	1123
юридические	257	250	330	407	575	715	1084	977	1604
педагогические	793	734	940	1063	1135	1662	2167	1938	2086
медицинские	2034	1944	2074	2251	2664	2892	3429	3294	3704
фармацевтические	52	76	41	57	50	48	86	79	77
ветеринарные	110	96	76	77	96	131	199	164	229
искусствоведение	90	81	111	95	88	120	114	101	105
архитектура	27	29	18	17	25	18	30	33	31
психологические	192	198	213	213	275	416	508	349	537
социологические	123	144	137	172	237	294	421	300	430
политические	58	56	69	96	96	158	202	163	234
науки о земле	290	258	244	264	265	301	441	203	339
прочие	262	259	257	270	257	322	385	254	238

Источник: «Кадры высшей научной квалификации», URL: science-expert.ru.

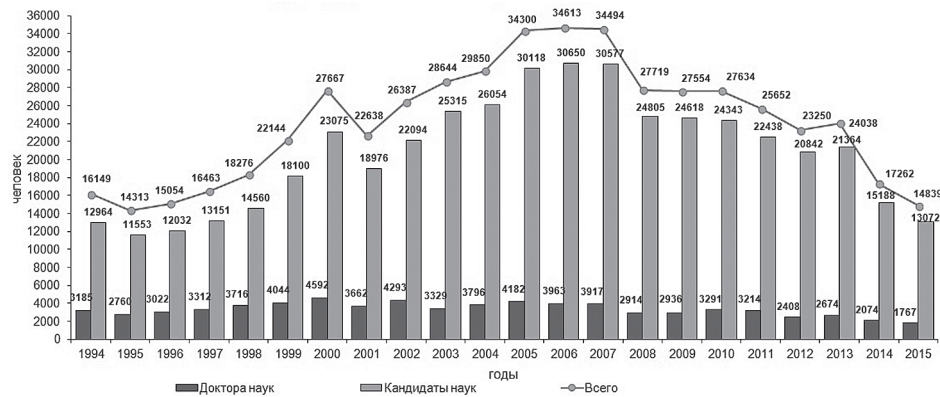
и науки России в ученых степенях, по отраслям наук

(человек)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	3329	3796	4182	3963	3917	2914	2936	3291	3214	2408	2674	2074	1767
	259	308	347	313	288	246	264	285	346	173	240	190	150
	96	103	94	117	96	95	85	78	79	85	41	88	37
	197	246	269	286	270	198	227	221	207	164	214	167	164
	691	708	878	742	755	536	530	580	522	534	324	300	224
	92	122	119	123	112	72	83	95	79	58	74	69	39
	113	160	191	163	177	106	118	145	107	113	107	82	66
	361	416	389	434	535	333	327	474	426	282	423	233	145
	117	115	118	131	146	86	77	120	104	98	72	39	53
	148	157	179	164	212	160	117	156	212	69	197	119	93
	131	137	165	144	137	94	84	108	85	118	46	57	105
	254	231	248	196	218	190	160	156	179	71	185	107	117
	594	766	793	775	657	562	612	628	580	414	532	443	406
	10	15	21	14	12	8	9	14	12	9	19	11	9
	19	22	43	32	20	17	22	11	33	13	14	19	18
	17	25	23	25	25	11	19	18	30	9	42	29	23
	5	8	8	6	4	5	2	1	0	0	0	0	3
	47	50	44	54	46	29	30	41	39	49	41	17	25
	46	55	73	64	55	49	41	34	47	38	31	25	23
	34	49	44	48	35	24	38	45	50	41	14	29	19
	70	85	91	97	73	65	50	56	58	31	42	43	33
	28	18	45	35	44	28	41	25	19	39	16	7	15

(человек)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	25315	26054	30118	30650	30577	24805	24618	24343	22438	20842	21364	15188	13072
	1187	1246	1201	1453	1473	1052	1301	1227	1233	813	1510	1086	1068
	620	681	678	682	766	582	736	657	767	667	424	763	382
	1366	1393	1462	1606	1487	1070	1565	1419	1242	1385	1113	1010	795
	4334	4050	5125	4804	5277	3366	4410	4025	3930	4084	3491	3225	2450
	667	771	781	757	700	546	717	701	529	332	595	360	256
	958	906	1116	1276	1052	707	849	893	628	939	715	409	351
	4318	3853	4537	4723	5638	5150	2983	4081	3893	3004	3121	2039	1435
	552	627	662	665	780	511	519	526	426	346	308	264	275
	1063	1342	1648	1545	1447	1947	1448	1332	1283	924	1941	830	788
	1459	1820	2300	2336	2221	1629	1597	1445	1195	1427	833	703	688
	2295	2367	2794	2746	2658	2413	1931	1912	2084	1406	1669	999	1022
	4222	4434	4794	4929	4104	3675	3973	3767	2854	3435	3243	2013	2317
	89	103	105	110	120	101	93	96	89	126	116	77	107
	243	210	222	208	189	153	188	138	183	144	151	132	79
	91	158	185	171	178	135	226	172	183	112	256	154	106
	37	28	33	33	42	14	43	32	29	31	19	39	18
	490	621	730	807	784	553	633	519	516	460	443	269	253
	427	582	605	617	547	389	445	415	342	273	406	192	190
	275	284	349	439	412	330	311	408	410	399	246	221	204
	363	380	421	421	376	230	373	353	262	282	638	336	227
	259	198	370	322	326	252	277	279	300	253	126	67	61

Лица, утвержденные ВАК Министерства образования и науки России в ученых степенях, по отраслям наук

Любопытно, конечно, что взлет кривой в 1999 г. и ее относительный спад в 2008-м совпадают с приходом новых лиц на высший государственный пост в стране; однако нет уверенности, что здесь имелась прямая связь, — процедуры научной аттестации слишком длительны и инерционны, чтобы столь быстро реагировать на политическую конъюнктуру. Можно лишь достаточно правдоподобно предполагать, что резкий обвал графика в 2014 г. объясняется мерами, принятыми министерством Д. В. Ливанова в ответ на разоблачительные экспертизы «Диссернета», который развернул свою деятельность годом раньше.

Всего за 1994–2015 гг. по истории было присвоено докторских степеней — 3 016, кандидатских степеней — 16 160. С учетом недавних разоблачений приходится опасаться, что значительная их часть — за некоторые годы, возможно, до 50 %, т. е. многие тысячи — являются незаслуженными и порождены разными видами академической коррупции. Проблема в том, что люди, получившие эти степени — и в большинстве

своем защищенные даже от претензий за плагиат, согласно установленному правительством «сроку давности», — никуда не делись: кое-кто из них, боясь скандала, сдал свой диплом или спрятал его подальше, но многие продолжают делать карьеру в системе науки и образования (в частности, карьеру административную, что типично для несостоятельных ученых), поддерживают в ней коррупционные порядки, воспроизводят себя в учениках и последователях. Поэтому мало лишь сдерживать инфляцию новых дипломов, что отчасти достигнуто государственными мерами за последние два-три года; как показывает случай с Мединским, для нормализации положения нужно как-то отделить уже размножившихся псевдоученых от ученых настоящих — отделить хотя бы морально, если не административно. Требуется санация научной среды, более мягкая или более жесткая по формам. В пределе она могла бы дойти даже до введения новых ученых степеней вместо скомпрометированных старых; так финансисты вводят новую валюту вместо обесценившейся.

Необходимость санации как специальной процедуры вызвана тем, что в ближайшее время трудно рассчитывать на выход из кризиса обычным рыночным путем – через институциональную конкуренцию. При такой конкуренции компетентные ученые просто собираются в наиболее авторитетных университетах и лабораториях, тогда как продукция прочих институтов (публикации, дипломы и т.д.) постепенно девальвируется и вытесняется с научного рынка. К сожалению, сегодняшняя система российской науки, опекаемой государственной бюрократией, малоконкурентна и малодемократична, в ней легко деградируют еще недавно лучшие учреждения, а некоторые даже подвергаются гонениям вплоть до закрытия – как это сегодня грозит Европейскому университету в Санкт-Петербурге. Неустойчивые институции приходится поддерживать, а то и заново отстраивать снизу, через непосредственное взаимодействие ученых.

Как видно хотя бы из приведенных выше цифр, объем работы огромен, и задача очень сложна – фактически речь идет о широкой профессиональной переаттестации, да еще и, скорее всего, на общественных началах. Не утопичен ли, осуществим ли такой проект? Об этом трудно судить заранее, все зависит от согласных действий ученого сообщества, а долгая история с министерской диссертацией показала, что согласие по принципиальным вопросам в нем имеется. Перед нами также пример «Диссернета»: эта общественная инициатива возымела действие, заставила власти при-

нять хоть и половинчатые, но все же реальные меры к наведению порядка.

Санация станет убедительной и принятой обществом, если она будет осуществляться систематично, по ясной и обдуманной программе. Эта программа образуется рядом решений – развилки, на которых делается тот или другой экономический выбор, определяемый соотношением цена/качество: как наиболее эффективно, с наименьшими трудовыми и моральными затратами добиться надежного результата? Ниже перечислены несколько таких вопросов, из ответов на которые можно составить алгоритм практических действий.

1. Кто будет этим заниматься? Было бы хорошо, если бы задачу санации науки, включая пересмотр ранее присужденных степеней, взял на себя какой-то государственный орган, например ВАК. Он располагал бы необходимым финансированием (придется выполнить большую высококвалифицированную работу, которая в принципе должна вознаграждаться) и опирался бы на авторитет государственной власти. Но, судя по опыту последних лет, маловероятно, что ученым удастся скоро подвинуть государство на такие действия; в лучшем случае оно присоединится к уже идущему процессу, подобно тому, как Министерство образования начало закрывать коррумпированные диссертационные советы, уже избалованные «Диссернетом». Инициировать этот процесс придется, скорее всего, самим ученым на сетевой и волонтерской основе; институциональную

поддержку могли бы оказать некоторые передовые научные учреждения и некоторые специализированные экспертные советы ВАК (такие, как совет по истории, который принципиально вел себя в случае с Мединским).

2. Персональная или институциональная переаттестация? При персональной переаттестации проверяется квалификация отдельных ученых, при институциональной ведется мониторинг кафедр, исследовательских отделов, журналов и особенно — диссертационных советов, как официальных «производителей» новых репутаций. В последнее время таким мониторингом занимается «Диссернет» по своим, формально-количественным критериям; его опыт можно развивать, дополнить содержательными параметрами. Институциональная проверка сужает фронт работ, однако рано или поздно ее придется дополнить и персональными решениями, а механизм перехода от одного к другому неочевиден — заслуги ученого не находятся в прямой зависимости от учреждения, где он работает.

3. Два метода переаттестации ученых: экспертиза или кооптация? При экспертизе организуется критический пересмотр конкретных профессиональных заслуг исследователя (прежде всего научных трудов), при кооптации его заменяет механизм личного поручительства, как, например, при приеме в члены Вольного исторического общества: наиболее авторитетные ученые рекомендуют других, те в свою очередь следующих, а экспертиза

требуется лишь в спорных случаях, когда оценки резко расходятся. Кооптация — способ намного менее трудоемкий, чем экспертиза (не нужно заново перечитывать старые книги и статьи), но у него есть недостатки: так, в «серой зоне», за бортом формируемого избранного сообщества могут остаться не только негодные ученые, но и добросовестные специалисты, по тем или иным причинам мало известные в профессиональной среде, — за них никому поручиться, хотя к ним и нет претензий. Ошибочно мнение, будто «и так все знают, кто чего стоит» (а потому не нужны какие-то новые процедуры): на самом деле всем известны не все, в том числе вполне достойные ученые, и они не должны пострадать.

4. Если выбран путь экспертизы, что считать ее главной целью: подтверждение заслуженных или отбраковку ложных репутаций? На практике, конечно, всегда делается и то и другое сразу, но одну из этих задач можно ставить как приоритетную, от чего зависит более конкретная стратегия. В первом случае проверке, вообще говоря, подлежат все ученые, во втором — только некоторые, потенциально неблагополучные категории. При последнем решении экспертиза получается избирательной, по одному или нескольким отборочным признакам:

а) временному (исходя из уже упомянутой статистики, преимущественное внимание обращают на научную продукцию некоторых периодов, отмеченных нездоровым перепроизводством диссертаций);

б) тематическому (по опыту прежних исследований составляется примерный перечень научных тем, наиболее подверженных фальсификациям);

в) институциональному (исследуются те сегменты научной среды, где уже ранее были обнаружены злоупотребления: это тоже методика «Диссернета», и его экспертизы могут служить одной из «наводок», указывающей на очаги академической коррупции);

г) статусному (проверке подвергаются прежде всего доктора наук, руководящий состав научно-образовательных учреждений, государственные чиновники, вообще наиболее видные и влиятельные люди, от которых более других зависит развитие и репутация науки).

5. Экспертиза отдельных репрезентативных трудов (например, диссертаций) или общий обзор научной деятельности ученого? Оценку диссертаций легче если не осуществить, то формализовать по более или менее строгим правилам, зато ее результаты могут оказаться ненадежными: нередко случается, что ученый работает лучше, чем была его диссертация (если он с тех пор профессионально «вырос»), или, наоборот, хуже (например, если диссертацию писал за него кто-то другой).

6. Экспертиза анонимная (как в научных журналах и на грантовых конкурсах) или открытая (как при защите диссертаций)? Анонимная экспертиза более объективна и менее чревата конфликтами, зато

открытая более авторитетна, т.к. гарантируется именами экспертов. От решения этого вопроса зависит и способ публикации результатов экспертиз – с подробными обоснованиями или же без таковых, по мере получения результатов или же поэтапно, «пакетами», с анализом итогов каждого этапа.

7. Выносятся ли итоговые оценки коллегиально, путем обсуждения и согласованного решения экспертной комиссии, или же простым суммированием оценок, выставляемых экспертами независимо друг от друга? Вторую процедуру легче организовать (экспертам не нужно договариваться между собой), но в результате итоговая оценка остается немотивированной и возрастает риск случайных личных предпочтений, не корректируемых дискуссией.

8. Бинарные или дифференциальные оценки? В первом случае принимается однозначное решение «достоин – недостоин» (как при защитах диссертаций в нашей стране), во втором – определяется рейтинг исследователя по более или менее гибкой шкале (как при защитах диссертаций, например, во Франции). В условиях массовой взаимной переоценки предпочтительным может оказаться второй, более мягкий способ, снижающий психологический риск конфронтации. По сути же это выбор между «программой-минимум» и «программой-максимум»: при одном решении задача ограничивается дисквалификацией явно несостоятельных, случайных членов научной корпорации, при другом решении

результатом работы может стать общий рейтинговый список действующих ученых — постепенно обновляемый и составленный не по формальным наукометрическим показателям, а прежде всего по репутационным оценкам коллег.

При любых вариантах действий неизменными представляются:

— составление и публикация хартии, формулирующей задачи и правила научной санации, критерии оценки ученых и их трудов;

— составление и (возможно) публикация списка экспертов, которые понадобятся при любом методе перееаттестации;

— приглашение иностранных экспертов (в частности, выходцев из нашей страны, знающих ее язык и привычки, но опирающихся на мировые нормы) и использование зарубежного опыта аттестации;

— систематическая публикация результатов проверки (в тех или иных формах — см. пункт б).

Наконец, хотя «казус Мединского» случился в исторической науке, было бы желательно заранее предусмотреть возможность расширения санации на другие гуманитарные дисциплины, которые тоже страдают от сходных проблем (автор настоящих предложений сам является представителем смежной, филологической дисциплины, и данный текст — в каком-то смысле советы постороннего). Если историки, проявившие профессиональную солидарность в «деле Мединского», запустят и потянут за собой этот процесс оздоровления — не подчеркивая в его названии, хартии и т. д. собственно историческую специфику, оставляя открытой дверь для коллег из других цехов, — то даже частичной его реализацией по «программе-минимум» они окажут великую услугу всей нашей науке.

SANATION OF SCIENCE

Extended version of the speech at the round table «Case of Medinsky», St. Petersburg, November 24, 2017

Zenkin Sergey N. — doctor of philology, leading researcher of the Institute of higher humanitarian research, Russian State University for Humanities (Moscow)

«ПУТЬ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ТАКОЙ: ДАВЛЕНИЕ СНИЗУ, ДАВЛЕНИЕ НА РУКОВОДСТВО».

Интервью с Д. А. Баюком

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-311-323

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Сегодня мы будем говорить об институте научных репутаций, о проблемах, которые существуют в этой связи в научной среде, в первую очередь в гуманитарной. Я бы хотел, чтобы вы как историк науки рассказали, как формировался институт научных репутаций? Существуют ли формальные критерии этого понятия или это нечто «интуитивное»? Расскажите, пожалуйста, как этот институт формировался в мире и в нашей стране.

Д.Б. Институт научных репутаций напрямую связан с вопросом доверия к научному исследованию вообще. Само по себе это доверие совершенно неочевидно, поскольку в основании его лежит метод: каким образом получается знание, а не то, от кого оно исходит. Поэтому такое доверие формировалось очень мед-

ленно. Я бы отнес ключевой момент в этой истории примерно к концу XVII в., как раз того самого периода, когда наука превращается в социальный институт. Если до XVI в. наука действует в основном как институт придворной культуры, то уже начиная с XVII в. появляется некоторая ее общественная роль, и она выступает в качестве примера решений тех или иных вопросов.

Например, Лондонское королевское общество в первое столетие своего существования функционировало именно как инструмент достижения общественного консенсуса по поводу устройства природы. Это достигалось через демонстрацию опытов: если человек в чем-то сомневался, он мог прийти и посмотреть, на основании чего ученые приходят к выводу по поводу того или иного аспекта природного устройства. Лондонское королевское общество, как часто утверждается историками науки, было и является моделью парламента, т.к. в парламенте тоже обсуждение является публичным, не кулуарным действием. То есть можно прийти

© Историческая Экспертиза, 2018

Баюк Дмитрий Александрович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник отдела истории физико-математических наук ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, зам. главного редактора журнала «Вопросы истории естествознания и техники», член-корреспондент Международной академии истории науки (Москва); dmitr.bayuk@gmail.com

и понять, почему люди считают, что то или иное изменение в общественном устройстве необходимо и будет этому обществу полезно.

Тем не менее оказывается, что жизнь — и социальная, и научная, — устроена сложнее. Через то, что люди ходят и слушают, смотрят или читают, не всегда можно доказать и убедиться в том, что природа устроена именно так, а не иначе, или что общество должно функционировать именно таким образом, а не по-другому. Отсюда возникает проблема некоторого шарлатанства: человек, который претендует на определенную иерархию в своем притязании на истину, в своей степени обладания ею, оказывается не настолько образованным или ученым, насколько он на это претендует. Это довольно серьезная проблема, которая много исследовалась в XX в. и в истории науки, и в философии науки. Здесь часто оказывается, что доказать что-либо на основании критического исследования теории и обосновывающих ее фактов бывает гораздо труднее, чем сослаться на авторитет того или иного ученого/политика, придерживающегося определенного мнения. Кроме того, сам фундамент, на котором мы строим свои теории, временами обнаруживает внезапную шаткость — нет такого теоретического положения, за стопроцентную надежность которого мы могли бы ручаться. Если взять для примера науку о природе, физику, то как раз именно в тот момент, когда казалось, что вся картина мира построена и в ней не хватает только нескольких незначительных деталей, оказалось, что вся природа устроена по-другому. В принци-

пе. Открытия квантовой механики и теории относительности потребовали пересмотра таких укорененных понятий, как пространство, время, движение, измерение... Произошел своего рода большой взрыв, потребовавший пересмотра всего фундамента. Этот пересмотр пока еще не в полной мере завершен, и его ход нам явно сулит еще немало сюрпризов.

Но ведь нечто подобное может произойти с ученым, авторитет которого признан всеми. И вдруг в какой-то момент оказывается, что его репутация дутая, что его достижения выстроены на том, что мы бы назвали не совсем корректным или совсем некорректным использованием чужих результатов. Я думаю, для многих стало большим потрясением узнать, сколь велика была роль оперативных данных разведки в деле создания атомной бомбы. Сейчас все больше слышно разговоров о некорректном использовании работ ученых, находившихся в советских лагерях, другими учеными, делавшими в тот момент успешную академическую карьеру. Среди тех, кто «под подозрением», даже один из президентов АН СССР — М. В. Келдыш. В сравнении с этим защита «чужой» диссертации — совсем и не такой уж большой грех.

Изготовление «липовых» диссертаций на заказ было широко поставленной практикой позднего советского времени. Для одних это было устранением мелкого формального препятствия на пути к карьере, для других — способом свести концы с концами. Для такой работы создавались целые артели, сохранившиеся до нашего времени. Когда мой сын семь

лет назад пошел в школу, у них уже были электронные журналы. Сейчас эти электронные журналы размещаются на государственных сайтах, и родители, и дети получают к ним доступ через городской сайт госуслуг. А тогда они предлагались на коммерческих сайтах, за их использование можно было платить небольшую абонентскую плату, а можно было пользоваться ими бесплатно, но тогда на полях размещались рекламные баннеры. 80% этих баннеров рекламировали «диссертации под ключ».

Если двадцать, тридцать, сорок лет назад написание «диссертаций под ключ» считалось противозаконной деятельностью, и все равно этим многие занимались, то потом закон, видимо, смягчился, и семь лет назад это делалось уже более или менее официально. Компании, которые писали диссертации «под ключ», работали как юридические лица и открыто занимались такой деятельностью, хотя само по себе это не совсем приемлемо с точки зрения закона. Но никто не пытался на этих людей как-то нападать, отбирать у них лицензию.

С.Э. Это было не только в гуманитарных, но и в естественных науках?

Д.Б. Конечно, не только в гуманитарных. Как раз те люди, которых знал я, писали диссертации по математике. По моим наблюдениям (не скажу, что это результат каких-то социологических исследований), чаще всего это делалось в технических науках. Возможно, это было связано с тем, что люди больше всего шли на технические степени.

Надо заметить, что у таких подделок были далеко не всегда коммерческие корни, были и административные. Если начальник понимал, что ему нужна степень, то он говорил своим подчиненным: «Пишите для меня работу». И людям ничего не оставалось делать, как соглашаться на это. Не уходило же из-за этого в другой институт. Отказаться было практически невозможно. У меня был знакомый, который трижды писал диссертацию в Институте прикладной математики. Он приносил написанную диссертацию начальству, говорил: «Я хочу эту диссертацию защитить». На что начальство говорило: «Нет-нет, давай эту диссертацию защитит вот он, а ты себе напишешь другую».

С.Э. Это было еще в советское время?

Д.Б. Да, в советское время.

С.Э. Интересно, а в царской России было такое?

Д.Б. В царской России не было такого механизма зарабатывания степеней, в царской России человек, который хотел получить степень, должен был поехать за границу. Как правило, все наши ученые, тот же Дмитрий Иванович Менделеев, выезжали в университеты Западной Европы и получали свои степени там. В этом отношении там это было труднее, это было устроено более честно, хотя исследований на этот счет я не видел. Я думаю, что те люди, которых мы знаем, те, которые оставили свое имя в науке, работали более или менее честно. Какова тут статистика?

Это надо еще исследовать, сделав нечто вроде «истории обмана в истории науки». Я таких не видел, хотя есть очень известные исследования на тему, как формировалось доверие к науке и на чем оно строилось.

Так что, если говорить о технике изготовления подложных диссертаций и методах получения подложных степеней, то здесь история длинная и довольно разнообразная.

С. Э. То есть нельзя сказать, что это постсоветское явление?

Д. Б. Нет-нет. Просто в постсоветское время это стало более открытым, отчасти это само стало предметом исследования. Мы все хорошо знаем о деятельности «Диссернета». Конечно, «Диссернет» не может претендовать на то, что им исследуются все способы получения поддельных степеней, все методы фальсификации. Они исследуют только какой-то один аспект проблемы и делают это успешно. Это очень благородная, довольно тяжелая и социально значимая деятельность, но надо понимать, что само это направление связано с единичным методом. У создателей «Диссернета» есть метод, который они по-разному прилагают в разных обстоятельствах и получают очень интересные результаты. Но, безусловно, они не получают полной картины.

Кстати, я хочу подчеркнуть, что далеко не всегда само по себе некорректное заимствование является указанием на то, что это личная инициатива предполагаемого автора диссертации. Человек может обратиться в фирму или к знакомо-

му, сказать: «Мне нужна степень, вот вам, пожалуйста, деньги, а мне нужна диссертация». Это, конечно же, нечестно. Но исполнитель может поступить еще более нечестно, скопировать диссертацию с уже защищенной, а может поступить добросовестно, сделать качественную работу и представить ее чистой.

От того, какая будет диссертация, ворованная или честно сделанная, личные качества заказчика не изменяются. Он в любом случае остается ученым с фиктивной степенью. Я так понимаю, что Вы хотите меня подвести к вопросу, который обсуждается в связи с министром культуры?

С. Э. Мы брали интервью у Андрея Ростовцева, члена «Диссернета», одного из создателей программы, которая ищет случаи плагиата (Интервью см. на с. 292–301 этого номера). Он сказал, что эта программа находит не те диссертации, где скопированы одна-две страницы, а почти полностью списанные работы, т.е. самый наглый вид плагиата. Так вот, они нашли 6500 таких диссертаций, 450 из них — это историки. Восемь историков — это ректоры вузов и около 50 — это диссертации деканов и заведующих кафедрами. Мне кажется, что казус Мединского меркнет на этом фоне. В этом смысле, говоря исключительно о диссертации Мединского, историческая корпорация уходит от серьезнейшей проблемы. У нас не первый год разрушается институт репутаций, а мы почему-то никак не реагируем на историков — ректоров, деканов и зав. кафедрами, на историков, участвующих в защите диссертации.

ций с плагиатом, и вцепились в одного-единственного Мединского. Это всего лишь один из случаев. Тем не менее ваше мнение по Мединскому интересно.

Д.Б. Насколько я знаю, что к диссертации Мединского никаких претензий со стороны «Диссернета» нет, насколько я помню, никакого заимствования там обнаружено не было.

С.Э. В самой диссертации не было, а в автореферате было.

Д.Б. Претензии к этой диссертации были другие. Они были по постановке задачи общеидеологического итога.

С.Э. Да, основная претензия была в подмене науки пропагандой, идеологией.

Д.Б. Да, там проблема была другая. Но отсутствие плагиата в диссертации, как я уже говорил, вовсе не означает, что эта диссертация добросовестная, на что, собственно, в отношении диссертации Мединского люди из «Диссернета» как раз обращали внимание. И это еще не означает, что она была им написана. Мы не знаем, он ли ее написал, или не он. Надежного способа проверить это, такого, как метод статистического анализа текста и сравнения различных диссертаций, у нас пока нет.

В анализе диссертаций очень помогает и то, что они теперь доступны в электронном виде, это упрощает статистический анализ текста. Если бы тексты диссертаций были только в печатном виде, надо было бы

их брать, каким-то образом сравнивать, распознавать, оцифровывать, это была бы совсем другая и гораздо более сложная история.

С.Э. Ростовцев уточнил, что они могут анализировать своим методом только те диссертации, которые написаны с начала 2000-х гг. Списанные диссертации 1990-х гг. они проверить не могут, т.к. их нет в электронном виде. Также нельзя проверить диссертации 2000-х гг., списанные с бумажных диссертаций 1990-х гг. Так что диссертаций с плагиатом, скорее всего, гораздо больше.

Д.Б. Безусловно. Я помню, был довольно любопытный случай с Юрием Тимофеевичем Стручковым, членом-корреспондентом АН СССР, а потом и РАН. Он долгое время был единственным лауреатом Шнобелевской премии из России. Вторым российским (условно говоря) шнобелевским лауреатом стал Андрей Гейм, который получил эту премию незадолго до того, как стал лауреатом и Нобелевской премии.

С.Э. Уточните, пожалуйста, эту историю, в чем она заключается?

Д.Б. Юрий Тимофеевич Стручков был отмечен за противоестественную производительность: в период с 1981 по 1990 г. он опубликовал 948 научных работ, т.е. в среднем по одной каждые четыре дня. Как бы ни был человек гениален, ясно, что он не может с такой скоростью писать статьи. Ларчик открывался просто: с 1977 по 1995 г. Стручков руководил лабораторией рентгеноструктурного анализа в институте,

которому в советское время удалось очень удачно купить высокоразрешающий сканирующий микроскоп. Им можно было пользоваться практически всем, кто хотел. Единственное условие заключалось в том, что, если человек приходил со стороны и, пользуясь этим оборудованием, получал какой-то научный результат, он должен был включить Стручкова в соавторы.

Впоследствии идея получила цивилизованное воплощение с созданием Центра коллективного пользования. Теперь присвоение научного результата, хотя бы и частично, затруднено. К тому же случай Стручкова — анекдотичный и, я бы даже сказал, клинический: когда алчность перешла все разумные пределы. Но случаев, когда руководитель научного коллектива использует свой административный ресурс для того, чтобы его конвертировать в научную репутацию, довольно много, т. к. научная репутация может быть реконвертирована в административную карьеру.

С. Э. Итак, репутация не сводится только к одному плагиату. Человек может купить приличную диссертацию, но это все равно будет не его работа. Получается целый веер вещей, недопустимых с точки зрения научной репутации, но при этом существующих. Может быть, вы назовете еще какие-то примеры этого?

Д. Б. Например, у нас есть академик Хасбулатов. Была целая череда скандальных защит, когда защищались люди типа Жириновского, с какими-то полуанекдотическими диссертациями. Никто в эти диссертации

особенно не заглядывал, но было понятно, что этому человеку обязательно нужна степень. Никто это не оспаривал: «Ну как же, такой видный политик — и не будет доктором наук!»

Все это для науки, с одной стороны, хорошо, потому что это привлекает к ней внимание, показывает, что ученая степень чего-то стоит, это для чего-то нужно и в каком-то отношении полезно. С другой стороны, это плохо, потому что показывает, что ученую степень может получить человек, который не получал никаких научных результатов и научная квалификация которого в высшей степени сомнительна.

Есть и более старые примеры. «Превращение» Николая Бухарина из политического деятеля в академика было формой опалы. Радикальный поворот в политике советского правительства в конце 1920-х, «коренной перелом», по определению Сталина, был неприемлем по мнению многих его бывших соратников, но расстрелять их немедленно в то время еще не было возможности. Бухарина при заметном сопротивлении академиков удалось тем не менее провести через выборы, а год спустя он сменил Вернадского во главе Комиссии по истории знаний. Все его дальнейшее восхождение в академической иерархии шло синхронно с его политическим падением. Это, несомненно, отражало начинавшийся кризис научных репутаций в стране, хотя для самого научного сообщества и имело определенные положительные последствия.

С. Э. Мы знаем, что плагиат и недостойные для науки методы существуют не только в России.

А как борются с этим на Западе, где стандарты в академической среде высокие?

Д.Б. В западном мире происходят процессы в очень большой степени похожие на те, которые происходят у нас. Несколько лет назад, как Вы, наверное, помните, была история, когда министр обороны Германии подал в отставку после того, как выяснилось, что у него украденная диссертация. Правда, ее не анализировали статистически, просто выяснилось, что ее писал другой человек.

Бывают случаи, когда возникает скандал из-за того, что директор какого-нибудь института принуждает своих сотрудников писать за него работы, а он их только подписывает. Потом эти сотрудники по каким-то причинам начинают против этого возражать. Чаще всего они не возражают, но когда кто-то выказывает недовольство, то становится понятно, что это всего лишь верхушка айсберга, и на самом деле всего этого происходит гораздо больше.

Я помню, некоторое время назад была разоблачительная статья в одном из медицинских журналов, где утверждалось, что 80 % публикаций в этой области не содержат вообще никакого нового результата, что это просто переливание из пустого в порожнее. Связано это было, в частности, с тем, что всякий научный сотрудник должен отчитываться по своим публикациям. Это был анализ как раз не российских, а западных публикаций.

С одной стороны, это указывает на то, что внутри научного сообще-

ства есть люди, которые стремятся к тому, чтобы научная степень и научная репутация чего-то стоили. С другой стороны, превращение науки, как бы сказали в старину, в «производительную силу», означает то, что есть очень много людей, которые хотят использовать этот инструмент просто для своего личного процветания.

То есть это не какая-то исключительно советская или исключительно российская болезнь, это болезнь современной науки в целом, науки как социального института. Я бы даже сказал, что существование «Диссернета» и существование внимания к этой стороне научного сообщества показывает, что научное сообщество в России как раз интернационализируется, что нормы жизни, по которым оно живет, становятся все в большей степени мировыми.

С.Э. Но пока все-таки, видимо, мировыми они не стали, потому что немецкий министр сам ушел в отставку, не дожидаясь, чтобы его сняли — он сначала был лишен степени, а потом сам ушел в отставку. У нас пока никто в отставку не собирается.

Д.Б. Да, конечно. Но я говорю о науке, а не о социальном устройстве. Наше социальное устройство пока еще далеко от демократического. Его сложно назвать демократическим, и в этом направлении, скажем так, оно не движется; оно скорее удаляется, нежели приближается. А научное сообщество — вполне мировое, оно взаимодействует и ведет себя в значительной степени ближе к мировым стандартам, нежели к советским.

С.Э. Но все-таки не все научное сообщество, а та часть, которая обращает внимание на данные «Диссернета», потому что, как говорил Ростовцев, примерно около ста ректоров имеют диссертации с плагиатом. Это свидетельствует о том, что у нас и в самой научной корпорации тоже дела не так хороши.

Д.Б. Да. Но все-таки ректор университета — это должность скорее административная, даже в чем-то политическая, чем научная. Ректор встроен больше в систему власти, а не в систему научных степеней и званий.

С.Э. Как вы считаете, что сами ученые могут сделать в этом вопросе? Понятно, что можно ждать, когда сменится власть в стране, но тем не менее и снизу что-то должно меняться. Что могут и должны делать сами ученые для того, чтобы сформировать институт научных репутаций, чтобы люди с украденными научными степенями не занимали никаких административных постов в науке? Ведь дело не только в плагиате. Как вы говорите, есть много людей, особенно в гуманитарных науках, у которых формально нет плагиата, но их работы ничего не стоят, их ценность близка к нулю. Я вспоминаю советское время: чем хуже был преподаватель, тем больше он нажимал на коммунизм, на идейность. А сейчас чем ниже квалификация преподавателя, тем сильнее он нажимает на патриотизм. Как вы считаете, что ученые, которых интересует истина, должны делать, чтобы изменить систему внутри корпорации?

Д.Б. По моему мнению, надо делать то, что они и делают. Перспективу смены власти я обсуждать не хочу, и, мне кажется, это напрямую не связано с научными регалиями.

С.Э. Я тоже так считаю.

Д.Б. Хотя, конечно же, власть всегда оказывает разлагающее действие на все то, с чем она соприкасается, власть можно ограничивать и приводить в чувство только снизу. Сама она сверху хорошей, как мы понимаем, не станет. Это относится к власти и в самой науке.

В каком-то смысле ученым проще, потому что невежество и жульничество в науке собратьям по цеху виднее, нежели в политике. Поэтому ученым, к сожалению, приходится бороться, не соглашаться, высказывать свое мнение, стараться разоблачать людей, не по заслугам снижавшим себе какие-то лавры, обращать на эти факты внимание коллег в среде научной общественности.

Я за деятельность «Диссернета», это, безусловно, очень важный и полезный в научном сообществе союз. Выше я говорил, что у них лишь один метод, и они им успешно пользуются, но сам по себе метод — это даже не полдела, это гораздо меньше. Главное то, что «Диссернет» превращает вскрытые факты плагиата в некое орудие, делает внутри сообщества некоторые политические выводы и достигает каких-то целей, которые перед собой ставит и которые вполне правильны. Все это и показывает, что научное сообщество в этом вопросе может и должно делать.

Иногда сказать, что сотрудник такого-то института жулик, прохвост и в науке величина ничтожная, если не мнимая, — это, на мой взгляд, вполне себе задача ученого. В последние годы я неоднократно мог наблюдать, как в разных институтах случались такого рода схватки. Я думаю, сейчас в нашем Институте истории естествознания и техники надвигается такая история, когда научное сообщество будет выражать свое недоверие директору института. Научное сообщество и ученые института хотя и не имели никаких иллюзий относительно научных качеств нашего нынешнего директора, но имели некоторые иллюзии относительно его умения решать хозяйственные задачи. Директор института — это все-таки администратор. В организации научной жизни в стране как раз сейчас возобладало мнение, что ученых надо отстранить от административной деятельности и что ею должны заниматься администраторы, люди, к науке не причастные. В этом же заключается идея ФАНО. Мол, пусть академики сидят там сами по себе где-нибудь в чайных клубах, беседуют, а руководством институтов, научных учреждений будут заниматься менеджеры.

То есть понятно, что представители ФАНО — это по преимуществу люди, мало смыслящие в науке. Проходившая кампания по присуждению разных категорий по оценке эффективности научных организаций вызвала большие вопросы, когда в институтах появлялись люди, очевидно не обладающие квалификацией в той сфере науки, которую они собирались оценивать. Собственно говоря, они на это и не претендова-

ли, они смотрели на формальные показатели: какой у вас уровень цитируемости, сколько публикаций у научных сотрудников было в прошлом году, в каких журналах, насколько эти журналы рейтинговые, каков индекс Хирша? Они смотрели на наукометрические показатели. Проверить и собрать наукометрические показатели может человек, который разбирается в наукометрических показателях, но он не разбирается в том, чем именно занимается тот или иной институт. И представления о том, каковы функции директора, являются продолжением той идеи, что наукой как социальным институтом должны заниматься не ученые, а технократы, как принято их называть, хотя это не совсем точно, то есть люди, которые умеют выжимать какую-то практическую пользу из имеющегося научного потенциала.

Директор может ничего не смыслить в науке — это не страшно. Но представим, что его институт в тяжелом хозяйственном положении: у него разваливается старое здание; ремонт не делался много лет; в комнатах валяется какой-то хлам; ученые не могут работать, потому что просто в комнату невозможно войти; лифт не работает, потому что его пришлось выключить, т.к. он вот-вот оборвется, — и надо заниматься этими вопросами. Собирается ученый совет, избирается директор, про которого все говорят: «Он грамотный администратор, он сейчас придет и все это решит». Он приходит, но не решает. Что в такой ситуации надо делать сотрудникам института? Что им остается делать, кроме того, как бороться с таким директором?

С.Э. Если в вашем институте борются с таким директором — это как раз интересно.

Д.Б. Пока еще не борются, но собираются начать бороться. На мой взгляд, это единственный путь, когда ученый в каком-то отношении откладывает в сторону свое призвание, свою научную деятельность и занимается такой внутриинститутской политикой.

С.Э. Дмитрий Александрович, вы сказали, что знаете уже несколько таких случаев. Нам очень важно, чтобы вы привели еще примеры такой борьбы.

Д.Б. Был такой скандал в ИТЭФ, который закончился нехорошо, там не победили правые силы, и некоторым грамотным и хорошим научным сотрудникам пришлось покинуть институт. Но там была борьба, ученые возражали против появления на посту директора «голового» администратора.

Такая же история была, по-моему, в РГГУ в прошлом году. Такая история была и в некоторых других институтах. Такие примеры были, и они, на мой взгляд, духоподъемны. Они показывают, что у нас не все потеряно, что научное сообщество не до конца разложилось и не утратило своих положительных качеств.

С.Э. Важны примеры, когда ученые стали сопротивляться администраторам и добились успеха. Важно, чтобы другие об этом узнали. Потому что в большинстве случаев научные коллективы находятся в состоянии деморализа-

ции. Вот буквально сегодня мой коллега из Института истории и археологии Уральского отделения РАН вывесил текст заявления с просьбой перевести на 0,8 ставки «в связи с необходимостью осуществления научно-исследовательской работы по индивидуальному графику». Это таким образом администрация института выполняет так называемые «майские указы» президента, согласно которым средняя зарплата научных работников должна быть в два раза выше, чем в среднем по региону. Это прямое нарушение Трудового кодекса. Если бы весь коллектив сказал: «Нет, мы этого подписывать не будем», администрация тогда была бы вынуждена отступить. Но все пошло и подписали. Здесь речь идет даже не о свободе творчества, здесь речь идет о материальных интересах. Но даже в этом случае ученые идут и покорно подписывают. В РГГУ практически все подписали ежегодный контракт (продление контракта только на один год), что тоже является нарушением Трудового кодекса. Если бы они сказали, что не будут ничего подписывать, никто ничего не смог бы им сделать. Но они подписались на этот ежегодный контракт. Это серьезная проблема. Судя по постам в Фейсбуке, ученые гораздо смелее критикуют Путина, чем своего ректора.

Д.Б. Да, есть такое дело. Но ведь понятно, что критика своего ректора оборачивается непремированием, увольнением. Вообще, согласитесь, всякая борьба — это неприятная вещь. Ученые в очень большой степени стали заниматься наукой вовсе

не потому, что им нравится бороться с несправедливостью. Борьба с несправедливостью — это тягостное и неприятное дело для ученого, ему не хочется этой борьбы, и поэтому когда 0,8 ставки — это можно и потерпеть. Если будет 0,3 ставки — это уже другое дело, но это уже чревато тем, что есть опасность оказаться на улице и лишиться возможности заниматься любимым делом. Это оказывается очень сильным фактором. Вы же помните, как работали истопниками, когда скажешь что-то, подпишешь что-то — и все, привет, иди работать кочегаром из математического института. Поэтому здесь все очень индивидуально и для каких-то однозначных выводов плохо приспособлено, но путь может быть только такой: давление снизу, давление на руководство, давление рядовых или нерядовых людей, которые обладают определенным весом, конвертируя приобретенное в науке в вес социальный. Какая-то борьба здесь должна происходить, может происходить и происходит.

Но должен признаться, что Вы хотите меня повернуть в сторону разговора, вести который я не очень-то могу и, главное, не очень хочу. При всей духоподъемности отдельных примеров, я склонен оценивать ситуацию довольно пессимистически. Встраивая науку как социальный институт в общую логику бюрократического государства, власть поступает последовательно и логично. То, что при этом этот встраиваемый туда социальный институт перестает существовать, ее, по-видимому, не очень заботит, поскольку сохраняются нужные названия, система присуждения званий и степеней,

публикуются научные работы, проводятся школы, конференции, конгрессы. Одним словом, как говорил Артур Шопенгауэр, мы слышим, как крутится мельница, хотя и не видим муки. Но это опять-таки логично, поскольку такова судьба многих институтов в нашем отечестве, которые прекращают существовать, оставляя позади себя одно только имя. Так у нас произошло уже с многими важнейшими институтами: конституцией, демократией, выборами, президентом... Наука в этом ряду не первая и не последняя.

Я начал ей в свое время заниматься не потому, что считал это дело полезным и важным для страны, а потому, что мне это нравилось и было интересно. Я и сейчас остаюсь на тех же позициях, стараясь как можно больше делать то, что мне нравится, и как можно меньше — то, что мне не нравится. Бороться за все хорошее против всего плохого мне не очень нравится, и я буду по мере сил уклоняться от участия в противостоянии дальнейшей бюрократизации научной деятельности, как бы она ни была мне отвратительна. Хотя и не могу исключить, что в какой-то момент мне придется плюнуть на все и потянуть еще и эту ляжку, но делать я это буду с тоской и унынием.

Наш великий российско-французский математик Владимир Игоревич Арнольд прочитал в конце прошлого тысячелетия по какому-то поводу лекцию в каком-то общественном собрании, которую потом опубликовал «Вестник РАН» (Т. 69, № 6 за 1999 г.). Там он, в частности, говорил:

«Рассвет математики в уходящем столетии сменяется тенденцией подавления науки и научного образования обществом и правительствами большинства стран мира. Ситуация сходна с историей эллинистической культуры, разрушенной римлянами, которых интересовал лишь конечный результат, полезный для военного дела, мореплавания и архитектуры. Американизация общества в большинстве стран, которую мы наблюдаем сейчас, может привести к такому же уничтожению науки и культуры современного человечества».

И немного дальше:

«Математика сейчас, как и два тысячелетия назад — первый кандидат на уничтожение. Компьютерная революция позволяет заменить образованных рабов невежественными. Правительства всех стран начали исключать математические науки из программ средней школы. <...> Российское правительство пытается довести преподавание математики в средних школах до американских стандартов. Проект состоит в том, чтобы вдвое уменьшить число часов, отводимое на математику, а высвободившиеся часы использовать для обучения мальчиков коневодству, а девочек — макраме».

В этих словах очень много правды, хотя в основном, я думаю, Владимир Игоревич ошибался: компьютерная революция не позволяет заменить образованных рабов невежественными. Она приводит к тому, чтобы вообще обходиться без рабов. То есть без людей. И это весьма серьезный вызов всей нашей цивилизации.

С.Э. Кстати, Г.Г. Малинецкий в своем интервью для ИЭ привел замечательный пример создания института научных репутаций в математике при прямом участии академика Арнольда: «Блестящий пример — Московский центр независимого математического образования. Как он возник? Четверо академиков, выдающихся математиков, В.И. Арнольд, С.П. Новиков, Я.Г. Синай, Л.Д. Фадеев решили сохранить математическую традицию в России. Они еще в конце 1980-х создали вечерний университет, в который может записаться любой желающий. Во многих случаях — это студенты ведущих вузов. Тем, кто хорошо учится, академики из своего кармана даже платят стипендии. По окончании учебы успешным ученикам выдается бумага за подписью этих академиков. Это не диплом государственного образца. Но во всем мире он принимается и открывает блестящие возможности для научной карьеры перед обладателями такого сертификата» (Математик и история. Интервью с Г.Г. Малинецким // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 351–355).

Д.Б. Я могу сказать, что у физиков есть «теорминимум Ландау». Пройти его целиком — совершенно невозможная вещь, почти никому не удастся, но сдать даже несколько экзаменов дорогого стоит. Конечно, в очень большой степени его существование зависит от личного авторитета самого Ландау и от авторитета его учеников и учеников его учеников, благодаря которым школа Ландау у нас жива после почти

полувека своего существования без самого Льва Давидовича.

Могу сказать еще вот о чем. Замечательный журналист Ольга Орлова ведет на телевидении программу «По гамбургскому счету», участники которой пытаются докопаться, кто в научном мире чего стоит вне зависимости от накопленных баллов в личном зачете на последней переаттестации и индекса Хирша по ядру библиографической базы Томаса Рейтера. Ольга Орлова — член неформального объединения, существующего уже около 20 лет, — Клуба научных журналистов, куда вхожу и я, будучи не чужд научной журналистике, несмотря на сделанные выше оговорки. Большинство членов этого клуба, и прежде всего его бессменный модератор и всеобщий возмутитель спокойствия, ока-

завшийся теперь и тезкой нашего нынешнего президента РАН, Александр Сергеев, — люди неравнодушные и очень активные. Их можно было бы назвать тайными попперианцами, потому что большинство из них, так же как и Карл Поппер по его собственному признанию, видят свою задачу в том, чтобы плыть против течения. Их суждения и оценки или суждения оценки, транслированные ими через те медиа, в которых они работают, оказываются довольно мощным оппонентом официоза. На мой взгляд, эти негосударственные, неакадемические, некоммерческие формы гражданской жизни, пока еще возможные, дают институту научных репутаций хороший шанс.

С.Э. Спасибо за содержательное интервью!

“THE ONLY WAY MUST BE: PRESSURE FROM BELOW, PRESSURE ON THE LEADERSHIP”

Bayuk Dmitry A. — candidate of Physico-Mathematical Sciences, senior researcher of the Department of history of physical and mathematical Sciences of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, Deputy chief editor of the magazine “Voprosyistoriiestestvoznaniyaitehniki”, member-correspondent of the International Academy of the history of science (Moscow)

Key words: institutional problems; academic reputation; academic expertise, Dissernet.

Abstract. “Medinsky case” reveals a crisis of academic reputations in Russia, compromised by the rush of incompetent people with high academic degrees. To overcome the crisis, a more or less wide revision of academic reputations is required, and the article of S. Zenkin sketches out some practical issues of this procedure. In the interviews some mechanisms of the Dissernet activities are revealed.

РАЗНЫЕ ВОЙНЫ.

Интервью с Н. А. Ломакиным, куратором выставки «Разные войны»

Ключевые слова: Вторая мировая война, историческая память, историческая экспозиция, Германия, Польша, страны Балтии.

Аннотация. Публикуется интервью с организатором выставки, ставящей целью отразить различия взглядов в разных странах на одни и те же события Второй мировой войны.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-324-330

Беседовал А. Стёпкин, аспирант МГУ

А. С. Как появилась идея сделать выставку, в рамках которой удалось рассказать и наглядно показать, как порою кардинально различаются взгляды на одни и те же события Второй мировой войны в разных странах?

Н. Л. Все случилось в рамках гражданского форума ЕС – Россия – это платформа, объединяющая некоммерческие организации из разных стран. Внутри данного форума существуют группы по интересам, и «Мемориал» входит в группы «гражданское образование» и «историческая память и просвещение».

© Историческая Экспертиза, 2018

Ломакин Никита Андреевич – сотрудник Международного Мемориала (Москва); lomakinu@gmail.com

ние», в них также присутствуют представители некоммерческих организаций, связанных с изучением истории, из пяти европейских стран (Германия, Италия, Литва, Польша, Чехия). Однажды мы решили сделать что-то вместе и пришли к идее показать, как школьные учебники в разных странах рассказывают о том, что нас всех объединяет – а именно о событиях Второй мировой войны. Экспозиция представлена на русском и английском языках: первая путешествует по России, вторая по Европе. Была еще немецкоязычная версия, но ее сделали для однократного показа, и она оказалась не совсем удобна для перемещения, поэтому это направление не получило дальнейшего развития.

А. С. Вносятся ли какие-нибудь изменения в экспозицию выставки перед переездом в новую страну, может быть, учитываются какие-нибудь региональные особенности?

Н. Л. Прежде всего, стоит отметить, что русскоязычная версия выставки несколько отличается от англоязычной по содержанию. Например, при ее подготовке некоторые высказывания авторов отечественных учебников показались мне настолько дикими, что мы подали их в пересказе: например, утверждение, что катынский расстрел — это месть полякам за события 20-х гг.; на английский язык это можно было аккуратно перевести как цитату. Региональная же составляющая присутствует в виде мероприятий вокруг выставки. Открытие выставки в новом месте — это определенное событие, в котором принимают участие политические деятели, послы стран-участниц, просто заинтересованные лица, и обсуждение на открытии, как правило, прежде всего касается той страны, где выставка проходит, а если бы мы меняли каждый раз саму экспозицию, то могла потеряться идея.

А. С. Возникали ли какие-нибудь трудности, связанные с проведением выставки?

Н. Л. Трудности, конечно, были. Когда выставка только открылась в Москве, было непросто с ее освещением в СМИ, но тут нам невольно помог один из центральных телеканалов, который снял сюжет, создав выставке демонический образ и охарактеризовав ее как немецкий

заказ на пересмотр итогов Второй мировой войны, который отрабатывается «Мемориалом». Данный сюжет показывался в прайм-тайм в течение нескольких дней, но сыграл роль рекламы, нам стали звонить, интересоваться выставкой, даже из дальнего Подмосковья учителя на экскурсию привозили целые школьные классы.

Второе место, где возникли трудности, — Литва. Там выставка уже стала не немецким, а путинским заказом. Группа литовских депутатов выступила с обращением, потребовав закрыть выставку, обосновав это скорее политическими причинами — по их мнению, не должны выставляться в центре Вильнюса «путинские учебники» до тех пор, пока Россия не покается за преступления коммунизма. К счастью, проведение выставки поддержали мэр Вильнюса, политик Вигаудас Ушацкас, представители научного сообщества, и мы ее отстаивали.

Безусловно, восприятие истории в Литве, как и в любой другой стране, накладывается на сложные внутренние противоречия. Открытию выставки сопутствовала встреча с представителями вильнюсской интеллигенции, и сразу стало понятно, что главный болезненный вопрос — это участие литовцев в Холокосте. Собственно, в представленных на выставке литовских учебниках вы не найдете упоминания ни одного литовского имени, обладатель которого был участником Холокоста. Однако известный факт, что антиеврейские погромы в Вильнюсе начались еще до прихода туда частей немецкой армии, но данная тема

табуирована в обществе. Возможно, вы слышали про книгу Руты Ванагайте «Наши» — как раз об участии литовцев в Холокосте, автор подняла вопрос, который в литовском обществе поднимать не хотели, поэтому реакция была очень неоднозначная.

Были еще странные моменты: мы хотели провести выставку в одном из городов Польши, но организаторы попросили нас, чтобы на ней не обсуждались спорные сложные вопросы — например, об участии поляков в Холокосте. В таком контексте мы от проведения выставки в этом месте отказались; да и вообще в Польше показать выставку было сложно, она в итоге открылась лишь в одном небольшом городе под Вроцлавом и прошла достаточно тихо и незаметно.

А.С. Начало экспозиции посвящено событиям сентября 1938 г., а именно Мюнхенскому соглашению. Я изучил, как его называют в странах-участниках выставки: помимо используемого всеми словосочетания «Мюнхенское соглашение», в некоторых странах встречаются наименования, подчеркивающие негативное отношение к данному событию. Так, в России часто можно услышать про «Мюнхенский сговор», в Чехии — «diktat» (диктат) и «zrada» (предательство), в Польше — «diktat» (диктат). В Германии, Италии, Литве, а также в странах-союзниках Англии и США используемый вариант один — «Мюнхенское соглашение». А как в учебниках разных стран различается терминология при описании конкретных исторических событий?

Н.Л. Необходимо подчеркнуть, что в подавляющем большинстве школьных учебников все-таки используется выражение «Мюнхенское соглашение». В России, например, лишь некоторые консервативные авторы, любящие эмоционально окрашенные слова, пишут про сговор. В целом терминология старается быть нейтрально-официальной. Из конкретных различий, например, вспоминается пакт Молотова — Риббентропа, именно под таким названием он известен у нас, но в большинстве западных стран его знают не иначе как пакт Гитлера — Сталина.

А.С. **Перейдем к Польше, актуальный вопрос повестки дня: сейчас там происходит серьезная трансформация законодательства и вводится уголовное преследование лиц, утверждающих, что поляки принимали участие в Холокосте. Как вы думаете, смогли бы вы хотя бы в одном польском городе провести выставку сейчас?**

Н.Л. У меня пока нет четкого понимания, как этот закон вообще будет работать; наверное, это станет предметом моего разговора с польскими коллегами, потому что в случае, если данный закон действительно вступит в силу, то у них половина исторической литературы, посвященной войне, окажется под запретом. А сколько кинофильмов вышло об этих событиях — тоже все под запрет?

А.С. Вы сказали, что в Литве наиболее острая тема — литовцы и Холокост. А насколько сложный и болезненный вопрос об окку-

пации Литвы Советским Союзом или о вхождении Литвы в состав СССР?

Н.Л. Конечно, терминология там сложилась и данные события для литовцев однозначно являются оккупацией. Вот, кстати, пример разницы в терминологии, мы показывали это на выставке: на одной из карт учебника обозначаются территории, захваченные Германией, и территории, присоединенные к СССР. Причем территории, захваченные Германией, выделяются цветом, контрастирующим с цветом, которым обозначена территория непосредственно Германии, чтобы точно показать, что эти территории никак не связаны. А вот территории, присоединенные к СССР, закрашены бледно-красным цветом, очень сходным с красным цветом, обозначающим территорию Советского Союза. На открытии выставки в Вильнюсе меня поразила встреча с двумя пожилыми людьми, которых депортировали в Сибирь, и они сейчас видят в той депортации спасение, иначе неизвестно, как сложилась бы их судьба, если бы они остались на территории Литвы.

А.С. В России не так давно была дискуссия о создании единого учебника истории, но, кажется, она сошла на нет, в связи с этим вопрос: какие критерии вы использовали при выборе учебников для выставки?

Н.Л. Действительно, не так давно шли интенсивные разговоры о создании единого учебника истории, в качестве прототипа планировали

использовать учебник истории Филиппова, но постепенно эта идея зачихла. Сейчас у нас принят единый историко-культурный стандарт, и для того, чтобы учебник оказался на школьной парте, он должен ему соответствовать. Когда мы начинали работу над выставкой, нами вводились весьма формальные ограничения, а именно: учебник должен быть рекомендован Министерством образования, быть изданным в период с 2005 по 2015 г. и обязательно должен пройти рецензию школьных учителей истории, которые подтверждали, что данный учебник действительно распространен и они действительно пользуются им на уроках. В итоге при подготовке я использовал семь отечественных учебников истории, на выставке же представлены шесть. Это большое количество, и оно связано с тем, что наши учебники сильно различаются. В современной российской истории можно выделить следующую периодизацию учебников: те, которые писались в 90-е гг. и позже дорабатывались — достаточно либеральный период, далее учебники 2000-х — переходный период, и, наконец, т. н. победа консервативного крыла — учебники этого десятилетия. Касаемо других стран, также много учебников использовалось в Литве, три учебника изучали в Польше, остальные страны — по два учебника. Но опять же, во всех странах это были учебники, рекомендованные Министерством образования и прошедшие рецензирование учителями школ.

А.С. Насколько политика влияет на учебники истории? На примере современной России вы

периодизацией уже пояснили изменения, а как в других странах?

Н.Л. В Польше, насколько я понимаю, сейчас готовятся новые учебники, и тоже побеждает консервативный подход. Учебники меняются чуть медленнее: создание макета, определение тиража, печать, доставка в школы — все это занимает время, а вот в качестве примера быстрого изменения, связанного с политической конъюнктурой, можно назвать музей Второй мировой войны в Гданьске. Когда он открылся, то был одним из самых космополитичных музеев, посвященных войне: не так много непосредственно о Польше, общий широкий взгляд на войну, но уже через несколько месяцев под политическим давлением они изменяли экспозицию — стало больше экспонатов, рассказывающих о роли Польши в войне, польском партизанском движении и т. д.

В Литве примерно такая же история, не знаю, насколько можно употребить слово «консервативный», но чувствуется некий антироссийский запал. Но вместе с тем автор одного из школьных учебников в разговоре со мной признал, для СССР это была война за выживание, поэтому какие-то решения, действия руководства СССР даже можно понять.

Да и в целом, если отойти от этих конкретных трендов и посмотреть на всю историю шире, безусловно, политика влияет на учебники. Система образования ФРГ возникла под влиянием американских экспертов, поэтому и в учебниках преобладают идеи демократии и свободы.

А.С. Можете привести пример, как в западных странах эволюционирует память о войне?

Н.Л. Есть интересный местный пример, как мне кажется наглядно демонстрирующий эволюцию памяти о войне. Сразу после окончания войны в Мюнстере (ФРГ) около школы была установлена табличка, что здесь было бомбоубежище и в результате бомбардировки союзников погибло столько-то немцев, в 60-е гг., когда стала актуальной тема Холокоста, местные учителя установили табличку, что раньше здесь также была синагога, но ее сожгли в нацистский период, а уже в 2000-е на брусчатке появились «камни преткновения» с именами людей, погибшими во время нацистского террора.

А.С. Насколько силен комплекс вины в Германии и как это проявляется в школьных учебниках? Не пытаются ли обелить себя и историю своей страны?

Н.Л. Основная идея, выраженная во всех немецких учебниках, — Германия совершила величайшее преступление в истории. Нацистская Германия — это символ ужаса, который способно породить современное индустриальное общество. В учебниках много рассказывается про немецкое сопротивление (тем самым показывая, что даже в совершеннейшем аду было что-то хорошее), но подчеркивается, что оно никогда не пользовалось поддержкой большинства населения. Это можно назвать обелением? Вряд ли. В школьных учебниках, например, рассказывается о большом резо-

нансе, вызванном выставкой 1990-х гг., посвященной вермахту и его преступлениям. Ведь долгое время считалось, что вермахт — это brave солдаты, а все преступления совершала СС, но оказалось, что это не так, и на выставке были представлены доказательства преступлений солдат вермахта на Восточном фронте.

А. С. В наших учебниках основной объем в главах о Второй мировой войне занимают события Великой Отечественной войны, что и понятно, а потому Италии в наших учебниках посвящено очень мало строк. А в итальянских школьных учебниках есть что-нибудь про Восточный фронт и СССР?

Н. Л. Восточный фронт упоминается, но очень коротко, хотя только под Сталинградом погибло около 80 тысяч итальянских солдат, но повествование об этом занимает лишь 1–3 строчки. С другой стороны, в отечественных учебниках про наших оstarбайтеров, вывезенных в Германию в количестве 5 млн человек, тоже практически ничего не написано, видимо, эти темы считаются неважными.

А. С. Италия успела побыть и страной-осью, и участником антигитлеровской коалиции, да и Муссолини достаточно неоднозначная и противоречивая фигура в современной Италии, как такая двойственность отражена в учебниках?

Н. Л. Как отмечали наши коллеги из Италии: в учебниках после 1943 г. изложение становится намного бо-

лее подробным. Никуда не деться от того, что было до этого, но им гораздо интереснее излагать «подлинную героическую» историю Италии, в которой она — страна-союзник, победившая нацистскую Германию.

А. С. В какой стране самые противоречивые учебники, а в какой, наоборот, самые однозначные?

Н. Л. Мне кажется, что самые противоречивые у нас. В одном учебнике катынский расстрел — это преступление, в другом — месть за 1920 г. В одном учебнике депортация народов — это государственное преступление, а в другом — сначала пять страниц текста, обосновывающего депортацию. Разное отношение к действиям союзников, фигура Сталина. Да даже количество жертв, партизан, коллаборационистов может очень сильно отличаться. Но наши учебники — это некое идеологическое болото, иначе говоря — свобода мышления, можно читать либерального автора или, наоборот, консерватора, а если посмотреть на немецкий учебник, то он идеологически вылизанный, правильный, но тут уже вопрос — нравится такой учебник или нет?

А. С. Назовите самые болезненные вопросы для стран, участвующих в выставке?

Н. Л. В Чехии самый болезненный вопрос — это отсутствие сопротивления как такового. Литва и Польша — участие литовцев и поляков в Холокосте. В старых польских учебниках упоминаются события в Едвабне, когда поляки совершили массовое

убийство евреев, сейчас, видимо, такие учебники будут вне закона. В России целый набор спорных вопросов, связанных с политической ориентацией: отношение к странам Запада (преобладает мнение, что союзники намеренно оттягивали открытие второго фронта), политике Сталина.

А. С. А можете назвать какой-нибудь вопрос из истории Второй мировой войны, в трактовке которого существует максимально возможное согласие разных стран?

Н. Л. Выставка неслучайно называется «Разные войны», война накладывается на огромное количество внутренних проблем в каждой стране. И за эти 70 лет каждая война обросла еще большим количеством проблем, поэтому и в учебниках войны разные. Мы можем говорить про одно и то же событие — пакт Молотова — Риббентропа (или пакт Сталина — Гитлера, как на Западе), но все будут говорить о разном. У нас, например, некоторые авторы задаются вопросом, этично было заключать такой пакт или нет, другие считают, что пакт соответствовал духу времени, а у поляков даже во-

проса про этичность не возникает в принципе.

А. С. Как можете охарактеризовать итоги выставки?

Н. Л. Было очень интересно наблюдать, как выставка путешествует по России, Европе, как проходили обсуждения, семинары, какие задавались вопросы и какие озвучивались проблемы. У меня нет статистики, но с выставкой соприкоснулись тысячи людей, и, хочется верить, что, придя на нее, они задумались, а это главное.

А. С. Поделитесь планами на будущее.

Н. Л. Из планов — уже готовится новый проект, посвященный миграции. Хочется изучить вопрос, как влияет тоталитарное прошлое на нынешние предпочтения, например, как любовь к Муссолини влияет на любовь к Лиге Севера в Италии. Также есть идеи провести двусторонние выставки со странами, которые не попали в наш проект, желание уже высказали Венгрия и Австрия.

DIFFERENT WARS. INTERVIEW WITH N. A. LOMAKIN — CURATOR OF THE EXHIBITION "DIFFERENT WARS"

Lomakin Nikita A. — researcher, International Memorial (Moscow)

Key words: World War II, historical memory, historical exposition, Germany, Poland, Baltic countries.

Abstract. An interview is published with the organizer of the exhibition, which aims to reflect differences in views in different countries on the same events of the Second World War.

«МОЯ ОБЯЗАННОСТЬ ЧЛЕНА ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ ВЫСКАЗЫВАТЬСЯ, ЕСЛИ Я ВИЖУ, ЧТО ДИССЕРТАЦИЯ СЛАБАЯ». Интервью с С. А. Ивановым

Ключевые слова: Византия, Константинополь, Московская Русь, российская государственная традиция, культура и власть, научное сообщество и власть.

Аннотация. Крупный отечественный историк-византинист размышляет о византийском влиянии на российскую государственность и русскую культуру, о взаимоотношениях культуры и власти, науки и власти в разные эпохи, касается ряда других проблем, волнующих российское научное сообщество.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-331-340

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. На портале «Православный мир» я прочел интервью (www.pravmir.ru/professor-sergej-ivanov-ob-igre-so-smyslaminaslednikax-vizantii-i-uploshhenii-obrazovaniya/), в котором вы рассказали, что уже в 7-м классе начали заниматься латинским

языком с индивидуальным преподавателем. Что в столь раннем возрасте повлияло на ваше решение заниматься не просто гуманитарной наукой, а специализироваться на древней истории и филологии — семья, учителя? Почему вы решили стать ученым?

© Историческая Экспертиза, 2018
Иванов Сергей Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Школы филологии НИУ ВШЭ и филологического факультета СПбГУ (Москва — Санкт-Петербург); sredveka@gmail.com

С.И. Нет, не семья, не учителя. Это как-то само зародилось. Такое бывает. Для меня самого это не ясно. Но с детства мне была интересна древность. Когда я это про себя осо-

знал, я решил, что нужно немедленно что-то выучить. И я пошел учить латынь. Не знаю... У меня нет ответа на этот вопрос.

С.Э. Известное представление, что люди уходили в древнюю историю, в археологию и т.д., чтобы вырваться из-под идеологического давления советского государства. Есть две версии, объясняющие это. В западной литературе утверждается, что за этим стояла идея сопротивления системе, такое тихое диссидентство. А профессор Юрчак в книге, которая широко обсуждалась, обозначил этот феномен красивым термином: «перформативный сдвиг», за которым стоят достаточно простые вещи — люди ходили на комсомольские собрания, не спорили с начальством, но при этом занимались своими делами. Как бы вы охарактеризовали среду, в которую попали во время учебы и позже, когда вы работали в Академии наук? Были ли там такие тенденции, или обе эти точки зрения преувеличивают ситуацию?

С.И. Я не согласен с построениями моего друга Алексея Юрчака. Он описывает не мой социальный слой. В его слое, наверное, было именно так, но в моем слое не было людей, относившихся к власти как к какому-то фону, которого не замечали. Нет, это был фон, который активно не любили все, в том числе и я. Вокруг меня не было ни одного человека, который бы относился к этому фону равнодушно.

С.Э. То есть эта субкультура была сопротивлением власти?

С.И. Сопротивление — слишком громко сказано. Были люди, активно сопротивлявшиеся, диссиденты — я перед ними преклонялся. Но я не обладал их храбростью, поэтому это было внутреннее сопротивление. Правильнее будет назвать это тотальным неприятием.

С.Э. Вы говорите, что язык — это не просто инструмент общения, а еще и средство построения картины мира. И в этом смысле древнегреческий язык и латынь — каждый по-своему — формируют взгляд на мир. Я обратил внимание на то, что Древняя Греция является неким полигоном, на котором развивается философская мысль Нового времени — Ницше был «классиком»; Шпенглер был математиком, но диссертацию он тоже защищал по древнегреческой философии; из наших — это Ольга Фрейденберг, которую критикуют с филологической точки зрения, но я считаю, что ее работы именно философские; еще бы я назвал Михаила Константиновича Петрова и его выдающуюся книгу «Знак культуры» — он тоже филолог-классик, но книга эта — на мой взгляд — незаслуженно незамеченная в нашем обществе философская работа. Поскольку вы много занимались греческим языком, вы могли бы сказать — почему не Рим, не Древний Египет, а именно Греция? Почему современные философские направления тоже выходят из Греции?

С.И. Греция сформировала Рим в культурном смысле. К тому моменту, когда греки стали образовывать римлян, римская культура была до-

вольно груба. Римляне сами признавали недостаточную развитость своей культуры. Поэтому здесь не может быть никакого сравнения. А что касается Египта, то вместе с Китаем и Месопотамией это были важные системы. Но они не оказали влияния на европейскую культуру, сформированную и греческой философией, и римским правом, и христианством, и европейской схоластикой. Никакая абстрактная мысль Европы не может обойтись без того набора терминов и понятий, который создан греками. Так что это очень естественно.

С.Э. В непрофессиональной среде слово «Византия» употребляется как само собой разумеющееся. Однако само обозначение Империи ромеев, как они себя сами называли, возникло гораздо позже, уже после ее падения. Как вы считаете, почему было выбрано именно такое название, стояло ли за этим стремление отказать восточному христианству в римском наследии и сделать наследниками Рима только запад христианской Европы? Можно ли говорить об аналоге «ориентализма» в данном случае?

С.И. Я думаю, неправильно применять «ориентализм» к XV в. Византия — это античное название, так что ничего оскорбительного в нем нет. И сами греки, когда хотели архаизировать свою речь, использовали это название, правда, применительно не ко всей империи, но конкретно к Константинополю. Европейцам же нужно было каким-то образом обозначить, что эта империя не римская. Все знали, что такое Рим — он

находится в Италии. И как-то нужно было назвать страну, в которой говорят по-гречески, а латынь не знают. Называть ее по-прежнему Римской — только сбивает с толку. Это и сегодня так. У меня недавно была дискуссия с американским византинистом, профессором Энтони Калделлисом. Он настаивает на том, что «Византия» — неправильный термин и нужно вернуться к идее преемственности от Римской империи. Но мы же понимаем, что речь идет о другой сущности: Византия — не Римская империя на протяжении большей части своей истории. Все понимают условный характер этого обозначения. И если уж это понятие есть, давайте им пользоваться. В конце концов, например, одним и тем же словом — «болгары» — именовали себя и азиатские кочевники, и славянский оседлый народ на Дунае. Но это оказывается неудобно, и значит, нужно придумать какой-то новый термин про кочевой народ, основавший это государство, чтобы отличать его от славян. Например — «протоболгары». Важно, чтобы термины не сбивали с толку. Так и с «Византией» — у нас есть готовый термин, и, при всей условности его характера, его не нужно рассматривать как неправильный или оскорбительный.

С.Э. Его начали применять в XV в.?

С.И. Если быть точным, то при Мехмете Завоевателе итальянцы вычеканили для него очень красивую медаль с его профилем, на которой было написано по-латыни, что он император Византии. Так что термин начал использоваться сразу после гибели самой империи.

С. Э. То есть какого-то идеологического смысла в замене названия не было?

С. И. Ну, если хотите, то только позитивный. Потому что византийские интеллектуалы бежали в Италию, и были там интересны не сами по себе, а как физические носители («носители под мышкой») свитков и книг с античными сочинениями. Поскольку в Италии расцветал Ренессанс, они пришлось ко двору, потому что могли обучать греческому языку. Разумеется, им самим было выгодно представить себя как потомков античного Византия, а не христианского Константинополя. В этом смысле они не меньше приложили руку к возникновению этого обозначения.

С. Э. Вы говорите, что они представляли не христианскую, а древнюю идентичность и приносили с собой дохристианские сочинения, чтобы поднять свой статус. А я обратил внимание, что в Эрмитаже сейчас открыли ранее закрытые залы византийского искусства, и там представлено огромное количество античных сюжетов, которые с точки зрения христианства смотрелись кощунственно. Не думаю, что подобное было столь распространено на западе Европы в то время. Как вы считаете, чем это объяснялось?

С. И. Это объяснялось тем, что античная образность была частью фундамента византийской культуры. Она состояла из христианской идеологии, римской власти и греческой культуры во всех ее видах. Еще в VI в. н.э. античная образность,

языческая мифология уже были легитимизированы. Причем это было при дворе того самого императора Юстиниана, который жестоко казнил последних реальных язычников. Так что он прекрасно понимал конвенциональный характер этой культурной игры. Для него это было формой доказательства, что его империя продолжает быть Римской империей, опирающейся на греческую культуру. Так было и в раннюю византийскую эпоху, немного прекратилось в VII–VIII вв., но потом снова расцвело в IX в. во время так называемого Македонского ренессанса. Потом, уже на протяжении всей Византии античная образность — так или иначе — была частью византийской культуры.

С. Э. Существует историософское представление о том, что Россия является наследницей Византийской империи. Об этом говорят не только у нас, но и на Западе, где существует множество историософских работ, объясняющих рабство и деспотичность России как наследство византийских традиций. В ваших лекциях вы говорите, что Россия, напротив, не так много заимствовала у Византии.

С. И. На мой взгляд, она заимствовала гораздо меньше, чем это принято думать. В ту эпоху, когда Древняя Русь находилась в активном контакте с Византией, ее политическое развитие было не таково, чтобы заимствовать что-либо важное. Империя была неслыханно развитым государством с огромным чиновничьим аппаратом, с невероятно сложной структурой цивилизации. А Русь была молодым государством.

Она была в гораздо большей степени военизированным образованием, похожим на своих соседей в Польше, в Скандинавии — это именно те протогосударства, которые возникали на пустом месте. Им нечего было заимствовать у древней цивилизации. Приведу пример. Окружение князя называлось «дружина». Старшая и младшая дружина. Что такое «дружина»? Это воины. Они могут выполнять — и выполняли — административные функции, но по своему самоощущению они люди военные со всеми вытекающими последствиями. Византией же управлял чиновный класс, воспитанный на совершенно других принципах, живший другой моралью и другой философией. В Константинополе были десятки министерств, там были письмоводители, производившие огромное количество бумаг, которые в свою очередь имели документооборот. На каждом императорском рескрипте, чтобы он вступил в силу, должны были возникнуть еще десятки чиновничьих подписей. И где всему этому место в такой молодой организации, как Древняя Русь? Что-то похожее стало возникать только в Московском царстве. Но Московское царство имело дело уже с погибшей Византией — с образом Византии, а не с ней самой. Московиты подделывались под этот образ по своим представлениям, например Алексей Михайлович в XVII в. Но это не было реальное влияние Византии. Московиты брали то, что хотели, для приспособления к своим нуждам. Я не готов называть это влиянием.

С. Э. Вы говорили, что когда стало возникать Московское царство

при Иване III, то уже не было особого почтения к грекам, хотя жена самого Ивана была византийской принцессой.

С.И. Часть греков бежала в Италию, другая — в Московию. Конечно, некоторые из них подталкивали того же Ивана III на то, чтобы отправиться походом освободить Царьград. На мой взгляд, эти греки не имели никакого влияния. Достаточно посмотреть на стольный град — на Москву. Есть ли в Москве хоть что-нибудь, что в реальности его истории свидетельствовало бы о заимствовании византийских культурных моделей? Золотые ворота есть в Киеве и во Владимире, а в Москве нет. Святая София есть в Киеве и в Новгороде, а в Москве никто не построил Святую Софию. Могли бы, но не построили, потому что это казалось не важным. В Московии реальная власть — не отдельные идеологи — а реальная политическая власть тогда не была заинтересована в обращении к этой византийской модели. Что касается супруги Ивана — Софьи, то брак с ней был плодом комбинаций папы римского, который стремился склонить Иоанна в католичество. Заодно венецианцы надеялись, что Москва вступит в коалицию против турок. Но это были их расчеты, а царю это было совсем не интересно. По моему мнению, он сам не считал, что, женившись на Софье, стал византийским императором. Во всяком случае, нигде в документах это не прослеживается.

С. Э. Вы говорили о том, что брат Софьи пытался продать Ивану III титул императора, и Иван отказался.

С. И. Мы не знаем, пытался ли он. Но знаем, что он дважды бывал в Москве и, в конце концов, после этих визитов продал свой титул французскому королю. Значит, можно предполагать, что Ивану он тоже предлагал титул, но царь решил его не покупать, т. к. оно того, что называется, не стоило.

С. Э. А двуглавый орел как-то связан с византийской традицией, или это все же из Австрии пошло?

С. И. Я не специалист по геральдике, но историки геральдики говорят, что тот орел, который появляется впервые на печати Ивана в 1490-х гг., по своему облику копирует австрийского орла, а вовсе не палеологовского. Хочу добавить, что двуглавый орел, собственно, не был гербом и символом Византии. Он был гербом династии Палеологов.

С. Э. Формулу: «Москва — Третий Рим» постоянно воспроизводят как источник русского империализма. Какова была судьба этого высказывания монаха Филофея, предложившего эту концепцию?

С. И. Сама эта формула, мне кажется, играла для Филофея не столь важную роль, как это позже было ему приписано. Это небольшие абзацы по одной-две фразы в двух сочинениях Филофея, но ни одно из них не посвящено этому в целом. Это большие трактаты. Один из них посвящен обличению астрологии, а другой — обличению содомского греха. И то, и другое не имеет прямого отношения к роли Москвы. У него была такая эсхатологическая

теория, которая тогда, когда писалась — в начале XVI в., — не сыграла никакой роли. Но в конце XVI в., когда Борис Годунов и царь Федор решили, что Москве нужен собственный патриарх, ее вынули на свет божий. Некоторое время эта теория имела политическую актуальность, но только в этом контексте — добиться от Константинополя разрешения на то, чтобы Москва имела своего патриарха. А добившись этого, довольно быстро забыли о «Третьем Риме». О том, что Москва — Третий Рим, помнили старообрядцы. В их среде это жило. А само государство, церковь — не помнили. Эта формула стала актуальна, когда опубликовали сочинения Филофея в XIX в. Тогда, действительно, возник интерес к Константинополю уже у Петербургской империи. И тогда это совпало с определенными политическими чаяниями, теориями, построениями и т. д. Но это уже была середина XIX в. Кстати, если говорить о Пушкине во время его дискуссии с Чаадаевым, он даже не знал тогда, что Москва — это Третий Рим.

С. Э. У меня вопрос о принятии христианства. Известно же, что были посольства с предложением крестить и из Рима. Почему киевские князья решили креститься по византийскому образцу? Что их привлекало: богатство Византии, или на то были какие-то другие причины?

С. И. Я думаю, что соображения престижности играли большую роль. Действительно, это был пик так называемого Македонского ренессанса, когда империя стремительно рас-

ширялась и была на подъеме. Наряду с другими факторами это сыграло свою роль. Но не были закрыты и другие опции: например, княгиня Ольга посылала за епископом даже и в Рим. Другое дело, что потом это не сработало, но она не исключала для себя такой возможности совсем. Вообще тот рассказ, который включен в Летопись («Повесть временных лет»), он отражает более поздний период – уже рубежа XI–XII вв. А на самом деле отношения с Римом были очень спокойными и дружескими, и никакой враждебности не было. Недаром же сейчас все так радуются мощам Николая Мирликийского. А между тем это некая загадка: почему перенесение мощей Николая из византийских Мир Ликийских в итальянский (в сущности, католический) город Бари превратилось в событие, празднуемое Русской православной церковью? Никто не задается этим вопросом. Но на самом деле западное христианство тогда не воспринималось как нечто чуждое.

С.Э. Был такой исследователь со скандальной репутацией – Аполлон Кузьмин. Он выдвигал версию о том, что на Руси христианство принимали несколько раз. Особо он выделял посредничество ирландских монахов и в качестве аргумента приводил тот факт, что основные понятия христианства на русском языке взяты не из греческого языка, а из латыни – это «крест», «церковь» и многие другие. Что вы об этом думаете?

С.И. Ирландцы, конечно, доходили до Руси – это доподлинно известно.

Но они не оставили существенного следа в русском христианстве. А все эти слова латинского происхождения понятно откуда взялись – они вошли в кирилло-мефодиевский язык. Кирилл и Мефодий застали в Центральной Европе довольно мощный слой христианской лексики латинского происхождения, поскольку Центральная Европа была христианизована еще до их прихода туда. Кирилл и Мефодий не были крестителями Великой Моравии. Поэтому они приняли многие слова, которые уже застали в готовом виде. И потом эта лексика стала частью церковно-славянского языка, искусственного литературного языка, созданного Кириллом и Мефодием. Эта лексика потом перешла в Болгарию, а из Болгарии на Русь. Нет оснований ставить это под сомнение.

С.Э. То есть когда они пришли к славянам, те уже использовали в своем языке слова «церковь», «крест»?

С.И. Да, они пользовались этими словами. Это хорошо видно, например, из некоторых христианских терминов венгерского языка. Когда венгры пришли в Паннонию, они уже там застали христианизованное славянское население (христианизованное с Запада – из Германии главным образом). Пришли монахи, естественно, насаждавшие латынь в качестве христианского языка. Эти термины укоренились, и многие из них были переняты.

С.Э. А ко времени крещения Руси язык Кириллом и Мефодием уже был создан и слова эти были в пользовании?

С. И. Язык уже был не просто создан, он существовал уже более 100 лет, был вполне развитым и обогатившимся. Но, разумеется, подавляющее большинство слов там все-таки греческие: или кальки с греческого языка, или греческие заимствования. Но поскольку некоторые латинские слова там уже были, то их не стали менять.

С. Э. Поскольку наш журнал занимается проблемами памяти, я хотел бы задать вопрос: как в нашей стране существует память о Византии? Если смотреть по-дилетантски, то, на мой взгляд, память о Византии существует только в связи с внешними к ее истории событиями: крещением Руси, с четвертым крестовым походом. Ее почти нет в художественной литературе. В гораздо большей мере в массовом сознании присутствуют Древние Греция и Рим, средневековая Европа, но практически нет Византии. Чем это объяснить? И еще один вопрос в связи с современностью, в частности, с фильмом Шевкунова — почему этот взлет византизма? Наверное, даже Леонтьев не мечтал о том, чтобы эта идея была так популярна.

С. И. Почему она не отложились в виде каких-то ярких матриц, я думаю, понятно. За эти образы отвечают культуры-преемницы. Скажем, за западное средневековье отвечают страны Западной Европы. А Греция, являющаяся прямой наследницей Византии, в конституировании своего образа слишком большое внимание уделяла античной Греции, грекам важно было доказать, что они ее преемники. Поэтому

Византия стала некой исторической сиротой. Действительно, нет ни одной современной культуры, которая бы прямо считала себя ее наследницей. Это ответ на Ваш первый вопрос. Все-таки под европоцентризмом мы понимаем сконцентрированность на средневековье Западной Европы.

А что касается современного взлета интереса в России к Византии, то он вызван, мне кажется, глубоким ценностным кризисом, который мы переживаем. Коммунистическая идеология была совершенно дискредитирована, а либеральные рыночные реформы потерпели крах; при этом Россия является империей (в смысле многонациональности), поэтому она даже не может разыграть карту русского этнического национализма — это натолкнулось бы на ряд проблем в Поволжье, на Кавказе, в Сибири и т.д. И в этих условиях создается некий идеологический вакуум. Начинаются попытки доказать, что мы хоть и не Европа, но в каком-то смысле не хуже. Для этого власти нужна Византия, поэтому она и была вытащена на свет божий.

А что касается пастиша, устроенного Тихоном Шевкуновым, то это было очень конкретное политическое высказывание. Разумеется, оно антизападное, антилиберальное и т.д., но главным образом оно было актуально в начале 2008 г., в обстановке слухов о «третьем сроке» Путина и подготовки к передаче власти Медведеву. Это был некий вопль к правящей элите не обращаться снова к либеральным и западным методам. Такая почти непри-

крытая гипербола, к Византии совсем уж не имеющая отношения.

С.Э. Мы обсуждаем в журнале «Историческая экспертиза» положение современных ученых в России. В том же интервью «Православному миру» вы говорили об атомизации общества, порождающей проблемы с наукой, образованием и т.д. А как вы считаете, можно эту ситуацию преодолеть в нашей профессиональной корпорации, и если можно, то что нужно для этого делать?

С.И. Мне кажется, это тот вопрос, который человек не должен себе задавать. Если он принадлежит к сообществу, он должен пытаться сделать его лучше, пытаться как-то работать на это. А получится или не получится, это от нас уже не зависит. Ситуация в действительности довольно трагична. У нас это проблема общества в целом — оно невероятно атомизировано. Уровень доверия на нуле. Никто никому ни в чем не доверяет. Очень плохо с коллегиальными корпорациями и чувствами. Людей трудно собрать и побудить их хотя бы на написание рецензий друг на друга — если это не с целью похвалить друга или обругать врага, а просто разобрать книгу. За это не платят денег, и считается, что заниматься этим — мало чести. Наши западные коллеги считают это частью своей профессиональной жизни, а в России не так. Это, как ничто другое, указывает на расщепление данного сообщества.

С.Э. Мы понимаем, что это плохо. А как сделать лучше? У вас есть ка-

кое-то видение, как изменить ситуацию в научной исторической среде?

С.И. У меня нет готовых рецептов. Каждый человек на своем месте должен думать, какие у него обязанности. Ну, например, если человек член диссертационного совета, то он должен серьезно относиться к своей функции — хотя бы прочитывать автореферат той диссертации, в защите которой он участвует. Он не должен автоматически поднимать руку, он не должен пропускать фальшивые и халтурные диссертации, он должен за этим следить. Я являюсь членом одного диссертационного совета и стараюсь именно так делать. Я не могу сказать, что это приятно и легко. Гораздо проще не обращать внимания, не тратить время, просто проходить, расписываясь в листе участия и тихонько сбегать с защиты. Такого много, это все мелкие вещи, но именно они составляют суть корпоративного чувства.

С.Э. В 2011 г. у вас вышла монография про Константинополь, прошло шесть лет. Каковы ваши творческие планы?

С.И. Я думаю, что в ближайшие полгода у меня выйдет в соавторстве с двумя учеными дамами издание одного очень важного византийского текста «Житие Василия Нового» по-гречески и в древнерусском переводе. Я занимаюсь житиями как литературой, и, может быть, про это еще что-нибудь напишу.

С.Э. Если говорить о долге ученого, то я хотел отметить, что вы же

постоянно читаете популярные лекции!

С.И. Да, но я не считаю это долгом. Если человек хочет находиться в своей научной скорлупе и не выходить на широкую публику, он имеет на это право и не обязан заниматься публицистикой. Членство в ученом совете — это обязанность даже такого ученого, который не хочет выходить к публике, потому что это

внутрицеховое дело. А вот с публикой кто-то любит общаться, кто-то нет. Мне кажется, что мне иногда удается что-то донести до людей, не являющихся узким кругом специалистов и коллег. И я считаю это частью своих обязанностей.

С.Э. Я был на одной из ваших лекций и хочу отметить, что вы потрясающий лектор! Спасибо, это очень важное и нужное дело!

“MY DUTY AS A MEMBER OF THE DISSERTATION COUNCIL IS TO SPEAK OUT IF I SEE THAT THE THESIS IS WEAK”. INTERVIEW WITH S. A. IVANOV

Ivanov Sergey A. — doctor of historical sciences, professor of the School of philology of HSE and the faculty of philology of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: Byzantium, Constantinople, the Moscow Kingdom, Russian state tradition, culture and power, academic community and government.

Abstract. A prominent Russian expert on the Byzantine history reflects on the Byzantine influence on Russian statehood and culture, on the relationship between culture and power, science and government in different epochs, and concerns some other issues actual for the Russian academic community.

«В 1612 НАРОД ОБЪЕДИНИЛСЯ...» ПОТОМУ, ЧТО ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА БЫЛА НЕ В СОСТОЯНИИ ЧТО-ТО СДЕЛАТЬ».

Интервью с Б. Н. Флорей

Основные труды:

- Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973.
- Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
- Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
- Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М., 1992.
- Иван Грозный. М., 1999 (2-е изд.: М., 2002).
- У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004.
- Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
- Исследования по истории Церкви: древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.
- Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010.

- Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства (соавтор). М., 1982.
- Судьбы славянской письменности после Кирилла и Мефодия (соавтор). СПб., 2004.
- Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1–2. М., 1996, 1999 (отв. ред.).
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1–2. М., 1998, 2001 (соавт.).
- Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002 (отв. ред.).
- Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество / Институт славяноведения РАН. М., 2005.
- Исследования по истории церкви: Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007.
- Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 2009 (отв. ред.).
- Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.

© Историческая Экспертиза, 2018
Флора Борис Николаевич – историк-славист, член-корреспондент РАН, профессор кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ (Москва); sredveka@gmail.com

Ключевые слова: Московская Русь, Иван Грозный, Смутное время, русско-польские отношения, историческая наука в эпоху оттепели.

Аннотация. Крупнейший российский историк-славист и медиевист вспоминает основные вехи своего жизненного пути, высказывает свои оценки некоторых ключевых событий и персоналий отечественной истории.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-341-351

Беседовал К. Ю. Морев, кандидат философских наук

К. М. Борис Николаевич, первый вопрос у нас традиционный. Как вы решили стать историком? Кто были ваши учителя?

Б. Ф. Все было довольно просто. Мой дед, по специальности юрист, был в то же время большим любителем истории. Самого деда я не застал, он умер за несколько месяцев до моего рождения. Но в доме осталась большая библиотека соответствующей литературы. Думаю, знакомство с ней и оказало самое большое влияние. А потом, когда я был в девятом классе, я пошел в университет — искать контактов.

К. М. Это было в Москве?

Б. Ф. Да, конечно.

К. М. Вы и родились в Москве, получается?

Б. Ф. Да. Дед здесь работал в Верховном суде, потом адвокатом.

К. М. А что было в его библиотеке, что вас заинтересовало?

Б. Ф. Ну, например, полное собрание сочинений Карамзина. Были сочинения Сергея Федоровича Платонова, его книга о Смутном времени.

К. М. Их прочтение вас подтолкнуло к тому, чтобы идти на истфак МГУ?

Б. Ф. Да. Кроме того, тогда были разнообразные кружки. Сейчас с этим похуже, а тогда это было: их вели молодые преподаватели, иногда студенты старших курсов. Я попал в один из таких кружков. Некоторое время ходил, а потом мне сказала девушка, которая его вела: «Вам здесь делать нечего. Идите лучше на кафедру. Может, там кто-то будет с вами заниматься». Я тогда был в девятом классе. И я пришел на кафедру истории СССР периода феодализма, как она тогда называлась, и стал заниматься у Анатолия Михайловича Сахарова.

К. М. Получается, еще до поступления?

Б. Ф. Да. И, на мое счастье, Анатолий Михайлович Сахаров был главным экзаменатором по истории, когда я поступал. У меня не хватало сколько-то баллов, и, в общем, он помог мне поступить.

К. М. А процедура экзаменов тогда была такой же, как и в более позднее время: сочинение, иностранный язык, история?

Б. Ф. Не совсем так. Было сочинение, действительно. Я по нему как раз получил четверку. Но был еще очень сложный экзамен по географии. Я помню, что я отвечал по билету, и преподаватель мне потом задал пятнадцать вопросов по самым разным темам. Собственно говоря, экзамен был формально по географии Советского Союза, но вопросы задавались по всему миру. В общем, это был самый сложный экзамен.

К. М. Вы учились в середине — конце пятидесятих годов?

Б. Ф. Да, я поступил в 1955 г. Когда я пришел в университет, меня выбрали представителем на общеуниверситетском собрании комсомола. Там я увидел, что одну девушку исключали из комсомола за то, что она скрыла, что ее родители были «врагами народа».

К. М. Хотя это было уже после смерти Сталина...

Б. Ф. После смерти Сталина, но еще до XX съезда. На первом курсе я с таким столкнулся. А потом был уже XX съезд и обстановка поменялась.

К. М. А среди студентов все это обсуждалось?

Б. Ф. Все это обсуждалось после XX съезда. Доклад Хрущева вначале был секретным, но на каком-то этапе его стали везде зачитывать. Наш курс собрали, и один наш преподаватель, кажется, Михаил Тимофеевич Белявский, публично этот доклад зачитывал. Так что обсуждения были, как без этого.

К. М. То есть атмосфера оттепели чувствовалась?

Б. Ф. Чувствовалась. Я помню, что были большие собрания, доклады, дискуссии, причем по XX в. Многие ходили слушать. Не знаю, кем они точно были инициированы. Потом, как вы понимаете, я должен был сдавать историю партии. Так вот, историю партии мы сдавали, а учебника-то по ней не было — потому что имевшийся учебник после XX съезда был осужден за догматизм. Он был подготовлен как раз кафедрой истории КПСС исторического факультета. Мы были в трудной ситуации, но как-то выходили из положения. Ориентировались на семинары, на лекции преподавателей. Вообще, надо сказать, что, действительно, эпоха хрущевской оттепели производила сильное впечатление, потому что было ощущение, что жизнь заметно меняется к лучшему — в самых разных отношениях. Потом, к 1968 г., это сошло на нет. Вступление советских войск в Чехословакию произвело тяжелое впечатление на ту среду, в которой я вращался. А тогда, после 1956 г., когда я работал в археографической комиссии, там говорили, что наконец-то можно напечатать большое количество документов о Гражданской войне! Почему именно тогда? Потому что под многими документами стояла подпись Троцкого, как военного министра. Так вот, эти документы нельзя было печатать, а после XX съезда их стали печатать.

К. М. Я читал, что в начале пятидесятих многих преподавателей старой школы увольняли, именно в позднесталинское время...

Б. Ф. Этого я уже не застал. Но мне рассказывали такую вещь, которая произвела на меня впечатление. На лекции Застенкера посылали людей, которые записывали то, что он говорил. Потом его вызвали в партком и стали спрашивать: «Вы говорили то-то и то-то? Вот, значит, нам придется меры принять». Застенкер им отвечал: «Это сказал Ленин, это сказал Маркс». И потом он объяснял, что в то время его лекции состояли из цитат. Но я этой ситуации уже не застал. Я знаю это только по рассказам.

К. М. А кто у вас преподавал? Были какие-то яркие личности?

Б. Ф. Прекрасные лекции по средним векам читал Сергей Данилович Сказкин. Хорошие лекции были у Льва Владимировича Черепнина по средневековой истории России. Сначала еще не было запрета на совместительство — многие преподаватели работали в разных местах. Черепнин был сотрудником Института истории и одновременно преподавал в университете. Потом Хрущев это запретил.

К. М. Какой был стиль чтения лекций у того же Сказкина, например?

Б. Ф. Трудно сказать. В целом — самый обычный, четкий, ясный. Единственное, что время от времени он спрашивал: «Понятно, что я говорю?» Мне было все понятно, но, видимо, он знал, что не все могут понять, у него были опасения. Вот это единственное, что, так сказать, выходило за рамки стиля чтения лекций.

К. М. А Михаил Николаевич Тихомиров?

Б. Ф. Он был моим научным руководителем, но при мне он уже сильно болел. Но мои старшие товарищи говорили, что читал он плохо.

К. М. Как раз в то время, когда вы учились, шло известное «дело Краснопевцева». О нем как-то говорили?

Б. Ф. Краснопевцева, конечно, все знали. Это был человек с большим обаянием. Когда я поступил, он был секретарем комсомольской организации истфака. Уже в позднее время, когда мы разговаривали с людьми старшего поколения, которые с ним вместе учились, они говорили, что в годы Сталина он был чистой воды сталинист. Я знаю, что он выпустил воспоминания. Я их, правда, не читал, но, как мне сказали, о том, что он был сталинистом, там ничего нет.

Тут странная история. Я в девяностые — двухтысячные долгое время работал в качестве члена экспертного совета РГНФ. Фонд несколько раз давал грант на написание работы о деле Краснопевцева. Но на моей памяти ни разу такая работа не была выполнена. Почему — не знаю.

К. М. Но когда вы пришли, он был еще «в системе»?

Б. Ф. Ну, о сталинизме, конечно, речи не было, т. к. это уже было после XX съезда.

К. М. Но я к тому, что таким диссидентом, как впоследствии, он не был?

Б.Ф. Все это происходило как бы в скрытом виде. Одним из участников этой истории был Николай Николаевич Покровский. Он был учеником Михаила Николаевича Тихомирова, впоследствии стал академиком Сибирского отделения Академии наук. А тогда он был молодым преподавателем. И идея была такая: надо создавать кружки, привлекать молодежь, а там уже смотреть дальше — кого можно привлечь к этой тайной деятельности. И вот Покровский меня уговаривал сделать кружок по критике буржуазной историографии. А мне это было как-то неинтересно, я историографией никогда не занимался. И потом уже я понял, в чем был смысл этого. У них было, видимо, желание привлечь меня к этой работе. Но так как все было в скрытом виде, то никаких разговоров об этом я не слышал. Потом, конечно, был большой шум, когда все это открылось.

Мы очень сочувствовали тем, кто пострадал. Там были те, кто слышал какие-то разговоры, кому эти разговоры не понравились, они их прервали — но они никуда не сообщили. И во время следствия людей выгоняли из университета и из комсомола именно из-за того, что они не сообщили «куда следует». Вот им мы очень сочувствовали.

К.М. То есть кампания по проработке шла?

Б.Ф. Конечно, людей исключали. Но нас это касалось очень косвенно, т. к. я был с младшего курса.

К.М. Я к тому, что XX съезд еще не означал повсеместной демократизации.

Б.Ф. Ну, там были вообще некоторые очень глупые истории. Как-то раз нас собрали, не помню уже на каком курсе, но после XX съезда. «Ваши студенты совершили непростительный проступок». Какой же? Какой-то сотрудник американского посольства стал приходить [в университет], вроде бы его интересовала история. Потом он стал ходить играть в баскетбол с некоторыми студентами. Ну, вроде и ладно. А дальше после какой-то очередной игры он спросил: «Ребята, вам куда надо? Давайте я вас подвезу». Может быть, куда-то в общежитие. Он их подвез, и именно это им вменили в вину: «Эти люди переместились на территорию иностранного государства, когда они сели в машину дипломатического работника!» Было долгое такое наставление на эту тему, хотя я не помню, чтобы это имело какие-то последствия.

К.М. Интересно. А после окончания университета вы пошли в аспирантуру?

Б.Ф. Нет. Михаил Николаевич устроил меня на работу в археографическую комиссию. Я несколько лет там работал. А она в силу разных обстоятельств входила (и сейчас входит) в состав Института славяноведения. Вот таким образом я оказался сотрудником Института славяноведения.

К.М. То есть у вас совсем немного записей в трудовой книжке?

Б.Ф. Так и есть. Причем я не предполагал заниматься историей славян. Я оканчивал университет как

специалист по древнерусской истории, но вот так сложилось.

К. М. А в МГУ вы стали работать уже позже?

Б. Ф. В МГУ я стал работать уже после распада Советского Союза, когда стало просто жить не на что. Тогда я устроился, в 1994 г., преподавать по совместительству в университете.

К. М. Какая атмосфера была в университете в 1990-е и начале 2000-х? Не чувствовалось запустение?

Б. Ф. Не скажу, что чувствовалось запустение. Заведующий кафедрой, Леонид Васильевич Милов, был необыкновенно активным человеком. Его активность нас всех как-то поднимала. Хотя я помню, что он очень тяжело переживал все происходившее. Потом мне повезло, что меня взяли экспертом в РГНФ, это помогало и существовать, и печатать работы.

К. М. Вы много занимались Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой. Есть такое мнение, что Вильна в свое время могла претендовать на то, чтобы стать центром объединения русских земель. Насколько это обосновано?

Б. Ф. Не думаю, что такое могло быть. Довольно странная вещь: там был дикий всплеск активности, когда образовалось это государство. Странно, ведь литовцев было-то не так много, а они как-то сумели захватить большое количество земель. Объяснений на этот счет мы

не имеем, прежде всего, потому, что источников тут крайне мало. В XIV в. — да, была активность, но потом произошел спад.

К. М. Как вам кажется, может ли быть какой-то консенсус в обществе по теме Ивана Грозного? И насколько он необходим?

Б. Ф. Я не знаю, какой может быть консенсус по Ивану Грозному. То, что делал Иван Грозный, странным образом напоминает революционный трибунал Французской революции. На каком-то этапе приводили обвиняемых, и судьи должны принимать решение, виноваты они или нет, следуя революционному инстинкту. Здесь тоже так принимались решения по казни людей — без суда и следствия.

К. М. То есть для вас это герой однозначно негативный?

Б. Ф. Негативный. И как государственный деятель он имел целый ряд недостатков. Если посмотреть историю Ливонской войны, он совершил там целый ряд таких шагов, которые способствовали сближению Польши и Швеции. Например, он написал послание шведскому королю, которое того унижало и оскорбляло.

К. М. А вся его деятельность — это скорее, на ваш взгляд, следствие душевной болезни или там были рациональные моменты?

Б. Ф. Болезнь какая-то, видимо, имела место, но установить это невозможно и бесперспективно. На основании каких данных врач

мог бы делать заключение? Но важно сказать другое: без господства идеологии о том, что Москва — это третий Рим, а русский царь — это глава всего христианского мира, феномен Ивана Грозного был бы невозможен.

К. М. Хотя почву для этой идеологии подготовил скорее Иван III, который в исторической памяти занимает гораздо меньше места...

Б. Ф. Да, Иван III в памяти, как ни странно, не занимает центрального места, хотя он создатель единого государства. При нем была заложена основа очень своеобразного строя. Ведь до XIII в. был единый социальный строй в Польше, Чехии, Древней Руси. После XIII в. строй в Польше и Чехии быстро эволюционировал, а русское развитие остановилось в связи с монгольским завоеванием. А вот с конца XV в. стал складываться особый строй, который создал как раз Иван III.

К. М. Причем распространено мнение, что он стал складываться как раз по примеру Орды...

Б. Ф. Нет, это как раз миф, это очень распространенное заблуждение. Есть книга Алексея Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века». Есть большое количество записок наших послов, в том числе по поводу того, что происходит в Крыму. Был описан строй Крымского ханства, ведь это, так сказать, обломок Золотой Орды. По этим записям видно, что власть хана не была такой уж значи-

тельной. На самом деле были улусы, во главе них стоял какой-нибудь мурза, и для членов улуса он и был верховным авторитетом. Здесь мало общего с русской действительностью. Если и искать аналогии, то скорее в Османской империи. Я написал по этому поводу работу «Тимар и поместье». Османская империя — это не объединение кочевников, это держава с городами, развитой жизнью, землевладением. И есть целый ряд черт, которые сближают форму землевладения в Османской империи (тимары) и поместье. Но в тимарной системе тимариот только получал доход с поместья, но не управлял этим владением. Были переписи, он знал, где какой доход он может получить, но на этом его полномочия кончались. А помещик был хозяином, он мог управлять крестьянами, обладал административной властью и т. д. В итоге тимарная система развалилась, а поместья со временем превратились в собственность.

К. М. Мнение о том, что между Россией и Польшей с XVI в. была постоянная конфронтация — в какой степени это миф? Ведь известно, что помимо конфронтации были и большие связи. Вы в свое время говорили, что в XVII в. польская элита переходила на русскую службу...

Б. Ф. Конфронтация, конечно, была. Связано это было с тем, что русское государство претендовало на то, чтобы объединить все восточнославянские земли. Еще при Иване Грозном, когда говорили о том, какие земли нам должны принадлежать, называли Перемышль. «Вот и Перемышль!»

Но насчет перехода элиты — не совсем так. Дело в том, что в Речи Посполитой было свободное обращение земли. Происходила концентрация земельной собственности, и образовывался большой слой людей повышенного социального статуса, но не имевших собственности. Многие из этих людей, действительно, переселялись в Россию. По существу, целые армии. От XVI в. сохранились лишь отдельные свидетельства, а от XVII в. существуют целые списки этих людей. Они получали здесь землю, их приравнивали к детям боярским. Но это не была элита.

К. М. Культурных препятствий не возникало?

Б. Ф. Все это не очень понятно. Источники — это в основном записи о получении жалованья и расписки. Значительная часть людей была неграмотной, и были несколько человек, которые за них расписывались. В целом не думаю, что пребывание этих людей как-то сильно изменило жизнь русского общества.

К. М. А в Смутное время?

Б. Ф. Смутное время, конечно, сформировало такой отрицательный образ. Но далеко не все, кто участвовал в тех событиях, были поляками, хотя они и жили на территории Польши. Эти люди все назывались русскими. Поэтому когда современные украинские исследователи пишут, что «русский — это значит украинский» — это совершенно неправильно. Тогда нужно привести доказательство, что белорусы считались другим народом и назывались по-другому.

К. М. То есть эти люди себя тоже считали русскими?

Б. Ф. Нет, они себя считали русскими, а жителей Московии, может быть, и нет. Никакие источники до середины XVII в. не содержат сведений о различии белорусов и украинцев. Есть еще один интересный сюжет, связанный с польской темой — у меня была мысль заняться этим, но пока руки не доходят. Как известно, русское средневековое искусство не знало скульптуры. Но есть такой феномен, как пермская деревянная скульптура. Один молодой человек защищал диссертацию, я как оппонент ездил в Пермь и увидел там эти скульптуры. Это «провинциальное барокко». Видимо, в середине XVII в. туда, в Пермь, переселили в результате русско-польской войны кого-то с польских земель, с белорусских земель — в общем, откуда-то, где было такое провинциальное деревенское барокко. И вот в этом есть влияние. Скульптура получила там развитие. Причем, когда я стал там об этом говорить, мне сказали: «Вы никому об этом не рассказывайте». Там считают, что эта скульптура имеет местные истоки и происходит от пермских идолов, которые упоминаются в житии Стефана Пермского. Конечно, связи, особенно в XVII в., усилились.

К. М. В 1610 г., когда был избран королевич Владислав, кто в реальности управлял Московским государством?

Б. Ф. Управлял Александр Гонсевский со своим гарнизоном. Что интересно, в Речи Посполитой была такая ситуация, что простой работник кан-

целярии мог сделать карьеру, стать магнатом, как, например, Лев Сапега. Так вот, Гонсевский был из семьи писарей королевской канцелярии. И все знали, что он писарь, и для московских бояр это было унижение.

К. М. Те, кто остался в Кремле, кого стали называть «семибоярщиной», их считали изменниками в России или все-таки нет?

Б. Ф. Вопрос сложный. Во всяком случае, было ясно, что они не обладали реальной властью.

К. М. Они стали заложниками поляков?

Б. Ф. Эта версия была создана уже постфактум.

К. М. Платонов писал, что была создана «диктатура польских вождей»...

Б. Ф. Вначале так не было. У нас есть праздник народного единства, как бы в память о том, что народ объединился. Правильно, народ объединился — но он объединился потому, что правящая элита была не в состоянии что-то сделать. Когда читаешь источники, это отлично видно. Есть знаменитый рассказ о том, как Минин стал призывать к созданию ополчения. Рассказывают, что к нему явился во сне Сергей Радонежский и призвал его организовать ополчение — но он не поверил. Он стал заниматься этим только тогда, когда Сергей появился во второй раз и пригрозил ему, что он его накажет [если тот не организует ополчение]. Так вот, этот рассказ появился потому,

что нужно было объяснить, почему такой простой человек взялся организовывать ополчение. Ведь это невероятное дело. Дальше в «Новом летописце» есть показательный рассказ — «как некогда в древние времена, когда собрались простые греческие люди и спасли греческое государство, так и мы теперь». Ничего подобного не было: «простые греческие люди» не собирались и государство не спасали, но опять-таки была создана эта история, призванная дать обоснование такого рода действиям простого человека.

К. М. Праздник, который вы упомянули, может обрести реальное наполнение, на ваш взгляд? Ведь для большинства людей это события очень далеких дней.

Б. Ф. Не знаю. Надо в нем найти какой-то смысл.

К. М. Но он скорее полезен, на ваш взгляд, или он не дает ничего?

Б. Ф. Я бы сказал, не вреден. Кстати, с ним связана забавная история: я был еще давно на одном собрании, где Андрей Илларионов, который тогда был советником президента, собирал целый ряд ученых и спрашивал, мол, что вы предлагаете в качестве такого объединяющего праздника? Были разные мнения, но многие склонялись к тому, чтобы таким праздником объявить день Бородинской битвы, насколько я помню. Это было в начале двухтысячных, когда 4 ноября еще не было праздничным днем.

К. М. Седьмое ноября никто уже не предлагал?

Б. Ф. С 7 ноября вообще скандально — ведь именно 7 ноября по новому стилю ополчение Минина и Пожарского вступило в Москву! А когда меня журналисты спрашивали, почему 4 ноября празднуется, я не мог им ничего ответить, потому что это день празднования иконы Казанской Божьей Матери. Она связана со Смутным временем, т. к. эту икону несли участники ополчения, но никакого события в этот день не было. А вот 7 ноября — вступление войска в Москву.

К. М. Как трактуются сейчас в польской исторической науке события Смутного времени?

Б. Ф. Надо сказать, что в историографии XVIII–XIX вв. никто не собирался хвалить действия поляков в России. Другое дело, что происходят довольно странные вещи, например, в Польше издают журнал на русском языке, кажется, «Новая Польша», и там была предпринята попытка доказать, что польский гарнизон Москвы к польской армии никакого отношения не имел, что, конечно, совершенно несостоятельно. Я не могу даже отнести это к исторической науке. А так интерес к этим событиям, конечно, есть, высказывания идут в том духе, что «одерживались победы, хотя русская армия

была большая, а армия Жолкевского была маленькая». Например, про Клушинскую битву. Или упоминаются картины, где пленных русских монархов приводят к польскому королю, того же Василия Шуйского.

К. М. Хотел спросить вас насчет казуса Мединского. Вы голосовали за рассмотрение этой работы, хотя она так и не была рассмотрена.

Б. Ф. Я не читал эту работу. Работу эту нам не прислали. Поэтому, собственно говоря, мы не могли вынести суждение по диссертации, которую мы не видели.

К. М. Над чем вы работаете сейчас?

Б. Ф. Сейчас я пишу книгу о связях восточнославянских земель с Россией в конце XVI — первой половине XVII в. Это важный этап в развитии отношений между восточными славянами на землях России и будущих Белоруссии и Украины. В этот период происходит расширение и политических, и культурных контактов. Они становятся более богатыми и разнообразными.

К. М. Борис Николаевич, спасибо большое за интервью!

“IN 1612 THE PEOPLE UNITED BECAUSE THE RULING ELITE WAS NOT ABLE TO DO SOMETHING”. INTERVIEW WITH B. N. FLORIA

Floria Boris N. — corresponding member of RAS, professor of the Department of history of Russia until the beginning of the XIXth century, faculty of history of Moscow State University (Moscow)

Key words: the Moscow Kingdom, Ivan the Terrible, Time of Troubles in Russian history, Russian-Polish relations, the historical studies in the USSR in the era of Khrushchev's Thaw.

Abstract. Outstanding Russian historian, expert on Russian and Slavic medieval history remembers the main steps of his life, assesses some key events and personalities of Russian history.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>